

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2015

№ 5 (37)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-29498 от 27 сентября 2007 г.

Международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-8613).

Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии.

Полный «Перечень...» (редакция: 26 марта 2010 г.)

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО
ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекбай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, председатель научной редакции, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета; **Румянцев Петр Петрович**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, доцент; **Кулемзин Владислав Михайлович**, д-р ист. наук, проф.; **Ларьков Николай Семёнович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории и документоведения; **Румянцев Владимир Петрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений; **Тимошенко Алексей Георгиевич**, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой мировой политики; **Фоминых Сергей Фёдорович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой современной отечественной истории; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф.; **Черняк Эдуард Исаакович**, д-р ист. наук, проф., директор института искусств и культуры ТГУ; **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф.; **Шевелев Дмитрий Николаевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, проф.; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России Новосибирского государственного университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НОМЕРА

Нам Ираида Владимировна – ответ. ред., д-р ист. наук, проф.; **Григоричев Константин Вадимович**, д-р социолог. наук; **Дятлов Виктор Иннокентьевич**, д-р ист. наук, проф.

Номер подготовлен в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**ACADEMIC EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Chairman of the Academic Editorial Board, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History; **Rumyantsev Peter P.**, Executive Editor, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Kulemzin Vladislav M.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Larkov Nikolay S.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of History and Documentation Studies; **Rumyantsev Vladimir P.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern and Contemporary History and International Relations; **Timoshenko Aleksey G.**, PhD (History), Associate Professor, Head of the Department of World Politics; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History; **Chernyak Eduard I.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Museum Studies, Cultural and Natural Heritage, Director of the Institute of Art and Culture; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Shevel'yov Dmitry N.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ancient and Medieval History and Methodology of History; **Sherstova Lyudmila I.**, Dr. of History, Professor; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University

**EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE OF THE
JOURNAL**

Nam Iraida V. Executive Editor, Dr. of History, Professor; **Grigoriev Konstantin V.**, Dr. of Sociology; **Dyatlov Viktor I.**, Dr. of History, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА-СМИНАР «МИГРАЦИЯ И ЭТНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА»

Григоричев К.В., Дятлов В.И., Нам И.В. «Миграция и этнизация городского пространства»: научная школа-семинар	5
--	---

ЭТНИЗАЦИЯ ГОРОДА В МИГРАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

Дятлов В.И. Этнизация общественного пространства: причины и механизмы процесса	9
Трубина Е.Г. Культурное разнообразие и неолиберальный национализм: к постановке проблемы	16
Гулина О.Р. Этнизация феномена миграции в законодательстве	24
Нам И.В. «Новые» этнические группы (диаспоры) в г. Томске	33

МИГРАЦИИ И МИГРАНТЫ: ЭТНИЗАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ГОРОДА

Алексеев А.Н. Миграции и эволюция визуального пространства Усть-Каменогорска	44
Бляхер Л.Е. Специфика этнизации городского пространства «имперских городов» СССР (случай Душанбе)	52
Хизат А. Репатрианты и городское пространство Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан	61
Джанызакова С.Д., Кузнецова А.С. Красота по-азиатски: репрезентация «азиатскости» в пространстве города (на примере студенческого конкурса «Мисс и Мистер Азия – 2015» в г. Томске)	65
Карагеоргий Е.М. «Сибирские Афины» или «Греческое» в пространстве г. Томска (на примере Томской национально-культурной греческой автономии)	71

МИГРАНТЫ И ЭТНИЧНОСТЬ ВО ВЛАСТНОМ И МЕДИЙНОМ ДИСКУРСАХ

Гузей Я.С. От неприметных иностранцев до вражеских подданных: японские мигранты в общественно-политическом дискурсе Российской империи конца XIX – начала XX в.	80
Алишина Г.Н. Немцы Томска в конце XIX – начале XX в.: «немецкий след» в пространстве города	86
Тимошкин Д.О. Этническое как маркер «врага» в современном российском криминальном романе	91
Стракевич А.А. Эволюция интеграционной политики Западного Берлина на примере взаимодействия с турецкой диаспорой	99

МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ ЭТНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

Деминцева Е.Б. Создавая «гетто»: социальные кварталы Франции и их обитатели (1960–2010 гг.)	105
Пешков И.О. Новое прошлое для новых горожан: следы российского присутствия в приграничных городах Китая	113
Иванов С.А. Китайский капитал как фактор этнизации городов и сёл Приморского края	120

CONTENTS

INTERNATIONAL ACADEMIC WORKSHOP «MIGRATION AND ETHNICIZATION OF URBAN AREAS»

Grigoriev K.V., Dyatlov V.I., Nam I.V. Migration and ethnicization of urban areas: an academic workshop	5
---	---

ETHNICIZATION OF THE CITY IN A MIGRATORY DISCOURSE

Dyatlov V.I. The ethnicization of public space: reasons and mechanisms of the process	9
Trubina E.G. Cultural diversity and neoliberal nationalism: an essay toward stating a problem of their connection	16
Gulina O.R. The ethnicization of immigration law	24
Nam I.V. “New” ethnic groups (“diaspora”) of Tomsk	33

MIGRATIONS AND MIGRANTS: ETHNICIZATION OF THE POST-SOVIET CITY

Alexeev A.N. Migrations and the evolution of the visual space in Ust-Kamenogorsk	44
Bliakher L.E. Feature ethnicization of urban space “imperial cities” (Dushanbe)	52
Hizat A. Repatriates and the urban space in the Eastern Kazakhstan region of the Republic of Kazakhstan	61
Janyzakova S.D., Kuznetsova A.S. “Asian beauty”: representations of “Asianness” in the city space (on the case of the student contest “Miss and Mister Asia-2015” in Tomsk)	65
Karageorgii E.M. “Athens of Siberia” or “Greekness” in the city space of Tomsk (on the case of Tomsk National-Cultural Greek Autonomy)	71

MIGRANTS AND ETHNICITY IN AN IMPERIOUS AND MEDIA DISCOURSE

Guzei I.S. From Indiscernible Foreigners to Enemy Aliens: Japanese Migrants in the Social and Political Discourse of the Russian Empire in the End of the 19 th – Beginning of the 20 th Centuries	80
Alishina G.N. Germans in Tomsk in the end of the 19 th to the early 20 th century: the ‘German trace’ in the city space	86
Timoshkin D.O. Ethnic identity as an “enemy” marker in modern Russian crime fiction	91
Strakevich A.A. Evolution of (West) Berlin integration policy – on the example of relations with Turkish diaspora	99

MECHANISMS AND PRACTICES OF AN ETHNICIZATION OF PUBLIC SPACE

Demintseva E.B. Creating “ghettoes”: French banlieues and their inhabitants (1960–2010)	105
Peshkov I.O. New Future for New City Residents: Traces of Russian Presence in Chinese Borderland Cities	113
Ivanov S.A. Chinese capital as a factor of ethnicization of urban and rural areas of Primorsky krai	120

Федосов Е.А. Китайский студент в Томском государственном университете: ценности, мотивации, бытовая адаптация	128
Садырин А.А. «Студенческая посылка» как актант в сети студентов – учебных мигрантов из Казахстана: к вопросу о конструировании сообщества	134
Лукьянова Е.О. Кто они, молодые корейцы Томска? (Символическое пространство корейского молодежного центра «Анён»)	138
Сметанин Ф.А. Роль мусульманского духовенства в формировании общинно-территориальных отношений (на примере г. Томска)	143

РЕЦЕНЗИИ

Родигина Н.Н. Рецензия : Жиликова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В. Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания : учебное пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. Т. 1. 292 с.; Т. 2 : Антология. 524 с.	150
Лазарева Е.В. Рецензия : Историография истории России : учебное пособие для бакалавров / под ред. А.А. Чернобаева. М. : Юрайт, 2014. 552 с.	152
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	156

Fedosov E.A. The Chinese student in Tomsk State University: values, motivations, adaptation	128
Sadyrin A.A. , “Student parcel” as an actant in the network of migrant students from Kazakhstan: on the question of constructing a community	134
Lukyanova Y.O. Who are they, the young Koreans of Tomsk? The symbolic space of the Korean youth centre “Anyon”	138
Smetanin F.A. The role of Muslim clergy in the formation of community and territorial relations (on the case of Tomsk)	143

REVIEWS

Rodigina N.N. Review : Zhilyakova N.V., Shevtsov V.V., Evdokimova E.V. The Periodical Press in Tomskaya guberniya (1857–1916): formation of journalism and the regional identity. Tomsk : Tomsk University Press, 2015. Vol. I. 292 p.; Vol. II. 524 p.	150
Lazareva E.V. Review : Historiography of the history of Russia: Textbook for bachelors / ed. A.A. Chernobaev. M. : Yurayt, 2014. 552 p.	152
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	156

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА-СЕМИНАР «МИГРАЦИЯ И ЭТНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА»

УДК 314.15:911.375
DOI 10.17223/19988613/37/1

К.В. Григоричев, В.И. Дятлов, И.В. Нам

«МИГРАЦИЯ И ЭТНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА»: НАУЧНАЯ ШКОЛА-СЕМИНАР

Рассматривается проблема этнизации городского пространства под влиянием миграционных процессов, которая стала предметом обсуждения школы-семинара, прошедшего в Томске 18–21 июня 2015 г. Характеризуется технология работы школы. Обязательными условиями участия для слушателей являлись подготовка и презентация научного текста по проблематике мероприятия. Ключевыми элементами работы были групповое рецензирование и индивидуальные консультации экспертов.

Ключевые слова: этнизация; миграции; школа-семинар; Томск.

Настоящий спецвыпуск журнала стал одним из результатов международной работы школы-семинара «Миграция и этнизация городского пространства», прошедшей 18–21 июня 2015 г. на базе Национального исследовательского Томского государственного университета. Школа проводилась лабораторией социально-антропологических исследований Томского государственного университета в партнерстве с лабораторией исторической и политической демографии Иркутского государственного университета и Фондом имени Фридриха Эберта. В работе приняли участие российские эксперты из Москвы, Екатеринбурга, Иркутска, Томска, Хабаровска, а также Польши (Университет им. А. Мицкевича в Познани), Германии (университеты Бамберга и Потсдама), Казахстана (Восточно-Казахстанский государственный технический университет). В качестве слушателей в школе-семинаре принимали участие студенты, магистранты, аспиранты и молодые ученые из Томска, Новосибирска, Иркутска, Казани, Владивостока, Усть-Каменогорска, Минска.

Идея научной школы-семинара начала обсуждаться осенью 2014 г. в рамках международной конференции «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования», проведенной лабораторией социально-антропологических исследований¹ в Томске [1]. Особую актуальность и значимость этому мероприятию придает открытие в 2015 г. на историческом факультете ТГУ бакалавриата и магистратуры по направлению «Антропология и этнология». Лаборатория имеет все предпосылки стать ведущим за Уралом центром подготовки антропологов и важнейшей опорой для развития антропологических исследований в Сибири и на Дальнем Востоке. Высокий интерес участников и экспертов к прошедшей школе-семинару дает надежду на реализацию этого потенциала.

Цели и задачи школы-семинара в равной мере определялись актуальностью ее научной проблематики и необходимостью привлечения молодых исследователей

к разработке вопросов этномиграционных процессов на востоке России.

Ключевой научной проблемой школы-семинара являлся вопрос о влиянии миграционных процессов на актуализацию этничности в городском пространстве Азиатской России. Важнейшей характеристикой переселенческого общества востока России была и остается поликультурность, сформировавшаяся в результате синтеза гетерогенного аборигенного населения с не менее разнообразным пришлым, мигрантским. Когда и каким образом это разнообразие стало восприниматься как этническое (национальное в российской традиции), какова динамика и основные характеристики этого процесса в условиях радикальных общественных и политических перемен в стране, частью которой была и остается Сибирь? Эти вопросы могут быть сформулированы в категориях процесса «этнизации». Насколько сибирским городам, частью трансформировавшимся из элементов досоветского имперского пространства, частью развивавшимся как сугубо советский проект, присуща этничность как свойство городского пространства? Каковы функции этничности и этнизации городского пространства в жизни поздне- и постсоветского города?

Экспертная часть школы-семинара была посвящена обсуждению новых функций этничности в городском пространстве и миграции как механизму появления этих новых функций. Научная актуальность здесь тесно связана с общественной значимостью: этничность активно присутствует в современных городских сообществах, но происходит разрыв между ее новыми (экономическими, например) функциями и привычной (обыденной) интерпретацией этничности. В этом разрыве актуализируются устойчивые стереотипы и фобии, приводящие к росту социальной конфликтности. Противоречиво актуализированная этничность провоцирует конфликты и легко используется в манипуляциях. Соответственно, за основу общественной дискуссии можно взять именно такую попытку понимания новой

роли этничности и сопоставления ее со сложившимися стереотипами.

Спектр рассмотренных экспертами аспектов этнизации городского пространства оказался довольно обширным как проблемно, так и географически. В.И. Дятлов представил доклад «Этнизация общественного пространства: причины и механизмы процесса», являвшийся продолжением многолетних исследований в Иркутском университете [2–5] и ставший своего рода концептуальной рамкой школы-семинара. Еще одну концептуальную рамку обсуждения задавало выступление Е.Г. Трубиной «Полимасштабный подход к связи между транснациональной миграцией и городом», вписавшей вопросы этнизации городского пространства в идею миграционных мостов между локальными и глобальными процессами. В докладе И.В. Нам «“Новые” этнические группы (диаспоры) г. Томска» был показан процесс этнизации системы отношений горожан, мигрантов и власти.

Большой блок выступлений экспертов был связан с анализом этнизации городского пространства в процессе борьбы за него старыми и новыми горожанами (Л.Е. Бляхер «Этнизация и вторичная русификация городского пространства “имперских” городов (Душанбе)»); эволюции городской визуальности постсоветских/постимперских городов (А.Н. Алексеенко «Миграции и эволюция визуального пространства Усть-Каменогорска»); визуализации в городском пространстве взаимопроникновения культур (И.О. Пешков «Следы российской Маньчжурии в приграничных городах России и Китая»). Сообщения Е.Б. Деминцевой («Создавая “гетто”: социальные кварталы Франции и их жители (1960–2010)») и К.В. Григоричева («“Китайские теплицы”: мигрантские локальности пригорода») подняли проблему этнизации городской периферии.

Поставить проблему в международный контекст позволили доклады коллег из Германии: Ольги Гулиной («Правовое регулирование/оформление феномена этнизации миграции»), Клаудии Келер («Роль образования в равноправной и инклюзивной совместной жизни различных групп населения в городах с культурным и этническим разнообразием»), Кокра Лоссина Ассуа («Урбанизация, разделение по этническому признаку и социальное взаимодействие в условиях ограниченной государственности»).

Школа-семинар не ограничилась только научной дискуссией. Формат «научный семинар + научная школа» предполагал, что два мероприятия соединяются не механически, а представляют собой одно целое. Помимо экспертов участниками мероприятия были слушатели, ради которых, собственно, все и организовывалось. Все они приняли участие в обсуждении экспертных докладов, не только уточняя те или иные их положения, но и примеряя идеи выступавших к опыту собственных исследований.

Немного о технологии работы школы. Она была апробирована в Иркутске [6–7] и создавалась под

большим влиянием многолетнего и богатого опыта Школы молодого автора [8] и школ Научно-образовательного форума по международным отношениям. Обязательными условиями участия для слушателей являлись подготовка и презентация научного текста по проблематике мероприятия. Именно по этим текстам осуществлялся конкурсный отбор, и на их же основе строилась работа. Они обсуждались наравне с текстами и докладами экспертов, но, кроме того, дополнительно получили и научно-редакторскую экспертизу других слушателей.

Ключевым элементом работы было групповое рецензирование. Все слушатели разбивались на группы, и каждый текст получал обязательное экспертное заключение одной из них. Группа должна критически оценить новизну и плодотворность постановки исследовательской проблемы, логику ее реализации, стройность композиции текста, его стилистику и грамматику. Это превращает слушателей из довольно пассивных наблюдателей и объектов критики в ключевых акторов процесса. Дать качественную и глубокую экспертную оценку чужого текста можно только глубоко вникнув в его содержание и форму, согласовав оценки и позиции в рамках группы, для этого сформулировав их и подобрав аргументацию. Групповая работа препятствует также нередким среди амбициозных участников попыткам самоутвердиться за счет коллег. Использование этого метода позволило буквально за два дня добиться высокого уровня рецензирования текстов. Это дало возможность экспертам говорить уже не столько о редакторской доработке статей, сколько о возможностях развития исследований слушателей, перспектив научного поиска в рамках тех или иных теоретических подходов. Иными словами, слушатели школы-семинара включались в обсуждение научной проблематики напрямую, а не на основе классического учебного процесса (лекции, тренинги).

Важной частью работы школы стали неформальные индивидуальные консультации экспертов. Они не только помогали молодым исследователям уточнить те или иные вопросы, но и устанавливали неформальные связи между ними и сложившимися учеными. Более того, нам представляется, что важнейшим результатом школы, помимо представленных в этом номере статей, стало полноценное включение целой группы молодых исследователей в научное сообщество. В непростых для социально-гуманитарной науки условиях прошедшая школа-семинар стала эффективным инструментом рекрутинга и повышения профессионального уровня талантливой и работоспособной молодежи.

Непосредственным результатом работы школы-семинара стал корпус текстов, довольно разнообразных по тематике, но объединенных общей проблемой. Понятно, что все они могли быть опубликованы в достойных изданиях сами по себе (и такие предложения уже

поступали прямо во время мероприятия), но их совместное издание в качестве проблемного сборника сулило кумулятивный эффект.

Организаторы и руководители семинара благодарны редколлегии журнала за замечательную возможность публикации этих материалов.

Спасибо молодым сотрудникам Лаборатории социально-антропологических исследований за их невидимую, но невероятно трудоемкую и нервную организаторскую работу.

Искреннее спасибо за интеллектуальную помощь и материальное содействие нашему давнему партнеру – Фонду имени Фредерика Эберта.

Мы особенно благодарны всем экспертам за то, что они выкроили время в своих чудовищно перегруженных графиках, за их открытость, энтузиазм и напряженную творческую работу. Отдельное спасибо слушателям за их энергию, целеустремленность, драйв в работе и общении, за то, что их амбициозность и честолюбие реализовались так позитивно.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Лаборатория создана и действует в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.B25.31.0009) [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. О лаборатории. URL: <http://lsar.tsu.ru/ru>, свободный (дата обращения: 29.08.2015).
2. Дятлов В.И., Григоричев К.В. Тема номера. Этничность в городском пространстве: от советского к постсоветскому // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 5–7.
3. Григоричев К.В., Дятлов В.И., Козлов Д.В. Перекресток исследовательских пространств: от исторической памяти до диаспор и миграций // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2013. № 2-2. С. 7–14.
4. Григоричев К.В., Дятлов В.И. От исследовательского центра к исследовательской сети: этномиграционные и диаспоральные исследования в НОЦ МИОН при ИГУ // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2012. № 2-2. С. 5–12.
5. Григоричев К.В., Дятлов В.И., Козлов Д.В. Миграции и диаспоры в социокультурном, экономическом и политическом пространстве Сибири, XIX–XXI вв. // Вестник Омского университета. 2010. № 4. С. 310–313.
6. Дятлов В. К читателям. О главной теме и о проекте «Этномиграционные процессы и становление диаспор в Азиатской России: история и современность» // Диаспоры. 2006. № 1. С. 6–10.
7. Дятлов В. Введение // Мигранты и диаспоры на Востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством. Москва ; Иркутск : Наталис, 2007. С. 5–12.
8. Как писать научный текст: опыт Школы молодого автора / Н.А. Дидковская, В.И. Дятлов, Н.В. Липатова, С.А. Панарин; под общ. ред. С.А. Панариной. 2-е изд., доп. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 259 с.
9. Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования : Программа и тезисы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014.

Grigoriev Konstantin V. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: kvg@isu.ru; Dyatlov Viktor I. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: vikdyatlov@yandex.ru; Nam Iraida V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: namirina@bk.ru

MIGRATION AND ETHNICIZATION OF URBAN AREAS: AN ACADEMIC WORKSHOP.

Keywords: Ethnicization; migration; workshop; Tomsk.

The paper, introducing the theme of this special issue, presents the problems of ethnicization of urban spaces due migration processes discussed at a workshop held in Tomsk 18–21 June 2015. The main feature of migration society in eastern Russia was and is its multiculturalism formed as a result of a synthesis of the heterogeneous native population with a no less diverse incoming, migrant one. When and how this diversity was conceived as ethnic (national in the Russian tradition), what is the dynamic and the fundamental characteristics of this process in the conditions of radical social and political changes in the country, part of which was and is Siberia? These questions might be formed in the categories of the process of «ethnicization». To what extent do Siberian cities, partly transforming from the elements of pre-Soviet imperial states, partly developing as a purely Soviet project, with ethnicity as a peculiarity of urban areas? What are the functions of ethnicity and the ethnicization of urban areas in the life of the late- and post-Soviet city? An expert part of the workshop was devoted to a discussion of the new functions of ethnicity in urban areas and migration as a mechanism for the appearance of these new functions. The academic topicality here is closely connected with public relevance: ethnicity actively exists in modern urban communities, but a gap between its new (for example, economic) functions and the common interpretation of ethnicity occurs. Commonplace stereotypes and phobias become topical in this gap, leading to a rise in social strife. Contradictory situations relating to ethnicity cause conflicts and it is easily used in manipulations. Correspondingly, as a basis of social discussion there is precisely such an attempt at understanding the new role of ethnicity and its comparison with set stereotypes. The school work technique is examined. An indispensable condition for the audience's participation was preparation and presentation of academic texts according to the topic. The key element of work was group reviewing and individual advising by experts.

REFERENCES

1. Tomsk State University. (2014) *Chelovek v menyayushchemsya mire. Problemy identichnosti i sotsial'noy adaptatsii v istorii i sovremennosti: metodologiya, metodika i praktiki issledovaniya* [A person in a changing world. Issues of identity and social integration in the history and modernity: methodology, methods and practices of research]. Programme and summaries of the International Conference. Tomsk: Tomsk State University. [Online] Available from: <http://lsar.tsu.ru/ru/>.
2. Laboratory of Sociological and Anthropological Research. Available from: <http://lsar.tsu.ru/ru/>.
3. Dyatlov, V.I. & Grigoriev, K.V. (2014) Ethnicity in Urban Space: From Soviet to Post-Soviet Period. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie – The Bulletin of Irkutsk State University. Politology. Religion Studies*. 10. pp. 5-7. (In Russian).

4. Grigorichev, K.V., Dyatlov, V.I. & Kozlov, D.V. (2013) Crossroads of Research Spaces: from Historical Memory to Diasporas and Migrations. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie – The Bulletin of Irkutsk State University. Politology. Religion Studies*. 2(2). pp. 7-14. (In Russian).
5. Grigorichev, K.V. & Dyatlov, V.I. (2012) From a Research Center to the System of Research Institutions: Diaspora, Migration and Ethnic Studies in Irkutsk. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie – The Bulletin of Irkutsk State University. Politology. Religion Studies*. 2(2). pp. 5-12. (In Russian).
6. Grigorichev, K.V., Dyatlov, V.I. & Kozlov, D.V. (2010) Migratsii i diaspor v sotsiokul'turnom, ekonomicheskom i politicheskom prostranstve Sibiri, XIX–XXI vv. [Migration and diaspora in the socio-cultural, economic and political space in Siberia, the 19th – 21st centuries]. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of omsk University*. 4. pp. 310-313.
7. Dyatlov, V. (2006) K chitatel'nyam. O glavnoy teme i o proekte “Etnomigratsionnye protsessy i stanovlenie diaspor v Aziatskoy Rossii: istoriya i sovremennost'” [To readers. On the main theme and the project “Etnomigratsionnye processes and the establishment of the Asian diaspora in Russia: Past and Present”]. *Diaspora*. 1. pp. 6-10.
8. Dyatlov, V. (2007) Vvedenie [Introduction]. In: Dyatlov, V. (ed.) *Migranty i diaspora na Vostoke Rossii: praktiki vzaimodeystviya s obshchestvom i gosudarstvom* [Migrants and diaspora in the East of Russia: the practice of interaction with the society and the state]. Moscow; Irkutsk: Natalis. pp. 5-12.
9. Didkovskaya, N.A., Dyatlov, V.I., Lipatova, N.V. & Panarin, S.A. (2014) *Kak pisat' nauchnyy tekst: opyt Shkoly molodogo avtora* [How to write a research paper: about the experience of the School of the Young Researcher]. 2nd. ed. Irkutsk: Irkutsk State University.

ЭТНИЗАЦИЯ ГОРОДА В МИГРАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

УДК 39:314.15

DOI 10.17223/19988613/37/2

В.И. Дятлов

ЭТНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА: ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМЫ ПРОЦЕССА

Понимание этничности как ситуативного состояния, процесса ставит вопрос об этнизации, начале или составной части этого процесса. В жизни сообществ могут наступить обстоятельства, когда этническая идентификация и самоидентификация выступают на первый план и диктуют стратегии и практики поведения значительных масс людей. Этнизация – это процесс манифестации, а значит, мобилизации этничности, выхода ее в публичную сферу. Задача исследования состоит в том, чтобы на примере отдельных случаев, кейсов посмотреть, в результате каких причин и каким образом происходит актуализация этничности в качестве важного, возможно, ключевого фактора при регулировании общественных отношений. Рассматриваются некоторые ситуации, при которых чувство этнической принадлежности начинает диктовать образ жизни и модель поведения значимого числа горожан; когда в городе появляются этнически маркированные объекты, поля отношений, а демонстрация этничности становится частью повседневности.

Ключевые слова: этнизация; проект; переселенческое общество; миграции; имперский город.

Понимание этничности как ситуативного состояния, а не врожденной данности, ведет к постановке вопроса об этом феномене как процессе, о генезисе этого процесса, его динамике и механизмах развития. Логично при таком подходе возникает и проблема этнизации. С другой стороны, в XX в. значение этничности для общества и для отдельного человека так велико, что трудно представить себе ее отсутствие в повседневной жизни и властной организации общества. Основная масса современников осознает себя этнофорами, носителями некой национальности и при необходимости выстраивает свое поведение в соответствии с этим.

Что же понимать тогда под этнизацией? Этничен ли вообще социальный ландшафт? Возможно ли, чтобы городская, например, среда была до какого-то момента не этнической и вдруг по каким-то причинам принялась этнизироваться? Если да, то почему и как?

Возможны несколько вариантов ответа на этот вопрос: 1) сама постановка проблемы подобным образом некорректна; 2) этнизация возможна как единовременный акт перехода от неэтнического к этническому состоянию; 3) этнизацию можно понимать как результат актуализации этнического фактора под воздействием неких важных причин и обстоятельств; 4) этнизация выступает как способ «называния» привычным набором терминов новых явлений с приданной «этническим» категориям новых смыслов и коннотаций.

Оставим за скобками первый вариант. Он решается в практически снятом споре конструктивизма и примордиализма. Остальные предполагают, что в жизни сообществ могут наступить обстоятельства, когда этническая идентификация и самоидентификация выступают на первый план и диктуют стратегии и практики поведения значительных масс людей.

Что может стать причиной этого? При каких обстоятельствах людям вдруг становится нестерпимо важна их «национальность»? При каких условиях и обстоятельствах, по каким причинам этничность становится действенным инструментом мобилизации, когда она становится мощным регулятором взаимоотношений?

Проблема, видимо, кроется в том, что этничность манифестируется или не манифестируется. Игрет значимую роль в публичном пространстве или остается частным делом. При таком подходе этнизация – это процесс манифестации, а значит, мобилизации этничности, выхода ее в публичную сферу.

Не претендуя на создание всеобъемлющей типологической схемы, выделим несколько важных для нас случаев. Задача состоит в том, чтобы на примере отдельных случаев, кейсов посмотреть, в результате каких причин и каким образом происходит актуализация этничности в качестве важного, возможно, ключевого фактора при регулировании общественных отношений. Иначе говоря, ситуаций, при которых чувство этнической принадлежности начинает диктовать образ жизни и модель поведения значимого числа горожан; когда в городе появляются этнически маркированные объекты, поля отношений, а демонстрация этничности становится частью повседневности.

1. Сибирское переселенческое общество: от сословно-религиозного принципа организации к этническому. В основе генезиса этого общества лежал, и во многом лежит до сих пор, сложный процесс синтеза переселенческого и аборигенного населения, первопоселенцев и новопоселенцев. Синтеза культурного, экономического, социального. При этом необходимо иметь в виду как гетерогенность аборигенного населения, огромное многообразие его типов, так и не меньшее разнообразие населения пришлого. Пришлое население постепенно укореняется, «осибирачивается»,

приобретая новые черты культуры, меняя (иногда радикально) старые. Менялось и аборигенное население. Синтез происходит в контексте сильной имперской власти, на базе русского языка и культуры, на основе привносимых из-за Урала экономических укладов и технологий, в экстремально тяжелых условиях жизни, при отсутствии надежных коммуникаций и недонаселенности региона.

Критически важен стадийный контекст – переселенческое общество формировалось как часть общества сословного, традиционалистского, вступившего затем в эпоху модернизации. Различные стратегии модернизации (эпохи поздней Империи, Советской власти, постсоветских трансформаций) задавали его существенные характеристики.

Миграции были и остаются неперенным условием его существования и развития. Представители различных региональных, сословных, конфессиональных групп по собственной воле или принудительно становились сибиряками. С эпохой Модерна растет значение их этнических характеристик – и миграционные потоки воспринимаются уже как *этнически* разнородные и разнообразные. Этническое разнообразие происхождения сибирского общества начинает оцениваться как важнейшая его характеристика.

При всей значимости этнического фактора его роль в регулировании общественных отношений, в механизме формирования сети социальных связей и их функционировании не остается неизменной. Нельзя также говорить об устойчивой тенденции возрастания или снижения его роли. Это скорее ситуативный фактор, зависящий от времени, места и обстоятельств, что и позволяет ставить вопрос об этнизации отношений.

Сословный характер организации дореволюционного общества вел, среди всего прочего, к формированию общественных пространств, которые со временем начинают восприниматься в качестве этнически маркированных. Это еврейские, мусульманские, цыганские улицы или районы, немецкие, еврейские и мусульманские кладбища, храмы. Создаются и активно функционируют религиозные общины, благотворительные, культурные организации, школы и т.д.

Возникнув в качестве сословных, обычно конфессиональных структур и феноменов, к концу имперского периода они этнизируются, приобретают национальную окраску или новое содержание и функции, понимаемые как национальные. Тогда и появляются такие устойчивые (по сути, внутренне глубоко противоречивые) понятия, как «татарская мечеть» или «польский костел» в Иркутске. Даже чисто конфессиональные институты и объекты начинают рассматриваться как часть национальной культуры. Религиозные (иудейские, лютеранские и т.д.) школы трансформируются в национальные еврейские, немецкие. Благотворительные и культурные общества обретают светский и вместе с этим национальный характер.

Активно функционируют национальные политические движения и организации – еврейские сионисты и Бунд, корейские националистические партии и т.д. Результатом столыпинской переселенческой политики стало появление польских, немецких, латышских и т.д. деревень. Даже такой сугубо религиозный феномен, как переселенческие деревенские общины меннонитов, начинают рассматриваться в этнических категориях, особенно во время Первой мировой войны.

На Дальнем Востоке – китайские и корейские кварталы и деревни, до 1900 г. – фактически экстерриториальный район «засейских маньчжур», китайские рынки, китайские и японские торговые и ремесленные предприятия, рестораны и харчевни, японские публичные дома. Активны и влиятельны китайские, корейские и японские общинные институты, иногда претендующие на роль квазигосударственных структур.

Таким образом, сочетание мощных миграционных процессов с разложением сословной системы и процессами нациестроительства в Империи привели ко времени революции к заметной этнизации общественного пространства переселенческого общества востока России.

Первая мировая война резко ускорила эти процессы. Теперь уже государство становится их главным актором. Репрессии против подданных вражеских государств (интернирование, депортации и секвестр собственности) распространяются и на российских подданных «враждебных» или «подозрительных» национальностей (российских немцев и евреев особенно). С другой стороны, от репрессий освобождаются военнопленные некоторых славянских национальностей (чехи, словаки, сербы и т.д.) [1]. Массовый приток в Сибирь эвакуированных или депортированных жителей прифронтовых территорий привел к созданию благотворительных организаций для помощи им по этническому принципу (особенно активны были польские и еврейские организации). Начинается процесс формирования воинских частей на этнической основе.

Во время революции и Гражданской войны, когда крах российской государственности до предела обострил спрос на механизмы и институты общественной самоорганизации, процессы этнизации резко усиливаются. Они принимают различные формы – от расцвета общественной и культурной жизни национальных обществ (осознающих себя и идентифицирующих себя именно в этом качестве) [2] до создания национальных воинских формирований и борьбы за государственное национальное самоопределение. В Дальневосточной республике реализуется доктрина национально-культурной автономии [3]. Масса людей, ранее вполне индифферентных к своей национальности (или вообще не рассматривавших себя в этих категориях), начинают осуществлять свои жизненные стратегии и практики обыденной жизни в качестве этнофоров.

2. Советская эпоха. Этничность становится одной из несущих конструкций советской «новой сословности». И когда модернизация размыкает и эту систему –

остается в наследство новому порядку, став его важнейшей организующей и мобилизующей частью.

В первые годы Советской власти процессы этнизации ускорились [4]. Этничность, наряду с классовым критерием, была взята за одну из основ перестройки общества. Начинаются эксперименты с социальной инженерией, с созданием и пересозданием «национальностей». Человек приписывается к этнической группе, его заставляют соответствующим образом самоопределяться постановкой вопросов переписей населения, анкет, хозяйственных книг, системой предпочтений и ограничений по этническому признаку. Вводится обязательный «пятый пункт» в паспортах, анкетах и других персональных документах. Создаются административно-политические национальные образования (от союзных республик до национальных сельсоветов), проводится политика «коренизации».

Национальное строительство 1920-х гг. плавно перешло в борьбу против «буржуазного национализма» и в проект создания «советской нации» и «новой исторической общности – советский народ». Последствия были чрезвычайно противоречивы. Переформатирование общества по национальному признаку («пятый пункт») сочетается с вытеснением этничности из практик повседневной жизни. В городах исчезают этнически маркированные общественные пространства – национальные организации, сообщества, культовые объекты. И только «татарская мечеть» и «польский костел», на долгие годы утратившие свою функцию храмов, остались такими в общественной памяти.

Новая топонимика Иркутска, где в названиях улиц присутствуют и «Польские повстанцы» с «Красными мадьярами», и Фурье с Маратом, и Роза Люксембург с Карлом Либкнехтом, и красный партизан Нестор Каландарашвили с чешским интернационалистом Ярославом Гашеком, и чекисты Дзержинский с Трилиссером, и даже казахский акын Джамбул, соотносится больше с революционной, а не этнической традицией, демонстрирует интернационализм и советскость. Стало не принято демонстрировать свою этничность в публичной сфере, тем более выстраивать опирающиеся на нее жизненные стратегии и практики. В качестве гипотезы можно говорить о деэтнизации городского пространства в позднесоветскую эпоху.

Исключение – однако чрезвычайно важное – ситуация в национальных автономиях. Здесь проводился противоречивый, неоднократно меняющийся, но не прекращавшийся проект выращивания наций. Можно предположить, что в позднесоветскую эпоху публичное этническое пространство было преимущественно там, где это было предписано властью или ею разрешалось.

К концу этого периода стали появляться новые и независимые от политики государства этнически окрашенные объекты общественного пространства. Привлечение внимания привлекали многочисленные сезонные строительные бригады, рыночные торговцы овощами, фруктами и цветами, маркированные принимающим

обществом как «кавказцы» или «лица кавказской национальности» (последний термин – бюрократического происхождения и преимущественного употребления).

Это явно этнизированные объекты внимания и отношения, что не снимает вопроса о том, не выделялись ли привычными этническими категориями некие социально-профессиональные группы, рыночные модели поведения и образа жизни в нерыночном обществе. Можно предположить, что настороженное внимание, выраженное в этнических категориях, вызывалось не столько этничностью, сколько моделью поведения, связанной с рыночной специализацией. И этот пример актуализации этничности демонстрирует стрессовую реакцию на новое и чужое именно в социальной жизни.

В идеологической сфере набирает силу и постепенно легализуется в качестве литературного направления «русский проект», создающий русско-маркированный сегмент общественного пространства. Несмотря на свою литературность и элитный характер, этот феномен сыграл огромную роль в грядущем вскоре бурном процессе этнизации.

3. Постсоветская эпоха. Процесс этот стал неотъемлемой составной частью окончательного краха советской системы отношений и связей, советской идеологии и системы ценностей. Уже сам распад Советского Союза по линиям административно-политических образований, созданных по этническому признаку, преобладающий в большинстве новых государств курс на создание этнонаций, потребность в замене прежней идеологии – все это сделало национальную проблематику чрезвычайно актуальной и востребованной.

Видимым результатом этого сдвига стало повсеместное создание национально-культурных обществ и автономий. Массовость и практически одновременность этого дает основание предполагать, что вначале была инициатива властей, тоже в каком-то смысле – проект. Но в отличие от массы других властных инициатив национально-культурные общества зажили собственной жизнью, решая проблемы национального представительства, функции информационного канала во взаимоотношениях с властями, инструмента связей с «историческими родинками», удовлетворяя национальные культурные потребности своих членов и т.д. [5]. Активно действуют конфессиональные структуры и институты, также часто рассматриваемые в категориях этнической принадлежности. Сибирские деревни, населенные потомками польских или белорусских столыпинских переселенцев, становятся польскими или белорусскими деревнями.

Возникают политические партии и движения, декларирующие приверженность этническим приоритетам и ценностям, соответствующие газеты, а затем и большие секторы Интернета. В качестве отдельного направления работы региональных и, отчасти, муниципальных властей выделилась «национальная политика». Проблемы «национальных отношений» и «национальных конфликтов» бурно обсуждаются в масс-медиа.

4. Этнизация как результат урбанизации. В результате урбанизационных процессов в город идет мощный приток новичков из деревни. Они инокультурны уже по условию – в качестве вчерашних крестьян. Но иногда их инокультурность может быть и этнически маркированной. Тогда крестьянин может оцениваться горожанами и как «деревенщина», и как этнически чужой. Особенно если новички выделены языком, религией, обликом. Они с трудом адаптируются к городской жизни, приносят с собой собственные привычки, манеры, уклад и образ жизни, модели социальной организации, непривычные, а то и глубоко чуждые горожанам. Вытекающая отсюда негостеприимность городского сообщества может формировать у них агрессивные реакции. Возможна борьба за ресурсы – экономические или символические. И тогда неизбежное напряжение между горожанами и новичками может быть выражено и в этнических категориях, приобретать этническое измерение и окраску.

Однако город переваривает новичков, постепенно «выделяя» из них, и особенно из их детей, горожан. Это нивелирует культурные контрасты и может (хотя и не всегда) снимать и этнически маркированное напряжение. Правда, адаптационные возможности города имеют свои пределы – и если интенсивность миграционного притока превышает их, то город может захлебнуться, сменить свой облик, рурализоваться. Это процесс конфликтный – и также может принимать форму этнизации.

5. Этническое измерение трансграничных миграций. И обществом, и властями миграционные проблемы и неизбежные конфликты рассматриваются сейчас преимущественно в этнических категориях. Поэтому сформировавшиеся уже мигрантские кластеры сибирских и дальневосточных городов перевели процесс этнизации общественного пространства в новое качество.

Видимым результатом этого процесса становится появление в городском пространстве этнически маркированных элементов. Это могут быть вывески, надписи, элементы непривычного дизайна, которые манифестируют присутствие в городе чужеземцев.

Отдельного разговора заслуживают «этнические рынки», прежде всего китайские. Возникнув в конце 1980-х – начале 1990-х гг., они играли огромную роль в насыщении практически пустого рынка потребительских товаров, в снабжении населения, особенно преобладавших численно слоев лиц с низкими доходами. Они были важными логистическими центрами, узлами снабжения целых регионов, эффективным механизмом продвижения китайских товаров на российские рынки. На них концентрировалась значительная часть деловой активности и социальной жизни трансграничных трудовых мигрантов. Одновременно рынки оказались местом встречи представителей различных культур и народов, привычной площадкой их повседневного и тесного контакта. Эти рынки не были мононациональ-

ными. На китайских рынках обычно значительная часть торговцев и почти весь обслуживающий персонал не были китайцами. Но китайскими их делало мнение населения. Их значение в том, что это место постоянного и повседневного контакта представителей различных этнических групп, старожилов и мигрантов. На этническом рынке люди вступают в контакты не только как продавцы и покупатели на рынке, но и как этнофоры, представители разных культур. Горожанин идет на китайский рынок не только за товаром, но и за *китайскостью*, соответственно актуализируя и собственную этничность.

Важное значение приобретает этнический общепит, который выполняет не только свои прямые функции, но и задачи культурного представительства. В мире сформировались устойчивый спрос и мода на этническую кухню, этнические рестораны. Мода на них пришла и в Россию. И это не только гастрономический, но и культурный феномен.

Завершенным выражением этого процесса становятся места жилищной концентрации мигрантов: гостиницы, общежития, этнические кварталы, в потенции – чайнатауны. Двухвековой опыт присутствия чайнатаунов в европейском мире показывает, что они могут выполнять, одновременно или последовательно, разнообразные функции. На первых порах важнейшей является задача первичной адаптации мигрантов к принимающему обществу, затем – места концентрации общинной инфраструктуры. Позднее же на первый план выходит функция производства и продажи этничности как туристического товара. В любом случае для городского сообщества важна функция этнического представительства. Интересно, что в России чайнатаунов нет – и перспективы их появления весьма туманны. Однако в символическом пространстве они существуют давно и прочно, также становясь элементом этнизации городского пространства [6].

6. Смена городом своих функций. В силу многих исторических причин город может менять свои функции. Иногда быстро, внезапно и радикально. Это может сопровождаться и изменением состава его населения. Вернее – структуры населения и характера взаимоотношений в городском сообществе. В некоторых случаях это становится этнически маркированным процессом.

Классические примеры таких процессов дают имперские города после империи. Города, обслуживавшие общеимперские функции и потерявшие смысл существования после их исчезновения. Иногда это приводит к их упадку, деградации и прозябанию. Чаще же – к обретению новых функций. Происходит при этом и смена населения – через уход, выдавливание (изгнание) одних групп и приход, иногда искусственное привлечение, других. Население меняет функции, статусы, жизненные стратегии и практики.

Классические траектории подобного развития демонстрируют, например, Баку, Рига, Ташкент, Одесса в дореволюционную, советскую и постсоветскую эпохи.

Имперский город – понятие довольно условное. Как, впрочем, и сама империя. Вряд ли стоит здесь вторгаться в бурно текущую сейчас дискуссию на этот счет. Достаточно отослать к журналу «Ab Imperio». Для нас важно то, что в рамках этого феномена предполагается существование городов, обслуживающих общегосударственные нужды или задачи центральной власти. В каком-то смысле – это форпосты, представительства центральной власти, осуществляющие те или иные общегосударственные задачи. Иногда – как в случае с Одессой, Александрией, другими левантинскими городами – функции обслуживания международной торговли, задачи терминала между экономиками своих стран и мировым рынком.

В этом их принципиальное отличие от городов, чьей основной функцией является обслуживание нужд прилегающего региона – хинтерланда. Возможно, характер отношений с хинтерландом и может быть основным признаком имперского города. Точнее – степень отчужденности от него. Конечно, имперский город не изолирован от хинтерланда – он обслуживает городские нужды прилегающей сельской территории попутно, просто фактом собственного существования.

Специфические функции формируют особый состав и структуру населения, особый тип социальных связей и отношений, специфическую культуру. И все это принципиальным образом отличается от того, что господствует в хинтерланде. Иногда это выражается и в этнических категориях, вплоть до того, что город и хинтерланд говорят на разных языках. Русский язык был языком повседневного общения для многонационального населения позднимперских Баку, Тифлиса, Вильно, Ковно и Ташкента, советских Баку, Риги, Таллина, Ташкента и Алма-Аты. Для имперского города характерны этнокультурная гетерогенность, космополитизм, открытость. В любом случае – это не органическая часть хинтерланда в экономическом, социальном и культурном отношениях.

Немецкий по большинству населения, языку общения, образу жизни, управлению Ревель постепенно менял свой национальный состав в результате модернизации, урбанизации и притока эстонского населения хинтерланда. Город становится площадкой, средой его современного национального развития, а затем и столицей независимого эстонского государства Таллинном. Таким образом, сначала хинтерланд приспособливался к инонациональному городу, а затем начинает его осваивать и преобразовывать (подробнее см.: [7]).

Одесса возникла для выполнения имперских функций торгового терминала. Ее появление и развитие не диктовалось нуждами хинтерланда и шло не за счет его ресурсов, в том числе человеческих. По этническому и культурному составу населения, укладу жизни, экономическим функциям это был левантинский город. Сформировалась и особая культура. Немецкий путешественник середины XIX в. писал: «Русский является языком простых людей, слуг, рынка и порта, а также

официальным языком власти. На итальянском говорят итальянцы и греки, это язык коммерции и биржи. На французском говорят в изысканных кругах... Смешение языков, которое наблюдается почти везде в России, достигает поистине вавилонского уровня в Одессе» [8. С. 115]. С советских времен начался, а в эпоху независимой Украины резко ускорился процесс изменения функций города. Он стал превращаться в типовой областной центр. Вместе с этим менялись и состав населения, уклад жизни, тип взаимоотношений. Происходит поглощение города хинтерландом.

Старая Одесса превращается в легенду, миф, анализу которого посвящена статья В. Сквирской и К. Хэмфри [Там же. С. 88–117]. И весьма важно то, что ключевой составляющей мифа является ностальгия по прежней открытости и космополитизму. «Ряд ключевых объектов одесского мифа – свобода, торговля, юмор, одесский язык, гармоничное или космополитическое сосуществование...» [Там же. С. 89]. «Несущим» элементом мифа сегодня является традиционное *этническое многообразие* города, которое изображается главным образом в ключе мирного сосуществования и городского космополитизма *par excellence*» [Там же. С. 90]. «Среди тех, кто считает себя коренным одесситом, бытует мнение, что Одессе угрожает “растворение в Большой Бульварке”, то есть во все разбухающей массе приезжих из украинской провинции. И хотя некоторые из наших респондентов надеются, что приезжие, набравшись опыта общения, местных выражений и одесских навыков сосуществования, смогут постепенно вписаться в Одессу, основная проблема с поселенной преемственностью им видится в том, что самих носителей одесских черт становится все меньше» [Там же. С. 102].

7. Этнизация как проект. Бывшие имперские города часто становятся важнейшим инструментом, «фабрикой» нациестроительства. Особенно если такая задача ставится осознанно и проводится в жизнь политическим режимом. Вбирая в себя население хинтерланда, они не просто превращают его в горожан. Они выстраивают из них нацию. Нациестроительство – процесс городской, невозможный вне городской культуры и городского типа отношений, без городских слоев, которые, собственно, и формируют нацию.

Поглощение таких городов иноэтническим хинтерландом по условию конфликтно. Происходят рурализация города, изменение его этнического состава, вытеснение (или изгнание) одних его фракций, рост других. Радикально уменьшаются космополитизм и открытость, что неизбежно ведет к сокращению влияния, авторитета, иногда и численности, связанных с этим слоев и социальных групп. Но этот конфликт, в принципе традиционный для процесса рурализации городского пространства в условиях ускоренной урбанизации, приобретает новое измерение в контексте процесса и политики нациестроительства. Это уже не просто столкновение культур и интересов «понаехав-

шей деревенщины» и «шибко грамотных, наглых и шустрых» горожан. Это конфликт между формирующейся и формируемой нацией в этническом ее понимании и теми, кто не вписывается в этот процесс, кто считается чуждым или даже враждебным ему. Результаты могут быть самыми печальными для них – достаточно вспомнить левантинцев насеровского Египта, погромы и изгнание армян из независимого Азербайджана, массу других печально известных примеров.

Иногда в чужеродности и антинациональности обвиняются «городские казахи» в Казахстане [9]. В условиях интенсивного нациестроительства создают кумулятивный эффект несколько процессов. Эмигрирует русскоязычное население. В город приходят крестьяне, казахи, но не в качестве низкостатусных новичков, стремящихся влиться в городское сообщество через принятие его норм, правил, языка, моделей поведения и т.д. Горожанами становятся люди, ощущающие себя представителями господствующей нации. Приходят как хозяева. Это происходит в русле казахизации как целенаправленной государственной политики. Проводятся курсы на изменение этнического состава населения (привлечение оралманов, спокойное отношение к эмиграции неказахов), казахизация госаппарата, смена названий городов и улиц, соответствующая языковая, образовательная политика и т.д.

Невероятно интересен случай дореволюционного, чисто русского по населению уездного города Верхнеудинска, назначенного Советской властью быть столицей формируемой бурятской автономии, ставшего в результате основной площадкой и механизмом формирования современной городской бурятской нации (подробнее см.: [10]). Он не просто сменил название. Прежние функции были оттеснены на задний план новыми, властными задачами. Прежний хинтерланд не исчез – он растворился в новом. Вместе с функциями изменился и этнический состав, но не за счет вытеснения старого населения, а благодаря массовому притоку нового, в значительной степени бурятского.

Улан-Удэ можно рассматривать в категориях проекта. Реализуя политическую задачу, город создает нацию из партикуляристского племенного населения. Создает, конечно, не на пустом месте. В последние десятилетия имперской России сформировался немногочисленный, но мощный по интеллектуальному потенциалу, общественно активный европейски образованный (через русский язык, культуру и систему образования) слой бурятской интеллигенции. Она накопила огромный политический опыт и приобрела вес и влияние в годы Гражданской войны. Национальный эксперимент Советской власти объединил этот слой и город,

в котором до этого буряты практически не жили. Именно город стал инструментом выращивания современной городской нации. Целенаправленно формируются новые социально-профессиональные группы – номенклатура, интеллигенция, городские средние слои, рабочие. Пауперизированное сельское население становится материалом для социальной инженерии. Все это происходит в контексте социалистической индустриализации. Создается (и для индустриализации, и для нациестроительства) система образования – от детских садов до высших учебных заведений. Это важнейший социальный лифт. Еще более значимый лифт – политика коренизации [4]. Выстраивается типовой набор социальной и культурной инфраструктуры – от властных структур до музеев и театров. Создается общепобурятский литературный язык. Устный народный эпос Гэсер становится литературным произведением современного типа, базовым и унифицированным фундаментом культурной традиции нации.

Улан-Удэ становится «национальной столицей». Известный бурятский ученый и общественный деятель Т.М. Михайлов назвал его выражением национального духа: «Буряты... в большинстве своем остались на земле предков, сохранили свой Дом. Под этим домом подразумевается, по сути, Республика Бурятия с ее центром – городом Улан-Удэ, ибо здесь средоточие национального духа» [11].

Показателен и случай Вильно, ставшего Вильнюсом. Губернский город Российской империи, в многонациональном и поликонфессиональном населении которого почти не было литовцев, в проекте литовского национального строительства он был избран в качестве столицы, главного города формирующейся литовской нации. Основанием для такого выбора стал символический фактор, историческая традиция, память о Великом княжестве Литовском [12]. Реализовалась эта функция при Советской власти, когда Вильнюс стал столицей Литовской ССР [13]. Это был не просто новый статус, но и радикально новые функции, новая система отношений и связей, этнически новая структура населения.

Описанные в статье случаи не исчерпывают спектр возможных ситуаций этнизации. Да такой задачи и не ставилось. Важно было на конкретных примерах описать некоторые предпосылки и механизмы этого процесса, попытаться посмотреть на рассматриваемые сюжеты (зачастую совсем не плохо изученные) еще и в таком дискурсе. Такой подход может открыть новые исследовательские возможности и перспективы как для изучения важнейших тенденций развития переселенческого сибирского общества, так и для понимания сложнейших и тонких этнических процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лоп Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / пер. с англ. В. Макарова. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.
2. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 500 с.

3. *Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества* / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск : Оттиск, 2013. С. 422–451.
4. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М. : РОССЛЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 666 с.
5. Калугина Г. Национально-культурные общества: посреднические и коммуникативные функции в городском сообществе (на примере Иркутска) // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск : Оттиск, 2012. С. 353–368.
6. «Чайнатауны» в России. Специальная тема номера // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 3–58.
7. Woodworth Bradley D. Patterns of Civil Society in the Modernizing Multiethnic City: A German Town in the Russian Empire Becomes Estonian // *Ab Imperio*. 2006. № 2. P. 135–162.
8. Сквирская В., Хэмфри К. Одесса: «скользкий» город и ускользающий космополитизм // Вестник Евразии. 2007. № 1(35). С. 88–117.
9. Алексеенко А. Миграции и борьба за городское пространство в независимом Казахстане // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск : Оттиск, 2012. С. 384–389.
10. Балдано М.Н., Кириченко С.В. Этнизация городского пространства Верхнеудинска / Улан-Удэ : город как инструмент выращивания современной городской нации // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2014. Т. 10. С. 50–66.
11. Михайлов Т.М. Национальное самосознание и менталитет бурятского народа // Современное положение бурятского народа и перспективы развития. Улан-Удэ, 1996. С. 18–25.
12. Staliunas Darius. Making a National Capital out of a Multiethnic City: Lithuanians and Vilnius in Late Imperial Russia // *Ab Imperio*. 2014. № 1. P. 157–175.
13. Davoliute Violeta. Postwar Reconstruction and the Imperial Sublime in Vilnius during Late Stalinism // *Ab Imperio*. 2014. № 1. P. 176–203.

Dyatlov Viktor I. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: vikdyatlov@yandex.ru

THE ETHNICIZATION OF PUBLIC SPACE: REASONS AND MECHANISMS OF THE PROCESS.

Keywords: ethnicization; project; Siberian resettlement-based society; migrations; imperial city.

The understanding of ethnicity as a situative state and process raises the question of ethnicization which constitutes the beginning or part of this process. In communities' life, circumstances may arise when ethnic identification and self-identification come to the fore and dictate behavioural strategies and practices of large masses of people. Ethnicization is a process of manifestation and, hence, mobilization of ethnicity which enters into the public space. Drawing on particular case studies, the article aims to look into the reasons for and mechanisms of the actualization of ethnicity as an important, possibly, key, factor in the regulation of public relations. The author considers some examples where ethnicity starts to define the lifestyle and behaviour patterns of a significant number of city dwellers. The demonstration of ethnicity becomes part of everyday life when ethnically marked objects and areas of relations emerge in a city. Several cases of ethnicization are considered in the article, based on the history of the Siberian resettlement-based society. Two mechanisms of this process are analyzed, namely the public policy which was sometimes built as a project and socio-economic and cultural processes in the society associated with the modernization. The meaningful public policy in the field of the ethnic (and not the confessional or estate-related) is directly connected with the First World War, when the state begins to consider both its own citizens and citizens of other states through the prism of their ethnicity and, based on this criterion, develops a system of privileges or discrimination. The Soviet leadership conducted the social engineering policy, building not only the class-oriented but also national structure of the new society. Of particular interest are the nation-building experiments carried out among the indigenous peoples of Siberia. Here, the article deals with the case of the district city of Verkhneudinsk being transformed from a purely Russian, in terms of the population and culture, city to the capital of the Buryat emerging socialist nation. This not only led to the change in the name of the city but also to some great shifts in the size and composition of its population, as well as to the formation of new models of relationships and to that of a new hinterland.

REFERENCES

1. Laure, E. (2012) *Russkiy natsionalizm i Rossiyskaya imperiya: Kampaniya protiv "vrazheskikh poddannykh" v gody Pervoy mirovoy voyny* [Russian nationalism and the Russian Empire: The campaign against "enemy aliens" during World War I]. Translated from English by V. Makarova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Nam, I.V. (2009) *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.)* [National minorities of Siberia and the Far East at the turn of the historic (1917–1922)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Dyatlov, V.I. & Grigorichev, K.V. (eds) (2013) *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Resettlement Society of Asian Russia: migration space community]. Irkutsk: Ottisk. pp. 422–451.
4. Martin, T. (2011) *Imperiya "polozhitel'noy deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The empire of "positive activities". Nation and nationalism in the USSR, 1923–1939]. Translated from English by O.R. Shchelokova. Moscow: ROSSPEN.
5. Kalugina, G. (2012) *Natsional'no-kul'turnye obshchestva: posrednicheskie i kommunikativnye funktsii v gorodskom soobshchestve (na primere Irkutsk)* [The national-cultural societies: mediation and communicative function in the urban community (as exemplified by Irkutsk)]. In: Dyatlov, V.I. (ed.) *Mestnye soobshchestva, mestnaya vlast' i migranty v Sibiri na rubezhakh XIX–XX i XX–XXI vekov* [Local communities, local authorities and migrants in Siberia in the 19th–20th and 20th–21st centuries]. Irkutsk: Ottisk. pp. 353–368.
6. Dyatlov, V.I. (2008) «Chaynatauny» v Rossii [«Chinatowns» in Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 4. pp. 3–58.
7. Woodworth, B.D. (2006) Patterns of Civil Society in the Modernizing Multiethnic City: A German Town in the Russian Empire Becomes Estonian. *Ab Imperio*. 2. pp. 135–162.
8. Skvirskaya, V. & Humphrey, K. (2007) Odessa: "skol'zkiy" gorod i uskol'zayushchiy kosmopolitizm [Odessa: A "slippery" city and elusive cosmopolitanism]. *Vestnik Evrazii*. 1(35). pp. 88–117.
9. Alekseenko, A. (2012) Migratsii i bor'ba za gorodskoe prostranstvo v nezavisimom Kazakhstane [Migration and the struggle for urban space in independent Kazakhstan]. In: Dyatlov, V.I. (ed.) *Mestnye soobshchestva, mestnaya vlast' i migranty v Sibiri na rubezhakh XIX–XX i XX–XXI vekov* [Local communities, local authorities and migrants in Siberia in the 19th–20th and 20th–21st centuries]. Irkutsk: Ottisk. pp. 384–389.
10. Baldano, M.N. & Kirichenko, S.V. (2014) Ethnicization of Urban Space of Verkhneudinsk/Ulan-Ude: City as a Tool for Growing Modern Urban Nation. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie" – The Bulletin of Irkutsk State University. Politicalology. Religion Studies*. 10. pp. 50–66.
11. Mikhaylov, T.M. (1996) *Natsional'noe samosoznanie i mentalitet buryatskogo naroda* [National consciousness and mentality of the Buryat people]. In: Randalov, Yu.B. & Sanzhiev, G.L. (eds) *Sovremennoe polozhenie buryatskogo naroda i perspektivy razvitiya* [The current situation of the Buryat people and prospects of development]. Ulan-Ude: RAS. pp. 18–25.
12. Staliunas, D. (2014) Making a National Capital out of a Multiethnic City: Lithuanians and Vilnius in Late Imperial Russia. *Ab Imperio*. 1. pp. 157–175.
13. Davoliute, V. (2014) Postwar Reconstruction and the Imperial Sublime in Vilnius during Late Stalinism. *Ab Imperio*. 1. pp. 176–203.

УДК 304.2
DOI 10.17223/19988613/37/3

Е.Г. Трубина

КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена тем вариантам понимания культурного и социального разнообразия, что связаны с противоречиями неолиберального капитализма и их проявлениями в государственной и местной политике. В центре статьи – аргумент о глобальном и национальном использовании культурного разнообразия. Он рассмотрен в контексте осмысления связи миграции и креативности, в частности урбанистом Р. Флорида. Показано, что позитивные, в частности либеральные, коннотации культурного разнообразия используются не только в политических, но и экономических целях.

Ключевые слова: культурное разнообразие; неолиберальный национализм; город; этничность; коммерциализация.

Социально-гуманитарное знание осмысливает разнообразие людей и человеческих культур, стремясь найти ответ на вопрос об основаниях социальной стабильности и социальной связи, о критериях, в соответствии с которыми одни культурные практики кажутся нам нормальными, а другие – странными. При этом само это знание развивалось в рамках национальных государств и национальное государство как главную шкалу анализируемых процессов включило в свою исследовательскую оптику. Представления об эволюции обществ как прогрессе были оформлены в фундаментальный мета-нарратив, в центре которого – единая для всех траектория развития, стандарты которого воплощают передовые страны и культуры (и до которых не дотягиваются слишком от них отличающиеся). Это побуждало учёных долгое время пренебрегать культурным разнообразием в пользу утверждения универсальных стандартов развития и отвечающим им ценностей, пока социальная антропология и близкие ей дисциплины под влиянием целого ряда социальных и исторических обстоятельств не сосредоточились на разнообразии человеческого рода. Люди образуют один род, но группы, в него входящие, сильно отличаются между собой. Отличаются и ценности, которым подчинена жизнь различных групп: они зависят от места и исторического момента, а также от того, сколько и каких людей они устраивают. Последние десятилетия XX в. были отмечены нарастанием значимости *культурного* разнообразия для разных групп людей, в том числе и академиков, что отразилось в огромном объёме посвящённой ему литературы, в которую мы с американскими коллегами также внесли скромный вклад.

В книге «Dilemmas of Diversity After the Cold War: Analyses of "Cultural. Difference" by U.S. and Russia-Based Scholars» (Woodrow Wilson Center, 2010) мы с американским антропологом Мишель Ривкин обобщили дискуссии американских и российских исследователей, посвящённые проблемам идентичности и культурного разнообразия, состоявшиеся в ходе семинаров, организованных Институтом Кеннана летом 2005 г. и зимой 2006 г. Институциональные истоки этого проекта, включившего семинары и подготовку к

печати книги (на основании презентаций участников) в наши дни, отмеченные резким ограничением академического сотрудничества с западными коллегами, важны и значимы.

Замысел спонсоров проекта – Института Кеннана и его директора Блэра Рубла – заключался в том, чтобы включить в профессиональные международные сети российских ученых и преподавателей, работавших в рамках Межрегиональных институтов по общественным наукам (МИОНов), открытых с финансовой помощью Корпорации Карнеги и Фонда Макартуров с начала 2000-х гг. в семи российских университетах, включая Томский, где выходит данный журнал.

Наша книга была продуктом эксперимента, суть которого состояла в попытке международной и междисциплинарной группы исследователей, объединенных лишь самым общим интересом к проблематике разнообразия, найти общую почву для ее анализа, не теряя в то же время из виду эпистемологические, исторические, экономические истоки различий внутри группы. Поскольку участники группы различались и характером образования и преподавания, и дисциплинарными установками, к необходимости осмыслить теоретические и эмпирические проблемы культурного разнообразия в США и России добавилась проблема *интеллектуального* разнообразия, которое воплощала собой данная группа исследователей.

Итогом общей рефлексии стала попытка сформулировать, в чем состоят американские и российские представления о разнообразии. Первые исходят из того, что разнообразие тогда получает смысл, когда те или иные социальные и культурные группы выражают и мобилизуют свою идентичность в широких социальных целях. Две стороны американской истории лежат в основе таких представлений. Во-первых, то, что Америка представляет собой страну эмигрантов, в которой главным критерием принадлежности к нации становится скорее приверженность либеральным ценностям, нежели утверждения об общих «крови» или «генах». Во-вторых, движение за гражданские права, утвердившее ценность равных прав для всех. Вторые, российские, представления о разнообразии отмечены трево-

гами и утратами, связанными с распадом Советского Союза. Стремясь утвердить себя в качестве сильной нации, Россия поощряет национализм, тогда как разнообразие – будь оно представлено мигрантами, религиозным плюрализмом, борьбой за независимость этнических меньшинств, либо даже новыми способами понимания художественной литературы – с готовностью изображается в качестве угрозы национальному единству. Разнообразие поощряется лишь коммерчески, выражая логику потребительского рынка, но это отнюдь не ведет к большей открытости людей иным мировоззрениям и верованиям, а напротив, бесп проблемно соединяется с национализмом.

Международный характер созданной организаторами нашей группы ученых побудил к рефлексии того, как различающиеся социальные контексты, в которых работают ученые, привел к неодинаковому пониманию ими «разнообразия» и «терпимости». В первом приближении можно обозначить специфику подхода американских участников как «идеалистическую», потому что их нацеленность на поиск позитивных решений для всех сложных проблем базируется на уверенности в возможности создания лучшего общества. Напротив, рассуждениям российских участников был присущ «прагматизм», понимаемый здесь как отказ придерживаться какой бы то ни было нормативной рамки, т.е. с мечтами о лучшем обществе рефлексия разнообразия российскими учеными соединяется крайне редко. Это, возможно, объясняется тем, что российские ученые живут в государстве с минимальной политической жизнью, где терпимость к разнообразию мало кого заботит, а необходимость сводить концы с концами подчиняет себе полагание ценностей справедливости и взаимного уважения (либо способствует их инструментализации).

Подготовленная в этой связи книга вышла в свет в 2010 г. Для ее обложки мы использовали мою фотографию фонтана «Дружба народов» на ВДНХ в Москве на фоне угрюмых грозowych облаков. Тогда нам казалось, что эта фотография переключается и с трагедией в Беслане в 2004 г., и с волнениями в Кондопоге в 2006 г., и с другими событиями, свидетельствующими о том, как непросто членам советской семьи народов сосуществовать в условиях новой страны. Мы, однако, не могли предвидеть, что образ позолоченных скульптур в центре упомянутого фонтана на фоне грозы, скульптур, олицетворяющих «сестер» – советских республик, приобретет еще более серьезное значение после событий 2014 г. Данную статью я мыслю продолжением начатой вместе с американскими коллегами работы по осмыслению того, что такое разнообразие сегодня.

Культурное разнообразие в контексте неолиберального капитализма. Разнообразие я понимаю как сосуществование различных групп в рамках тех или иных географических образований – стран, регионов и городов. Культурное разнообразие, если упростить множество его толкований, это, во-первых, сосуще-

ствование представителей различных культур в городе или стране и, во-вторых, достояние человечества, что должно быть защищено от ряда угроз, в том числе глобализации, которая культуры нивелирует. Отправной точкой своих рассуждений я хочу сделать аргумент антрополога Арджуна Appaduraya. Культурное разнообразие сегодня, как он настаивает, «сознательно мобилизовано... на службу масштабной национальной или транснациональной политике» [1. С. 15].

Тенденция мобилизации того, что традиционно, благодаря философам и антропологам, мыслилось как одно из измерений человеческого существования, мне кажется очень важной. Если мыслители (к примеру, Ханна Арендт) призывали быть внимательными к людской множественности и непохожести ради обещания мыслить и действовать, которое хранит в себе каждый человек, и горевали по поводу стерильного обезличивания людей, от которого не свободна модерность, то политики и экономисты, урбанисты и идеологи разнообразия, повторю, прагматически мобилизуют. В итоге понятие культурного разнообразия приобретает все больший этический «вес» и его нормативное понимание, исходящее из того, что разнообразие *должно* сохраняться, а те, кто встают на его защиту, занимаются общественно значимым делом, усиливается. В силу целого ряда причин из всех возможных вариантов разнообразия людей именно культурное привлекло к себе наибольшее внимание. Необходимостью защищать, охранять, не дать в обиду ту или другую культуру оправдывают свою политическую деятельность самые разные лагеря, пренебрегая тем фактом, что культуры давно уже не существуют в отдельности и неизменности, они мутируют, мигрируют, заимствуют друг у друга полезные компоненты, становясь гегемонами и отходя в тень. Сложности осмысления разнообразия «вообще» и разнообразия культурного связаны с тем, что нормативный и дескриптивный ракурсы постоянно совмещаются: простые описания непохожих на доминирующие сообществ либо практик нередко мыслятся как миссия по их сохранению, что неплохо, но явно недостаточно.

Главное, связанное с разнообразием, противоречие состоит в следующем. Разнообразие должно постоянно пополняться извне тех мест, где оно складывается. Предпосылка разнообразия – открытость наций и государств. Между тем одна из главных линий напряжения сегодня заключается в противоречии между открытостью и закрытостью государств (либо между открытостью в одном отношении и ограниченной открытостью в другом). Закрытость государств связана с непростыми отношениями между ними и нациями. С одной стороны, нация образована людьми со смешанными корнями, происходящими из разных (и также смешанных) этнических и прочих групп. Пытаясь совладать с этой непредсказуемой пестротой, государство делает себя воплощением нации, задавая «унитарное и манихейское поле социального видения» [2. С. 196]. Англий-

ские историки Корриган и Сэйер настаивают, что «унитарность» этого поля предполагает сведение к минимуму различий в рамках нации, а «манихейскость» – особое «регулирующее и риторическое пространство для тех, кто «чужд» тому, что провозглашается в качестве национального образа жизни [2. С. 196].

Увязывание воедино национальных символов и официальной государственной политики в рамках систематической пропаганды национального единства приводит к тому, что проявления чьего-то пренебрежения к составляющему суть «нашего», т.е. «национального» и «исторически сложившегося», люди воспринимают очень болезненно, в том числе как «неверность», «недостаток преданности», ибо это угрожает их субъективности, для которой национальная принадлежность составляет один из главных стержней (наряду с классовой и гендерной, а также выбранной профессией). Однако соединение национальных святынь и повседневных практик в националистическом дискурсе именно его делает популярным (в конце концов, редкие из нас мыслят свою профессию в терминах призвания, миссии, и о роли своего класса в мире тоже, как правило, не задумываются). Другое дело – нация. Корриган и Сэйер приводят в качестве примера риторику Маргарет Тэтчер в адрес Национального союза горняков, стоявшего в центре забастовок шахтеров, охвативших Англию в 1980-е гг., поражение которых позволило в итоге правительству Тэтчер укрепить свой консервативный неолиберальный курс. Тэтчер сравнила профсоюзного лидера – президента Национального союза горняков – с аргентинским диктатором Гальтерри, попытавшимся восстановить свою популярность захватом Фолклендских островов (апрель 1982 г.), что привело к Фолклендской войне, восстановлению на островах британской власти и политическому краху Гальтерри. Смысл этого сравнения в том, что совсем не обязательно быть вдалеке от нации, чтобы быть объявленным глубоко ей чуждым: если ты, в качестве руководителя сильного профсоюза, противишься официальному курсу, тебя обзовут фашистом и провозгласят «не нашим» (в данном случае, «не английским»). Категория «не наших» расширяется тогда до бесконечности, включая «папистов, якобинцев, марксистов, суфражистов, цыган, членов профсоюзов», а ее творческое переосмысление националистическими пропагандистами строится на расизме и ксенофобии, составляющих, как иронически подчеркивают авторы, «культурное наследие миссии по внесению цивилизации в мир» [Там же].

Как же так получается, что среди давно сложившихся идеологий и политических вариаций именно национализм оказывается нужен неолиберальному государству? Дэвид Харви объясняет это противоречием между экономическими и политическими целями неолиберального государства: с одной стороны, «государство... должно само действовать как коллективная корпорация», а для этого, с другой, «быть активным, создавать благоприятный деловой климат и оставаться

конкурентоспособным в мировой политике» [3. С. 45]. Но как получить на это все поддержку граждан? Здесь и оказывается полезным национализм. Харви также вспоминает использование национализма Маргарет Тэтчер не только в истории с Фолклендскими островами, но и в отказе Англии интегрироваться с Европой и многочисленные другие случаи мобилизации национализма неолиберальным государством: «Снова и снова, будь то Европейский Союз, Общий рынок стран Южной Америки (Mercosur), где бразильский и аргентинский национализм препятствует интеграции, Северо-американская зона свободной торговли (NAFTA) или Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (ASEAN), – национализм необходим государству для эффективного функционирования в качестве конкурентного субъекта на мировых рынках» [Там же].

Противоречивый симбиоз национализма и неолиберализма, нуждающихся друг в друге для сохранения социального порядка и встраивающих проявления националистической лояльности в сложные экономические цепи, рассмотрен рядом авторов [4, 5]. И для национализма, и для неолиберализма национальное государство – точка отсчёта, только для национализма это высшая точка, а для неолиберализма – инструмент, позволяющий справиться с тем затруднением, что, провозглашая своей целью выражение интересов всех граждан, этот этап развития капитализма отмечен беспрецедентным разрывом в доходах и иными проявлениями эффективной защиты интересов элит. Чего бы ни касался такой альянс национализма и неолиберализма – искусства или науки, технологий или миграций, – он оценивает все это избирательно. Критерий оценки – интересы нации, под которые можно подверстать очень многое. Так, миграция поощряется лишь «желательная», т.е. состоящая из высококвалифицированных и состоятельных людей, тогда как на пути всех остальных – множество ограничений [4].

Эти ограничения встречают понимание и поддержку населения большинства стран мира. Международная ситуация после 11 сентября 2001 г. и ряда последовавших после этого террористических атак в разных странах состоит в том, что гражданскую сплоченность и ценностное единство правительства, по крайней мере риторически, ставят выше культивирования разнообразия и терпимости к нему. Консерваторы и культурные фундаменталисты мыслят нацию как единую (и одну) культуру, опираясь на популярные и у академиков представления о национальной культуре как исторически укорененной, прикрепленной к определенной территории, как передаваемому от поколения поколению набору традиций и ценностей.

«Культуралистская риторика» [6] предполагает осуждение национальных ценностей таким образом, чтобы национальное государство мыслилось их хранителем. Это дает возможность изобразить миграцию как угрозу коллективной идентичности граждан данного государства. Общее понимание значимости принад-

лежности одной, единой национальной культуре мобилизуется государством посредством масс-медиа и иных каналов продвижения культурного фундаментализма. В результате их работы национализм становится повседневным и даже «банальным», если вспомнить название популярной работы [7].

Неолиберальный девиз «каждый сам за себя» тоже стал само собой разумеющимся: каждый сам определяет, какие культурные символы для него являются значимыми, и если часть этих символов связана с отторжением «чужого», такой повседневный неолиберализм подпитывает расизм и ксенофобию, усиливает консервативные настроения. Так, перспектива создания приезжими рабочими сильных профсоюзов пугает и хозяев загородных коттеджей, и местные правительства. Богачам мигранты с проснувшимися интересами не нужны, так как потребуют больше денег за свою работу, а местные правительства в вечной заботе о социальном порядке поддерживают интересы состоятельных слоев населения тем, что не спешат юридически поддерживать многих мигрантов.

Для того чтобы рыночная экономика функционировала эффективно, между государствами должна иметь место свободная миграция рабочей силы. С другой стороны, суверенное государство не может допустить безграничной миграции и бесконечного культурного разнообразия, так как они препятствуют общественному и ценностному единству – конструктам, помогающим государству в утверждении его легитимности. По оценке Иммануэля Валлерстайна, «государство почти всегда предшествует нации, и развитие национального нарратива столь же прагматично, как и все остальное. Признанные в качестве суверенных, государства часто видят угрозу и во внутреннем распаде и внешней агрессии. Эти угрозы ослабляются по мере того, как зреет национальное чувство. Властвующие правительства, как и все подгруппы внутри государства, заинтересованы в усилении этого чувства. Любая группа, реализующая свои интересы в борьбе с группами помимо государства или в каком-то регионе данного государства, полагаясь на его юридическую силу, будет использовать националистические аргументы как легитимацию своих претензий. Государства, далее, заинтересованы в административном единообразии, увеличивающем эффективность их политики. Национализм – выражение, двигатель и следствие такого государственного единообразия» [8. С. 81].

Национализм выступает на стороне государственного единообразия, используя риторику общественного и ценностного единства для маскировки политических интересов государства в целом и отдельных, связанных с ним и зависимых от него, игроков. Напротив, неолиберальный капитализм, нередко (и обоснованно) отождествляемый с глобализацией, зависит от неограниченного движения через национальные границы людей, товаров, технологий и идей. Столкновение рыночной открытости с государственными интересами часто

приводит к тому, что товарам преодолеть государственные границы проще, чем людям (за исключением грустных случаев государств, к которым применены экономические санкции). Большинство государств, ужесточая иммиграционную политику, сталкиваются в результате с наплывом нелегальной миграции. Политический теоретик Джеймс Холлифилд противоречие между открытостью, присущей экономической логике либерализма, и закрытостью, присущей его политической и юридической логике, назвал «*либеральным парадоксом*» миграционного государства и продемонстрировал, что в истории западных государств этот парадокс проявлялся в том, что потокам мигрантов ворота планировалось открывать только на время, а затем ставить этим потокам жесткие препоны, причем координируя эти ограничения друг с другом [9. С. 904].

Политики лавируют между инвесторами (им нужна рабочая сила) и населением своих стран, которое, как правило, настроено против иммигрантов. Политический теоретик Моника Варсанай формулирует вслед за Холлифилдом *неолиберальный парадокс*, состоящий в том, что высокий спрос на недорогую временную рабочую силу в строительстве, сфере услуг и гостеприимства сочетается с различными законами, которые накладывают ограничения на передвижение и поселение мигрантов, в совокупности делая их нелегальными [10. С. 882]. Правительственным декларациям об открытой рыночной экономике противоречат и избирательно открытые закрытые границы и испытываемые многими сложности с получением гражданства [Там же. С. 879].

Этот парадокс, добавлю я, разворачивается на нескольких шкалах: если федеральное государство может лишь «выразить озабоченность» количеством доступных для его граждан рабочих мест, то конкретные драмы, связанные с ограничениями на получение рабочих мест и проживание, разворачиваются в бюрократических коридорах отделений по миграции в тех или иных штатах и городах. Столкнувшись с дискриминацией со стороны контрактора, набирающего дешевую рабочую силу, или владельца квартиры в приличном районе, которую хотелось бы снять, приезжий работник понимает, так сказать, по месту приезда, насколько его здесь не ждут.

Противоречие между идеологией и повседневностью неолиберализма состоит в том, что, отдавая приоритет нерегулируемому рынку, индивидуализму и правам собственности, он побуждает местные правительства ограничивать рынок труда, создавая все новые препятствия мигрантам и их семьям. Города становятся ответственными за разработку принципов членства в местных сообществах, определяя, «кому разрешено, а кому нет быть членом «нашего» сообщества, более того, определяя, что означает легитимное в них членство [11]. Инициативы местных властей, подпитанные заботами местных же консерваторов о культурной однородности и представляемой мигрантами угрозе инте-

ресам должителей, ориентируются на законы, которые позволяют индивидам «практиковать свою свободу, но только теми способами, которые государство заранее определило, к примеру, как работников, но не как получателей льгот» [12. С. 60].

Почти в каждой стране сегодня мигранты, составляя немалую часть рабочей силы, сталкиваются со множеством ограничений, связанных с получением гражданства и иных прав и свобод. Эти ограничения реализуются на местах: чтобы убедиться в этом, в России достаточно посидеть в очереди и поговорить с представителями среднеазиатских республик, ожидающих возможности побеседовать с инспектором ФМС и «бумагу сделать», как выразился один из них. Вопрос о том, защищает ли права мигрантов Конституция той или другой страны, становится по нарастающей риторическим. Не будучи гражданами, мигранты остаются открытыми для разного рода дискриминации в тех регионах, где они решили поселиться. Увеличение распространности ненадежного труда без контрактов и льгот – часть неолиберальной политики занятости – строится на уверенности, что в глобализованном мире люди перемещаются беспрепятственно. Однако регулирование получения гражданства и усиление границ прикрепляют людей к «своим» нациям. Те же из них, кто решил искать счастья в рамках других наций, сталкиваются с противоречиями между экономическим и политическим измерениями разнообразия. В качестве рабочей силы приезжие нужны, но в качестве граждан их готовы рассмотреть лишь в случае, если они не угрожают единству национального, городского и иного сообществ. Для этого они должны включиться в жизнь новой для них нации, выучив язык, подтвердив привезенные из дома дипломы и сертификаты, стать членами имеющихся на новом месте жительства сетей поддержки (к примеру, землячеств), подчиниться тем вариантам политики в отношении мигрантов, что складываются в тех или иных городах.

Безграничная приверженность многих людей, на Западе они живут либо где-то еще, ценностям своих культур побуждает к поиску принципов и идей, которые помогли бы увеличить общую безопасность. В то же время реализация капиталистическими игроками экономических интересов приводит к тому, что культурное разнообразие западных городов нарастает, порождая раздумья о разнообразии как экономическом активе (Флорида). Эта концепция и будет кратко далее рассмотрена в статье.

Культурное разнообразие как экономический актив. Множество культур, составляющих современный мир, сосуществуют в городах, что нашло отражение как в романтических метафорах «плавильного тигля», «миски с салатом», так и трезвых, родившихся в России, к примеру «резиновой квартиры» (так называют жилища, в которых прописываются десятки трудовых мигрантов, чтобы получить разрешение на проживание и работу в стране). Города носителей разных

культур сталкивают на улицах и в транспорте, обогащая одних из них и укрепляя предрассудки других. Города носителей разных культур эксплуатируют в строительстве и сфере обслуживания, облагают поборами (не делая при этом исключения и для представителей культур местных). Для носителей одних культур города – убежище, для других – тюрьма, для третьих – загрязненный организм, нуждающийся в очистке, для четвертых – пространство, которое тем и хорошо, что сулит новые непредсказуемые встречи. Потенциал городов по созданию общей космополитической культуры горожан стал осмысляться в европейской литературе с XVIII в.

Взгляд на город, как на культурную и экономическую машину, способную переработать неприятную пестроту взглядов и нравов его обитателей в работающую городскую массу и активную городскую публику, популярный у реформаторов, сочетается с иным взглядом – частным, индивидуальным, сформировавшимся в ходе контактов с людьми, отличающимися от тебя телесно, гендерно, расово, этнически, классово и иным образом. Почти каждый день, прожитый в городе, сталкивает нас со стариками, инвалидами, детьми, нищими, пьяницами, свидетельствуя о том, что у городского разнообразия множество проявлений и сторон. Если заботой власти и городских активистов является преобразование городской среды так, чтобы разные горожане видели, что их нужды принимаются в расчет, то заботой многих горожан является организация своей жизни таким образом, чтобы свести к минимуму контакты с «неприятным» разнообразием. Интеллектуалы почувствовали важность для людей сокращения физических контактов в пространстве города.

Так, теоретик Сара Ахмед интересно пишет об активном дистанцировании – эмоциональном процессе, связанном с выражением и разыгрыванием противоречивых чувств горожан к «другим» [13]. Эта забота согласуется с третьим (после политического и повседневного), *деловым* пониманием городского разнообразия, состоящим в стремлении извлечь прибыль из интенсивности городских контактов и пестроты обитателей города, в частности экономически употребить «отличающихся» людей и их потенциал. В этом контексте поощрение лишь «желательной» миграции, т.е. разрешения поселиться в стране высококвалифицированным и состоятельным людям, может быть осмыслено и как проявление специфической солидарности элит, и стремление сэкономить на обучении собственной рабочей силы.

Урбанист Ричард Флорида пытался культурно разнообразие городских сообществ осмыслить как источник городского роста. Опираясь на хорошо известный аргумент об экономике знания и имея в виду прежде всего Соединенные Штаты Америки, он подчеркнул, что люди, способные превратить знания в деньги («креативный класс»), концентрируются в тех городах, где особенно развиты высокотехнологичные производства [14].

Согласно Флориде, «креативные города», т.е. города, в которых сосредоточено новаторское и наукоемкое производство, создают большое количество рабочих мест, а среди факторов, делающих их привлекательными для высокообразованной продуктивной публики, он называет характеристики городского сообщества, а именно толерантность, открытость и культурное разнообразие: «Лучше всего... работает моя собственная теория креативного капитала. Вспомним ее основной тезис: экономический рост регионов обеспечивается креативными людьми, которые предпочитают места, отличающиеся разнообразием, толерантностью и открытостью новым идеям» [14. С. 276].

Соединение либеральных идей, в частности тезиса о ценности толерантности и культурной сложности с поиском экономических возможностей, открываемых разнообразием, воплотилось и в известном «Манифесте 100», третий пункт которого гласит: «Прими разнообразие. В нем исток креативности, инновации, позитивного экономического воздействия. Разнообразие идей, выражений, талантов и точек зрения, обогащающих сообщества, создается людьми разного происхождения и образования. Так идеи процветают и создают жизнеспособные сообщества» [15].

Р. Флорида ратует за либеральные, толерантные и разнообразные сообщества, считая их предпосылкой эффективного экономического развития. Проанализировав свыше пятидесяти городов, Флорида с коллегами выявил корреляцию между развитостью в том или ином городе высокотехнологичных производств и проживанием в нем достаточного числа «других» людей, под которыми он понимает (1) лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией, (2) «богему» (музыкантов, актёров, писателей, художников) и (3) бывших мигрантов. Среди городов с высокой концентрацией геев и высокотехнологичных производств они называют Сан-Франциско, Вашингтон, Остин, Атланту и Сан-Диего. Среди городов, популярных среди богемы и также технологически успешных, значатся Сизтл, Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Сан-Франциско и Бостон. Наконец, среди технологических центров с высокой концентрацией мигрантов названы Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Сан-Франциско, Сан-Диего, Хьюстон, Бостон и Вашингтон. Составной «индекс разнообразия», разработанный командой Флориды, позволил им расположить американские города по этой новой шкале и объявить лидеров – Сан-Франциско, Бостон, Сизтл и Вашингтон. Р. Флорида утверждает, что если «индекс разнообразия» у города высокий, это позволяет с уверенностью предсказывать в нем технологический рост [14. С. 276–293].

Принцип «Трёх Т» (технология, талант, толерантность), сформулированный им, также предполагает культивирование разнообразия: если его нет, нет нужды в толерантности, а талант и непохожесть на других тесно связаны. Рассуждения этого эксперта обращены к политикам и городским властям: для привлечения креативного класса нужно создать подходящие условия, включающие жи-

вые, вибрирующие, немонотонные районы и улицы, привлекательность которых создается и культурным разнообразием. Иными словами, определенный набор факторов выделен экспертом в качестве основы расширения предпринимательских возможностей городов.

Апелляция Флориды к либеральным идеям ставит его критиков в сложное положение и объясняет глобальную популярность урбаниста, однако проводимые им корреляции все же чересчур прекраснотушны (либо, наоборот, циничны). Экономический географ Джейми Пек в ряде критических текстов убедительно показал, что надежды на креативность представляют собой попытку «мягкого» политического решения противоречий современной городской жизни, обусловленных недостатком средств на социальную политику, нарастающей социальной поляризацией и т.д. [15]. Тем не менее составление перечней передовых в том или ином отношении городов, на чем специализируется Р. Флорида, остается очень прибыльным делом: какой же мэр не захочет попасть в первую десятку, пусть это и потребует оплаты дорогостоящих советов экспертов по креативному развитию городов? В то же время введенный Флоридой «индекс разнообразия» игнорирует исторические обстоятельства и сложно связанную совокупность факторов, приведших к уникальности того или иного города. Так все ли в глобальной успешности Нью-Йорка объясняет его разнообразное население? Осуществленное Флоридой объединение богемы, геев и мигрантов в качестве источника городского процветания, с одной стороны, обесценивает городскую историю с ее каждый раз неповторимым сочетанием факторов, из одних городов на время делающих победителей, а других отбрасывающих на обочину (бывает, что и навсегда).

С другой стороны, как бы ни льстил «индекс разнообразия» «учтенным» в нем категориям людей, он недостаточно учитывает пространственное распределение людей, работающих в высокотехнологичных отраслях. Хотя Флорида с коллегами и говорит о «городских зонах» (metropolitan areas), что предполагает города, взятые вместе в пригородах, все же в его анализе не вполне учтено распределение рабочей силы в «технополисах». Почти всегда рабочие места в таких городах делятся на две группы: высокооплачиваемые высококвалифицированные белые профессионалы (а также профессионалы азиатского происхождения) и малооплачиваемые работники сектора услуг. Рынок жилья в любом крупном городе (а Флорида говорит лишь о таких) складывается так, что работники сервисной экономики, часто представленные мигрантами-американцами, латино-американского происхождения, приезжают на работу из пригородов, тратя несколько часов в дороге, и иным образом страдают от социальной сегрегации. Но даже высокооплачиваемые, приехавшие на постоянную работу профессионалы, безусловно внося вклад в экономику страны, испытывают сложности с получением гражданства и ощущением равноправного членства в принимающем обществе. По

мнению ряда авторов, проблемы, с которыми сталкиваются мигранты и их потомки в этих мультикультурных городах, включают занятость, жилье, образование, услуги, расизм, насилие, сегрегацию, сложности с осуществлением религиозной свободы и т.д. [17, 18].

Картина же «полезного» городского разнообразия, рисуемая Флоридой, очень избирательна: делая акцент на необходимости сделать города привлекательными для «других», творческий потенциал которых видится ему более высоким, он имеет в виду создание властями привилегий для уже успешных слоев населения, ассоциируемых Р. Флоридой с креативностью, новизной и трансгрессией. Критики Флориды справедливо сомневаются в том, способны ли «странствующие хакеры и... богемы в ассортименте» [19, 15] привнести в город столь насущную для него креативность, и настаивают, что новшества должны вырасти из неповторимой для каждого города связи экономики и социальных отношений. В идеях Флориды можно усмотреть выражение интересов девелоперов: цены на недвижимость растут в тех районах, что провозглашены популярными у членов креативного класса, вытесняя бывших их обитателей и способствуя росту спекулятивного капитала, а не количества рабочих мест. Можно сказать, что Флорида предлагает успешным мигрантам, геем и творцам качественного культурного продукта, вложившись в глобальную экономику своей профессиональной деятельностью, стать своеобразным активом, самим фактом своего проживания, усиливая привлекательность и продаваемость того или иного квартала.

Разнообразие мыслится в наши дни и *нормативно*, т.е. как предмет озабоченности, охраны и гордости, и *инструментально*, т.е. как такая характеристика города либо страны, которая увеличивает их функциональность. Разнообразие обитателей городов (справедливо мыслимое как один из критериев городской жизни) – предпосылка новых достижений, не случайно теоретики ратуют за приоритет разнообразия в планировании городов, настаивая на том, чтобы проектируемое городское пространство поощряло ежедневное смешение людей, социальных групп и практик. Опираясь на теории городского роста, городской политики, академические тексты о национализме, неолиберализме и миграции, в этой статье я сформулировала две взаимосвязанные идеи. Во-первых, в то время как город справедливо понимается в качестве пространства, объединяющего членов многокультурных обществ, отношения между городской и национальной шкалами регулирования межкультурных отношений сегодня меняются. Государственная риторика гостеприимства и открытости не

должна препятствовать нашему пониманию того, что главная шкала, на которой принципы культурного разнообразия подрываются, – это город. Это здесь многим мигрантам дают понять, каким бременем для экономики и угрозой для культуры их считают горожане, и с какими сложностями они столкнутся, легализуя свое пребывание в данной стране. Во-вторых, обращение к разнообразию как одному из достояний городской жизни, которое можно превратить в экономический актив, предпринятое Ричардом Флоридой и его последователями, отмечено крайней избирательностью и пренебрежением противоречиями городской миграции. Тогда как этнические меньшинства чувствуют себя нередко бесильными и униженными и их интересы редко проникают на уровень городской, а тем более национальной публичной сферы, Флорида ратует за расширение разнообразия, понимаемого как экзотика, т.е. за расширение спектра потребительского выбора состоятельных клиентов. Из всех возможных пониманий разнообразия Флоридой взят на вооружение самый беспроblemный, тот, что хорошо согласуется с главным принципом неолиберального капитализма: «Будь состоятельным покупателем, и это гарантирует тебе уважение». Мой аргумент состоит в том, что неолиберальная политика городских правительств, выстраиваемая с опорой на пропагандируемые экспертами успешные случаи, вписана в укрепляющийся сегодня неолиберальный национализм, в основе которого лежит пропаганда интересов нации, которыми прикрывается реализация экономических и политических интересов элит.

Реальная миграционная политика и фундаментальные структурные противоречия общества, оборачивающиеся углубляющимся неравенством, делают наше отношение к разнообразию более настороженным, менее романтическим и исполненным неопределенности. Многие связи между разнообразием и неравенством, а также между разнообразием и нуждой людей хотя бы в иллюзорной защищенности только начинают осмысляться. Так, предприниматели и студенты из разных мест украсят любой город, а часть из них в нем останется жить, что часто – к лучшему, но, когда дело доходит до условий труда и оплаты за него, им вместе со старожилами приходится сталкиваться с эксплуатацией, а нередко и обманом работодателей. Сложность состоит в том, чтобы разработать такую экономическую политику, итогом которой было бы получение от разнообразия преимуществ и сокращения влекомых им сложностей, в частности взаимной нетерпимости мигрантов и местных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, MN : University of Minnesota Press, 1996.
2. Corrigan P., Sayer D. The Great Arch: English State Formation as Cultural Revolution. Oxford : Blackwell, 1985.
3. Харви Д. Краткая история неолиберализма. М. : Поколение, 2007.
4. Davidson N. Nationalism and Neoliberalism // Variant. 2008. № 32. P. 36–38.
5. Harmes A. The Rise of Neoliberal Nationalism // Review of International Political Economy. 2012. № 19 (1). P. 59–86.
6. Stolcke V. Talking Culture. New Boundaries, New Rhetorics of Exclusion in Europe // Current Anthropology. 1995. № 36 (1). P. 1–13.
7. Billig M. Banal Nationalism. London : Sage, 1995.
8. Balibar E., Wallerstein I. Race, Nation, Class. London, UK : Verso, 1991.

9. Hollifield J.F. The Emerging Migration State // *International Migration Review*. 2004. № 38 (3). P. 885–912.
10. Varsanyi M.W. Rescaling the 'Alien', Rescaling Personhood: Neoliberalism, Immigration and the State // *Annals of the Association of American Geographers*. 2008. № 98 (4). P. 877–896.
11. Varsanyi M.W. Documenting Undocumented Migrants: The Matrículas Consulares as Neoliberal Local Membership // *Geopolitics*. 2007. № 12 (2). P. 299–319.
12. Hartman Y. In Bed with the Enemy: Some Ideas on the Connections Between Neoliberalism and the Welfare State // *Current Sociology*. 2005. № 53 (1). P. 57–73.
13. Ahmed S. *The Cultural Politics of Emotion*. 2nd Edition. London, UK : Routledge, 2014.
14. Флориды Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика-XXI, 2007.
15. *Memphis Manifesto*. Creative Class Group. URL: <http://www.creativeclass.com/rfcgdb/articles/manifesto.pdf>
16. Peck J. Struggling with the Creative Class // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2005. № 29. P. 740–770.
17. Leslie D., Catungal J.P. Social justice and the creative city: class, gender and racial inequalities // *Geography Compass*. 2012. № 6. P. 111–122.
18. Finney N., Simpson L. *Sleepwalking to Segregation? Challenging Myths About Race and Migration*. Bristol : Policy Press, 2009.
19. Scott A. Creative Cities: Conceptual issues and Policy Questions // *Journal of Urban Affairs*. 2006. № 28 (1). P. 1–17.

Trubina Elena G. Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: elena.trubina@gmail.com

CULTURAL DIVERSITY AND NEOLIBERAL NATIONALISM: AN ESSAY TOWARD STATING A PROBLEM OF THEIR CONNECTION.

Keywords: cultural diversity; neoliberal nationalism; the city; ethnicity; commercialization.

The article deals with those concepts of cultural and social diversity which are linked to the contradictions of the neoliberal capitalism and their expressions in the national and local politics. The article is centered around the argument about the global and national mobilization of cultural diversity. This argument is considered in the context of analysis of the connections among migration and creativity conducted, in part, by the urbanist Richard Florida. The article demonstrates that the positive, liberal connotations of the concept «cultural diversity» are being used in both political and economic purposes. Diversity is defined in the article as the coexistence of different groups within the geographical formations, i.e. countries, regions and cities. Cultural diversity is defined as, first, coexistence of bearers of different cultures in a city or in a country and, second, as the human condition which has to be defended from various threats, including the globalization with its tendency to homogenize cultures. The article is informed by the argument made by an anthropologist Arjun Appadurai who speaks about «the conscious mobilization of cultural differences in the service of a larger national or transnational politics» (Appadurai, 1996: 15). The article argues that diversity is understood today normatively, that is as something to be concerned about, to defend and to feel proud of. At the same time, diversity is accessed instrumentally, namely, as such trait of a city or a country which amplifies their functionality. Based on the theories of urban growth and urban politics as well as on the academic texts on nationalism, neoliberalism and migration, the article posits two interrelated ideas. First, while the city is justifiably thought about as the space which unites the members of multicultural societies; the links among urban and national scales of regulating of intercultural relationships have been changing today. The governmental rhetoric of hospitality and openness shouldn't preclude us from understanding that the city is the main scale on which the principles of cultural diversity have been undermined. Second, Richard Florida and his followers» approach to cultural diversity is marked by selectivity and ignores the contradictions of urban migration. Florida argues for diversity understood as exotica, that is for the widening the scope of consumer choice for the wealthy clients. At the same time, the ethnic minorities often feel themselves helpless and their interests are seldom discussed in the urban or national public sphere. The conclusion is that the neoliberal policy of the urban governments based on the best practices promoted by the experts corresponds to the growth of neoliberal nationalism based on the propaganda of the national interests which hides the on-going realization of the economic and political interests of the elites.

REFERENCES

1. Appadurai, A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
2. Corrigan, P. & Sayer, D. (1985) *The Great Arch: English State Formation as Cultural Revolution*. Oxford: Blackwell.
3. Harvey, D. (2007) *Kratkaya istoriya neoliberalizma* [A Brief History of Neoliberalism]. Translated from English by N.S. Bragina. Moscow: Pokolenie.
4. Davidson, N. (2008) Nationalism and Neoliberalism. *Variant*. 32. pp. 36–38.
5. Hames, A. (2012) The Rise of Neoliberal Nationalism. *Review of International Political Economy*. 19(1). pp. 59–86. DOI: 10.1080/09692290.2010.507132
6. Stolcke, V. (1995) Talking Culture. New Boundaries, New Rhetorics of Exclusion in Europe. *Current Anthropology*. 36 (1). pp. 1–13. DOI: 10.1086/204339
7. Billig, M. (1995) *Banal Nationalism*. London: Sage.
8. Balibar, E. & Wallerstein, I. (1991) *Race, Nation, Class*. London, UK: Verso.
9. Hollifield, J.F. (2004) The Emerging Migration State. *International Migration Review*. 38(3). pp. 885–912. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2004.tb00223.x.
10. Varsanyi, M.W. (2008) Rescaling the 'Alien', Rescaling Personhood: Neoliberalism, Immigration and the State. *Annals of the Association of American Geographers*. 98(4). pp. 877–896. DOI: 10.1080/00045600802223341
11. Varsanyi, M.W. (2007) Documenting Undocumented Migrants: The Matrículas Consulares as Neoliberal Local Membership. *Geopolitics*. 12(2). pp. 299–319. DOI: 10.1080/14650040601169014
12. Hartman, Y. (2005) In Bed with the Enemy: Some Ideas on the Connections Between Neoliberalism and the Welfare State. *Current Sociology*. 53 (1). pp. 57–73. DOI: 10.1177/0011392105048288
13. Ahmed, S. (2014) *The Cultural Politics of Emotion*. 2nd ed. London, UK: Routledge.
14. Florida, R. (2007) *Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menayut budushchee* [Creative class: people who change the future]. Translated from English by A. Konstantinov. Moscow: Klassika-XXI.
15. Creativeclass.com. (n.d.) *Memphis Manifesto*. Creative Class Group. [Online] Available from: <http://www.creativeclass.com/rfcgdb/articles/manifesto.pdf>.
16. Peck, J. (2005) Struggling with the Creative Class. *International Journal of Urban and Regional Research*. 29. pp. 740–770. DOI: 10.1111/j.1468-2427.2005.00620.x.
17. Leslie, D. & Catungal, J.P. (2012) Social justice and the creative city: class, gender and racial inequalities. *Geography Compass*. 6. pp. 111–122. DOI: 10.1111/j.1749-8198.2011.00472.x
18. Finney, N. & Simpson, L. (2009) *Sleepwalking to Segregation? Challenging Myths About Race and Migration*. Bristol: Policy Press.
19. Scott, A. (2006) Creative Cities: Conceptual issues and Policy Questions. *Journal of Urban Affairs*. 28(1). pp. 1–17. DOI: 10.1111/j.0735-2166.2006.00256.x

ЭТНИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА МИГРАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Актуальность статьи обусловлена усилением и обновлением звучания национально детерминированной риторики среди общественных и государственных деятелей, а равно отдельных событий в общественно-политической жизни России и Германии, заново поставивших вопрос о значимости этнической/религиозной/лингвистической «чистоты» отдельных территорий, обществ и государств. Работа состоит из трех блоков вопросов. Первый блок охватывает эволюцию этнической статистики и регистрационного учета лиц, имеющих иностранное происхождение. Отдельное внимание уделяется эпохе национал-социализма в Германии, когда статистика стала «научным солдатом» национал-социализма и сбор данных по этнической/расовой/религиозной принадлежности жителей страны обусловил их поражение в правах и дискриминацию. Второй блок работы описывает правовое регулирование статуса «вновь прибывших», «пришлых» как «агентов иностранных государств» и «неблагонадежных лиц». Тема идентификации «чужих» и этнизация миграции раскрывается путем исследования, анализа и оценки специальных механизмов, внедряемых уполномоченными органами для контроля за движением населения как внутри, так и за пределами избранных для исследования государств. Заключительный, третий блок статьи анализирует институты *Meldepflicht* и регистрации (прописки) как инструментов миграционного контроля в Германии и России.

Ключевые слова: Российская Федерация; Германия; этнизация; миграция.

История вопроса. Раса, этническая (национальная) принадлежность, гражданство, религия, вопросы гендера и сексуальная ориентация были и остаются в человеческом обществе элементами коллективной идентификации индивидов. В определенные моменты истории подобная «идентичность» способна определять набор прав и свобод личности и детерминировать государственную политику. Как верно отмечает Энтони Аппиах (Appiah), «современная общественная и политическая жизнь крутится вокруг признания и принадлежности между «своими» и «чужими» [1. Р. 104], т.е. теми, кого Лионел Триллинг назвал «противоположностью себе – *opposing self*» [2. Р. 3]. История становления независимых государств на карте Европы дает множество примеров «этнически обоснованных манипуляций» в целях создания «этнически и/или лингвистически гомогенного состава населения» государства [3. Р. 130].

Дифференциация и введение регистрационного учета и статистики лиц, имеющих иное (иностранное) происхождение, уходят своими корнями в историю Пруссии. Вопросы учета этнической принадлежности жителей были важны для создания этногомогенной страны. В конце 1890-х гг. канцлер Бисмарк, заинтересованный в усилении немецкой государственности, потребовал четкого контроля за демографическими показателями, включая происхождение и этническую принадлежность жителей страны. Выполняя поручение, ведущий демограф Королевского статистического бюро Пруссии Ричард Боекх заявил о том, что «не бывает двояко толкуемой этнической/национальной принадлежности» и потребовал установить статистические показатели контроля за этнической составляющей расселявшихся по территории Пруссии жителей [4. Р. 302].

Результатом такой политики стало принудительное переселение огромных масс людей из одной части империи в другую, позже описанное в научной литературе терминами «принудительное переселение», «обмен

населением», «человеческий трансфер», «репатриация», «этническая чистка» [5]. Это были «чужие» жители государств, которые оказались в ситуации «быть», но не иметь прав – «being» вместо «becoming» [6. Р. 9].

После Первой мировой войны Франция была страной, внедрившей «лучший» способ исключения из социума нежелательных лиц иностранного происхождения. Эта политика получила наименование *éruption* и была направлена против лиц, имевших немецкое происхождение в первом, втором и третьем поколениях. После проведенного плебисцита в провинции Эльзас французское правительство издало декрет от 14.12.1918 г. и классифицировало жителей провинции по четырем категориям:

– «А» – лица, проживающие в Эльзасе до 1917 г. и имеющие обоих родителей французского и/или эльзасского происхождения;

– «В» – резиденты провинции Эльзас, у которых лишь один родитель имеет французское и/или эльзасское происхождение;

– «С» – лица иностранного происхождения иного, чем немецкое и/или австрийское;

– «D» – жители Эльзаса, имеющие немецкое и/или австрийское происхождение, и их потомки (*Altdeutsche*) [7. Р. 69].

Лица, ранее находившиеся на военной службе в Пруссии, государственные и муниципальные служащие, учителя, имеющие немецкое и/или австрийское происхождение, были принуждены покинуть территорию Эльзаса в течение 24 часов после принятого в ноябре 1918 г. постановления [*Ibid.* Р. 68].

Для идентификации «чужих» были разработаны и специальные механизмы. Для вышеуказанных четырех групп были разработаны идентифицирующие документы, обязательные для предъявления при въезде/выезде из страны, голосовании и трудоустройстве. Так, представители категории «А» получили бумаги в цветах французского триколора – красный, белый и голубой. Около 185 000 человек из категории «В» имели доку-

менты с красной полосой. Лица, отнесенные к категории «С», получили документы с двумя голубыми полосами, а документы 513 000 человек, отнесенных к категории «D», не имели никаких цветных идентификационных маркеров.

Результатом подобной наглядной идентификации стало поражение в правах лиц, имевших в первом, втором и третьем поколениях предков с немецкой и/или австрийской кровью. Так, лицам, отнесенным к категории «D», обменный курс национальной валюты был завышен (за один франк – 1,25 рейхсмарок против 0,75 для остальных категорий населения) [7. Р. 69ff]; наложены ограничения на свободу передвижения и ограничено трудоустройство данных лиц.

В случае с Россией, как верно отмечают А. Байбурин [8. Р. 59–77] и С. Соколовский [9. С. 41–83], категория «национальность» в 1920–1930-х гг. стала своеобразной трансформацией классового подхода, позволившей отразить культурные отличия одной группы лиц от другой. При этом в советской России «советизация» индивидов противопоставлялась «национализации» и имел место преобладающий «прагматизм» в целях построения новой эпохи и нового человека [7. Р. 201].

По мнению В. Шнирельмана [10. Т. 1. С. 207] и И. Лава [11. Р. 147–148], логика советской государственности «была движима культурным превосходством» одной группы над другой и, как следствие, требовала «контроля, менеджмента и урегулирования» статуса «чуждых элементов». Сегодня очевидно, что «этнизация», «расологизация общественного дискурса» [12. Р. 11] ведет к исключению и установлению преимуществ одной группы перед другой, включает в себя поражение в правах и свободах, в том числе в праве на свободу передвижения. В современной России этнизация общественного дискурса ведется по пути расиализации «чужаков», пришлых, мигрантов, порождающей широкое распространение ксенофобии и нетерпимости в российском обществе.

Свобода передвижения граждан и лиц иностранного происхождения в Германии и России. Свобода передвижения является важным элементом в правовой системе обоих государств. «Гарантия и обеспечение права на свободу передвижения как свободы выбирать свой путь является проявлением демократического государства западного образца и выражением стремления к индивидуальному самоопределению собственного жизненного круга» [13. Art. 11 Rn. 1]. В дальнейшей перспективе свобода передвижения способствует коммуникационным процессам среди народов, культур и разных людей [14].

Свобода передвижения, как право, охватывает возможность свободно перемещаться в пространстве, независимо от ее реализуемости, проживания, профессии, и находить для себя новые места [15; 16. Art. 11 Rn. 7; 17. Art. 11 Rn. 92]. В то же самое время свобода передвижения – это предпосылка для эффективного

правопользования иными правами: право на семейную жизнь, выбор профессии, собственность [18. Art. 11, Rn. 9].

Свобода передвижения в немецком правовом дискурсе вытекает из права жителей немецкой империи на занятие трудовой деятельностью во всех областях империи. Как обязательство каждой части империи рассматривалось обеспечение «подданных возможностью духовно и физически свободно путешествовать по княжествам, ландшафтам, графствам, между одними городами и областями и, конечно, беспрепятственно заключать брачные контракты и перемещаться, что было санкционировано § 1 Договора о земельном мире 1548 г., Аугсбургским имперским соглашением 1555 г. и Тюбингенским договором 1514 г.» [Ibid].

В начале XIX в. при подготовке проекта конституции подробно обсуждался вопрос о том, какие права нужно предоставлять местным и пришлым как «непреложные» и «неотъемлемые». К таковым, по мнению фон Гумбольдта (von Humboldt), нужно относить свободу передвижения, свободу в рамках закона и свободный выбор учебного заведения [19. S. 536].

В 1867 г. вступил в силу закон, гарантирующий свободу передвижения [20. S. 55; 21. S. 39 ff] в империи. Позже право свободно передвигаться получило свое закрепление в ст. 111 ч. 1 Веймарской конституции: «Все немцы наслаждаются свободой передвижения на всей территории империи. У каждого есть право поселиться в любом месте империи и там проживать, приобретать земельные участки и заниматься трудовой деятельностью для пропитания». В настоящее время право свободного передвижения граждан и иностранцев закрепляется разными статьями Основного закона ФРГ.

В России, вплоть до реформы царя Александра II от 1861 г., процветало крепостничество (ограничение прав собственности и субъектных прав крестьян, в частности запрет свободы передвижений). Кроме того, некоторые нерусские группы населения в Российской империи были ограничены в выборе профессии, в праве на свободу передвижения (например, евреи) и поселения (католики) [22. С. 46]. Положение о порядке получения разрешения на проживание от 1893 г. и статут о паспортах от 1895 г. вводили ограничения для определенных категорий населения (к примеру, торговые агенты, ремесленники и проч.) [23. С. 97]. В то же самое время развивалась система разрешений от Министерства внутренних дел для получения права на въезд и выезд из Российской империи [24. С. 5; 25. С. 11].

Период от Октябрьской революции 1917 г. до перестройки 1991 г. нужно рассматривать как период стагнации права на свободу передвижения. Законодательство того времени содержало значительные ограничения свободы передвижения, например колхозники в 1932–1958 гг. не имели паспортов и тем самым не могли свободно определять место своего жительства [26. С. 213–214]. Институт прописки в СССР стал инструментом контроля за перемещениями людских потоков.

Так, родители могли воссоединиться с детьми в Москве и Ленинграде только в случае отсутствия детей в других населенных пунктах. Был ограничен выбор места жительства и свободы перемещения для лиц, отбывших наказание. Государственные органы власти провели принудительные переселения крымских татар, немцев и других этнических групп в период Второй мировой войны и после нее, отъем паспортов и отказ в прописке определенных групп населения. Указанные ограничения никогда не были опубликованы официально отдельным правовым актом, а вступили в силу Постановлением Совета министров СССР от 28.08.1974 г. [27. С. 114].

Ни одна советская конституция – 1924, 1936 и 1977 гг. – не содержала права свободы передвижения, и, как следствие, вышеуказанное право и его гарантии были слабо применимы и на практике как для граждан страны, так и для иностранцев. В 1993 г. в Российской Федерации вступил в силу закон о праве граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства [28]. Согласно ст. 3 закона, обязательно-принудительный характер прописки был заменен режимом регистрации граждан, и было установлено, что регистрация не может быть причиной ограничения прав и свобод граждан. В настоящее время право свободно передвигаться закрепляется в Конституции Российской Федерации 1993 г. (ч. 1, 2 ст. 27 и ч. 4 ст. 15) [29]. Часть 4 ст. 15 Конституции предусматривает, что общепризнанные принципы и нормы международного права, равно как и международно-правовые договоры Российской Федерации, являются составной частью российской правовой системы. Если международно-правовым договором Российской Федерации предусмотрены иные положения, которые противоречат внутрироссийскому праву, то применяются правила международно-правового договора. Таким образом, подобное распределение компетенции законодательства ведет к единству правового регулирования и в то же время делает возможным учет национальных условий.

Феномен этнизации права на свободу передвижения в России и Германии. В современных государствах любые притоки человеческого капитала, как правило, имеют свой четко идентифицируемый оттенок. По данным статистики Федеральной миграционной службы РФ от 5.2.2015 г., на территории РФ находятся 2 185 483 гражданина Узбекистана, 971 794 – Таджикистана и 507 438 – Кыргызстана. По данным Ausländerzentralregister (AZR) на 31.12.2014 г., на территории ФРГ проживают 8 152 968 иностранцев, из которых 1 527 118 чел. – граждане Турции; 674 152 чел. – граждане Польши и 574 530 чел. – граждане Италии. Исследовательским вопросом в данном контексте является то, насколько инструменты современного миграционного контроля (Anmeldung в Германии и регистрация в России) отвечают правовым нормам и не нарушают ли они права и свободы индивида.

Повинность быть зарегистрированными на территории РФ в установленном порядке установлена лишь за гражданами РФ, иностранцы и лица без гражданства подлежат миграционному учету [30]. В противовес распространенному мнению [31. С. 172] стоит признать, что законодательная конструкция регистрации граждан РФ не является возрожденной формой советской прописки. По закону «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [32] регистрационный учет граждан РФ носит уведомительный характер. Однако на практике уведомительный характер превращается в обязательный, что является причиной терминологической и правовой путаницы. Так, согласно Постановлению Правительства РФ от 21.5.2012 г. № 713 «Об утверждении правил регистрации и снятия граждан РФ с регистрационного учета по месту пребывания и месту жительства», уведомительный характер регистрации граждан РФ по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации превращен в обязанность граждан РФ, которые прибыли для временного проживания в жилые помещения, не являющиеся их местом жительства, на срок свыше 90 дней.

В противовес вышеуказанному Постановлению Правительства Закон № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» связывает возникновение повинности по регистрации у граждан РФ с изменением их места жительства. Так, гражданин РФ, изменивший место жительства, обязан не позднее семи дней обратиться к уполномоченному лицу с заявлением в установленной форме. В такой трактовке законодателя повинность граждан РФ возникает лишь в момент вселения в жилое помещение, в котором они ранее не проживали. Правовая путаница о характере повинности по регистрации на территории РФ для граждан РФ наблюдается и в документах Конституционного Суда РФ. В своем определении от 28.03.2003 г. № 102-О [33] Конституционный Суд подтвердил, что «регистрационный учет граждан РФ носит уведомительный характер и органы регистрационного учета не вправе отказывать в регистрации». Однако ранее, в Постановлении Конституционного суда № 9-П от 04.04.1996 г., было установлено, что регистрация граждан РФ по месту жительства/месту пребывания является допустимым ограничением их права на свободный выбор места жительства/места пребывания, что вытекает из отсутствия абсолютного характера указанного права.

В решении Конституционного суда № 4-П от 02.02.1998 г. далее разъясняется, что согласно правилам, утвержденным Правительством Российской Федерации № 713 от 17.07.1995 г. [34], регистрация граждан РФ является их долгом, а не правом. На государственные органы возлагается ответственность гарантировать реализацию иных прав и свобод человека и гражданина

вне зависимости от наличия/отсутствия подобной регистрации [35].

Однако правоприменительная практика далека от конструкций, выстроенных законодателем в ст. 3 Закона «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». В настоящее время наличие или отсутствие регистрации привязано к возможностям реализации прав и свобод. Регистрация несовершеннолетнего гражданина РФ необходима для его устройства в детский сад, школу, медицинского обслуживания в поликлинике, получения пособий и т.д. Регистрация по месту жительства и/или месту пребывания необходима совершеннолетним гражданам РФ для оформления заграничного паспорта, трудоустройства в бюджетные организации и даже открытия и ведения банковского счета.

Этнизация правового регулирования миграции еще более заметна в сфере ведения миграционного учета иностранцев и лиц без гражданства на территории РФ. По закону № 109-ФЗ «О миграционном учете» [36] от 18.06.2006 г. иностранные граждане и лица без гражданства должны в течение семи рабочих дней с момента пребывания на территорию РФ подать заявление в орган миграционного учета в месте нахождения жилого помещения, которое данный иностранный гражданин/лицо без гражданства указал(о) в качестве своего места жительства. Миграционный учет иностранцев и лиц без гражданства на территории РФ имеет уведомительный характер (ст. 4 п. 2 Закона), за исключением случаев, предусмотренных федеральным конституционным законом или федеральным законом. Обязанность зарегистрироваться по месту жительства возникает у иностранцев и лиц без гражданства, получивших разрешение на временное проживание или вид на жительство на территории РФ. В соответствии со п. 2 ст. 5 Закона, разрешительный (обязательный) порядок регистрации по месту жительства и учета по месту пребывания действует или может быть введен:

- 1) в пограничной зоне;
- 2) в закрытых административно-территориальных образованиях;
- 3) в закрытых военных городках;
- 4) на территориях, в организациях или на объектах, для въезда на которые в соответствии с федеральным законом иностранным гражданам требуется специальное разрешение;
- 5) на территории, на которой в соответствии с указом Президента Российской Федерации введено чрезвычайное или военное положение;
- 6) в зонах экологического бедствия;
- 7) на отдельных территориях и в населенных пунктах, где в связи с опасностью распространения инфекционных и массовых неинфекционных заболеваний и отравления людей введены особые условия и режимы проживания населения и хозяйственной деятельности;

8) в зоне проведения контртеррористической операции;

9) в период мобилизации и в военное время;

10) в иных случаях, установленных федеральными законами.

Общее правило: иностранный гражданин обязан встать на миграционный учет по истечении семи рабочих дней со дня прибытия. Документом, подтверждающим исполнение обязанности встать на учет по месту пребывания, является уведомление о прибытии. Неисполнение данной обязанности влечет ответственность, что подтверждается широкой судебной практикой [37].

Несмотря на заявленный российским законодателем уведомительный характер миграционного учета и регистрации, весьма показательным представляется шкала наказаний, предусмотренных за отдельные виды неисполнения и/или ненадлежащего исполнения обязанности о регистрации по месту жительства или месту пребывания для граждан РФ, иностранцев и лиц без гражданства (таблица).

При рассмотрении феномена этнизации миграции важно обратить внимание и на Закон № 142-ФЗ [38], который *de jure* установил особую классификацию «своих» и «чужих» по наличию или отсутствию двойного гражданства и/или вида на жительство вне пределов РФ. Идея данного закона принадлежит Президенту РФ, который на встрече с членами Федерального Совета в марте 2014 г. заявил, что «стране необходимо знать, кто из ее граждан является гражданином другого государства» [39].

Уведомление уполномоченных органов о наличии/отсутствии двойного и/или мультигражданства, а равно вида на жительство, является общепринятой практикой многих государств. При этом ни одна из стран, допускающая возможность двойного и/или мультигражданства для граждан своей страны, не устанавливает уголовной ответственности за неуведомление уполномоченных органов о наличии двойного гражданства и/или вида на жительство в другой стране (ст. 330 п. 2 УК РФ). В Германии, допускающей наличие второго гражданства для граждан Европейского Союза, сокрытие факта наличия гражданства третьей страны (Турции, России) приведет к потере немецкого паспорта [40].

Здесь важно отметить, что российский законодатель установил определенные преференции для жителей отдельных территорий (Крым и Севастополь) и граждан отдельных государств (Туркменистан и Таджикистан). Первым устанавливается обязанность уведомить уполномоченные миграционные органы РФ о наличии/отсутствии двойного и/или мультигражданства после 1.1.2016 г., а вторые освобождены от этой обязанности в силу двухсторонних соглашений об урегулировании вопросов двойного гражданства. При этом Соглашение между Российской Федерацией и Туркменистаном от 23.12.1993 г. [41] перестало действовать 18.5.2015 г., что *de jure*

предполагает восстановление обязанности граждан России, имеющих также гражданство Туркмениста-

на, уведомить уполномоченные миграционные органы РФ о его наличии.

Виды ответственности за нарушение режима регистрации на территории РФ

Виды нарушений	Граждане РФ	Иностранцы и лица без гражданства
Административная ответственность		
За проживание без документа, удостоверяющего его личность (паспорта), или по недействительному документу	Ч. 1 ст. 19.15.1 КоАП РФ Штраф в размере от 2 до 3 тыс. руб.; в гг. Москве, Санкт-Петербурге увеличены размеры административного штрафа от 3 до 5 тыс. руб. Наниматель или собственник жилого помещения привлекаются к штрафу в размере от 2 до 5 тыс. руб.; в г. Москве, Санкт-Петербурге увеличены размеры административного штрафа от 5 до 7 тыс. руб.	Ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ Штраф в размере от 2 до 3 тыс. руб.; в гг. Москве, Санкт-Петербурге увеличены размеры административного штрафа от 3 до 5 тыс. руб. с административным выдворением за пределы Российской Федерации
За проживание без регистрации по месту пребывания или жительства либо допущение такого проживания собственником жилья свыше установленных сроков	Ч. 1, 2 ст. 19.15.2 КоАП РФ Штраф в размере от 2 до 3 тыс. руб.; в гг. Москве, Санкт-Петербурге увеличены размеры административного штрафа от 3 до 5 тыс. руб. Наниматель или собственник жилого помещения привлекаются к штрафу в размере от 2 до 5 тыс. руб.; в гг. Москве, Санкт-Петербурге увеличены размеры административного штрафа от 5 до 7 тыс. руб.	Ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ Штраф в размере от 2 до 3 тыс. руб.; в гг. Москве, Санкт-Петербурге увеличены размеры административного штрафа от 3 до 5 тыс. руб. с административным выдворением за пределы Российской Федерации
Непринятие лицом, пригласившим в РФ иностранного гражданина или лицо без гражданства по частным делам и предоставившим им жилое помещение, мер по обеспечению в установленном порядке их своевременного выезда за пределы Российской Федерации по истечении определенного срока пребывания в Российской Федерации	П. 2 ст. 18.9. КоАП РФ Административный штраф в размере от 2 до 4 тыс. руб.	П. 2 ст. 18.9 КоАП РФ Административный штраф в размере от 2 до 4 тыс. руб.
Уголовная ответственность		
За фиктивную регистрацию по месту пребывания либо жительства (статья 322.2; ст. 322.3 УК РФ)	Штраф в размере от 100 до 500 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет; принудительные работы на срок до трех лет либо лишение свободы на тот же срок	Штраф в размере от 100 до 500 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет; принудительные работы на срок до трех лет либо лишение свободы на тот же срок

В настоящее время носителями обязанности зарегистрироваться на территории ФРГ в установленном порядке являются граждане ФРГ, иностранцы и лица без гражданства. Исторически стандартизированная обязанность (для всех и каждого) зарегистрироваться на территории Германии в установленном законом порядке связана с введением Reichsmeldeordnung – Порядка о всеобщей повинности в регистрации от 6.1.1938 г. [42]. До этого введенный при канцлере Бисмарке учет этнической принадлежности жителей способствовал созданию системы регистрационного учета в отдельных землях и городах, но не всей территории немецкого Рейха. Так, систему регистрационного учета иностранцев Баден ввел 22 мая 1919 г., Бавария – 3 мая 1919 г., а Саксония – 1 июля 1919 г. [43]. Согласно заключению министерства Саксонии, ведение учета иностранцев будет содействовать «снижению опасностей нарушения общественного порядка, безопасности и мира» [44] и находится «в особом интересе граждан» [45].

Введенные национал-социалистами порядок и предшествующий ему Закон «О паспортах, полиции для иностранцев и обязанности быть зарегистрирован-

ным» от 11.5.1937 г. [46] способствовали созданию единой общегерманской информационной системы идентификации личности, устанавливали обязанность регистрации пола, расы, исповедания для каждого индивида и закрепляли ответственность за уклонение от нее. Указом от 10.4.1938 г. [47] идентификационные данные личности, собранные одним уполномоченным органом государства, становились доступными всей государственной машине. Такой подход позволил мобилизовать карательную машину на истребление «неудобных элементов», под которыми понимались евреи, цыгане, коммунисты, гомосексуалисты, иностранцы и иные чуждые режиму национал-социализма люди.

После падения режима национал-социализма и капитуляции нацистской Германии союзниками принимается решение о проведении переписи жителей, их занятости и профессий и закрепляется обязанность полноценной регистрации каждого жителя Германии на всей подотчетной союзниками территории. После создания ФРГ в 1949 г. правовое регулирование обязанности регистрироваться по месту проживания снова стало компетенцией земель. Так, существуют Закон о

регистрационном порядке Земли Берлин [48] от 26.2.1985 г., Закон о регистрационном порядке Земли Бранденбург от 17.1.2006 г. [49] с изменениями и дополнениями от 7.7.2009 г.

В настоящее время обязанность регистрироваться по месту проживания наложена на каждое лицо, находящееся на территории ФРГ, и правовые рамки регистрационной повинности для граждан, иностранцев и лиц без гражданства на территории Германии идентичны. Все лица, проживающие на территории ФРГ, обязаны в течение семи дней зарегистрироваться по адресу пребывания или проживания в уполномоченных органах (Bürgeramt). Аналогичная обязанность накладывается на лицо при смене места пребывания или проживания внутри одного населенного пункта (коммуны, города), так и при переезде из одной земли в другую. Для исполнения данной повинности уполномоченные органы истребуют документ, удостоверяющий личность; договор найма или собственности на жилое помещение; виза (в случае иностранного гражданина или лица без гражданства) и заполненный формуляр. Законами отдельных земель (Берлин, Тюрингия, Бавария) предусмотрены приветственные деньги (Begrüßungsgeld) для отдельных категорий лиц (студентов-иностранцев) при исполнении повинности о

регистрации по месту пребывания или проживания в размере 50 евро (80 евро – Бавария).

Неисполнение и/или ненадлежащее исполнение регистрационной обязанности со стороны граждан ФРГ, иностранцев или лиц без гражданства влечет за собой ответственность в виде штрафа от 10 до 500 евро (размер которого регулируется законом Земли) и обязанности исполнить повинность по регистрации в обозримое время.

Подводя итог исследованию феномена этнизации миграции в законодательстве России и Германии, необходимо обратить внимание на два существенных момента. Немецкий правовой и общественный дискурс, переживший эпоху национал-социализма, критически рассматривает любые элементы коллективной идентификации индивидов, хотя и сохраняет дифференцированный подход в правовом регулировании права на свободу передвижения для граждан ФРГ, иностранцев и лиц без гражданства. Подобная рефлексия совершенно чужда российскому обществу. В настоящее время растущий тренд этнизации миграции на просторах российского государства находит подкрепление в лозунгах отделения «своих» и «чужих», подкрепленных нормами законодательства. Широкое распространение ксенофобии и нетерпимости в российском обществе есть оборотная сторона права, легитимирующего расиализацию «чужаков», пришлых, мигрантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Appiah Anthony. The Ethnicity of identity. Princeton, Princeton University Press, 2005.
2. Trilling Lionel. The Opposing Self: Nine Essays in Criticism. Harcourt, 1979.
3. Hobsbawm Eric. Nation and Nationalism since 1780. Cambridge, 1990.
4. Labbe Morgane. Institutionalizing the Statistics of Nationality in Prussia in the 19th Century (from local bureaucracy to state level census of population) // Centaurus. 2007. № 49.
5. Naimak Norman. Fires of Hatred: Ethnic cleansing in Twentieth-Century Europe. Cambridge, 2001.
6. Bartoloni Stefano. The Political Mobilization of the European Left, 1860–1980. Cambridge, Cambridge University Press, 2000.
7. Ther Philipp. The Dark Side of Nation-States. Ethnic Cleansing in Modern Europe. New York&Oxford : Berghahn Books, 2014.
8. Baiburin Albert. "The Wrong Nationality": Ascribed Identity in the 1930s // Baiburin A., Kelly C, Vakhtin N. Russian Cultural Anthropology After Collapse of Communism. London : Routledge, 2012.
9. Соколовский С. Образы других в российской науке, политике и праве. М. : Путь, 2001.
10. Шнирельман В. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. М. : Новое лит. обозрение, 2011.
11. Law Ian. Red Racism. Racism in Communist and Post-Communist Context. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2012.
12. Zakharov Nikolay. Race and Racism in Russia. Palgrave, 2015.
13. Kunig // von Münch / Kunig. Grundgesetz. Bund. I, 4. Auflage. München, 1992.
14. Pernice I. Zur Finalität Europas. URL: <http://www.whi-berlin.de/documents/whi-paper0605.pdf> (Abruf: 21.10.2010).
15. BVerfG, Urteil vom 16.01.1957, 1 BvR 253/56 (Elfes) – E 6, 32 (35) (Федеральный конституционный суд, Решение от 16.1.1957, Nr. 1 BvR 253/56 (Elfes) – E 6, 32 (35))
16. Hofmann // Schmidt-Bleibtreu/Hofmann/Hopfauf, Grundgesetz, 11. Auflage. Köln : Carl Heymanns Verlag, 2007.
17. Durner // Maunz-Dürig, Grundgesetz, Stand: 2010. München : Beck Verlag, 2010.
18. Randelzhofer A. // Dolzer (Hsrg.), Bonner Kommentar zum Grundgesetz, Bund. 2, Stand: 3/1991. Heidelberg: C.F. Müller Verlag, 1991.
19. Treichel E. (Bearb.). Die Entstehung des Deutschen Bundes 1813–1815, Bund. 1. München, 2000.
20. Freizügigkeitsgesetz vom 1.11.1867, BGBI – Bürgerliches Gesetzbuch (Закон о свободе передвижения от 1.11.1867 г. Гражданское уложение. Книга 1).
21. Kröger K. Grundrechtsentwicklung in Deutschland – von ihren Anfängen bis zur Gegenwart. Tübingen, 1998.
22. Чистяков О.И. Отечественное законодательство XI–XX веков. Ч. II. XX век : учеб. пособие. М. : Юрист, 1999.
23. Спектор Е.И. Паспортно-визовый режим: правовое регулирование // Журнал российского права. 2001. № 3.
24. Шаротов М.Х. Организационно-правовые основы деятельности ОВИР МВД : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992.
25. Хоботов А.Н. Организационно-правовые основы развития паспортной системы РСФСР (1917–1980) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983.
26. Козлова Е.И. Конституционное право России : учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2004.
27. Конституция Российской Федерации: доктринальный комментарий / под ред. Ю.А. Дмитриева. М. : Деловой двор, 2009.
28. Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173639.
29. Постановление Конституционного суда РФ от 26.02.2010 № 4-П. URL: <http://www.gpvu.ru/document.asp?did=174> (21.06.2010).
30. Закон РФ от 18.07. 2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/12148419>.
31. Бархатова Е.Ю. Гражданство и регистрация. М. : Проспект, 2009.

32. Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 (ред. от 31.12.2014) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173639.
33. Определение Конституционного Суда РФ от 28 марта 2003 г. № 102-О «Об отказе в удовлетворении ходатайства Министерства внутренних дел Российской Федерации и об официальном разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1998 года по делу о проверке конституционности пп. 10, 12 и 21 Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/5124795/#ixzz3cVWXamTx>.
34. Правила регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и месту жительства в пределах Российской Федерации и список служащих, ответственных за проведение указанных мероприятий // Собрание законодательства РФ. 1995. № 30. С. 2939; 1996. № 18. С. 2144; 1997. № 8. С. 952; № 11. С. 1328; 1998. № 6. С. 783; 2000. № 13. С. 1370; 2002. № 34. С. 3294; 2004. № 52. Т. 2. С. 5493.
35. Постановление Конституционного суда РФ от 2.02.1998 № 4-П, § 2ff. URL: <http://www.gpvu.ru/document.asp?did=174>.
36. Федеральный закон от 18 июня 2006 года №109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ». URL: <http://base.garant.ru/12148419>.
37. Определение Верховного суда РФ от 9 сентября 2009 г. № 5-В09-73 (миграционный учет граждан Беларусь, находящихся на территории РФ).
38. Федеральный закон от 4 июня 2014 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в ст. 6 и 30 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://www.rg.ru/2014/06/06/grajdanstvo-dok.html>.
39. Владимир Путин на встрече с членами Совета палаты Совета Федерации 27 марта обсудил проблемы НКО и соблюдения прав человека. URL: <http://president-sovet.ru/news/5793>.
40. BVerfG, Urteil vom 8.12.2006, An: 2BvR 1339/06 (Федеральный Конституционный суд, Решение от 8.12.2006, Nr. BvR 1339/06).
41. Соглашение между Российской Федерацией и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства от 23.12.1993. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1289417>.
42. Verordnung über das Meldewesen vom 6. Januar 1938 RGBI- Deutsches Reichsgesetzblatt. I. S. 13 (Положение о порядке регистрации от 6.1.1938. Законодательство Немецкого Рейха. Кн. 1. С. 13).
43. SächchsHStA, Mdl 11718,4,21,15 (Материалы центрального архива земли Саксонии, Дрезден, Nr. Mdl 11718,4,21,15).
44. Письмо министра иностранных дел Саксонии центральному департаменту полиции в Дрездене от 6.3.1919. Материалы центрального архива земли Саксонии -SächchsHStA, MI 11718,6.
45. Reichskommissar für Zivilgefangene und Flüchtlinge betr. Abänderung der Bestimmungen über Meldepflicht und die Behandlung der Ausländer vom 30. Oktober 1920. SächSHStA MI 11718,91 (Изменения и дополнения в порядок регистрации и обхождения с иностранцами по письму комиссара Рейха для задержанных гражданских лиц и беженцев от 30 октября 1920 г. Материалы центрального архива земли Саксонии, Nr. MI 11718,91).
46. Gesetz vom 11. Mai 1937 über das Pass-, das Ausländerpolizei- und das Meldewesen sowie über das Ausweiswesen. RGBI- Deutsches Reichsgesetzblatt. I S. 589 (Закон о паспортном контроле, полицейском контроле за иностранцами, регистрации и порядка высылки. Законодательство Немецкого Рейха. Кн. 1. С. 589).
47. Runderlass des Reichs- und Preußischen Ministers des Innern vom 10.4.1938. RMBhV. S. 689 (Второй циркуляр (Указ) Министерства внутренних дел от 10.4.1938. Собрание документов МВД Рейха и Пруссии. С. 689). URL: http://www.reichstagsprotokolle.de/Band4_h1_bsb00000146.html.
48. Gesetz über das Meldewesen in Berlin (Meldegesetz). GVBl- Gesetz- und Verordnungsblatt. 1985 S. 507 (Закон о порядке регистрации в Берлине. Сборник законов и подзаконных актов. 1985. С. 507).
49. Gesetz über das Meldewesen im Land Brandenburg (Brandenburgisches Meldegesetz – BbgMeldeG). GVBl- Gesetz- und Verordnungsblatt.I/09, [Nr. 11]. S. 255 (Закон о порядке регистрации в Земле Бранденбург. Сборник законов и подзаконных актов. Кн. 1. 2009. С. 255).

Gulina Olga R. Institute on Migration Policy (Germany, Berlin). E-mail: contact@rusmpi.org

THE ETHNICIZATION OF IMMIGRATION LAW.

Keywords: Russian Federation; Germany; ethnicization; immigration law.

Nowadays a lot of politicians, mass media representatives and individuals are keen to upgrade a nationally determined rhetoric in order to raise a special attention to ethnic, religious, and linguistic «purity» among some groups within the certain territories. It is not something new. Theoretically, the ethnization of social institutions is inter-cultural phenomena that has its roots in the development of society and individuals as well. During each historical period, unique patterns of political, legal and socio-economic circumstances have affected the preservation of identity and the construction of ethnicity in the human communities, indeed in the communities of immigrants. In the European history often immigrants found themselves easy targets for discrimination and exclusion due to «other» identity and ethnicity. The current article aims to illuminate the processes of ethnicization of immigration law through the inclusion or exclusion of immigrants» communities. German and Russian history, law and enforcement practice give many examples of the restrictions of individual rights and freedoms, according to ethnicity, occupation or human beliefs. It is important to mentioned that Russian legal system borrowed much from German legal system, however the immigration law and its application are quite differ in both countries. The current paper consists of three research blocs. The first one covers the evolution of ethnic- based statistics in Germany and Russia. A special attention is paid to the era of National Socialism in Germany, when statistics become a «scientific soldier» of a Nazi regime, and the collection of data on ethnic, racial, and religious background of German nationals led to their discrimination and to defeat of their human rights and freedoms. All those practices German authorities learned out from French regulation towards aliens after First World War. The second part of paper explains a legal construction of the free movement right and describes in a historical perspectives a different approach to rule the legal status of foreigners as newcomers, aliens, «foreign agents» and «untrustworthy persons» in both chosen countries. In addition, the paper examines the ratio of the rights and duties of foreigners and natives. The final part of paper compares Meldepflicht in Germany and registration of foreigners in Russia as the instruments of a migration control in both countries.

REFERENCES

1. Appiah, A. (2005) *The Ethics of Identity*. Princeton: Princeton University Press.
2. Trilling, L. (1979) *The Opposing Self: Nine Essays in Criticism*. Harcourt.
3. Hobsbawm, E. (1990) *Nation and Nationalism since 1780*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Labbe, M. (2007) Institutionalizing the Statistics of Nationality in Prussia in the 19th Century (from local bureaucracy to state level census of population). *Centaurus*. 49. DOI: 10.1111/j.1600-0498.2007.00078.x
5. Naimak, N. (2001) *Fires of Hatred: Ethnic cleansing in Twentieth-Century Europe*. Cambridge: Harvard University Press.

6. Bartoloni, S. (2000) *The Political Mobilization of the European Left, 1860–1980*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Ther, P. (2014) *The Dark Side of Nation-States. Ethnic Cleansing in Modern Europe*. New York&Oxford: Berghahn Books.
8. Baiburin, A. (2012) "The Wrong Nationality": Ascribed Identity in the 1930s'. In: Baiburin, A., Kelly, C. & Vakhtin, N. *Russian Cultural Anthropology After Collapse of Communism*. London: Routledge.
9. Sokolovskiy, S. (2001) *Obrazy drugih v rossiyskoy nauke, politike i prave* [The images of "them" in the Russian science, politics and law]. Moscow: Put'.
10. Shnirelman, V. (2011) "Porog tolerantnosti": Ideologiya i praktika novogo rasizma [The "threshold of tolerance": Ideology and practice new racism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
11. Law, I. (2012) *Red Racism. Racism in Communist and Post-Communist Context*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
12. Zakharov, N. (2015) *Race and Racism in Russia*. Basingstoke: Palgrave.
13. Kunig, M. (1992) *Grundgesetz* [The Basic Law]. Vol. I. 4th ed. München.
14. Pernice, I. (2005) *Zur Finalität Europas* [For Finality of Europe]. [Online] Available from: <http://www.whi-berlin.de/documents/whi-paper0605.pdf>. (Accessed: 21st October 2010).
15. Federal Constitutional Court. (1957) *BVerfG, Urteil vom 16.01.1957, 1 BvR 253/56 (Elfes) – E 6, 32 (35)* [Federal Constitutional Court, Judgment of 16.1.1957, Nr. 1 BvR 253/56 (Elfes) – E 6, 32 (35)].
16. Schmidt-Bleibtreu, B., Hofmann, H. & Hopfau, A. (2007) *Grundgesetz* [The Basic Law]. 11th ed. Cologne: Carl Heymanns Verlag.
17. Maunz, T. & Dürig, G. (2010) *Grundgesetz, Stand: 2010* [Basic Law, as of 2010]. Munich: Beck Verlag.
18. Randelzhofer, A. (1991) *Bonner Kommentar zum Grundgesetz* [Commentary to the Basic Law]. Vol. 2. Dated by 3/1991. Heidelberg: C.F. Müller Verlag.
19. Treichel, E. (2000). *Die Entstehung des Deutschen Bundes 1813–1815* [The emergence of the German Confederation 1813–1815]. Vol. 1. Munich.
20. Germany. (1867) *Freizügigkeitsgesetz vom 1.11.1867, BGB1- Bürgerliches Gesetzbuch* [Freedom of Movement Act from 01.11.1867, BGB1- Civil Code].
21. Kröger, K. (1998) *Grundrechtsentwicklung in Deutschland – von ihren Anfängen bis zur Gegenwart* [Development of fundamental rights in Germany – from its beginnings to the present]. Tübingen: Mohr Siebeck.
22. Chistyakov, O.I. (1999) *Otechestvennoe zakonodatel'stvo XI–XX vekov* [Domestic legislation of the 11th – 20th centuries]. Part 2. Moscow: Yurist.
23. Spektor, E.I. (2001) *Pasportno-vizovyy rezhim: pravovoe regulirovanie* [Passport and visa regulations: legal regulation]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 3.
24. Sharipov, M.Kh. (1992) *Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti OVIR MVD* [The organizational and legal bases of OVIR MVD activities]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
25. Khobotov, A.N. (1983) *Organizatsionno-pravovye osnovy razvitiya pasportnoy sistemy RSFSR (1917–1980)* [The organizational and legal basis for the development of the passport system of the RSFSR (1917–1980)]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
26. Kozlova, E.I. (2004) *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Russian Constitutional Law]. Moscow: Yurist.
27. Dmitriev, Yu.A. (ed.) (2009) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: doktrinal'nyy kommentariy* [The Constitution of the Russian Federation: Doctrinal commentary]. Moscow: Delovoy dvor.
28. The Russian Federation. (1993a) *Zakon RF ot 25.06.1993 № 5242-1 "O prave grazhdan Rossiyskoy Federatsii na svobodu peredvizheniya, vybor mesta prebyvaniya i zhitel'stva v predelakh Rossiyskoy Federatsii"* [Law № 5242-1 of the Russian Federation of June 25, 1993, On the right of citizens of the Russian Federation to freedom of movement and choice of place of residence within the Russian Federation]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173639.
29. The Russian Federation. (2010) *Postanovlenie Konstitutsionnogo suda RF ot 26.02.2010 № 4-P* [Decision № 4-P of the Constitutional Court of the Russian Federation dated by February 26, 2010]. [Online] Available from: <http://www.gpvu.ru/document.asp?did=174>. (Accessed: 21st June 2010).
30. The Russian Federation. (2006a) *Zakon RF ot 18.07. 2006 № 109-FZ "O migratsionnom uchete inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva v Rossiyskoy Federatsii"* [Law № 109-FZ of the Russian Federation dated by July 18, 2006, On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/12148419>.
31. Barkhatova, E.Yu. (2009) *Grazhdanstvo i registratsiya* [Nationality and registration]. Moscow: Prospekt.
32. The Russian Federation. (1993b) *Zakon RF ot 25.06.1993 № 5242-1 (red. ot 31.12.2014) "O prave grazhdan Rossiyskoy Federatsii na svobodu peredvizheniya, vybor mesta prebyvaniya i zhitel'stva v predelakh Rossiyskoy Federatsii"* [Law № 5242-1 of the Russian Federation dated by June 25, 1993, (ed. by December 31, 2014) On the right of citizens of the Russian Federation for freedom of movement and choice of place of residence within the Russian Federation]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173639.
33. The Russian Federation. (2003) *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 28 marta 2003 g. N 102-O "Ob otkaze v udovletvorenii khodataystva Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii i ob ofitsial'nom raz'yasnenii Postanovleniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 2 fevralya 1998 goda po delu o provere konstitutsionnosti pp. 10, 12 i 21 Pravil registratsii i snyatiya grazhdan Rossiyskoy Federatsii s registratsionnogo ucheta po mestu prebyvaniya i po mestu zhitel'stva v predelakh Rossiyskoy Federatsii"* [Decree N 102-O of the Constitutional Court on March 28, 2003, To dismiss the petition of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the official explanation of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on February 2, 1998, in the case on the constitutionality of paragraphs 10, 12 and 21 of the Rules of Registration and Removal of Citizens of the Russian Federation to register at the place of stay or residence within the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/5124795/#ixzz3cVWXamTx>.
34. The Russian Federation. (1995) *Pravila registratsii i snyatiya grazhdan Rossiyskoy Federatsii s registratsionnogo ucheta po mestoprebyvaniyu i mestu zhitel'stva v predelakh Rossiyskoy Federatsii i spisok sluzhashchikh, otvetstvennykh za provedenie ukazannykh meropriyatiy* [Rules of registration and removal of citizens of the Russian Federation from the register at the seat or place of residence within the Russian Federation and the list of officials responsible for carrying out these activities]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 30. pp. 2939; 1996. № 18. S. 2144; 1997. № 8. S. 952; № 11. S. 1328; 1998. № 6. S. 783; 2000. № 13. S. 1370; 2002. № 34. S. 3294; 2004. № 52 (T. 2). S. 5493.
35. The Russian Federation. (1998) *Postanovlenie Konstitutsionnogo suda RF ot 2.02.1998 № 4-P, §.2ff* [Decision № 4-P, §.2ff of the Constitutional Court of the Russian Federation dated by February 2, 1998]. [Online] Available from: <http://www.gpvu.ru/document.asp?did=174>.
36. The Russian Federation. (2006b) *Federal'nyy zakon ot 18 iyunya 2006 goda №109-FZ "O migratsionnom uchete inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva v RF"* [Federal Law №109-FZ of June 18, 2006, On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/12148419>.
37. The Russian Federation. (2009) *Opredelenie Verkhovnogo suda RF ot 9 sentyabrya 2009 g. № 5-V09-73 (migratsionnyy uchete grazhdan Belarus', nakhodyashchikhsya na territorii RF)* [Resolution № 5-V09-73 of the Supreme Court of September 9, 2009, (migration registration of citizens of Belarus, in the territory of the Russian Federation)].
38. The Russian Federation. (2014) *Federal'nyy zakon ot 4 iyunya 2014 g. № 142-FZ O vnesenii izmeneniy v st. 6 i 30 Federal'nogo zakona "O grazhdanstve Rossiyskoy Federatsii" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii* [Federal Law № 142-FZ of June 4, 2014, On Amendments to Art. 6 and 30 of the Federal Law "On Citizenship of the Russian Federation" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.rg.ru/2014/06/06/grazhdanstvo-dok.html>.
39. The Soviet for Human Rights. (2014) *Vladimir Putin na vstreche s chlenami Soveta palaty Soveta Federatsii 27 marta obsudil problemy NKO i soblyudeniya prav cheloveka* [Vladimir Putin discusses the problem of NGOs and human rights at the meeting with members of the Federation Council on March 27]. [Online] Available from: <http://president-sovet.ru/news/5793>.

40. Federal Constitutional Court. (2006) *BVerfG, Urteil vom 8.12.2006, An: 2BvR 1339/06* [Constitutional Court, Decision of December 8, 2006, to: 2BvR 1339/06].
41. Legal Russia. (1993) *Soglashenie mezhdru Rossiyskoy Federatsiey i Turkmenistanom ob uregulirovaniy voprosov dvoynogo grazhdanstva ot 23.12.1993* [Agreement between the Russian Federation and Turkmenistan on the settlement of the issues of dual citizenship dated by December 23, 1993]. [Online] Available from: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1289417>.
42. *RGBl- Deutsches Reichsgesetzblatt*. (1938) Verordnung über das Meldewesen vom 6. Januar 1938 [Regulation on the reporting of January 6, 1938]. I. p. 13.
43. The Central Archives of Saxony. *SächchsHStA, Mdl 11718,4,21,15* [Proceedings of the Central Archive of Saxony, Dresden, Nr. Mdl 11718,4,21,15].
44. The Central Archives of Saxony (SächchsHStA). (1919) *Pis'mo ministra inostrannykh del Saksonii tsentral'nomu departamentu politsii v Drezdene ot 6.3.1919* [Letter from the Minister of Foreign Affairs to the Central Police Department of Saxony in Dresden on June 3, 1919]. MI 11718,6.
45. The Central Archives of Saxony (SächchsHStA). (1920) *Reichskommissar für Zivilgefangene und Flüchtlinge betr. Abänderung der Bestimmungen über Meldepflicht und die Behandlung der Ausländer vom 30. Oktober 1920* [Changes and additions to the registration and treatment of the foreigners by letter of the Reich Commissioner for detained civilians and refugees by October 30, 1920]. MI 11718,91.
46. *RGBl- Deutsches Reichsgesetzblatt*. (1937) Gesetz vom 11. Mai 1937 über das Pass-, das Ausländerpolizei- und das Meldewesen sowie über das Ausweiswesen [Law on the passport control, police control of foreigners, registration and order of expulsion. The legislation of the German Reich]. I. pp. 589.
47. The Reich and Prussia Ministry of the Interior (RMBhV). (1938) *Runderlass des Reichs- und Preußischen Ministers des Innern vom 10.4.1938* [Second Circular (Decree) of the Ministry of Interior on October 4, 1938]. pp. 689. [Online] Available from: http://www.reichstagsprotokolle.de/Band4_h1_bsb00000146.html.
48. Germany. (1985) Gesetz über das Meldewesen in Berlin (Meldegesetz) [Law on the registration in Berlin]. In: *GVBl- Gesetz- und Verordnungsblatt* [The collection of laws and regulations]. p. 507.
49. Germany. (2009) Gesetz über das Meldewesen im Land Brandenburg (Brandenburgisches Meldegesetz – BbgMeldeG) [Law on the registration in the Land of Brandenburg]. In: *GVBl- Gesetz- und Verordnungsblatt* [The collection of laws and regulations]. I/09. p. 255.

УДК 39:314.15 (571.16)
DOI 10.17223/19988613/37/5

И.В. Нам

«НОВЫЕ» ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ (ДИАСПОРЫ) В г. ТОМСКЕ

*Исследование выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире.
Проблемы идентичности и социальной адаптации
в истории и современности (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).*

Предметом анализа являются «новые» этнические группы (диаспоры) Томска, возникшие как результат современных миграционных процессов. Одной из выбираемых мигрантами стратегий выстраивания отношений с принимающим обществом и взаимной хозяйственной/экономической и социокультурной адаптацией является диаспорализация. В центре исследования – национально-культурная автономия как признанный властью институт диаспоры. Рассматривается роль национально-культурных автономий в адаптации и интеграции «новых» мигрантов в принимающем социуме.

Ключевые слова: мигранты; диаспора; этническая идентичность; институционализация этничности; национально-культурная автономия.

Последние десятилетия XX и начало XXI столетий отмечены актуализацией этнической идентичности, во многом вызванной возрастающей миграционной активностью населения. Стремительный рост трансграничных миграций, следствием которых стало формирование иммигрантских общин и их институционализация, заставили говорить о «диаспоризации мира» как об одной из ведущих тенденций развития человечества. Россия также испытывает мощное миграционное давление, которое сопровождается изменением этнической структуры миграционных потоков, основную часть которого составляют трудящиеся (трудовые) мигранты. Их взаимодействие с российским обществом – проблема, требующая постоянного наблюдения, мониторинга и анализа.

За счет притока мигрантов в общественном пространстве появляются «новые» этнические группы, радикально увеличивается численность многих «старых» групп, меняется их облик. С появлением этих групп (именно в качестве групп) происходят ментальные изменения во взгляде на социальную реальность, которые Р. Брубейкер назвал «группизмом» [1]: этнические группы по умолчанию рассматриваются как некие целостности, имеющие внутреннюю структуру, выступающие как агенты социального действия и отделенные устойчивыми социальными границами от других таких же целостностей [2. С. 204]. «И новые мигранты, и старожилы-сибиряки, приписанные советской властью к той или иной этнической группе и в той или иной степени ощущающие свою связь с нею, начинают чувствовать себя группой, в некоторых ситуациях вести себя как члены группы, формируют сеть связей и отношений на этнической основе» [3. С. 98]. Этот процесс лежит в основе формирования феномена «новых» диаспор. При его изучении перспективным представляется неоинституционалистский подход, основанный на представлении о том, что институты не столько ограничивают пространство действия для группы, сколько создают саму группу с ее идентичностью, интересами и

прочими атрибутами. При этом группу целесообразно рассматривать не как совокупность людей, а как структуру отношений, объединяемых идеей разделения общества на группы и представлениями о смыслах этого деления [2. С. 204].

И властью, и обществом миграционные проблемы рассматриваются преимущественно в этнических категориях и терминах. Сказывается стихийно примордиалистское понимание чиновниками феномена этничности, сложившееся в советское время¹. Властные структуры прибегают к категоризации мигрантов в терминах этничности, поскольку включение мигрантов в привычный и удобный для восприятия контекст позволяет им выстраивать «понятные» практики контроля и управления. Этничность становится «удобной организационной формой консолидации» и для самих мигрантов, предоставляя этническим активистам «удобный, понятный и разделяемый всеми членами общины культурный материал», позволяющий конструировать групповые границы [4. С. 469]. Происходящая сегодня этнизация феномена миграции – прямое следствие этноцентричного дискурса, при котором базисной категорией теоретического упорядочивания социальной реальности выступает «этнос», понимаемый в эссенциалистском (примордиалистском) смысле. Этноцентричный дискурс влечет за собой сведение социальных различий к этническим, а социального взаимодействия – к взаимодействию между этническими (этноконфессиональными и этнокультурными) группами. При таком подходе миграционный приток населения, «этнически отличного от основного населения принимающего общества», воспринимается «не иначе, как в терминах угрозы» [5].

Все это влечет за собой политизацию этничности. Связь этничности и политики выражается в тесном переплетении национального и этнического в публичном дискурсе. При этом первое связано с государственностью и социальными отношениями, а второе – с категоризациями, основанными на признаках культуры, языка,

представлениями об общности происхождения [2. С. 203]. Значение этничности как политического фактора определяется тем, «как этничность институционализована, а институционализация этничности, в свою очередь, определяется множеством агентов (общественными движениями, государственными структурами, экспертными сообществами и пр.), принимает разные формы и имеет разные последствия» [Там же. С. 204].

«Новые» этнические группы (диаспоры) Томска, возникшие как результат современных миграционных процессов, выбраны в качестве объекта исследования в силу следующих оснований. Томская область – исторически сложившийся переселенческий регион, куда и сегодня приезжают мигранты, в особенности из государств Центральной Азии, Кавказа и Китая, и где достаточно широко используется труд трудовых мигрантов (гастарбайтеров). Кроме того, Томск, как крупный образовательный центр, принимает ежегодно большое количество «учебных» мигрантов, приезжающих для получения высшего и специального среднего образования. Социальные и культурные процессы, происходящие в рамках «новых» диаспор Томска, механизмы формирования и репрезентации их групповой идентичности могут рассматриваться как модельные для современного сибирского города.

Эмпирическую основу статьи составляют материалы исследований, проведенных в 2011–2014 гг. с целью изучения проблем, связанных с адаптацией новых мигрантов в местный социум. Исследования проводились как количественными, так и качественными методами: экспертные интервью с представителями национально-культурных автономий и объединений, областной и городской администраций. Круг экспертов формировался, исходя из следующих критериев: возраст (как правило, это были люди старше 35 лет), образование (среднее, высшее), а также «погруженность» в проблематику изучаемых процессов.

Диаспорализация как стратегия адаптации и интеграции мигрантов. Миграционные процессы, вызванные распадом государств, тесно связаны с образованием этнических диаспор. Одной из выбираемых мигрантами стратегий выстраивания отношений с принимающим обществом и взаимной хозяйственной/экономической и социокультурной адаптации является *диаспорализация* – формирование сообществ «с развитыми и эффективно действующими экономическими и социальными сетями, механизмами взаимной поддержки и кооперации» [6].

Диаспорализация, как правило, происходит двумя путями. Первый путь – диаспорализация старожилов, потомков «старых» мигрантов дореволюционной и советской эпохи. Второй путь – формирование «новых диаспор» из числа «новых» мигрантов. Происходит «радикальный сдвиг» – от простого присутствия представителей пришлых этнических меньшинств «к их структурированию, формированию общин с их институтами, активистами, поиском ниши, выдвижением

коллективных (или от имени коллектива) целей» [3. С. 98–99]. Иными словами, происходит институционализация этничности. Процессы диаспорализации и институционализации этничности теперь не просто признаются властями, но и прямо поддерживаются ими. Создается регулирующая эти процессы законодательная и нормативно-правовая база².

В современном научном и общественном дискурсе термин «диаспора» получил широкое распространение. По словам Р. Брубейкера, этот термин «сделал блестящую карьеру в социологии и гуманитарных науках» [7. С. 6]. Традиционно термином «диаспора» обозначают часть этноса (этнической общности), проживающей вне своей исторической родины, сохраняющей представление о единстве происхождения и стремящейся сохранить свои этнокультурные характеристики и идентичность, отличающие ее от принимающего общества, создавая с этой целью организации (институты) – церковь, школу, различные организации и, как их завершение, органы национального самоуправления и автономии. В бытующей сегодня практике этот термин приобретает все более универсалистский, расширительный смысл. Часто его соотносят со всеми этническими группами, локализованными вне территорий их первоначального расселения («исторических родин», «очагов национального происхождения»). Именно такое понимание термина стало сейчас господствующим, причем настолько, что иногда слово «диаспора» становится просто синонимом национального меньшинства или мигрантского сообщества. Диаспора стала модным, расхожим словом, которое употребляют применительно к этническим группам все, кому не лень: представители властных структур, журналисты, этнические активисты и нередко – эксперты, что дало основания говорить об «экспансии термина в общественную практику современной России» [8], об «увлечении диаспорой» и даже о «диаспоризации всей страны» [9].

Расширение области явлений, описываемых как «диаспора», привело к появлению, наряду с классическим термином, понятия «новой» или «современной» диаспоры [10], формирующейся в результате распада государств и вызванных этим этнических миграций. «Новые диаспоры» становятся значимым объектом и субъектом глобальных и региональных социальных, культурных и политических процессов. «В центре внимания исследователей “новых” диаспор находятся проблемы идентичности и формирования транснациональных пространств, в особенности когда их члены создают разветвленную систему социальных связей с принимающей страной» [11. С. 7–8].

Не вдаваясь в дискуссию о диаспоре, которая ведется специалистами разных направлений (историками, социологами, антропологами, этнологами, политологами), отметим, что в самом общем виде диаспору можно понимать как «особый тип человеческих взаимоотношений, как специфическую систему формальных и неформальных связей, жизненных стратегий и практик,

основанных на общности исхода с “исторической родины” (или представлениях, исторической памяти и мифах о таком исходе), на усилиях по поддержанию образа жизни “в рассеянии” – в качестве национально-меньшинства в иноэтничном принимающем обществе» [12]. Диаспора – не данность, а «процесс развития от “еще не диаспоры” через “собственно диаспору” к “уже не диаспоре”», причем различных типов...» [13. С. 77–78]. Ее существование (или несуществование), возникновение и исчезновение, может быть ситуативным ответом на вызов времени, места и обстоятельств. Исходя из такого подхода, наличие совокупности лиц одной национальности, живущих вне национального очага, пусть даже многочисленных и укорененных на новой родине, – это еще не диаспора, а только необходимое условие к ее реализации [6].

В отличие от этнической группы, диаспора всегда институционализирована. Диаспоре присуще формирование институтов и организаций, деятельность которых направлена на сохранение этнической идентичности. Диаспоральные институты становятся важным и необходимым элементом адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество. Показательна в этом смысле динамика создания и развития в городах России/Сибири национально-культурных землячеств, обществ, автономий, их внутренняя эволюция.

Национально-культурная автономия как институт диаспоры. Термин «национально-культурная автономия» (НКА) является одним из ключевых понятий современной национальной политики в России. Он присутствует в федеральном и региональном законодательстве, активно используется в этнополитических дебатах. Первым правовым документом на пути признания НКА стал Закон 26 апреля 1990 г. «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР». Само понятие НКА было впервые юридически закреплено в «Основах законодательства о культуре» от 9 октября 1992 г., которыми «гарантировалось» «всем этническим общностям, компактно проживающим вне своих национально-государственных образований или не имеющих своей государственности, право на культурно-национальную автономию», а именно: «право указанных этнических общностей на свободную реализацию своей культурной самобытности посредством создания на основании волеизъявления населения или по инициативе отдельных граждан национальных культурных центров, национальных обществ и землячеств» [14. С. 188].

Эти законодательные акты заложили правовую базу для создания общественных организаций, формирующихся по этническому (национальному) принципу – национально-культурных центров (НКЦ) и обществ. В 1990 г. свои организации в Томске создали немцы (Центр немецкой культуры), татары (культурно-просветительный центр «Туганлык»), украинцы (НКЦ

«Джерело»), башкиры (Центр башкирской культуры «Дуслык»), поляки («Дом польский»), азербайджанцы (НКЦ «Азери»), образовались общества латышской и литовской культуры. В 1991 г. были созданы «Ассоциация советских корейцев» и Общество еврейской культуры, в 1992 г. – Общество чечено-ингушской культуры «Вайнах», в 1993 г. – Союз армян, в 1995 г. – Общество чувашской культуры и Польский национальный центр «Белый Орел». В 1993 г. Центр немецкой культуры получил статус государственного учреждения культуры, переименованного затем в Российско-немецкий Дом. В этом же году татарский центр «Туганлык» был преобразован в государственное учреждение культуры – Областной центр татарской культуры.

Из этого перечня видно, каким активным был процесс национально-культурных организаций (НКО). Вот как об этом рассказывает руководитель НКА корейцев: *«В то время это был постперестроечный период, начало ельцинского правления. У нас же в виде землячеств, студенческих групп объединение было всегда. Люди одной национальности, этнической группы всегда пытаются собраться в одну группу – это желание понятно. Мы, проживая в различной среде (в том числе и в русской), дома общаемся с представителями старшего поколения, они придерживаются определённых традиций, обычаев, которые уже давно сложились в семье. Исходя из этого, понятно, что есть определённое воспитание, которое говорит о том, что эти традиции и обычаи надо как-то соблюдать; это передаётся, наверное, как-то с кровью, по наследству, на генном уровне. Мне кажется, что это и есть определённые позывы людей одной этнической группы. Так и было. Когда мы, первоначальные организаторы, 6–8 человек, дали объявление, мы не ожидали, что такое количество корейцев откликнется на первое учредительное собрание. Когда организация создавалась, тогда появились общие мероприятия. У корейцев есть достаточно интересные традиции, которые четко развиты. В том числе это свадьба, день рождения ребенка (когда ему исполняется 1 год), когда собирается большое количество людей, 150–200 человек. И понятно, что общения становилось всё больше и больше, круги начали расходиться. Это позывы, которые были очень сильно “разогреты” в тот период (начала 1990-х гг.) в обществе, и в целом гражданская активность была очень сильная. ... На самом деле в те годы гражданская активность населения была очень высокая, потому что организовывалось новое государство, ломалось всё».*

К новым возможностям, предоставляемым государственной властью, прибегли в первую очередь представители «старых» этнических групп (национальных меньшинств), остро ощущающие потребность в «возвращении» к своим «корням», к языку, культуре, в восстановлении связей с «родиной предков». Поэтому основная деятельность НКО была направлена на изучение языка, развитие и презентацию своей культуры, на

укрепление связей с исторической родиной. К примеру, азербайджанским центром «Азери» за короткое время были созданы: театральный кружок, ансамбль национальной песни и танца, библиотека, оформлена подписка на газеты и журналы на азербайджанском языке. Наладились контакты с другими НКО, средствами массовой информации, органами власти. Местом, где проходили все мероприятия, был Дом политпросвещения, здесь у центра было свое помещение. Из областного бюджета выделялись деньги на культурные нужды. «Азери» поддерживал тесные контакты с Азербайджанской гражданской ассамблеей в Москве и через нее – с соотечественниками в других городах России и всего постсоветского пространства. Благодаря связям со Славянским центром в Баку томичи получали литературу и прессу на азербайджанском языке, а бакинцы – русскоязычную литературу, газеты и журналы из России [15. С. 50].

Принятие в 1996 г. «Концепции государственной национальной политики» и Федерального закона «О национально-культурной автономии» положило начало новому этапу в процессах диаспорализации и этнизации общественного пространства. Закон описывает НКА двояко: как общественную организацию на этнической основе и как форму национально-культурного самоопределения и самоорганизации. НКА предоставляются права, связанные с этнокультурной сферой деятельности, а именно: с «сохранением самобытности, развитием языка, образования, национальной культуры».

В Томской области первыми к возможностям, предоставленным законом об НКА, обратились немцы и азербайджанцы в октябре 1997 г. НКА немцев в Томске была пятой на тот момент региональной немецкой автономией. Решение о создании НКА лидерами немецкого национального движения не означало прекращения борьбы за полную реабилитацию немцев и не рассматривалось как альтернатива идее восстановления немецкой государственности, это решение было принято с целью использовать новый закон как очередной шаг на пути к решению этих задач [16]. Для азербайджанцев основные ожидания от создания НКА были связаны как с задачами этнокультурного развития, так и, пожалуй даже в большей степени, надеждами на правовую защиту. В число задач включалась адаптация членов общины, особенно недавних выходцев из Азербайджана, к местным условиям. Особое значение придавалось воспитательной работе среди приезжающих в Томск в целях заработка. Заявлялось, что политических целей НКА не преследует и в отношениях с Республикой Азербайджан придерживается нейтралитета [15. С. 51].

О желании создать свои НКА в Томске в это время заявляли чувашы, татары, башкиры и поляки. Однако осуществить право на их создание оказалось непросто из-за многочисленных противоречий и ограничений, заложенных в законодательстве РФ. Трудность представляло, прежде всего, то, что порядок образования

НКА предусматривал ее создание «снизу вверх», от местного до регионального (в субъектах РФ) и далее – федерального уровня. При этом низовые, местные НКА должны были учреждаться представителями общественных объединений. На практике это означало, что для создания НКА на местах должно было быть как минимум два общественных объединения. Между тем в Томской области к этому времени было зарегистрировано около 30 этнически ориентированных организаций, но лишь немцы, евреи и поляки имели по два общественных объединения, а значит, и реальную возможность создать НКА. Это означало также невозможность участия в создании НКА граждан, не входящих в национально-культурные объединения. Вероятно, по этой причине вплоть до ноября 2003 г., когда в Закон об НКА были внесены изменения, упростившие процедуру создания местных автономий, в Томске образовались только две НКА – греков (региональная) и местная (корейцев).

Таким образом, основной процесс создания НКА в регионе пришелся на время с 2004 по 2013 г., когда образовалась последняя автономия – алтайская. В эти же годы возникли и три автономии, объединяющие «новых», «молодых» мигрантов: киргизская (2003 г.), узбекская (2004) и таджикская (2007 г.). В итоге к сентябрю 2015 г. в Томской области действуют 20 зарегистрированных НКА – 5 региональных и 15 местных, из них только 4 не относятся к Томску – НКА чеченцев г. Асино, чеченцев и немцев Томского района и удмуртов Чаинского района. 17 этнических групп – татары, белорусы, поляки, евреи, корейцы, немцы, буряты, чеченцы, греки, киргизы, таджики, узбеки, казахи, грузины, удмурты, цыгане и алтайцы – осуществляют сегодня право на национально-культурную автономию, декларированное российским законодательством. К числу особенностей Томска как университетского города относится образование двух молодежных (студенческих) НКА – бурят и алтайцев. И почти каждая автономия имеет молодежное «крыло» или молодежную организацию, как, например, «Jugendblick» в немецкой НКА, или «Анён» у корейцев. Интересы студенческих этнических групп представляют также хакаское, тывинское и якутское землячества, объединенные вместе с НКА алтайцев и бурят в «Интер-Землячество». Наряду с НКА этнокультурную деятельность осуществляют два государственных учреждения: Российско-немецкий Дом и Областной центр татарской культуры и свыше 20 этнически ориентированных общественных организаций, причем не все из них зарегистрированы, даже активно действующие, как, например, НКА аварцев г. Томска.

Означает ли этот внушительный перечень общественных организаций, что этнокультурные запросы и потребности этнических сообществ, представляемых НКА и НКО, удовлетворяются в полной мере? Достаточно ли они обеспечены федеральным и региональным законодательством в нормативно-правовом отношении?

За прошедшие со времени выхода закона без малого 20 лет национально-культурные автономии Томска и области пережили серьезные трансформации, одни укрепили свои позиции, другие перестали существовать (НКА азербайджанцев, башкир, чувашей). Как правило, НКА создавались на основе НКО, но некоторые такой задачи перед собой не ставят – Союз армян, Центр украинской культуры. Одна из причин, возможно, заключается в том, что, как показывает сопоставление закона о НКА и законодательства об общественных объединениях и некоммерческих организациях, НКА обладают меньшим объемом прав, чем «простые» общественные объединения, а их учреждение и функционирование связаны с большим числом процедурных ограничений [17. С. 106–108]. К тому же положения закона, посвященные отношениям государства с НКА, сформулированы так, что на практике они ни к чему не обязывают. Закон об НКА во всех редакциях не содержит никаких упоминаний о гарантиях и средствах защиты прав, предоставляемых автономиям.

И на региональном уровне НКА с самого начала не получали предусматриваемой законом необходимой поддержки. В отличие от других регионов, в органах региональной и муниципальной власти не было самостоятельной структуры, которая была бы способна оказывать НКА реальную поддержку. Со временем ситуация только ухудшалась. В 1998 г. в областной администрации в структуре департамента по информационной политике был создан отдел по работе с общественными организациями, НКО и религиозными конфессиями, позднее преобразованный в комитет по работе с общественностью. Вместе с созданием отдела были заложены бюджетные средства на проведение совместных мероприятий, на информационную поддержку деятельности НКО. В эфире областного радио появились две программы «Рукопожатие» и «Здравствуйте, соседи!» С 2003 г. стал выходить журнал «Территория согласия». Но в 2006 г. функции, включающие в себя взаимодействие с национально-культурными и религиозными объединениями, были переданы в ведение департамента культуры, где был создан отдел современного искусства, образования и национальной политики. Сюда же были переданы и функции по работе с КМНС. Эта реорганизация в еще большей степени способствовала сосредоточению НКА на сугубо этнокультурной деятельности.

Ограничивая сферу действия НКА исключительно этнокультурной деятельностью, закон тем самым отказывает им в праве на занятие политической деятельностью (как, впрочем, и любой другой). Согласно поправке к закону «Об общественных объединениях», НКА «не может быть признано» политическим общественным объединением. В 2002 г. федеральным законом об избирательных правах был наложен прямой запрет на участие НКА в избирательном процессе [18]. Если для этнических активистов НКА – «это признание государством своей ответственности за положение

национальных меньшинств», то для государства, напротив, институт НКА «предоставляет возможность гибко толковать свои обязательства и риторически перемещать ответственность на «гражданское общество». В одних ситуациях государство говорит в связи с НКА о «представительстве» этнических групп и, следовательно, о необходимости их включения в процесс принятия решений», в других – акцент делается на «культурных функциях» [19. С. 53].

Все эти противоречия, заложенные в законодательство РФ, определяют, что деятельность НКА сводится преимущественно к празднично-обрядовой сфере. Между тем на практике НКА приходится решать множество других задач, не прописанных в законе, в частности задач, связанных с нелегальной и трудовой миграцией, взаимодействию с правоохранительными органами, органами труда и занятости, с зарубежными представительствами и структурами.

Таким образом, как и в других регионах России/Сибири, НКА и другие этнические организации, действующие в г. Томске, разделяются на две основные группы: созданные потомками «старых» мигрантов и представляющие «новые» этнические группы, вызванные распадом СССР. Эта типология отражает не только специфику процесса их формирования, но и различия в стратегии и практиках их деятельности. Если для первой группы приоритетны задачи этнокультурные, как это фиксируется в их уставах, то для «новых» мигрантов особенно важны задачи адаптации мигрантов к принимающему обществу [20. С. 356]. В Томской области эти задачи актуальны для НКА узбеков, таджиков, киргиз, армян и азербайджанцев, чеченцев, ингушей и аварцев.

Национально-культурная автономия как ресурс адаптации «новых» мигрантов. Возникновение «новых» этнических групп – результат массовой миграции из новых независимых государств Закавказья и Центральной Азии. Поток этот начал формироваться еще со времен СССР, когда в рамках единого государства часть избыточного населения из этих регионов мигрировала в область в поисках работы, хорошего и доступного образования. Увеличение в 1990-е гг. притока мигрантов из бывших советских республик, вызванного распадом СССР, сопровождалось институционализацией азербайджанской, армянской и чечено-ингушской общин, которые сыграли важную роль в адаптации мигрантов.

По словам руководителя НКЦ «Азери», «они (мигранты-азербайджанцы. – И.Н.) столкнулись с новым государством, им нужен был новый паспорт, новые документы, регистрация, жилье, все это отсутствовало. Никто уже никого ничем не обеспечивал, даже общежитий не было, если раньше они были совместно с заводами, то потом это все пропало. Приватизация, перепрофилирование и все прочее. Мы как могли эти вопросы решали, решали куда привезти, оформить документы, старались все делать правильно». С нача-

ла 2000-х гг. миграционный приток из Azerbaijan, Армении и республик Северного Кавказа снизился в связи с начавшейся социально-экономической стабилизацией этих стран и регионов: *«Azerbaiджанцам нет необходимости ездить (куда-либо из Azerbaijan. – И.Н.), это страна, которая имеет нефть, газ, другие ресурсы, у нас все есть. Сегодня азербайджанцы, может быть, от нечего делать приезжают, просто к родственникам приезжают, понравилось, остался, но так, как раньше, такого больше нет»*. Мотивы миграции выходцев с Кавказа сегодня преимущественно связаны с желанием получить образование в Томске или воссоединиться с семьей.

В это же время возрос поток трудовых мигрантов из стран Средней Азии. Продолжается он и сейчас. Крайне низкий уровень жизни и отсутствие рабочих мест на родине стимулировали вахтовый тип трудовой миграции, при которой гастарбайтер работает в России большую часть года, а остальное время живет со своей семьей на родине. Руководитель таджикской НКА: *«Хотим того или нет, миграция будет. Если брать настоящее время, это связано с безвизовым режимом. (в России. – И.Н.) легко найти работу. Те виды работ, которые мало привлекают местное население. Эти работы, во-первых, непривлекательны, во-вторых, малооплачиваемы. На такую нишу приезжают мигранты. Конечно, они приезжают на сезонную работу – с марта по октябрь-ноябрь»*. Сегодня в Томске сложились «мигрантские» секторы занятости – строительство и ремонт помещений, торговля фруктами. Руководитель узбекской НКА: *«Мигрант заполняет ниши, например, на стройке, которые не заняты никем, азербайджанцы любят торговлю, торговый бизнес у них, они на рынках работают в основном, изначально поставщиком фруктов были узбеки, сейчас перехватили другие национальности, узбеки ушли в строительство, и с ними нет конкуренции»*. Таджики заняты в строительстве и отделке помещений.

Таким образом, выделяется несколько миграционных волн, влияющих на разный уровень адаптации и интеграции в принимающий социум. Эксперты отмечают, что те, кто приехали в Сибирь еще в советское время, прожили большую часть жизни здесь, связаны с местным населением профессиональными, товарищескими и родственными узами. Многие из таких мигрантов имеют русских жен и родственников, а их дети уже не знают национального языка и культуры и, по сути, являются такими же томичами, что и остальное население: *«Есть миграция новой волны – те, кто приехал несколько последних лет, может быть, десятилетий назад. Очень много людей, которые здесь жили с девяностых, восьмидесятых годах, то есть когда внутренняя миграция по экономическим причинам внутри страны очень сильно была развита. Приходите на Центральный рынок – увидите там большое количество азербайджанцев, которые торгуют грецкими орехами, и кавказцев, которые занимаются этим же»*.

Сейчас это уже не мигранты. Это люди, которые, иногда даже не имея российского паспорта, воспринимаются своими. Есть их небольшие анклавы по городу, например район Центрального рынка преимущественно заселен этими людьми...» (эксперт В.К.).

Мигрантские этнические сообщества (диаспоры) можно представить как некие структуры, включающие несколько условных частей: старожилы общины, недавние мигранты, трудовые мигранты. Старожилы общины – те, кто прожил на данной территории длительное время (7–10 лет) и успешно адаптировался к внешним условиям общины. Старожилы представляют ядро общины (диаспоры), являются «основными производителями диаспорной идентичности». Недавние мигранты – члены общины, прибывшие недавно, имеют «четкие целевые установки на интеграцию в местное сообщество» и «активно перенимают диаспорную идентичность». Самая многочисленная группа – *трудовые мигранты*, приезжающие на сезонные заработки и, как правило, не имеющие целевых установок на интеграцию в местное сообщество [21. С. 105].

В процессе адаптации «новые» мигранты создают этнические сети и связи, включая формальные и неформальные организации и сообщества, оказывающие различного рода услуги, посреднические, консультационные и др. С их помощью мигрант может найти работу, жилье, решить проблемы с регистрацией и обретением легального статуса, войти в контакт с «нужными людьми», т.е. решить многие проблемы, связанные с удовлетворением таких «базовых» потребностей выживания в «чужом» обществе, как безопасность, информация, связи, инфраструктура проживания и деятельности» [6. С. 66]. Национально-культурные автономии и организации представляют видимую и признанную властью часть этой системы.

Лидеры мигрантских сообществ («этнические активисты»), как правило, – люди, живущие в Томске еще с советских времен, многие из них обладают признанным высоким статусом в регионе. *«Все, кто эти автономии возглавляет, как правило, уже давно являются гражданами России, и ядро, которое сформировано в них, например, если смотреть по тем же казахам, оно давно уже не казахское, оно здесь “русское”. Все, кто сколько-нибудь активен в рамках этой автономии, они себя уже давно больше ассоциируют с русскими, национальные корни они помнят, но правильно ли они их понимают, это большой вопрос»* (эксперт В.К.).

Опыт этнической самоорганизации этнические активисты прошли в студенчестве, участвуя в создании студенческих землячеств. *«Еще в студенчестве, (нас было около 10 человек в различных вузах Томска), – вспоминает руководитель НКА таджиков, – мы видели, [как] каждый год другие национальности проводили свои землячества раз в год весной или осенью. Они были более многочисленные, это в основном якуты, буряты, узбеки потом. И мы тоже задумались создать свое землячество, потом искали и нашли человек 40*

таджиков, разных категорий (на рынках работали, кто-то приехал жить). Получилось у нас общее собрание, обговорили идею, все ее поддерживали, одному даже полномочия председателя дали. Основные инициаторы на тот момент были выпускниками, уже закончили вузы и уехали на родину. Это были 1989–1990 гг., а в 1991 г. распался Союз, может, это сказывалось, инициативы ни у кого уже не было. На большой срок все это забылось. С распадом Союза я находился в Таджикистане, работал на предприятии союзного значения; распад сказывался на этом предприятии, оно закрылось. Потом по приглашению моих однокурсников я вернулся в Томск. Те таджики, которые тут оставались, знали меня, решили привлечь меня на эту должность. До 2007 г. была одна группа таджиков, они хотели официально зарегистрировать автономию, но по каким-то соображениям, не знаю, они так и не смогли. Потом в 2007 г. мы в одном помещении собрались, и при всех они мне поручили возглавить автономию и довести до победного... В итоге в 2008 г. мы зарегистрировались».

Презентация и развитие национальной культуры указывается лидерами НКА и НКО в качестве важного направления их деятельности, которое реализуется, во-первых, за счет создания и поддержки самостоятельных коллективов (например, ансамбль горского танца «Даймохк», получивший в 2011 г. звание народного коллектива), во-вторых, организации и совместного проведения национальных праздников и дней культуры. Другой важной задачей является обучение родному языку, религии и национальной культуре детей. Руководитель армянской диаспоры: «У нас есть воскресная школа, где мы изучаем армянский язык, основы христианства, культуру армянскую». Решая эти задачи, НКА, в сущности, выполняют функцию символического воспроизводства этничности: «Празднуем вместе праздники, участвуем в национальных, культурных событиях, давая понять, что мы вроде бы живем на этой земле, и есть такое мультикультурное, мультинациональное общество, и все в нем хорошо, и противоречий никаких нет».

Однако наряду с решением задач этнокультурного развития в деятельности мигрантских НКА и НКО на первый план выходит выполнение **представительских и посреднических** функций – взаимодействие с властью, оказание мигрантам правовой и материальной поддержки, содействие их адаптации и интеграции в местное сообщество. Так, НКА киргизов занимается поддержкой мигрантов из Кыргызской Республики, считая также важной деятельность по укреплению взаимосвязей между областью и Киргизией. Стратегической целью автономии декларируется организация центра по поддержке мигрантов, включающего оказание юридических услуг и правовую защиту. Идея создания еще одного центра состоит в укреплении экономических и культурных связей между областью и Кыргызстаном. Члены НКА «Узбекистан» также основное

направление своей деятельности связывают с представлением и защитой интересов граждан Узбекистана. НКА таджиков реализует программу адаптации студентов-таджиков. При посредничестве автономии было достигнуто соглашение с Министерством образования Таджикистана о целевом направлении выпускников школ в томские вузы в рамках межправительственного соглашения [22]. Эти функции не предписаны законодательно и не входят в уставные задачи НКА.

Государство прибегает к услугам НКА как представителя диаспоры, поскольку нуждается в каналах связи с этническими сообществами. Основными «узлами» и «точками» в посредничестве НКА с органами власти являются миграционная ситуация, этнические конфликты, политическая стабильность и национальная политика. При этом и мигранты, и власть, и значительная часть общества руководствуются интуитивно-примордиалистскими представлениями на этот счет.

Руководители НКА воспринимаются властью не как люди, добровольно возложившие на себя бремя общественной деятельности и в этом смысле обязанные только членам своей общественной организации. От них ожидают обязательного выполнения властных распоряжений, не наделяя при этом необходимыми правами, полномочиями и ресурсами. Вопреки своему общественному статусу НКА выполняют, с одной стороны, функции транслятора идеологии и политических решений в этнокультурные сообщества, с другой – роль информатора о происходящих в национальных/мигрантских сообществах событиях. С этой целью проводятся различные мероприятия – научно-практические конференции, круглые столы, создаются консультативные, координационные и общественные советы³, куда в обязательном порядке вводятся представители «диаспор» НКА и НКО. Практикуются встречи руководителей органов власти с лидерами национально-культурных организаций, чаще всего во время событий, получивших общественный резонанс, или в ситуациях, когда необходимо донести до этнически ориентированных сообществ какие-либо важные решения, принятые на государственном или региональном уровне.

В Томске координационный совет по делам НКА/НКО в администрации области был создан в 1998 г. В его функции входило рассмотрение вопросов, связанных с созданием условий для национально-культурного развития граждан, координация деятельности органов государственной власти и общественных объединений по вопросам развития НКО и реализация положений закона «О национально-культурной автономии». С самого начала его деятельность не носила регулярного характера, активизируясь только во время избирательных кампаний, а с течением времени и вовсе прекратилась. Сменивший его в 2009 г. Консультативный совет по делам НКА и вовсе оказался мертворожденным. Не внесло оживления в деятельность НКА и принятие Государственной думой области в конце

2008 г. Закона «О государственной поддержке региональных и местных национально-культурных автономий в Томской области» [23]. И только события на Манежной площади в Москве в декабре 2010 г. активизировали деятельность региональных органов власти по налаживанию взаимодействия с НКА. Взамен Консультативного совета был создан Координационный совет по межнациональным отношениям. На его первом заседании был обсужден и в целом одобрен план первоочередных мер по укреплению межнационального согласия и доверия на территории, включающий разработку концепции национальной политики и долгосрочной целевой областной программы на 2012–2014 гг. Но со сменой губернатора в марте 2012 г. эти планы были отправлены в корзину. Новой власти потребовалось около двух лет, чтобы вернуться к этим вопросам.

Нуждаются в посредниках и сами мигранты, как «недавние, так и «трудовые», сталкивающиеся с множеством трудностей и проблем, которые возникают прежде всего в правовом поле и связаны с легализацией их пребывания и трудоустройства, получением социальной и медицинской помощи. Проблемы эти, по мнению экспертов, носят системный характер и силами только общественных организаций не могут быть решены. Главная проблема – несовершенство миграционного законодательства. Потребность мигрантского сообщества в социальном посреднике при решении этих проблем и породила функцию представительства и защиты национально-культурными организациями интересов мигрантов в «чужом» обществе.

Приоритетной задачей для мигрантских НКА является экономическая поддержка приехавших на заработки мигрантов. Типичное мнение представлено в высказывании руководителя киргизской автономии: *«В настоящий момент приоритетным является поддержка мигрантов. Самая главная проблема не культурная, не социальная и никакая другая, а именно экономическая. То есть экономическая в плане именно поддержки трудовых мигрантов, хотя киргизам в этом смысле повезло, потому что они приезжают, получают гражданство».* Экономическая поддержка реализуется в первую очередь через оказание помощи в трудоустройстве вновь прибывающих мигрантов, хотя правилом является поиск работы через родственников и знакомых. Чаще всего помощь выражается в разрешении конфликтных ситуаций, возникающих между трудовыми мигрантами и работодателями. Руководитель таджикской автономии: *«Они где-то работали, зарплату им не выплатили или не полностью выплатили, тогда письмом, начиная от правоохранительных органов до губернатора, затаскаем работодателя. Конечно, если у мигранта заключен трудовой договор, в противном случае более проблематично. При решении вопроса любого характера статус юридического лица выше физического. Исходя из этого, НКА – пробивная организация, и на все свои письма либо требования получает ответ. В прошлом году рассматривали*

два таких случая. Первый решен положительно, а второй еще продолжается» [24]. Экономическая поддержка выражается и в том, что вновь прибывшим мигрантам помогают решать проблему с жильем, предоставляя общежития, технические и подсобные помещения в качестве первоначального места жительства. Нередко общинам приходится оказывать помощь родственникам тех мигрантов, которые умерли в Томске. Удалось, в частности, добиться, что правительство Кыргызской Республики компенсировало часть расходов по доставке тел умерших на родину [25. С. 31].

Эксперты указывают также на необходимость большей прозрачности юридических и экономических процедур в отношении мигрантов и создание условий, способствующих их хозяйственной адаптации и выводу «из тени». Представитель киргизской автономии: *«Я бы предложил использовать экономический потенциал мигрантов. Взять, например, сельское хозяйство, которое в данный момент находится не на совсем должном уровне, то есть мигранты могли его поднимать. Тем более что... приезжие из Средней Азии все обладают навыками ведения сельского хозяйства... Например, взять умирающую деревню, заселить туда киргизов, чтобы они занялись животноводством, то есть той специализацией, с которой они хорошо знакомы, животноводством, например. А узбеки могли бы заниматься земледелием...».*

Правовая поддержка и обеспечение безопасности подразумевает оказание помощи трудовым мигрантам при регистрации и оформлении разрешений на работу. Сложность для вновь прибывшего представляют и регистрация, которую необходимо осуществить в первые три дня по приезду в Россию, и съем жилья. Хозяева сдают квартиры мигрантам, как правило, не регистрируя приезжих в ФМС. Ситуацию осложняет наличие посредников, которые берут деньги, обещая решить проблемы с регистрацией, трудоустройством и поиском жилья, но зачастую мигранты попадают на удочку мошенников. По словам представителя НКЦ «Азери», нередко приходится включаться и в урегулирование межэтнических конфликтов: *«Конфликты есть, они всегда были и будут, вопрос только, как к этому относиться, и какие оценки давать этому конфликту, если его раздувать и распылять, то это один подход, которого мы не придерживаемся, и всякие конфликты, которые даже приводят к смертельным случаям, мы их стараемся решать мирным путем».*

Руководители мигрантских НКА видят свою задачу также в профилактике противоправных действий и преступлений как со стороны самих мигрантов, так и по отношению к ним. Чаще всего инструментом поддержания порядка выступает неформальное воздействие (беседа) со стороны авторитетных членов диаспоры. Руководители армянской и азербайджанской общин подчеркивают необходимость сотрудничества с властью в процессе решения задачи поддержания порядка. Руководитель «Союза армян»: *«Я всегда говорю,*

что многие не понимают... или вот только сейчас начали понимать, что руководители диаспор – это, в первую очередь, помощники властям. Вот в Москве то, что случилось (беспорядки на Манежной площади в декабре 2010 г. – И.Н.). ...Они только сейчас поняли, что надо ближе работать с диаспорой».

В отношении социокультурной адаптации основной проблемой является владение русским языком, которую НКА пытаются решать своими силами, организуя воскресные курсы. Такие курсы были организованы по инициативе узбекской НКА в декабре 2010 г. Их вел бывший преподаватель английского языка в Ошском госуниверситете, переехавший в Томск летом 2010 г. после межэтнического конфликта на юге Киргизии [26, 27]. Другая проблема – дети мигрантов. Руководитель узбекской НКА: *«Наших детей брали в учебные заведения только по месту прописки, несмотря на то что родители снимали квартиры в других районах города... Другая, еще более острая проблема в том, что сегодняшние мигранты не могут двух слов связать по-русски. И подростки, которые были вполне успевающими учениками у себя на родине, вынуждены сидеть с малышами 3–4-х классов. Заниматься с ровесниками невозможно – нет языка... И вместо нормальных уроков – дискомфорт, насмешки, скука, нежелание посещать школу в принципе. Да и учителя им не рады – не укладываются в общие стандарты требований. Как учить? В итоге детей мигрантов «перепихивают» из школы в школу, лишь бы не брать на себя головную боль. А ничем не занятые подростки потенциально готовы уйти на улицу... И это уже будет проблема не только ребенка, но общества».*

Эксперты по-разному оценивают роль НКА в общественном пространстве города и в адаптации и интеграции мигрантов. Одни оценивают ее достаточно высоко: *«Роль НКА в адаптации мигрантов, разумеется, очень высокая, потому что это непосредственно люди той же национальности... Трудовые мигранты, когда сюда приезжают, к представителям своей национальности у них гораздо больше доверия, они прислушиваются, кроме того, представители НКА уже адаптированы здесь и многие являются гражданами страны (РФ) и региона не в первом поколении даже, и они выступают таким своеобразным мостом, который связывает вновь прибывших трудовых мигрантов с местным населением, способствует вовлечению и эффективной интеграции».* (эксперт Е.П.). Другие считают ее недостаточно эффективной: *«...Оценить деятельность НКА по интеграции мигрантов очень сложно. Она, вроде бы, как и есть, но она такая, малоэффективная... Административно они эту задачу выполняют, но сущностно... они, по-моему, не выполняют, не справляются с ней»* (эксперт В.К.).

Причина, по всей видимости, кроется в неопределенности, «размытости» функций НКА. Мало что изменилось с принятием в декабре 2012 г. Стратегии

государственной национальной политики РФ, которая акцентировала внимание на проблемах адаптации мигрантов. Планом мероприятий по реализации Стратегии предусматривается оказание финансовой поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям, включая национально-культурные автономии, религиозные организации, молодежные объединения, реализующим проекты и программы, направленные на интеграцию и адаптацию мигрантов [28]. Тем самым признается роль НКА как института, с помощью которого органы власти и правоохранительные структуры надеются урегулировать процессы социокультурной адаптации мигрантов. Но это не означает придания институту НКА реальных полномочий, дающих право выступать от имени мигрантов, защищая их интересы. На неопределенность положения НКА указывает и тот факт, что в окончательную редакцию Стратегии не вошло положение, фиксировавшее НКА и федеративное устройство государства *«как две формы укрепления общего культурного, образовательного, информационного пространства, организации управления и политики интеграции, сохранения многообразия и единства страны»* [29]. НКА по-прежнему остается общественной организацией, «компонентом публичного говорения об этничности, т.е. символического воспроизводства многоэтничности» [19. С. 53].

«Новые» этнические группы (диаспоры) сегодня являются значимым объектом и субъектом не только экономической деятельности, но и становятся активными участниками социальных, культурных и политических процессов. НКА, как диаспоральный институт, становится реальным инструментом интеграции «новых» мигрантов в местный социум, который имеет, как можно предположить, долговременную перспективу. Можно согласиться с мнением исследователей, которые считают, что сложившийся сегодня взгляд на НКА как на элемент декора, украшающего образ мультикультурного и толерантного общества и/или как на способ удовлетворения эстетических потребностей или властных амбиций узкого социального слоя, мешает воспринимать их в ином качестве, как важный элемент гражданского общества с функцией посредничества между мигрантами и принимающим обществом [30. С. 212]. «Спрос» на НКА проявляется и со стороны государства, нуждающегося в механизмах управления миграционными процессами и межэтническими отношениями, и со стороны «этнических активистов/предпринимателей», требующих символического признания «новых» этнических групп. Однако потенциал этого института, как ресурса адаптации и интеграции «недавних» и трудовых мигрантов, не имеет соответствующей правовой базы и поэтому слабо используются как властью, так и мигрантскими этническими сообществами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Несмотря на то что примордиализм сравнивался таким известным исследователем национализма, как Р. Брубейкер, с «на смерть забитой лошади, которую не нужно хлестать, поскольку она давно умерла», в России примордиалистские взгляды на этничность будут, очевидно, преобладать до тех пор, пока не изменится институциональная среда ее производства [31].

² Назовем лишь основополагающие документы: Федеральный закон «О национально-культурной автономии» (1996 г.) со всеми внесенными в него поправками (2003 и 2009 гг.), «Концепция государственной национальной политики» (1996 г.), «Концепция государственной миграционной политики до 2025 года» (2012 г.) и «Стратегия государственной национальной политики до 2025 года» (2012 г.).

³ Представители всех мигрантских НКА входят в Общественный совет при УФМС, полагая, что задачи у них одни – полная легализация мигрантов и обеспечение их прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. 408 с.
2. Осипов А.Г. Механизмы институционализации этничности // Сообщества как политический феномен. М. : РОССПЭН, 2009. С. 202–221.
3. Дятлов В.И. Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. Москва ; Иркутск : Наталис, 2005. С. 95–137.
4. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Иркутск : Оттиск, 2013. 624 с.
5. Малахов В. Этнизация феномена миграции в публичном дискурсе и институтах: случай России и Германии. URL: http://cistr.ru/files/publ/Migr_Malahov.pdf.
6. Дятлов В.И. Мигранты и принимающее общество: стратегии и практики адаптации (на примере Иркутска). URL: http://www.buk.irk.ru/exp_seminar/3/3_dyatlov.pdf.
7. Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской республики и постсоветской России) // Диаспоры. 2000. № 3. С. 6–32.
8. Дятлов В.И. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры. 2004. № 3. С. 126–138.
9. Тишков В.А. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспоры. 2003. № 2. С. 160–183.
10. Полоскова Т.В. Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. М. : Научная книга, 2002. 284 с.
11. Попков В. Классические диаспоры: к вопросу о дефиниции // Диаспоры. 2002. № 1. С. 6–22.
12. Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 77–78.
13. Дятлов В.И. Адаптация мигрантов к современному российскому обществу: стратегии диаспорализации. URL: http://migrocenter.ru/publ/konfer/ekaterinburg/m_ekaterinburg03.php.
14. Статус малочисленных народов России: правовые акты и документы. М. : Юрид. лит., 1994. 488 с.
15. Нам И.В. Создание азербайджанской НКА // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 1997. № 5 (16). С. 50–51.
16. Нам И.В. К осуществлению закона РФ «О национально-культурной автономии» // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 1998. № 19. С. 47–50.
17. Осипов А.Г. Автономия, меньшинства и мультикультурализм: в чем смысл «управления многообразием»? // Мир России. 2008. № 1. С. 106–108.
18. Степанов В.В. Национально-культурная автономия в России как идея и как правовая норма // Правовые аспекты этнических отношений. М. : Деловая столица, 2004. С. 91–117.
19. Осипов А.Г. Является ли национально-культурная автономия в России инструментом защиты меньшинств? // Вестник Института Кеннана. 2006. С. 46–53.
20. Калугина Г. Национально-культурные общества: посреднические и коммуникационные функции в городском сообществе (на примере Иркутска) // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск : Оттиск, 2012. С. 353–368.
21. Мокин К.С. Адаптация мигрантов: варианты стратегий // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции. М., 2009. С. 99–116.
22. Карта институтов гражданского общества Томской области. URL: <http://storage.esp.tomsk.gov.ru/files/12482/card.pdf>.
23. Закон Томской области «О государственной поддержке региональных и местных национально-культурных автономий в Томской области» // Территория согласия. Томск. 2008. № 3. С. 50–51.
24. Умарзода Ф. В Томске скинхедов нет? URL: <http://news.tj.ru/newspaper/article/v-tomske-skinhedov-net>.
25. Ефанова Ю. Две родины киргизов // Территория согласия. 2008. № 3 (17). С. 31.
26. Как разрешить педагогические и социальные проблемы мигрантов? URL: <http://tnews.tomsk.ru/stats/20/41687>.
27. Трудности перевода. URL: <http://www.podst.ru/posts/6172>.
28. План мероприятий по реализации в 2013–2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://government.ru/media/files/41d47a99d97a4ea0ebf3.pdf>.
29. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512>.
30. Варнавский П. Феноменология социокультурной адаптации (на примере мигрантов из Центральной Азии и Забайкалья) // Диаспоры. 2011. № 1. С. 184–217.
31. Соколовский С.В. Институты и практики производства и воспроизводства этничности. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0319/analit02.php>.

Nam Iraida V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: namirina@bk.ru

“NEW” ETHNIC GROUPS (DIASPORA) OF TOMSK.

Keywords: migrants; ethnic dispersions; ethnicity institutionalization; ethnic identity; national and cultural autonomy.

The article analyzes «new» ethnic groups of Tomsk that emerged as a result of modern migration processes. The choice of Tomsk by migrants is due to the fact that it is a historically cosmopolitan Siberian city and a regional center where the migrants from Central Asia, the Caucasus and China arrive, and where the labor of migrant workers («guest workers») is widely used these days. Moreover, as an academic city Tomsk annually welcomes a large number of non-resident and foreign students. The article is based on the research carried out in 2011–2014 with the purpose of exploring the issues connected with the adaptation of new migrants to the local society. Quantitative and qualitative methods were implemented such as focus-groups and expert interviews with the representatives of the national and cultural organizations and government agencies. Social and cultural processes taking place in the environment of new ethnic dispersions of Tomsk, mechanisms and means of sociocultural adaptation, group identity formation and institutionalization may be considered as models for modern Siberian city. One of the strategies employed by migrants to build relationships with the host society and create mutual economic and sociocultural adaptation is diasporization. «Diasporization is the formation of com-

munities with developed and effectively functioning economic and social networks, mechanisms of mutual support and cooperation» (V.I. Dyatlov). New communities and organizations formed by migrants, both formal and informal, are aimed at satisfying their basic needs in a host society such as safety, information, connections, infrastructure to facilitate living and working. National and cultural autonomies, communities, centers and associations are officially approved as a part of the system by the government and society. Despite the fact that according to the legislation of Russian Federation their main goal is to preserve and develop national culture, language, customs and traditions, they are in fact primarily concerned with the accomplishment of the representative and mediatory functions not included in the statutory objectives, such cooperation with the authorities and foreign representatives and structures, provision of legal and financial support for migrants and assistance in their adaptation and integration into local society. National and cultural autonomy as an ethnic dispersion institute is currently becoming an efficient means of adaptation and integration into local society. As experience has proved that this means has long-term prospects.

REFERENCES

1. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Moscow: HSE.
2. Osipov, A.G. (2009) *Mekhanizmy institutsionalizatsii etnichnosti* [The mechanisms of the institutionalization of ethnicity]. In: Panov, P.V., Sulimov, K.A. & Fadeeva, L.A. *Soobshchestva kak politicheskiy fenomen* [Community as a political phenomenon]. Moscow: ROSSPEN. pp. 202-221.
3. Dyatlov, V.I. (2005) *Baykal'skaya Sibir': iz chego skladyvaetsya stabil'nost'* [The Baikal Siberia: what constitutes stability]. Moscow; Irkutsk: Natalis. pp. 95-137.
4. Dyatlov, V.I. & Grigorichev, K.V. (eds) (2013) *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Resettlement Society of Asian Russia: migration, space, community]. Irkutsk: Ottisk.
5. Malakhov, V. *Etnizatsiya fenomena migratsii v publichnom diskurse i institutakh: sluchay Rossii i Germanii* [The ethnization phenomenon of migration in public discourse and institutions: Russia and Germany]. [Online] Available from: http://cisr.ru/files/publ/Migr_Malakhov.pdf.
6. Dyatlov, V.I. (n.d.) *Migranty i primayushchee obshchestvo: strategii i praktiki adaptatsii (na primere Irkutsk)* [Migrants and host societies: adaptation strategies and practices (as exemplified by Irkutsk)]. [Online] Available from: http://www.buk.irk.ru/exp_seminar/3/3_dyatlov.pdf.
7. Brubaker, R. (2000) "Diaspora kataklizma" v Tsentral'noy i Vostochnoy Evrope i ikh otnosheniya s rodinami (na primere Veymarskoy respubliki i postsovetskoy Rossii) [The "Diaspora of cataclysm" in Central and Eastern Europe and their relationship with their homeland (as exemplified by the Weimar Republic and Post-Soviet Russia)]. *Diaspora*. 3. pp. 6-32.
8. Dyatlov, V.I. (2004) *Diaspora: ekspansiya termina v obshchestvennyuyu praktiku sovremennoy Rossii* [Diaspora: the expansion of the term in the social practice of modern Russia]. *Diaspora*. 3. pp. 126-138.
9. Tishkov, V.A. (2003) *Uvlechenie diasporoy (o politicheskikh smyslakh diasporal'nogo diskursa)* [The passion for diaspora (about the political meaning of the diaspora discourse)]. *Diaspora*. 2. pp. 160-184.
10. Poloskova, T.V. (2002) *Sovremennye diaspori. Vnutripoliticheskie i mezhdunarodnye aspekty* [Modern Diaspora. Internal political and international aspects]. Moscow: Nauchnaya kniga.
11. Popkov, V. (2002) *Klassicheskie diaspori; k voprosu o definitsii* [The classic diaspora: to the question of definition]. *Diaspora*. 1. pp. 6-22.
12. Arutyunov, S.A. (2000) *Diaspora is a process. Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 2. pp. 77-78. (In Russian).
13. Dyatlov, V.I. (n.d.) *Adaptatsiya migrantov k sovremennomu rossiyskomu obshchestvu: strategii diasporalizatsii* [Adaptation of migrants to the modern Russian society: strategy diasporalization]. [Online] Available from: http://migrocenter.ru/publ/konfer/ekaterinburg/m_ekaterinburg03.php.
14. Kryazhkov, Yu.A. (1994) *Status malochislennykh narodov Rossii: pravovye akty i dokumenty* [The status of indigenous peoples of Russia: legal acts and documents]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
15. Nam, I.V. (1997) *Sozdanie azerbaydzhanskoy NKA* [On formation of the Azeri NCA]. *Bulleten' Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov*. 5(16). pp. 50-51.
16. Nam, I.V. (1998) *K osushchestvleniyu zakona RF "O natsional'no-kul'turnoy avtonomii"* [The implementation of the RF Law "On ethno-cultural autonomy"]. *Byulleten' Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov*. 19. pp. 47-50.
17. Osipov, A.G. (2008) *Avtonomiya, men'shinstva i multikulturalizm: v chem smysl "upravleniya mnogoobraziem"?* [Autonomy, minorities and multiculturalism: what is the meaning of "diversity management"?]. *Mir Rossii*. 1. pp. 106-108.
18. Stepanov, V.V. (2004) *Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya v Rossii kak ideya i kak pravovaya norma* [The national-cultural autonomy in Russia as an idea and as a legal norm]. In: Voronina, N.A. & Galdia, M. (eds) *Pravovye aspekty etnicheskikh otnosheniy* [Legal aspects of ethnic relations]. Moscow: Delovaya stolitsa. pp. 91-117.
19. Osipov, A.G. (2006) *Yavlyaetsya li natsional'no-kul'turnaya avtonomiya v Rossii instrumentom zashchity men'shinstv?* [Is the national and cultural autonomy in Russia an instrument for the protection of minorities?]. *Vestnik Instituta Kennana*. pp. 46-53.
20. Kalugina, G. (2012) *Natsional'no-kul'turnye obshchestva: posrednicheskii i kommunikatsionnyye funktsii v gorodskom soobshchestve (na primere Irkutsk)* [National-cultural societies: mediation and communication function in the urban community (exemplified by Irkutsk)]. In: Dyatlov, V.I. (ed.) *Mestnye soobshchestva, mestnaya vlast' i migranty v Sibiri na rubezhakh XIX–XX i XX–XXI vekov* [Local communities, local authorities and migrants in Siberia in the 19th-20th and 20th-21st centuries]. Irkutsk: Ottisk. pp. 353-368.
21. Mokin, K.S. (2009) *Adaptatsiya migrantov: varianty strategiy* [Adaptation of migrants: policy options]. In: Tishkov, V.A. & Stepanov, V.V. (eds) *Novye etnicheskiiy gruppy v Rossii. Puti grazhdanskoy integratsii* [New ethnic groups in Russia. Ways to civil integration]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS. pp. 99-116.
22. The Public Chamber of Tomsk Region. (2011) *Karta institutov grazhdanskogo obshchestva Tomskoy oblasti* [The map of the civil society institutions of Tomsk region]. [Online] Available from: <http://storage.esp.tomsk.gov.ru/files/12482/card.pdf>.
23. Umarzoda, F. (2012) *V Tomsk skinkhedov net?* [There are no skinheads in Tomsk, aren't there?]. [Online] Available from: <http://news.tj.ru/newspaper/article/v-tomske-skinkhedov-net>.
24. Efanova, Yu. (2008) *Dve rodiny kirgizov* [Two homeland for Kyrgyz people]. *Territoriya soglasia*. 3(17). p. 31.
25. Ru T.L.D. (n.d.) *Kak razreshit' pedagogicheskie i sotsial'nye problemy migrantov?* [How to solve the educational and social problems of migrants?]. [Online] Available from: <http://tnews.tomsk.ru/stats/20/41687>.
26. Anon. (n.d.) *Trudnosti perevoda* [Lost in Translation]. [Online] Available from: <http://www.podst.ru/posts/6172>.
27. The Government of the Russian Federation. (2013) *Plan meropriyatii po realizatsii v 2013–2015 godakh Strategii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda* [The plan for implementation in 2013–2015 of the RF State National Policy up to 2025]. [Online] Available from: <http://government.ru/media/files/41d47a99d97a4ea0ebf3.pdf>.
28. The RF President Administration. (2012) *Strategiya gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 g.* [Strategy of the state national policy of the Russian Federation up to 2025]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512>.
29. Varnavskiy, P. (2011) *Fenomenologiya sotsiokul'turnoy adaptatsii (na primere migrantov iz Tsentral'noy Azii v Zabaykal'e)* [Phenomenology of socio-cultural adaptation (as exemplified by migrants from Central Asia in the Trans-Baikal)]. *Diaspora*. 1. pp. 184-217.
30. Sokolovskiy, S.V. (2008) *Instituty i praktiki proizvodstva i vosproizvodstva etnichnosti* [Institutions and practices of production and reproduction of ethnicity]. [Online] Available from: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0319/analit02.php>.
31. *Territoriya soglasia* [The territory of the agreement]. (2008) 3. pp. 50-51.

МИГРАЦИИ И МИГРАНТЫ: ЭТНИЗАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ГОРОДА

УДК 314

DOI 10.17223/19988613/37/6

А.Н. Алексеенко

МИГРАЦИИ И ЭВОЛЮЦИЯ ВИЗУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА УСТЬ-КАМЕНОГОРСКА

На протяжении длительного времени в Казахстане складывалась этнически дифференцированная система расселения. В конце XX в. казахи по-прежнему оставались сельскими жителями, русские же доминировали в казахстанском городском пространстве. Более четко тенденция оформилась на северо-востоке республики. Распад СССР привел к интенсификации миграционных потоков, оформившихся в 70–80-е гг. XX в., – эмиграция городского европейского населения и перемещение в города сельских казахов. На примере г. Усть-Каменогорска выясняется, влияет ли смена этнического состава на визуальное пространство города, находят ли суверенные амбиции отражение в визуальных эволюциях городского пространства (архитектура, ономастика, название пунктов общественного питания, магазинов и т.п.), или же сложившееся на «европейской» основе городское пространство способно «растворить» в себе этносуверенные амбиции. Автор приходит к выводу, что русифицированное визуальное пространство Усть-Каменогорска скорее вестернизируется, чем казахизируется. Формирующаяся новая этническая основа города пока продолжает существовать в прежнем визуальном пространстве.

Ключевые слова: визуальное пространство; городское пространство; миграция; функции города; Усть-Каменогорск; этнический состав.

В этнизации городского пространства Казахстана миграция играет определяющую роль. Этническая дифференциация расселения (казахи – сельские жители, русские – городские) складывалась долго (с XVIII в.) и наиболее рельефно оформилась в середине XX в. В результате поток автохтонов в города (четко оформившийся в 60-е гг. XX в.) растворялся в европейской массе, оказывая слабое влияние на социокультурные явления. В первую очередь такой процесс был характерен для северо-восточного Казахстана и Усть-Каменогорска в частности.

После распада СССР ситуация кардинально меняется. Политические, социальные, экономические постсоветские трансформации сказались на интенсификации, с одной стороны, эмиграции европейского городского населения, с другой – перемещении в городскую местность сельских казахов. Идет процесс этнического замещения в основных социальных нишах города, долгие годы функционировавших на русскоязычной основе. Казахи, не имея опыта строительства городского пространства, вынуждены, с одной стороны, перенимать имеющиеся уже стандарты жизнедеятельности (как русифицированные, так и вестернизированные), с другой – привносить в них элементы национальной культуры. Одним из критериев процесса развития «цивилизационной диффузии» является меняющееся визуальное пространство города в условиях этнической перегрузки.

История формирования городского пространства Усть-Каменогорска. В Казахстане присутствует немало вариантов адаптации к городскому пространству, размещающихся в диапазоне между «автохтонным» и «европейским» полюсами. Многое зависит от численности и этнического состава сельского населе-

ния региона. Усть-Каменогорск занимает срединную позицию в этом диапазоне. С одной стороны, в этническом составе города по-прежнему преобладает европейский компонент, так же как и в близлежащих районах. В то же время наиболее многочисленные миграционные потоки в областной центр идут из далеких казахских регионов. Таким образом, зона притяжения населения городом простирается далеко за пределы его окрестностей.

Для существования полиэтничного теперь городского пространства большое значение имеет его историческое прошлое, закрепленное в названиях улиц, памятниках и других символах, фиксирующих этнокультурные предпочтения «старого» городского населения.

Впервые русские появились в верховьях Иртыша в связи с необходимостью добычи соли на Ямышевском озере. Направляясь от г. Тары, отряды русских продвигались по территории, занятой джунгарами. Строительством укреплений их удалось оттеснить к югу. В XVIII в. принимаются меры по укреплению новых государственных рубежей. Основное внимание было обращено на строительство военных линий по р. Иртыш. Поводом к расширению границы вверх по Иртышу послужил слух об обилии золотых россыпей около джунгарского г. Еркети (г. Яркенд, ныне находится в Китае, СУАР). Слух дошел до Петра I. Для овладения Яркендом одна за другой снаряжаются экспедиции И. Бухгольца (1715 г.) и П. Ступина (1717 г.), в результате которых были заложены крепости Ямышевская, Омская, Железинская, Семипалатинская. В 1719 г. для отыскания Яркенда, а также для расследования злоупотреблений сибирского губернатора Матвея Гагарина снаряжается отряд во главе с гвардии майором

И.М. Лихаревым. В 1720 г. отряд дошел до оз. Зайсан, но вследствие обмеления Иртыша и столкновений с джунгарами вынужден был вернуться. На обратном пути, осенью 1720 г., при впадении р. Ульба в Иртыш, была заложена крепость Усть-Каменная, названная так потому, что здесь Иртыш вырывался из гор на равнину (устье каменных гор). Крепость стала южной оконечностью образовавшейся Иртышской линии. В ряду редутов, крепостей Усть-Каменогорская крепость была признана главной из всех верхиртышских укреплений, «угловою точкой», где смыкались Иртышская, Колывано-Кузнецкая и Бухтарминская линии.

Административное подчинение Усть-Каменогорска (город – с 1868 г.) неоднократно менялось, он входил в состав Тобольской провинции, Колыванской области (затем губернии, наместничества), Омской области, Томской губернии, Семипалатинской области (губернии). В 1921 г. из состава РСФСР в состав Семипалатинской губернии КАССР были включены территории 9 волостей Алтайского округа Томской губернии, часть Усть-Каменогорска (Верхняя пристань) также входила в состав Томской губернии. Подавляющим большинством населения этих территорий были русские. В 1939 г. Усть-Каменогорск становится центром Восточно-Казахстанской области (ВКО). В 1997 г. в состав ВКО включена Семипалатинская область.

Первыми жителями крепости были казаки, сибирские крестьяне, ссыльные. Постепенно Усть-Каменогорск превратился в «перекресток» рудных дорог. Отсюда снаряжаются экспедиции в Алтайские горы. В XIX в. Усть-Каменогорск был важным перевалочным пунктом в торговле с Синьцзяном, Кашмиром, Тибетом.

Бурный рост Усть-Каменогорска начинается в 50-х гг. XX в., стремительно увеличивается численность населения (таблица). Темпы роста русского населения ВКО в 1939–1959 гг. были в 2,2 раза выше темпов роста казахского. В Усть-Каменогорске русских стало больше в 8,1 раза. Происходит это как за счет притока населения из-за пределов Казахстана, так и внутренней миграции из близлежащих районов компактного расселения русского хинтерланда. Основной причиной этого явления является развитие промышленности, превращение города в один из союзных центров цветной металлургии. В Усть-Каменогорске располагалось несколько десятков крупных предприятий союзного значения – Свинцово-Цинковый комбинат (Казцинк), Ульбинский Металлургический завод, Титано-Магниевого комбинат, Конденсаторный завод, Востокмашзавод, Завод керамических изделий, Арматурный завод, Гидросталь, Завод приборов и т.д. В городе находился горно-металлургический институт АН Каз ССР, филиал Всесоюзного научно-исследовательского института цветных металлов (ВНИИЦВЕТМЕТ), проектный институт Казгипроцветмет, два вуза и т.д.

Ведущим фактором в становлении городского пространства Усть-Каменогорска является, на наш взгляд,

этнополитика, определяющая социально-экономические, культурологические, ономастические и другие тенденции. Вследствие этого история города делится на два периода, наполненных разным этнополитическим содержанием.

Первый период состоит из двух этапов. «Имперский» этап, когда распространение российского (русского) влияния в казахской степи являлось непосредственной государственной задачей. Крепости, форпосты, укрепления были очагами и защитниками российской культуры от недоброжелательных инородцев-номадов (джунгар, прежде всего).

В XIX – начале XX в. все большее значение начинают приобретать социально-экономические факторы. Но этнодемографический результат был почти тот же – казахов в Усть-Каменогорске было немного (7,5% в 1897 г.).

В 1920–1980 гг., время действия советского этапа, этнополитический фактор проявляется опосредованно, в основном через социально-экономические процессы. Усть-Каменогорск становится индустриальным центром. Кадровый состав предприятий формируется в основном из европейцев (воспроизводство городского населения, миграция из-за пределов Казахстана, миграция из прилегающих районов – в г. Лениногорске, Зыряновском, Серебрянском, Шемонаихинском, Глубоковском районах удельный вес русских всегда был больше 80%.) Таким образом, основой этнического состава являлись русские, работающие, в массе своей, на промышленных предприятиях города (таблица).

В 80-е гг. XX в. оформилась тенденция формирования населения Восточно-Казахстанской области за счет казахов. При этом самые высокие темпы роста численности казахов наблюдались в русскоязычных северных районах региона (г. Лениногорск, Зыряновский, Шемонаихинский, Серебрянский, Глубоковский районы). Наибольшим предпочтением пользуется областной центр. Динамика численности этноса в 1979–1989 гг. была здесь в 16,5 раза выше, чем в традиционно «казахских» районах, и в 6 раз выше, чем темпы роста числа русских. Тем не менее внедрение в городское пространство шло главным образом на «русской» основе.

В суверенный период, особенно в его начале, ситуация изменилась незначительно. Обозначившиеся тенденции формирования населения областного центра еще более усиливаются. Особенностью является то, что наряду с ростом казахского населения стало сокращаться число русских. Статистически присутствие в Усть-Каменогорске представителей казахского этноса становится все более зримым (таблица).

Данные таблицы показывают, что за постсоветский период число казахов в Усть-Каменогорске увеличилось в 3,7 раза. Русских стало меньше в 1,4 раза. В результате удельный вес казахов в составе населения города в 2014 г., в сравнении с 1989 г., вырос в два раза. Среднегодовые темпы роста числа городских казахов наиболее высоки в 2009–2014 гг. (11,5%) – в 1,8 раза выше, чем в предыдущие два десятилетия (6,6%).

Можно предположить, что в ближайшие годы миграционный поток из села в город еще более интенсифицируется. В активный социальный возраст (получение высшего/среднего специального образования, поиск работы) начнут вступать молодые люди, рожденные в начале 2000-х гг., – представители второй демографической вол-

ны, вызванной демографическим взрывом 50-х – начала 60-х гг. XX в. С учетом того, что в сельской местности проживают около 400 тыс. казахов, миграционный поток из села в состоянии ещё более серьезно изменить этнический состав областного центра, тем более что сохраняется тенденция сокращения численности русских.

Численность и этнический состав населения г. Усть-Каменогорска по данным переписей населения и текущей статистики

Год	Численность населения, чел.	В том числе					
		казахи		русские		другие этносы	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%
1897	8 721	656	7,5	7 325	84,0	740	8,5
1926	13 909	684	4,9	11 381	81,8	1 844	13,3
1939	20 141	1 645	8,2	16 549	82,2	1 947	9,6
1959	159 335	7 045	4,4	133 618	83,9	18 672	11,7
1970	230 340	11 830	5,1	199 240	86,5	19 270	8,4
1979	274 716	19 019	6,9	232 166	84,5	23 532	8,6
1989	322 781	34 097	10,6	263 179	81,5	25 505	7,9
1999	320 234	62 136	19,4	238 057	74,3	20 041	6,3
2009	298 866	79 313	26,5	203 499	68,1	16 054	5,4
2014	325 803	124 910	38,3	188 872	58,0	12 021	3,7

Источники: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г., Семипалатинская обл. СПб., 1905. С. 54–55; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Казахская АССР. М., 1928. Т. 8. С. 15–18; Всесоюзная перепись населения 1939 г. // ЦГАНХ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 558. Табл. 27. Л. 41–42; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Казахская ССР. М., 1962. С. 13; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. Т. 4. С. 235; Данные Восточно-Казахстанского областного управления статистики. Усть-Каменогорск, 1991; Итоги переписи 1999 г. по Восточно-Казахстанской области. Алматы, 2001. Т. 2. С. 43; Данные департамента статистики ВКО. Усть-Каменогорск, 2009; Этно-демографический сборник Республики Казахстан. 2014. Агентство РК по статистике. Астана, 2015.

Современное городское пространство: инерция «досуверенного» прошлого или становление новой парадигмы? Сможет ли сложившаяся на «русской» основе городская система быть опорой для иного этнического состава? Или «новые горожане» в состоянии создать городскую среду, учитывающую особенности самобытной культуры казахов? Или – некая диффузия, отражающая основные компоненты цивилизационных идентичностей? Некоторые тенденции возможного развития процесса зафиксировала культуролог З. Наурызбаева: «В XIX в. <...> русские колониальные чиновники и миссионеры отмечали интерес казахов к русскому образу жизни, их способность и готовность перенимать этот образ. То же самое можно сказать о казахах, соседствующих с узбеками. Сейчас казахские студенты с увлечением празднуют Хэллоуин и День Валентина» [1]. По мнению З. Наурызбаевой, «кочевая культура отличается от оседлой тем, что в ней не было катастрофического разрыва между городской и сельской культурой, не было того, что принято называть “идиотизмом деревенской жизни”. Кочевник постоянно (хотя бы в цикле годовой кочевки) передвигался на сотни и тысячи километров, что уже само по себе расширяло кругозор, общался с представителями других родов и племен» [2]. С учетом того, что кочевой уклад жизни был полностью разрушен в XX в., «абсолютное большинство казахов живут сейчас вне кочевого уклада, в городе разрушена и родовая община. Ясно, что при таком коренном изменении уклада нация должна искать новые формы жизни, в массе заимствуя их у других народов» [1]. Общественный деятель А. Тужутов считает, что «отказ аборигенов от своего традиционного общества и постепенное их перетекание

в современное государствообразующее общество на основе пришлого европейского населения – это достаточно распространенное явление в мире». В Казахстане же процесс социальной эволюции носит односторонний характер: «...социальная эволюция коренных жителей страны происходит исключительно по направлению “казахскоязычное традиционное общество – русскоязычное современное общество” <...> Вопрос здесь не в том, что такое поведение натурализованных в казахстанцев казахов – это хорошо или плохо. А в том, что надо считаться с такой более чем очевидной реальностью» [3].

Сложно сказать, насколько адекватна идея «односторонней социальной эволюции» современному состоянию казахстанского социума. А. Тужутов высказал мнение в начале XXI в. С тех пор ситуация изменилась. В настоящее время заметны успехи казахского языка в освоении городского пространства. «Современное общество» не обязательно должно быть русскоязычным, а казахскоязычное – традиционным. Ясно одно: миграционный поток из села в город будет нарастать, и именно в полиэтническом городском пространстве происходит становление «новых форм жизни».

Конечно же, при переезде в город сельский житель менее всего думает о цивилизационных последствиях своего решения. Основные причины смены места жительства казахов – экономические, социальные. Областные СМИ довольно часто описывают трудности, которые испытывают вчерашние сельчане в городе. Время публикации большого значения не имеет – значительная часть современных переселенцев сталкивается с теми же проблемами, что и их предшественники 10–15 лет назад: «Всем известно, в последние годы

многие потеряли работу. Скот тоже в численности уменьшился, магазина нет. У коммерсантов все очень дорого. Проезд тоже подорожал. “Если так сидеть, дети будут бедствовать”, – так думали жители деревень. И поэтому переселились в город... У которых есть кое-какие деньги, купили развалившиеся дома, дачи. Там, где было глухо, тихо, – теперь шумно. Там живут казахи... Самое интересное, если спросишь любого о том, как ему живется, они отвечают: “Да нормально, лучше, чем в деревне”. У одной из них младший сын ходит в детский сад. Если бы они были в деревне, он бы смог ходить туда?» [4]. Люди надеются, что город может дать то, чего часто нет в сельской местности, – работу и материальное благополучие, социальные услуги, достойное образование и карьерные перспективы. Социологические исследования показывают, что «в качестве приоритетных целей молодежь выбирает деловую карьеру, образование и достойную работу. Образование и учеба важны для 57,4% респондентов, а достойная работа – для 50,4%» [5].

Приезжие готовы обустроиться в городе, несмотря ни на какие трудности. Именно эта часть мигрантов более всего готова к восприятию городской действительности. И именно их город довольно быстро «подчиняет» себе.

С учетом исторических особенностей становления казахстанского городского пространства оно до сих пор остается русскоязычным. Российский писатель М. Жванецкий отмечает: «Впечатления от Алматы: прекрасный русский язык. У казахов. Они останутся носителями русского языка» [6]. Поэтому одним из важных условий освоения города является знание русского языка: «Выпускники казахских сельских школ, приезжая в поисках лучшей жизни в города, особенно в Алматы и Астану, самостоятельно и без всяких указаний выучивают русский язык, поскольку рынок диктует свои условия. Даже если ты хочешь заниматься частным извозом, придется осваивать общепонятную речь, то есть русскую» [7].

По мнению главного специалиста Института филологии и политологии Р. Кадыржанова, «в школе изучают казахский язык. И казахи, и русские ребята. Но мы живем в русскоязычном мире. В этом легко убедиться, выйдя на улицу. Окружение играет огромную роль... Кстати, почему-то ученые не занялись исследованием феномена, связанного с оралманами и жителями казахской глубинки. Они приезжают в большой город, устраиваются на работу. Через полгода, максимум год начинают весьма прилично говорить по-русски» [8].

Прибывшая в город молодежь очень скоро убеждается и в том, что здесь их никто не ждет. Причем не ждет именно городское население в целом, этническая принадлежность «встречающих» большого значения не имеет. Так, в Алматы «сто процентов опрошенных испытывают неприязнь к приезжим... для местных все приезжие являются ни кем иным, как варварами...

агрессия идет именно со стороны горожан, а сельчане в большинстве своем проявляют защитную реакцию. Хотя, может быть, дело в том, что именно приезжие раздражают своим поведением местных» [9].

Попытка части приезжих «встроиться» в городскую иерархию с помощью «патриархально-патриотического» ресурса встречает жесткое противодействие со стороны городских казахов. А. Конарова, музыкальный продюсер, отмечает: «Есть одна прослойка населения, заикленная на непонятном “патриотизме”, радеющая за все исконно казахское во всем, не принимающая и не понимающая новые веяния и тенденции. Менять сознание таких людей бесполезно. То ли образованности не хватает, то ли ума. Именно такие, призывая к истокам (причем, не понимая смысла), лузгают семечки во дворах, разбрасывая мусор, оставляя плевики на асфальте, ленятся, не желая поднять зады и работать! Хают все и вся. Самый простой метод найти себе оправдание в своей неустроенности. Вот они-то и обвиняют как раз в копировании Запада» [10].

Подобные публичные оценки возможны, на наш взгляд, в таком мегаполисе, как Алматы, но не характерны для казахов, проживающих в областных центрах, Усть-Каменогорске в частности. Здесь отсутствует еще более или менее представительный слой, имеющий многопоколенную городскую историю и полностью (или в значительной мере) отстраненный от традиционной культуры. Усть-Каменогорск начал пополняться мигрантами в основном в суверенное время, вследствие чего городское автохтонное население более однородно. Налицо так называемая «промежуточная» стадия в освоении недавними сельскими жителями городского пространства. Пока не ясно, как долго будет сохраняться состояние некой «однородности», оно условно и с течением времени размывается. С одной стороны, сюжет «городские казахи» вышел на новый уровень – ситуацию все более определяют молодые люди, родившиеся и социализировавшиеся в городе. Прослойка коренных горожан-автохтонов растет очень быстро. С другой – города постоянно пополняются вчерашними сельскими жителями, привносящими в новое место жительства элементы традиционной культуры. Появляются предпосылки социокультурного расслоения городского казахского социума.

Функции города и варианты адаптации к городскому пространству. С учетом того, что «престижные» социальные ниши в значительной мере все еще русскоязычны, стремление к попаданию в них требует и соответствующего социокультурного «набора». В гораздо большей степени явление характерно для крупных городов Казахстана – Астаны и Алматы. В областных центрах процесс выражен слабее в силу отсутствия «зон притяжений» государственного значения. Ситуацию определяет региональная специфика. Усть-Каменогорск, как говорилось выше, на протяжении большей части своей истории был индустриальным городом. Его основная функция оставалась неиз-

менной на фоне меняющихся политических режимов (царская Россия, Советский Союз, суверенный Казахстан). Сложилась своеобразная «надполитическая» социально-экономическая специфика, вполне способная диктовать горожанам свои условия, определять нормы поведения. Казахи, в силу ряда причин, массового индустриально-промышленного опыта не имеют, вследствие чего чувствуют себя здесь в какой-то мере гостями, невзирая на этнополитические предпочтения, предоставленные суверенитетом. Ощущение «гостевого» статуса предполагает приспособление к сложившейся городской среде. Таким образом, часть мигрантов, направляющихся в Усть-Каменогорск, делает осознанный цивилизационный выбор, готова принимать существующие правила игры.

То, что сохранение основных функций города имеет большое значение для дальнейшего развития, демонстрирует пример г. Семей (до 2007 г. – Семипалатинск). В середине XIX в. город стал «столицей» Семипалатинской области, постепенно обрастая соответствующей инфраструктурой. Семипалатинск являлся образовательным, культурным, транспортным центром Степного края. В советское время город выполнял функции губернского, окружного, областного центра. Сложилась соответствующая структура занятости, призванная обслуживать административный статус. Тяжелая промышленность была представлена незначительно. Легкая и пищевая промышленность подчинялась в основном Министерству обороны СССР, вследствие чего испытала жестокий кризис после распада Союза. В городе всегда был сравнительно (с Усть-Каменогорском, например) высокий удельный вес казахского населения, казахской городской интеллигенции.

Распад СССР негативно сказался на экономических перспективах Семипалатинска. Но более плачевное следствие имела потеря «столичного» статуса. В 1997 г. Семипалатинская область вошла в состав Восточно-Казахстанской области с центром в Усть-Каменогорске. Семипалатинск потерял основную «историческую» функцию, «столичная» инфраструктура была разрушена. Создается огромная (27,5 тыс. кв. км) Семипалатинская городская администрация, в которую вошли 14 сельских округов. В Семипалатинск все более активно устремляется сельское население. Большая часть мигрантов, вследствие недостаточной профессиональной подготовки, оказывается в неформальном секторе экономики (торговля, услуги, строительство и т.п.). Освоение городского пространства вчерашними сельчанами идет на базе традиционных воззрений. Последующие миграционные потоки, в основе своей, адаптируются именно к этой среде. Город постепенно «растворяется» в архайке [11].

Таким образом, благодаря миграции этнодемографические, социокультурные, социально-экономические и другие составные городского пространства Казахстана в постсоветский период претерпели определенные

изменения. Одним из важных критериев динамики развития процесса является, на наш взгляд, эволюция визуального пространства города.

Визуальное пространство Усть-Каменогорска. Современный Усть-Каменогорск сформировался в советский период, и архитектура города отражает особенность именно этой эпохи. Никакой этнической нагрузки она не несет. Современные здания (в основном торговые центры) также вне этнической логики. О том, что город находится в Казахстане, в какой-то степени могут свидетельствовать мечети, визуально доминирующие в городском пространстве. Но почти в равной степени присутствуют и православные храмы, обновившие панорамный уровень архитектуры. Фасадный уровень также в основе своей является наследием советской эпохи. Лишь иногда на стенах «хрущевок» можно увидеть изображения каких-то элементов казахской культуры.

Скульптуры, памятники не заиклены на этнической суверенной идее: Абаю, Славскому (министр советских времен, многое сделавший для развития Усть-Каменогорска), Рабиндранату Тагору, Мусе Джалилю, Касыму Кайсенову, Кирову, Пушкину, Протозанову (первый секретарь обкома партии в 70–80 гг. XX в.), Афганцам, Монумент Победы и т.д. По всему городу разбросаны скульптуры жирафов, лягушек, верблюдов, лошадей, оленей, пчел и т.д. На «Аллее влюбленных», расположенной на набережной Иртыша, установлена масса абстрактных фигур авторов разных стран. Можно сказать, что город старается уйти от некой «местечковости», пытается позиционировать себя как часть мирового пространства.

Несколько большие изменения претерпела ономастика Усть-Каменогорска. «Ономастический ажиотаж» создавала научная и национальная интеллигенция, особенно в 1990-е гг. – в период утверждения в городском пространстве этнополитических амбиций одних и ответной реакции других. Как только стихают этнополитические страсти, прекращаются и ономастические потрясения. В настоящее время число «бойцов» ономастического фронта существенно убавилось в сравнении с первыми годами суверенитета.

Несмотря на снижение градуса ономастического противостояния, конфликтный потенциал сохраняется. Суть его в параллельной аргументации ономастических притязаний. Нетитульное население рассматривает ситуацию через призму социально-экономических характеристик, имеющих длительную историю («мы строили города, заводы, развивали промышленность» и т.п.). Казахи видят проблему с позиции суверенитета, независимости, государственности («это территория Республики Казахстан», «Надо помнить, в каком государстве мы живем» и т.п.). Присутствует и естественно-географический вариант – старинные («доколониальные») названия гор, рек, лошин, ущелий и т.п. Проблема в том, что с помощью естественно-географического наследия переkreить ономастическое

пространство города весьма затруднительно. Ономастическая логика городского пространства выстраивается по иным параметрам. Поэтому преобладает политический аргумент.

В настоящее время можно подвести некоторый итог ономастических дискуссий суверенного периода. Первый вывод – подавляющее большинство названий улиц Усть-Каменогорска носит прежнее название. Из шести сотен улиц города казахские имена имеют немногим более двадцати. Впрочем, «казахскими» многие из них можно назвать весьма условно, в них отражены название административно-территориальных единиц как Казахстана (улицы Казахстанская, Казахстан, Алма-Атинская, Карагандинская, Астана), так и Восточно-Казахстанской области (Катон-Карагайская, Зайсанская, Уланская). При этом большинство зовётся так с советских времен. Несколько улиц носят имена Героев Советского Союза (Молдагуловой, Тохтарова, Кайсенова), известных деятелей советских времен (Ауэзова, Утепова, Джангильдина, Серикбаева, Сатпаева).

Таким образом, названия большинства так называемых «казахских» улиц отражают историю советского Казахстана. Непосредственно истории казахского народа касаются улицы Кабанбай Батыра (герой военных действий в борьбе с джунгарами) и Абая. Суверенная история зафиксирована в названиях проспекта Независимости (бывший проспект Ленина) и площади Республики (бывшая площадь Ленина).

С течением времени названия улиц становятся «своими», на этническую составную мало кто обращает внимания. Так, истинно «своими», «устькаманскими» не одним поколением считаются расположенные в центре города парк им. Джамбула, магазин «Сауле». По поводу названия одного из микрорайонов города («Аблакетка») имеются несколько городских легенд-версий. Все они связаны с казахским началом, но воспринимаются как истинно «устькаманские». Уже мало кто помнит, что одна из центральных магистралей Усть-Каменогорска – проспект Ауэзова, около 20 лет назад была улицей Краснооктябрьской. Сейчас «историческим» считается именно проспект Ауэзова (и воспринимается горожанами именно так). Подтверждением постепенной потери этнической доминанты считаю следующий факт. Переименование Набережной Красных Орлов (по имени местного партизанского отряда времен Гражданской войны), называемой местными жителями НКО и под этой аббревиатурой известной почти всем коренным усть-каменогорцам, в набережную им. Протозанова вызвало бурю негодования местных жителей. Дело доходило до судебных разбирательств, акций протеста и т.д.

Следует отметить, что ономастические претензии имеются лишь к центральным улицам Усть-Каменогорска. Окраины города мало кого интересуют. И хотя именно здесь этнический состав меняется наиболее заметно, ономастических эволюций не последовало. Да и окраинные микрорайоны называются по-

прежнему: Защита (на этом месте когда-то стоял пост казаков, защищавший крепость от набегов джунгар), Гавань, Пристань, Согра (Новая и Старая), Бабкина мельница, Шмелев лог, поселок Красина (известный в народе как Отрываловка), Лесхоз, Нефтебаза, пос. Мирный, Левый берег, КШТ (Комбинат шелковых тканей), Прохладное, Аблакетка и т.д. Названия улиц, какими бы неказистыми они ни были, не меняются многие десятки лет: Прямолинейная, Вытяжной тупик, 3, 4, 5, 6 Паровозные; Первая, Вторая, Третья, Четвертая улицы; переулок Просторный, переулок Конечный, улица Отдельная, улица Неизвестная, улица Временная и т.п.

Наиболее значительные переименования коснулись центральной части города. Проспект Ленина стал проспектом Независимости, улица Пролетарская – Кабанбай Батыра, Ушанова – Казахстан, Урицкого – Касыма Кайсенова (герой Советского Союза, командир партизанского отряда), площадь Ленина – площадь Республики, набережная Красных Орлов – Протозанова, набережная Иртыша – набережная им. Славского, улица Новошкольная – проспект Абая. Вот, пожалуй, и все. Основная масса центральных улиц сохранила прежние названия: Орджоникидзе, Кирова, Горького, Ворошилова, бульвар Гагарина, Космическая, Гоголя, проспект Победы, Либкнехта, Крылова, Головкова, Потанина, Лихарева и т.д.

Таким образом, с ономастической точки зрения этнизация проявилась, в целом, слабо. Во всяком случае, в сравнении с другими городами Республики Казахстан. Ономастика Усть-Каменогорска в основном отражает советскую историю. Суверенный период получил пока гораздо меньшее представительство. При этом он фиксирует не казахскую, а скорее казахстанскую историю (например, дворец Спорта получил имя Бориса Александрова, известного местного хоккеиста, недавно построенный легкоатлетический дворец – имя Ольги Рыпаковой, олимпийской чемпионки).

Основная причина, на наш взгляд, в этническом составе города. Учитывая его, власть не форсирует процесс, стремясь сохранить межэтническую стабильность. В то же время существует вероятность переименования самого Усть-Каменогорска. Наиболее явным претендентом является вариант «Оскемен» (так имя города звучит на казахском языке). Во всяком случае, за пределами Казахстана позиционируется такое название. Именно так город зачастую обозначен на картах, рекламе, в Интернете. С учетом того, что в принятии решений о переименованиях в Казахстане теперь участвует и население, в самом Усть-Каменогорске ономастическая проблема будет решена постепенно, эволюционно. Достаточно посмотреть на динамику изменения этнического состава города.

Ономастические преобразования в основном являются следствием решений «сверху» и в большей степени демонстрируют отношение к проблеме властных

структур. Для выяснения тенденций развития процесса «снизу» стоит взглянуть на «дневное пространство» города. Уличное (пешеходное) пространство – это лицо города, отражение сути городской жизни, место шопинга, променада и т.п. В сельской местности такое пространство, как правило, отсутствует. Есть свой дом, двор. Все, что за ним, – чужое. Поэтому «начинающие» горожане трясут на балконах половики, выбрасывают из окон мусор, кости, чем вызывают активное недовольство соседей.

Итак, краткий анализ названий магазинов, торговых центров, кафе, ресторанов, расположенных в одном из наиболее оживленных мест города – районе улиц Орджоникидзе, Кирова, Горького (центр города). Название всевозможных заведений в радиусе 200–300 м следующие: Торговый дом «Catti», Торговый дом «Император», Торговый дом «Купеческий», ресторан «Астория», ресторан «Корона», ресторан «barBQ», кафе «Теплица», кафе «Пицца-блюз», кафе «Солянка», магазины «Добрыня», «Аркадия», «Метелица», «Княжна», «Касым Кайсенов», «Сандалики», «Madonna», «Andorra», «Valencia», «Lori Blue», «Adidas», «Jence center», «Идеал», «Лавка рыбака», «Мягкий свет», «Винт», «Домъ», «Алиса», «Чунга-Чанга», «Ориент», «Дюймовочка», «Сашенька», «Лилия», «Мир детства» и т.п. Напоминанием о том, что эти заведения находятся в Казахстане, служит надпись «Дукен» (магазин). Областные власти пытаются направить творчество владельцев в суверенно-патриотическое русло: «Аким области... отметил некоторую неуместность (в условиях свободного, суверенного Казахстана) таких названий, как “Большевик” – ночной клуб, “Корона” – ресторан, “Император” – центр досуга. Добавил, что все вышеперечисленные недостатки и упущения свойственны, к сожалению, и другим городам области. <...> Несоблюдение закона о языках в стране – это одно дело. Но есть еще и такое понятие, как национальная гордость. Где она? <...> Государственный язык является одним из главных завоеваний независимого Казахстана, одним из его символов. Так давайте его уважать, беречь, развивать наряду с другими языками» [12]. Однако, несмотря на настоятельные рекомендации, ситуация остается практически неизменной.

В дневной зоне также расположены два кинотеатра – «Эхо» и «Юбилейный», несколько гостиниц – «Усть-Каменогорск» («Оскемен»), Gold Star, De luxe.

Таким образом, малый бизнес реагирует на полиэтническое дневное пространство в основном русскими и английскими вариантами названия заведений, не отражая пока этнополитических, этнодемографических суверенных изменений. Но постепенно рынок начинает реагировать на потребности «новых горожан». Так, у казахов принято на всевозможные торжества приглашать большое количество гостей. В результате почти на всех ресторанах размещена реклама – «Свадьбы, юбилеи – до 150 мест» (200, 300 мест и т.п.).

В спальных районах, на окраинах ситуация несколько иная. Общественные заведения работают в основном только для «своих», вследствие чего учитывают особенности, в том числе и этнические, потенциальных покупателей, что отражено в названиях торговых точек.

В целом можно предположить, что визуальные эволюции в первую очередь характерны для бытового пространства города. «Новые горожане» привносят в быт массу нюансов, не характерных для городских норм поведения. Но постепенно ситуация меняется, идет приспособление, привыкание к иным стандартам жизнедеятельности.

«Полюса» городского пространства – «дневное пространство», с одной стороны, «люмпены» – с другой, этнизированы гораздо в меньшей степени. Хотя, вполне возможно, нищие также являются частью дневного пространства города. Как бы то ни было, но среди них почти нет казахов. Для достижения социального дна, выхода за рамки социальной структуры необходимо обладать опытом городской жизни, своеобразной «городской психологией», пройти определенный социальный путь. Причина слабой этнизации этого слоя, на наш взгляд, в том, что традиционный потенциал казахского общества еще достаточно велик, чтобы не позволить кому-либо полностью из него выпасть. Определенная социальная поддержка (семья, род, землячество) еще имеется. Нищие старики-казахи практически отсутствуют как факт (многопоколенная семья, традиции уважительного отношения к старшим). Но, вполне возможно, с течением времени многие «сохранившиеся» положительные явления будут растворены в неоднозначном городском пространстве: «...молодой человек, приехавший из глубинки, на самом деле изначально является более культурным человеком, нежели маргинализировавшийся в третьем поколении горожанин. У приезжих присутствуют и уважение к старшим, и религиозность, и идеализация семейных ценностей. Однако за недолгий период адаптации в городе все это обретает противоположные, мутировавшие очертания» [9].

Таким образом, на первый взгляд, этнодемографические тенденции развития Усть-Каменогорска недостаточно отражены визуально. Русифицированное городское пространство скорее вестернизируется, чем казахизируется. Впрочем, стандартный критерий «адекватности» неизвестен и, скорее всего, попросту отсутствует. Сложно сказать, насколько значимо звено «визуальное пространство города» в логической цепочке суверенных эволюций. Можно ли назвать его этапом процесса европеизации? Или архаизации? Или визуальное пространство развивается по самостоятельному, параллельному сценарию, не являясь критерием оценки «цивилизационного состояния»? Почти 25 лет суверенного развития Республики Казахстан не дали четкого ответа на эти вопросы, по крайней мере, на примере Усть-Каменогорска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наурызбаева З. Розенкрейцеры, даосы и казахи // Свобода слова. 2012. 16 авг.
2. Таукина Р. Степные рыцари сегодня. Стереотипы в современном менталитете казахов // Свобода слова. 2012. 9 авг.
3. Тужутов А. Рожденные в СССР // Мегapolis. 2002. 7 ноя.
4. Шарипов О. Нашли ли приют в городе казахи из деревень? // Уш Анык. 2000. № 3–4.
5. Казахстанская правда. 2012. 17 ноя.
6. Время. 2012. 14 июня.
7. Бейсебаев К. Учите правильно, и не будет никаких языковых проблем // Взгляд. 2012. 5 сен.
8. Кириницкиных Ю. Великая казахстанская мечта. Можно ли преодолеть раскол страны по языковому принципу // АиФ. Казахстан. 2012. № 26.
9. Культура молодых. Кто воспитывает нашу молодежь? // Свобода слова. 2009. 21 мая.
10. Байтуkenов Т. Три девицы под огнем // Время. 2012. 23 авг.
11. Султанмуратов Н. Особенности урбанизации казахов // Социальный портрет современного казахстанского общества : сб. ст. Институт мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Первого Президента РК – Лидера нации. Астана-Алматы, 2015. С. 105–150.
12. Кудайбергенов К. О дальнейшем развитии языков // Рудный Алтай. 2010. 10 марта.

Alexeenko Alexander N. Eastern Kazakhstan State Technical University n. a. D. Serikbayev (Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan). E-mail: alalexeenko@mail.ru

MIGRATIONS AND THE EVOLUTION OF THE VISUAL SPACE IN UUST-KAMENOGORSK.

Keywords: visual space; city space; migration; city functions; Ust-Kamenogorsk; ethnic composition.

Over a long period of time, an ethnically differentiated settlement system has formed in Kazakhstan. In the late 20th century the Kazakh people were still rural inhabitants whereas the Russians dominated the Kazakh urban space. This trend was clearer in the north-east of the Republic. The collapse of the USSR led to the intensification of migration flows that had started in the 1970s – 1980s, i.e. the emigration of the «European» urban population and the movement of Kazakh rural inhabitants to cities. The article aims to find out, through the example of Ust-Kamenogorsk, whether the change of ethnic composition has an impact on the visual space of the city. Do the sovereignty-related ambitions get reflected in the visual evolution of the urban space (architecture, onomastics, names of public catering places, shops, etc.)? Or the based on the «European» urban space is capable of «dissolving» these ethno-sovereignty-driven ambitions? To reveal the problem's essence, it is of great importance to refer to the history of Ust-Kamenogorsk. The article illustrates the main historical periods of the development of the city (the pre-Soviet, Soviet, and the sovereign one). The ethno-demographic, socio-economic, and socio-cultural basis of the city has formed during a long time, from the 18th to the 20th centuries. Therefore, the rapid change of the ethno-demographic composition of the population here in the late 20th to the early 21st centuries did not alter the socio-economic and socio-cultural development path. The migration flow from rural areas has, to a great extent, adapted to the existing urban environment. The formation and preservation of this «environment» largely depends on the sustainability of city's main functions (the industrial ones) that have developed over centuries. Importantly, the city's functions remained the same despite the political state of affairs (the pre-Soviet, Soviet, and the sovereign one). Thus, one can speak of the presence of some specific urban environment here, independent, to a degree, of political changes. As a result, the urban space is still capable of defining new city dwellers' behaviour. This can also be traced, to a great extent, in the visual space of Ust-Kamenogorsk. Architecture and design, onomastic and other components of the city's visual space have undergone minor changes. The vast majority of the names of streets continue to reflect the impact of the Soviet era (Orjonikidze, Kirov, Voroshilov, Gorky, Stakhanov, Karl Marx, Liebknecht, Burov, Bazhov, Karbyshev, etc.) The names of public places (restaurants, cafes, shops, etc.) reflect the dynamics of the ethno-demographic change of the last decades only to a small degree. Thus, the author concludes that the Russianized visual space of Ust-Kamenogorsk is becoming more westernized rather than Kazakh. The emerging new ethnic basis of the city continues to exist in the previously formed visual space.

REFERENCES

1. Nauryzbaeva, Z. (2012) Rozenkreysery, daosy i kazakhi [Rosicrucians, Taoists and Kazakhs]. *Svoboda slova*. 16th August.
2. Taukina, R. (2012) Stepnye rytsari segodnya. Stereotypy v sovremennom mentalitete kazakhov [Steppe knights today. Stereotypes in the modern mentality of Kazakhs]. *Svoboda slova*. 9th August.
3. Tuzhutov, A. (2002) Rozhdennye v SSSR [Born in the USSR]. *Megapolis*. 7th November.
4. Sharipov, O. (2000) Nashli li priyut v gorode kazakhi iz dereven'? [Have the Kazakhs from the villages found a shelter in the city?]. *Ush Anyk*. 3-4.
5. *Kazakhstanskaya pravda*. (2012) 17th November.
6. *Vremya*. (2012) 14th June.
7. Beysebaev, K. (2012) Uchite pravil'no, i ne budet nikakikh yazykovykh problem [Teach correctly and there will be no language problems]. *Vzglyad*. 5th September.
8. Kirinitsyanov, Yu. (2012) Velikaya kazakhstanskaya mechta. Mozhno li preodolet' raskol strany po yazykovomu printsipu [The great Kazakhstan dream. Is it possible to overcome the division of the country on the basis of language]. *AiF Kazakhstan*. 26.
9. Anon. (2009) Kul'tura molodykh. Kto vospityvaet nashu molodezh'? [Youth culture. Who educates our youth?]. *Svoboda slova*. 21st May.
10. Baytukenov, T. (2012) Tri devitsy pod ognem [Three girls under fire]. *Vremya*. 23rd August.
11. Sultanmuratov, N. (2015) Osobennosti urbanizatsii kazakhov [Features of the Kazakhs urbanization]. In: *Sotsial'nyy portret sovremennogo kazakhstanskogo obshchestva* [The social portrait of modern Kazakhstan society]. Astana-Almaty: IWEP. pp. 105-150.
12. Kudaybergenov, K. (2010) O dal'neyshem razvitiy yazykov [On further development of languages]. *Rudnyy Altay*. 10th March.

УДК. 394.014
DOI 10.17223/19988613/37/7

Л.Е. Бляхер

СПЕЦИФИКА ЭТНИЗАЦИИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА «ИМПЕРСКИХ ГОРОДОВ» СССР (СЛУЧАЙ ДУШАНБЕ)

Рассматривается процесс этнизации (освоения автохтонным населением) особого типа городского пространства – пространства имперского города. Под имперскими городами понимается тип поселения, выступающий не столько как порождение территориального сообщества, сколько как элемент имперского Космополиса, инструмент его связи с подвластной территорией. Примером, на котором в статье раскрываются эти процессы, выступает г. Душанбе – столица Таджикской ССР и Республики Таджикистан.

Ключевые слова: этнизация; империя; имперский город; социальное пространство.

Этнизация становится все более значимым процессом, определяющим направление развития городов на просторах распавшейся империи СССР. Под этнизацией мы понимаем феномен вынесения на социальный дисплей (термин образован по аналогии с гендерным дисплеем) неких социальных смыслов, трактуемых и считаваемых как этнические. При этом происхождение самих символов не столь принципиально. Этот процесс охватывает самые разные стороны общественной жизни, но, пожалуй, наиболее специфично он проявляется в ходе этнизации бывших «имперских» городов, опорных центров исчезнувшей «империи» СССР.

Наделение Советского Союза смыслами империи связано отнюдь не с позитивной или негативной оценкой исчезнувшего политического образования, но со спецификой его организации. Под империей мы будем понимать политическую форму, выступающую «земным» воплощением «небесного» проекта, в идеале являющегося Всемирным [1]. «Небесный порядок» воплощала Серединная империя. Римский мир (Pax Romana) воплощала империя римская. Да и более поздние империи несли на себе отпечаток имперской (вселенской) идеи [2]. В этом плане Советский Союз, который являлся, по идее, прообразом мира после победы Мировой Революции, был империей. Как и большинство империй, он состоял из достаточно различных в этнокультурном и социальном отношении частей. Их соединение и мыслилось в рамках Всемирного проекта построения коммунизма.

Вполне понятно, что составленный из частей, имеющих существенные культурные, социальные и прочие отличия, Советский Союз, как и любая империя, должен был иметь каркас, который бы скреплял это крайне разнородное пространство. Одним из важнейших элементов этого каркаса была специфическая форма коммуникации, при которой центр был универсальным посредником в любых «горизонтальных» переговорах. О значении центра для имперских структур писалось уже неоднократно [3]. Но трансцендентальные интенции (от Бога, от Небесного порядка, от «объективных законов истории») должны были как-то транслироваться на территорию. Значимый механизм такой трансля-

ции власти на периферию воплощали особые типы муниципий – «имперские города».

Располагаясь на вполне культурно и этнически окрашенных территориях, они были не столько элементом местной структуры, сколько элементом Космополиса, того Мирового порядка, который и воплощала империя. Через имперские города властные импульсы из центра империи доходили до самых отдаленных провинций. Но при всей выделенности из окружающего пространства имперские города создавали и для провинции ощущение причастности к общей судьбе Космополиса, зримый образ Империи, служили средством «обратной связи» между периферией и центром. Конечно, облик имперского города определялся прежде всего его причастностью к Космополису. Но существуя во вполне реальном этнически окрашенном локале, он обретал своеобразие, связанное с самим локалом.

Отсюда и специфика каждого имперского города, как и его судьба после распада империи, определялась той ролью, которую сам этот город и вся империя играли в отношении местного окружения. Эта специфика предопределяла и особенности самого города, и его функцию по отношению к местному сообществу, и характер этнизации, протекающей в постсоветский (постимперский) период.

Под этнизацией мы понимаем обретение городами, прежде не обладающими выраженной этнической спецификой, черт, связанных с освоением городского пространства господствующим этносом. Этот процесс в большей или меньшей степени характерен для всех новых государств – бывших союзных республик СССР. Однако наиболее полно он проявляется в особом типе муниципий – в имперских городах.

В отличие от своих исторических прототипов, имперских городов Священной Римской империи [4], имперские города СССР не обладали особыми свободами, но наделялись особой структурой и функциями по отношению к территории, на которой они располагались. Порой это оформлялось в специальном правовом статусе [5].

Имперский город был проводником интересов империи, в нашем случае СССР, на данной территории.

Это военный форпост или политический центр власти, достаточно четко отграниченный от окружающего пространства. Формы отграничения разнились. Это мог быть особый пропускной режим, как в Севастополе или Владивостоке, прописка в столице союзной республики. Причем не любой столицы, но, как правило, новой или заново построенной. Однако главным отличием был иной (имперский) уклад жизни, резко и видимо отличающий жителей имперского города от населения окружающей его территории.

В старых городах-столицах союзных республик (Рига, Тбилиси и др.), как правило, имперских элементов было меньше, и традиционный, хотя и возникший в годы пребывания в составе Российской империи, облик сохранялся. Как и уклад жизни.

Конечно, имперским городом с особым статусом была и Москва. Но здесь процесс сложнее и находится за пределами нашего рассмотрения. В рамках же рассматриваемой ситуации выделенность имела и социокультурное измерение, сраставшееся с политическим. Население имперских городов формировалось за счет массовых перемещений жителей одних регионов в другие. На новое место жительства прибывали советские руководители, руководители хозяйственные, врачи, учителя, инженеры, квалифицированные рабочие и многие другие. В ходе таких перемещений в одном социальном пространстве оказывались носители самых разных этнокультурных традиций и языков. Вполне понятно, что для публичной коммуникации здесь использовался «язык межнационального общения», русский язык.

Задаваемые общесоюзными принципами градостроительства и жилищного строительства формы жизни в основном воспроизводили официальные доктрины, хотя и с местной спецификой. Этнические особенности жителей имперских городов слабели уже во втором поколении. По воспоминаниям, даже если старшее поколение говорило на русском языке, как на чужом и выученном, то следующее было уже двуязычным, а для третьего поколения родным был уже русский язык.

Возникал некий целостный облик города, части империи СССР и Космополиса. «Все прогрессивное человечество». Его население более всего соответствовало доктрине о новой исторической общности – советском народе. При этом с точки зрения и самих жителей, особенно в национальных республиках, и окружающего сообщества, имперские города – это, прежде всего, русские города. В этом качестве они входили в структуру территориального социума, становились его элементом, пусть даже относительно автономным и выделенным. Но, оставаясь выделенным элементом, имперский город неизбежно вступал в коммуникацию с окружающим его пространством, не только воздействовал на него, но и сам испытывал воздействие, пусть пока не явное, слабое. Ситуация начинает меняться после

распада СССР и образования новых независимых государств.

Имперские города, форпосты и региональные столицы обживаются и осваиваются местным населением [6]. Меняются структура городского пространства, сама семантика города и его элементов. Однако скорость этого процесса, его характер зависят от многих факторов. Один из них связан с функцией, которая приписывалась исчезнувшей империи местным сообществом [7]. Речь идет об имперском городе как Другом, по отношению к которому определялось территориальное сообщество Таджикской ССР, составленное из достаточно разнородных и не особенно дружественных этнических групп и территориальных образований. Влиянию этой функции на процесс этнизации в одном из имперских городов, Душанбе, мы и поговорим в настоящей работе.

Материалами для исследования послужили включенное наблюдение, проведенное автором в 2015 г., сравнение этого наблюдения с опытом жителя города в 60–80-е гг. XX в. (метод автоэтнографического описания), а также серия неформализованных (биографических) интервью, собранных автором в феврале – марте 2015 г. В качестве дополнительного материала использовались статистические данные, содержащиеся на официальном сайте города и Государственного статкомитета Республики Таджикистан (<http://www.dushanbe.tj/ru>, <http://www.stat.tj>). Использовались данные Всесоюзных и республиканских переписей населения (<http://demoscope.ru/weekly/2005/0191/analit05.php>).

Прежде чем обратиться к описанию процессов этнизации городского пространства в XXI в., проследим, как формировался этносоциальный, точнее имперский облик города, возникшего из трех кишлаков, где базарный день проходил в понедельник (по-таджикски – душанбе), а не в нормальную мусульманскую пятницу. Не менее важна и особенность становления самой Таджикской ССР, возникшей в результате советского, имперского проекта по территориальному размежеванию в Средней Азии.

Восточная Бухара, территории которой и составили основу советского Таджикистана, в минимальной степени была моноэтническим образованием, как и политическим образованием в принципе. Это скорее географический термин, отделяющий горную часть Бухары от относительно равнинной западной части. Здесь жили представители различных тюркских и таджикских этносов, самоопределявшиеся в рамках территориальных сообществ и политических структур (бекств). Отношения между ними не были идиллическими, но существовало пространство переговоров – Священная Бухара, эмирский двор [8]. Здесь, при дворе, определялся баланс сил, велись переговоры представителями территориальных элит.

Космополитический характер города в пространстве мусульманского мира (Бухара – Садик Вселенной), а позже в пространстве Российской империи, делал его

«ничьим», пространством встречи, где переговоры и соглашения возможны. Сама же необходимость переговоров определялась следующим обстоятельством.

В рамках Бухарского ханства (позже эмирата) существовала достаточно сложная иерархия племен и территориальных общин, их функциональное распределение [9]. Как правило, оседлые общины (таджики и «старые турки») занимались земледелием, торговлей, ремеслами. Но условия междуречья Сырдарьи и Амударьи требовали объединения усилий племен и групп. Только это позволяло организовать ирригацию в сложных условиях Центральной Азии. Их элиты и возглавляли хозяйственную деятельность. Кочевники («новые турки») составляли политический класс. Они воевали и защищали, регулировали хозяйственные споры, обеспечивали безопасность торговли и основы благочестия. Договариваться же они могли в Бухаре (на «нейтральной» земле).

В условиях рискованного земледелия и недостатка земли даже незначительные потрясения вызвали длительные войны, голод. Комплексное хозяйство жителей Бухары несколько снижало риски, но далеко не полностью. Дополнительным источником ресурсов была торговля. До периода Нового времени торговля шла по Великому шелковому пути, на котором центральноазиатские города были важнейшим элементом. Перенесение торговых путей на океаны отбросило регион на уровень глухой провинции. В этом плане вхождение Туркестана и Бухары в состав Российской империи стало шансом на выход к новым торговым путям. Однако это же привело к появлению монокультуры – хлопка, что еще более усилило дефицит земли для самообеспечения. В этих условиях возможность договариваться была способом избежать «решения проблемы» силовыми методами, что, впрочем, тоже было не редкостью. Попытка советского правительства, опираясь на своих немногочисленных сторонников, ввести нормы «новой жизни» в Бухарском эмирате нарушила сложившийся баланс сил. Начинается война. Объединяющим элементом, как много позже в Афганистане, стала ненависть к шурави (советским). Басмаческое движение, бывшее до середины 1920-х гг. поистине всенародным, и потребовало наличия таких имперских городов, способных, прежде всего, держать под контролем беспокойные провинции.

Однако выделение Восточной Бухары в отдельное политическое образование потребовало не только нового форпоста, способного держать территорию в подчинении, но и, для местного сообщества, новой же «ничьей» земли, территории, которая проводила бы интересы империи, но, с другой стороны, была бы местом, где территориальные элиты могли бы договориться. Тем более что у самих элит появилась новая, крайне важная функция – перекачка ресурсов из союзной и республиканской экономики в традиционное хозяйство территориальных общин, поддержание их жизнеспособности. Затихание к середине 20-х гг. XX в. и

прекращение к началу 30-х гг. боевых действий в Таджикистане, внедрение основ здравоохранения и прекращение эпидемий привели к демографическому росту, перешедшему в 60-е гг. в демографический взрыв. Наличие имперского города, проводника интересов империи, оказалось крайне важным именно для местного мира.

В условиях разрушения комплексного хозяйства и автаркии поддержание внутреннего мира требовало все новых ресурсов, дать которые могла только Москва. Душанбе и становится пространством, где складывается иерархия общин, где ведутся переговоры, где ресурсы на «развитие социалистической экономики Таджикской ССР» перенаправляются на нужды «настоящей жизни», традиционного уклада общины. Город стал тем «другим», который позволял структурировать окружающее пространство. Он выступает имперской оболочкой, внутри которой живет и развивается качественно иное общество.

Город Душанбе – столица Таджикской ССР и столица современной Республики Таджикистан – возникает из группы кишлаков в 1924 г., а типичные черты азиатской столицы союзной республики обретает в 40–60-е гг. XX в.

Хотя «восточные мотивы» в архитектуре Душанбе присутствовали постоянно, по своим архитектурным особенностям застройка была типичной «сталинской» [10]. Широкие центральные улицы, дома с колоннами и арками, парки с политически правильной парковой скульптурой, воспевающей человека труда, и т.д. Постепенно Душанбе обретает и необходимые для столицы внешние атрибуты: помпезные здания ЦК партии и Совмина, базовые вузы и театры, библиотеки и НИИ, больницы и универмаги. Центр города становится «национальным по форме и социалистическим по содержанию» [11].

Этнические группы присутствовали в пространстве города, однако располагались в основном на окраинах и в пригородах. Автор этих строк проживал в районе, который в послевоенные годы назывался «немецким поселком» и населялся высланными поволжскими немцами. Рядом с ним располагался «корейский поселок», возникший в сходных обстоятельствах в первые послевоенные годы. Существовали компактные районы проживания осетин, чеченцев, других депортированных народов.

Представители титульной нации присутствовали в городе в двух качественно различающихся статусах: руководство, необходимое национальной республике, и новые переселенцы. Первые были в значительной мере русифицированы, вторые – подлежали русификации. При всем том, что взаимодействие между имперским городом и его таджикским окружением осуществлялось, процесс этот до середины 60-х гг. XX в. протекал довольно медленно. Рост населения города осуществлялся более за счет внешних по отношению к республике переселенцев, в большинстве своем русскоязыч-

ных. Местные жители, попадая в город, оказывались в русскоязычной среде и вынуждены были приспособляться, усваивать «цивилизованные», «культурные» (имперские) формы быта, русский язык. Важно и то, что русский язык не номинально, а фактически оказывался языком-посредником. Он позволял местным элитам создавать ту защитную оболочку, которая предохраняет «тело» местного сообщества, составленного из сложнейшего и тончайшего механизма межэлитных договоров, от внешнего воздействия. Ведь «руководство республики» составляли выходцы из конкретных групп и кланов, конкретных областей. Здесь они выстраивали свою иерархию, не видимую, не осознаваемую, да и не интересную имперской власти. Для империи важны лишь спокойствие в провинции и лояльность элиты. Важно, чтобы все внутренние (местные, локальные) особенности были скрыты имперской оболочкой. Душанбе и позволял это реализовать. Империя имела город, проводивший властный импульс в провинцию, а провинция имела место, где элиты могли договариваться друг с другом и с самой империей.

Ситуация начинает меняться в 1970-е гг. Взрывообразный рост в 1960–1980-е гг. усложнил структуру городского пространства. К «старому городу», вполне сложившемуся к началу 1960-х гг., добавились пригородные поселки, сохраняющие привычные формы социальной организации, напоминающей традиционную общину, районы «хрущевской» застройки. А в конце 1970-х и в 1980-е гг. появляются «новые микрорайоны». Эти четыре подпространства различались и в культурном, и в этническом отношении.

В «старом городе» до последних лет существования СССР преобладало русскоязычное население, однако значительный процент составляли представители таджикской партийной и хозяйственной элиты. Последние, как правило, тоже были русскоязычными в публичной сфере, получали образование в лучших вузах республики и страны на русском языке. Для таджикского языка, кроме, собственно, домашнего общения, здесь отводилась особая и вполне фиксированная сфера «национальных особенностей». Преобладание русского языка и имперской культуры было ощутимым. Существовали таджикские школы (с обучением на таджикском языке), но учить детей предпочитали в «русских». Причем безотносительно к этничности родителей. Существовали газеты и журналы на таджикском языке, но тираж их почти в 2–3 раза уступал «русским» изданиям. Хорошие переводчики с таджикского языка на русский пользовались гигантским спросом у многочисленных таджикских поэтов. Таджикское население предпочитало классические образцы таджикско-персидской словесности.

Вполне понятно, что в бывших пригородных поселках преобладали, хотя до конца 1970-х гг. и не абсолютно, таджикское население и таджикский язык. Значительная доля русскоязычного населения окраин [12], как правило, владела зачатками таджикского языка и

охотно перенимала у «местных» формы организации жилища, быта, кулинарные традиции и т.д. Именно здесь сложился своеобразный «лингва-франка», который и был языком общения горожанина с «кишлачным» жителем.

В городских районах, возникших в 1960-е гг. («хрущевская и брежневская» застройка), преобладало русскоязычное население. Это были рабочие и инженерно-технические работники возникающих в этот период многочисленных промышленных предприятий («Таджиккабель», «Ремстройдормаш», «Масложиркомбинат», цементный завод и др.). Здесь селились врачи, учителя и другие агенты строительства «социалистического образа жизни». Эти люди в значительной степени прибывали из России и других советских республик, не были местными. Они ехали уже не в вагонах или телячьих вагонах, но «по комсомольской путевке», «по распределению», да и по собственному желанию. Не случайно в тот период популярной была песня А. Ленского со словами «Хорошо в Таджикистане! Приезжайте, друзья, погостить. А понравится вам в нашем крае, оставайтесь работать и жить».

Вполне понятно, что в социальном отношении эти районы радикально отличались от «русских» районов «старого города» (центра города). Здесь проживали не «сливки», а «снятое молоко». Именно в этих районах более всего укоренялись советские, т.е. в местном представлении «русские» формы быта, кулинарные традиции и способы общежития. Показательно, что традиционные для окраин город сады, отгороженные жителями нижних этажей с топчанами и, часто, с тандырами (национальными печами), здесь встречались относительно редко. Здесь почти не строились «таджикские» школы, крайне редко звучала таджикская речь.

Наиболее «смешанными» были новые микрорайоны, возникшие в конце 1970-х – 1980-е гг., причем «смешение» здесь было не только русско-таджикским, но и выходцев из разных районов Таджикистана. Здесь «русская» застройка начинала «этнизироваться» еще в период существования СССР. Во дворах многоэтажек возводились национальные печи – тондыры, устраивались личные сады с топчанами и т.д. Столь же смешанным было и население. В этих районах наблюдался определенный паритет между имперским и таджикским элементом. Кстати, именно здесь чаще всего возникали конфликты на этнической и региональной почве, а сами районы имели в городе «нехорошую» репутацию. Причина более или менее понятна. Оказываясь в «чужом» мире, выходцы из разных областей, групп или кланов получали не только необходимость осваивать нормы этого мира, но и возможность относительно бесконфликтной коммуникации. При этом возможности жить «среди своих» попросту не оказывалось. По мере увеличения числа «пришлых» такая возможность появляется. А рядом со «своими» сразу же оказываются «чужие». При этом со-

крашающееся пространство «русского города» уже не всегда могло разводить конфликтующие силы. Они начинают прорываться наружу.

Такая специфика отражала изменения и в этническом составе столицы республики. До 1979 г. в городе преобладали русские и русскоязычные жители. Причем до середины 1970-х гг. это преобладание было подавляющим. Русские и русскоязычные жители составляли более 60% населения города. Местное население, вливаясь в число горожан, вынуждено было осваивать «русские» (городские) формы быта, русский язык. Таджикский язык вытеснялся в частную сферу, а национальные формы быта воспринимались как показатель недостаточной «культурности» их носителя (кишлачные).

Тем не менее таджики как этническая группа за послевоенные годы увеличилась с 18,7% в 1959 г. до 38,2% в 1989 г. При этом процент русского населения города снижается с 47,8 до 32,9%. Причина проста. Наиболее мощный демографический рост в республике отмечался в основном в сельских районах. Здесь на одну женщину детородного возраста приходилось до шести детей, тогда как в городе этот показатель был чуть больше трех. Происходит засоление почвы, площади, занятые под сельскохозяйственные нужды, постепенно сокращаются. Село постоянно выбрасывало из себя «лишнее» население. Попытка организовать в сельских районах республики индустриальные предприятия, организовать строительство промышленных гигантов (алюминиевый завод, азотно-туковый завод, строительство ГЭС и т.д.) чаще приводила к «завозу» рабочих из других регионов и республик СССР, чем позволяло задействовать местное население. Переезд же в Душанбе автоматически поднимал статус человека, позволял ему, используя родственные связи, устроиться в особо престижные сферы (государственную службу, правоохранительную структуру, торговлю). Но даже если этого не происходило, проживание в столице наделяло приезжего более высоким статусом. Тем самым рост населения города обеспечивался в этот период именно выходцами из кишлаков.

Такое существенное увеличение носителей иной по отношению к горожанам культуры не могло не сказаться на городском сообществе в целом. К 1980-м гг. процесс этнизации окраин шел достаточно активно, а таджикский язык начинал отвоевывать себе место в публичном пространстве. Начинается постепенное освоение местным населением центра города уже не как «национального по форме», а просто этнического. Возникает своеобразный культурный дуализм, когда две культуры сосуществуют в одном социальном пространстве, старательно не замечая друг друга. Имперская (русская) культура присутствует в рабочих районах и бульварах, в театрах и библиотеках. Таджикская культура – на рынках и в высоких кабинетах, ресторанах (чайхонах) и в «советской торговле». Все меньше оставалось «ничьей» земли, где было можно догово-

ряться. При этом внешняя форма имперского города, как и «русская» оболочка, сохранялась.

Однако меняется ее суть. Местное сообщество с его внутренней конфликтностью окутывает все более сужающуюся имперскую сферу, начинает конкурировать с ней за лидерство. Тем не менее город осмыслялся округой и мыслил себя именно как русский город. Сама же русскость оценивалась как условие модернизации, прорыва современности и т.д. [13].

Имперский город был не только имперским фасадом республики. Существовала не менее важная функция для внутренней структуры республиканского общества, причем не одна. Город при всей его выделенности из окружающего пространства, а может быть, и благодаря этой выделенности, обретал еще одну политическую функцию русского (имперского) города и самих «русских» (русскоязычных проводников имперской политики) в расстановке сил в республике. Они (горожане, жители Душанбе) представляли собой не только «ничье» пространство имперского города, где местные элиты могли договариваться или выстроить необходимые отношения с империей, но и «ничье племя», неизбежно вступающее в союз с победителем.

В условиях, когда подавляющего превосходства ни одно территориальное объединение получить не могло, а силы были примерно равны, только в этом союзе было возможно управление. Империя гарантировала политический мир и управляемость в республике. Структура этого союза была тоже достаточно своеобразной. Несомненными участниками социального пространства имперского города были представители территориальных (региональных, племенных и т.д.) элит. Они русифицировались, получали соответствующее образование, занимали соответствующие посты. В этом качестве они выстраивали взаимодействие с «русским» окружением и с империей за границами республики. Но при этом они оставались участниками территориального объединения, местного сообщества. Более того, именно они его возглавляли *de facto*. Соответственно, именно в пользу этого сообщества перераспределялась большая часть ресурсов, выделяемых империей. Именно члены данного территориального сообщества активнее всего осваивали имперский город и его иерархию. Но рядом с ними продолжал существовать город «простых советских людей», представителей «новой исторической общности». Он включал их в себя, через них вступая в «союз» с победителями. Большую часть советского периода таким объединением-лидером были «северяне», жители Ходжента (Ленинабада).

Впрочем, лидерство было не абсолютным. Иные объединения имели свои сферы влияния в имперском городе. Скажем, силовые структуры в основном пополнялись выходцами из Кулябской области (южная часть Таджикистана). Торговлю контролировали жители центральных районов республики («гиссарцы»). Значительную часть творческих профессий «привати-

зирования» выходцы из Памира (ГБАО). Однако держателями основного ресурса (партийные и хозяйственные руководящие посты) были именно победители. Поскольку же их формальный статус был статусом имперского города, то они стягивали к себе и его «русскую» часть. Возникали устойчивые формы внутренней коммуникации, образующие структуру имперского города.

Правда, по мере того, как поток ресурсов в Таджикскую ССР начинает сокращаться, снижается и лояльность элит. Сокращавшихся ресурсов на поддержание мира уже не хватает. Перераспределение ресурсов из легальной экономики в настоящую, воспринимавшееся как местная нерасторопность или бесхозяйственность, становится видимым. Знаменитое в свое время «узбекское дело», расследуемое Гдьяном и Ивановым, было проявлением этого феномена. Элиты напряженно ищут дополнительные ресурсы. Одним из направлений поиска было увеличение количества должностей, которые могли бы занять выходцы из местных сообществ.

Однако исчезновение империи привело к катастрофе [14]. Территориальные объединения, лишившись пространства-посредника, вступают в прямое силовое противостояние. Показательно, что борьба велась прежде всего за господство над Душанбе. Боевые действия «между своими» привели к массовому оттоку русскоязычных жителей. В результате и начинаются процессы «окончательного освоения» города местным этническим элементом, но одновременно идет и неожиданный процесс «вторичной русификации», реинкарнации имперского города.

За постсоветские годы, включающие в себя и трагедию гражданской войны, этнический состав города изменился радикально. Уже принятие в 1989 г. закона о государственном языке и переводе делопроизводства на таджикский язык вызвало массовый отток русскоязычного населения. Погромы в Душанбе в феврале 1990 г., последующее вооруженное противостояние превратили этот отток в бегство. Прежнее население покидало город, который заселяли новые жители. В связи с этими процессами процент этнических таджиков в составе жителей города увеличился до 84,4%, а численность русских и русскоязычных жителей сократилась до 6,2% (чуть более 40 тысяч в почти в 700-тысячном городе). Казалось бы, мы имеем вполне однородный в этнокультурном отношении город, и процесс этнизации в нем должен идти к своему логическому завершению. Собственно, наличие процесса этнизации Душанбе и выступало для нас предварительной гипотезой исследования.

Для проверки этого обстоятельства нами было предпринято в феврале – марте 2015 г. эмпирическое исследование, включающее в себя включенное наблюдение и серию неформализованных интервью (9 интервью) с жителями г. Душанбе. В число респондентов вошли работники СМИ Республики Таджикистан, преподаватели Таджикского национального университета

и Таджикско-Российского (Славянского) университета, предприниматель и государственный служащий. Восемь из девяти респондентов были этническими таджиками. Один респондент был русским, но родившимся и выросшим в Душанбе. Интервью строились в форме свободной беседы (биографические интервью). Задача – отразить все темы, выделенные в путеводителе. Сам путеводитель строился на основе изучения статистических данных, журналистских статей о современном Таджикистане и т.д., «вторичных материалах». Первое впечатление говорило в пользу того, что процесс этнизации городского пространства стремительно нарастает.

Внешние изменения в облике города значительны. Переименованы улицы. Имена советских лидеров сменили исторические лица персидско-таджикского периода. Проспект Ленина переименован в проспект Рудакки. Площадь Ленина – в площадь Исмаила Самани. Множество переименований произошло на окраинах города. Идеология великого прошлого, виртуальной империи, которую воплощает и наследником которой выступает современный Таджикистан, зримо присутствовала. Причина здесь прозрачна. Для того чтобы застраховать себя от возможного повторения кошмара гражданской войны, нужно на какой-то основе объединить племена и роды. Исчезнувшая «империя таджиков» и должна была выступить такой основой.

Однако, по утверждениям информантов, в обиходе жители используют «старые» названия. Более того, использование старых названий выступает своеобразным «городским шиком», показателем принадлежности к избранному сословию. Новые строения, призванные символизировать исчезнувшую империю Саманидов, в изобилии появившиеся в центре города (президентский дворец, национальный музей, библиотека и т.д.), оказываются еще менее «национальными по форме», чем строения «старого Душанбе». Скорее, по стилю они следуют в фарватере новой «московской архитектуры», что вполне логично для имперского города, но не особенно логично для столицы национального государства.

Вопреки ожиданиям роль русского языка и русской культуры, точнее культуры прежнего, русскоязычного населения Таджикской ССР, остается значительной. Жители в большинстве своем владеют русским языком, активно используют его в повседневной коммуникации. Двуязычие выступает своего рода показателем «городского» уровня образования. Русский язык остается языком науки и техники, ведущим языком в СМИ, языком супермаркетов, кофеен и т.д. На таджикский язык (судя по наблюдениям) жители переходят при обсуждении религиозных, семейных проблем, проблем «своей» территории, некоторых бытовых проблем.

В городе повсеместно встречаются вывески на русском языке. В чайханах (этнических кафе) подают европейские столовые приборы, чего не было за пределами центра города и в советские годы. Во многих слу-

чаях расплата за товары и услуги вполне охотно принимается в российских рублях.

Хотя женщины активно носят хиджаб, в целом, особенно у мужской части горожан, национальная одежда встречается эпизодически. Предпочтение отдается «русской» одежде. Попытка перейти в ходе беседы на английский, а не на русский язык, встречала непонимание. Этим, кстати, один из респондентов объяснил привлекательность России в качестве места для трудовой миграции: *«Наши пробовали ездить в Эмираты, в Саудовскую Аравию. Но там нужен или арабский, или английский. Индусы или марокканцы таджиков по этому признаку сразу вытесняют. Вот русский язык у нас до сих пор как-то знают. Поэтому в России проще устроиться. Мы понимаем все проблемы. Но другие направления пока не выходят»* (женщина, 36 лет, образование высшее, преподаватель).

Этот мотив присутствовал и в других интервью. Правда, приобретал политико-идеологическую окраску. Большая часть респондентов отмечала, что политически и культурно они ориентированы на Россию. Говорили о том, что именно русская культура воспринимается в Таджикистане как квинтэссенция европейской, культурой просвещения.

«Сегодня не так часто встретишь человека, с которым можно вот так, культурно и цивилизованно поговорить на русском языке. Очень много кишлачных появилось в последнее время. Но они тоже учатся. Сам город учит» (мужчина, 43 года, образование высшее, преподаватель). На распространенность русского языка, прежних названий в городе указывали почти все респонденты. Это соответствовало и наблюдению автора этих строк.

«Новые названия часто только в государственных документах используют. Люди чаще называют, как раньше: «Зеленый базар», «Проспект Правды». Иногда сначала новое название скажут, а потом старое, чтобы было понятно, о чем говорит» (мужчина, 36 лет, предприниматель, образование высшее).

Тем болезненнее воспринималось нежелание современной российской политической элиты «учитывать интересы Таджикистана», «видеть в нас равных партнеров». Эти настроения в том или ином виде встречаются во всех интервью. Обида на Россию и одновременно постоянные заверения в дружбе с Россией и русскими являются лейтмотивом и в СМИ Таджикистана.

В интервью отмечалось, что *«руководство республики полностью поддерживает ориентацию на Россию»*, *«видит в России основу стабильности ситуации в Таджикистане»*. При этом аналогичную позицию высказывал и респондент, чьи бизнес-интересы были полностью связаны с КНР: *«Опасаясь, что китайцы вытеснят все русское, тогда будет сложно»* (мужчина, 36 лет, предприниматель, образование высшее). На просьбу интервьюера конкретизировать опасения последовал ответ: *«Китайцы наших особенностей не*

знают. Они деньги делают. Выжмут все соки и уйдут. А нам здесь жить».

По наблюдениям, ситуация несколько более сложная. Инвестиции в экономику Таджикистана со стороны КНР есть. Они видны и в новых домах, построенных китайцами, дорогах и т.д. Однако их объем не позволяет компенсировать две основные статьи дохода населения страны: афганский трафик и переводы гастарбайтеров. Соответственно, «уход» России может дать резкое снижение и без того не особенно высокого уровня жизни в Таджикистане. Есть и личные опасения, связанные с тем, что сегодня именно «русифицированные» жители обладают преимуществом, занимают господствующие позиции. Смена геополитических координат может стоить им положения. Этот мотив тоже проявлялся в интервью.

Государственный служащий первоначально попросил беседовать на таджикском языке, но вскоре сам перешел на русский. По его мнению, *«для Таджикистана Россия занимает особое место. Это не просто одна из дружественных стран. Для нас – это гарант стабильности в Республике»* (мужчина, государственный служащий, 49 лет, образование высшее).

При этом территориальное противостояние, несколько сглаженное общим нежеланием повторения гражданской войны, сохраняется. Все респонденты отмечали, что первичной для них является «областная идентификация». *«Я – канибадамец (город в северной части Таджикистана. – Л.Б.), а уже потом таджик. Точнее сказать, мы, северяне, и есть таджики. В южных очень много тюркской крови. Даже фамилии у них тюркские. А сегодня они нам навязывают эти фамилии как самые таджикские. Смешно же»* (мужчина, 46 лет, работник СМИ). Сходные мотивы с иной привязкой присутствовали и в остальных интервью. *«Кулябцы всегда были основой таджикской нации. И всегда северяне, узбеки, которые прикинулись таджиками, нас оттесняли. Сегодня наступило наше время. Хотя мы всем стараемся дать жить»* (мужчина, 47 лет, образование высшее, преподаватель).

Три основные группы – южане, северяне, памирцы – дробятся на множество более мелких объединений. Все они находятся в крайне сложных отношениях друг с другом. История их взаимодействия состоит из более или менее постоянного противостояния. Уже в 70-е гг. XX в. это противостояние выливалось в массовые побоища в еще имперском городе. Это же противостояние выливается в долгую и кровопролитную гражданскую войну как только меняется баланс сил с уходом «русских» [15]. Такие войны, как правило, необычайно длительны и прекращаются, когда возникает новый баланс сил. Пример Афганистана здесь показателен. Наиболее логичным способом прекращения такой войны и выступает включение в империю. Собственно, с идеей выстраивания «виртуальной империи» и приходит Эмомали Рахмон, президент компромисса в условиях, когда сил для продолжения противостояния

в обществе уже не осталось. Но идентифицироваться с империей, исчезнувшей более тысячи лет назад, довольно трудно. Гораздо проще идентифицироваться с империей, которая еще жива в сознании большей части населения республики, – СССР.

По существу, сегодня имеет место некоторое «равновесие» локальных объединений Республики Таджикистан, при котором «правящая» область не имеет подавляющего преимущества над другими. Наличие же международно признанного политического объединения вынуждает их контактировать друг с другом.

Такая ситуация, начинавшаяся с массовых драк между представителями различных областей в 1970-е гг., и привела к межджиджикской войне в 1990-е гг. Для поддержания мира господствующему клану, представляющему областную элиту, нужен союзник. Но не просто союзник. Нужна империя, в пространстве которой можно было бы идентифицироваться [14, 16], нужна империя, которая, как некогда СССР, была бы источником дополнительных ресурсов, перетекающих в Таджикистан. Такой страны не существует. Но империя – особое политическое образование. Она существует в сознании носителей в гораздо большей степени, чем на карте мира. В этом плане СССР жив. С ним идентифицируются, от него отталкиваются. СССР воссоздается и в столице независимой республики Таджикистан. Создается из подручных материалов и «советский народ».

Русские уехали, перестав быть значительной силой. В этой ситуации и формируется слой «таджикских русских» (этнических таджиков, воспринявших русский язык и культуру). Они и составляют основу населения

г. Душанбе. Их «русскость» позволяет части жителей города подняться над локальной идентичностью, сохраняться общему балансу сил в республике. Идентификация в рамках «русского» города Душанбе с его изначальной вырванностью из местных территориальных общностей становится одним из немногих вариантов таджикской политической идентификации, основой для формирования политической нации. Он выступает пространством, где возможны контакт, соглашение.

Крайне показательно в этом плане одно из зданий, построенных в «национальной деревне» на окраине города, своеобразном музее таджикской культуры под открытым небом. К центральной, вполне европейской части примыкают галереи, каждая из которых покрыта орнаментом, характерным для одной из областей Республики. Своеобразный павильон «Дружбы народов», в центре которой находится принципиально чужеродная конструкция, конструкция форпоста исчезнувшей, но живой империи.

Понятно, что эта «русскость» особая, таджикская, в значительной мере имитационная, а клановые социальные практики все сильнее размыкают ее. Так, об источниках карьерного роста одного из руководителей в Республике информант сообщил, что он «кулябец» (представитель правящей территориальной общины. – Л.Б.), *кроме того, очень правильно выдал дочь замуж*. Тем не менее на фоне практически полного исчезновения русских как этнической группы, да и русскоязычных, не принадлежащих к титульному этносу «русские», как функция продолжает сохраняться. А с нею сохраняется и осознаваемая «русскость», точнее «советскость» городского пространства Душанбе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Моск. шк. полит. исследований, 2008. 386 с.
2. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / пер. с англ. А.В. Гордона, под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
3. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. М.: Территория будущего, 2009. 328 с.
4. *Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время* / отв. ред. Т.П. Гусарова. М.: КДУ, 2011. 600 с.
5. *Фёдоров А.В.* Правовой статус Крыма: Правовой статус Севастополя. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 53 с.
6. Woodworth Bradley D. Patterns of Civil Society in the Modernizing Multiethnic City: A German Town in the Russian Empire Becomes Estonian // *Ab Imperio*. 2006. № 2. Р. 135–162.
7. Дятлов В.И. Этнизация городского пространства: попытка определиться в исследовательском поле // Переселенческие общества Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Оттиск, 2012. С. 211–223.
8. Арапов Д.Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М.: Изд-во МГУ, 1981. 128 с.
9. Бушков В.И. Таджикский авлод тысячелетия спустя... // *Восток*. 1991. № 5. С. 72–81.
10. Иващенко Е. Душанбе. Питерская архитектура Востока. URL: <http://ivashenko.today>, свободный.
11. Шарипов И.Ш. Закономерности формирования социалистических общественных отношений в Таджикистане. Душанбе: Дониш, 1983. 142 с.
12. *История Таджикской ССР*. 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. Б.А. Антоненко. Душанбе: Маориф, 1983. 400 с.
13. Вишневский А. Средняя Азия: незавершенная модернизация // *Вестник Евразии*. 1996. № 2. С. 131–153.
14. Бляхер Л.Е., Салимов Ф.Н. Таджикистан – проблемный узел Центральной Азии // *Полития*. 2008. № 2. С. 6–17.
15. Бушков В.И., Миккульский Д.В. «Таджикская революция» и гражданская война (1989–1994). М., 1995. 237 с.
16. Бляхер Л.Е. Возможен ли постимперский проект: от взаимных претензий к общему будущему // *Полития*. 2008. № 1. С. 6–16.

Bliaher Leonid E. Pacific National University (Khabarovsk, Russian Federation). E-mail: leonid743342@mail.ru

FEATURE ETHNIZATION OF URBAN SPACE "IMPERIAL CITIES" (DUSHANBE).

Keywords: ethnization; empire; imperial city; the social space.

The article discusses the process of ethnicization (development of the indigenous population), a special type of urban space – the space of the imperial city. Under the imperial city of the type of settlement it is understood, not so much as a product of the territorial community, as, as part of the imperial Cosmopolis, the instrument of his connection with the subject territories. An example of that is disclosed

in the article, these processes serve the city of Dushanbe – the capital of the Tajik Soviet Socialist Republic and the Republic of Tajikistan. The empirical material for the analysis of social processes in Dushanbe is the official statistical information, participant observation and a series of biographical interviews with residents of the city. This article demonstrates how to configure the imperial capital of the Soviet space Tajikistan, the role it played in relation to the population of the republic. The author shows, under the influence of some factors, there was a change of the space of the imperial city, how it penetrated ethnic elements as they interact with the imperial structure. As noted in the article, for all the active penetration of ethnic elements in the structure of the city, he remained the center of imperial policy. At the same time for the local population, he was «a Russian city.» An indicator that played Russian and imperial forms of life that were perceived as Russian. Ethnic Russians were in the city and 70-ies of XX century, the largest group of the population. But the share of Russian population by the end of the 80s is significantly reduced, as well as decreases the role in the life of the imperial city of the Republic of Tajikistan. After the collapse of the USSR and the Russian exodus from Dushanbe city is transformed into a mono-ethnic settlement. However, Russian and imperial forms of life disappear. They mastered a new generation of citizens not as Russian, but as urban. As shown in the article, the imperial city served in relation to the local community as an intermediary in the inter-regional negotiations. In the absence of this intermediary negotiations stopped and there is a direct clash, leading to civil war. Awareness of this fact leads to the fact that the particular structure of the imperial city is saved and endowed with new meanings. As a general sense of the former imperial city of Dushanbe serves the sense of space, where negotiations are possible. So, it becomes possible avoidance of direct conflict. It retains the «russian» culture and «russian» space of the city, preserves the orientation of the local elite into an alliance with Russia.

REFERENCES

1. Kaspe, S.I. (2008) *Tsentry i ierarkhii: prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma* [Centres and hierarchies: Spatial metaphors of power and Western political form]. Moscow: The Moscow School of Political Studies.
2. Eisenstadt, Sh. (1999) *Revolutsiya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noye izucheniye tsivilizatsiy* [Revolution and social transformation. The comparative study of civilizations]. Translated from English by A.V. Gordon. Moscow: Aspekt Press.
3. Tilly, Ch. (2009) *Prinuzhdeniye, kapital i evropeyskie gosudarstva. 990–1992 gg.* [Coercion, Capital and European States. 990–1992]. Moscow: Territoriya budushchego.
4. Gusarova, T.P. (2011) *Vlastnyye instituty i dolzhnosti v Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremya* [Government institutions and positions in Europe in the Middle Ages and early modern times]. Moscow: KDU.
5. Fedorov, A.V. (1999) *Pravovoy status Kryma: Pravovoy status Sevastopolya* [The legal status of the Crimea: The legal status of Sevastopol]. Moscow: Moscow State University.
6. Woodworth, B.D. (2006) Patterns of Civil Society in the Modernizing Multiethnic City: A German Town in the Russian Empire Becomes Estonian. *Ab Imperio*. 2. pp. 135–162.
7. Dyatlov, V.I. (2012) *Etnizatsiya gorodskogo prostranstva: popytka opredelit'sya v issledovatel'skom pole* [Ethnicization of urban space: an attempt to determine the field of research]. In: Dyatlov, V.I. & Grigoriev, K.V. (eds) *Pereselencheskoye obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Resettlement Society of Asian Russia: migration space community]. Irkutsk: Ottisk. pp. 211–223.
8. Arapov, D.Yu. (1981) *Bukharskoye khanstvo v russkoy vostochnoy istoriografii* [The Emirate of Bukhara in Russian oriental historiography]. Moscow: Moscow State University.
9. Bushkov, V.I. (1991) *Tadzhikskiy avlod tysyacheletiya spustya...* [Tajik avlod millennia later . . .]. *Vostok*. 5. pp. 72–81.
10. Ivashchenko, E. (n.d.) *Dushanbe. Pitserskaya arkhitektura Vostoka* [Dushanbe. St. Petersburg Architecture of the East]. [Online] Available from: <http://ivashenko.today>.
11. Sharipov, I.Sh. (1983) *Zakonomernosti formirovaniya sotsialisticheskikh obshchestvennykh otnosheniy v Tadzhikistane* [Laws of formation of socialist relations in Tajikistan]. Dushanbe: Donish.
12. Antonenko, B.A. (1983) *Istoriya Tadzhikskoy SSR* [The history of the Tajik SSR]. 2nd ed. Dushanbe: Maorif.
13. Vishnevskiy, A. (1996) *Srednyaya Aziya: nezavershennaya modernizatsiya* [Central Asia: Independent modernization]. *Vestnik Evrazii*. 2. pp. 131–153.
14. Bliyakher, L.E. & Salimov, F.N. (2008) *Tadzhikistan – problemnyy uzel Tsentral'noy Azii* [Tajikistan – the knotty problem of Central Asia]. *Politiya*. 2(49). pp. 6–17.
15. Bushkov, V.I. & Mikul'skiy, D.V. (1995) *“Tadzhikskaya revolyutsiya” i grazhdanskaya voyna (1989–1994)* [“Tajik revolution” and the Civil War (1989–1994)]. Moscow: IEA.
16. Bliyakher, L.E. (2008) *Vozmozhno li postimperskiy proekt: ot vzaimnykh pretenziy k obshchemu budushchemu* [Is the post-imperial project possible: the mutual claims to the common future]. *Politiya*. 1(48). pp. 6–16.

УДК 94-054.7(574.42)
DOI 10.17223/19988613/37/8

А. Хизат

РЕПАТРИАНТЫ И ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Рассматривается проблема адаптации этнических казахов-репатриантов (оралманов) в Казахстане. На примере повседневных практик показаны проблемы репатриантов, приехавших на историческую родину в 1990-е и в 2000-е гг. Предпринята попытка сравнить процесс адаптации репатриантов в селе и городе через воспоминания респондентов. Насколько полно смогли адаптироваться на исторической родине переселенцы, начавшие миграционные процессы? Как развивались процессы адаптации между оралманами, переехавшими в села в 1990-е гг., и оралманами, заселившимися в города в 2000-е гг.?

Ключевые слова: оралманы; репатриация; биография; казахи; этнизация; миграция; категоризация; Восточный Казахстан.

В результате исторических коллизий 1920–1930-х гг. за пределами Казахстана оказались 4,5 млн этнических казахов, предки которых покинули страну. В Узбекистане их численность достигает 1,5 млн человек, в России – 740 тыс., в Туркменистане – 70 тыс. человек. В дальнем зарубежье наибольшее число этнических казахов осело в КНР – около 1,5 млн, Монголии – 150 тыс., Афганистане – 30 тыс., Турции – 25 тыс. человек [1]. После приобретения независимости Казахстан начал процесс приглашения соотечественников на историческую родину. Основной целью иммиграционной политики является ликвидация этнодемографических диспропорций в составе населения и решение проблем национальной безопасности. Кроме того, речь идет о восстановлении исторической справедливости в отношении потомков тех, кто когда-то вынужден был покинуть страну, и заселении пустующих территорий [2. С. 559]. Оралманы («возвратившиеся») – это иностранцы или лица казахской национальности, не имеющие гражданства на момент обретения государственного суверенитета Казахстаном и приехавшие в страну в соответствии с законодательством РК для постоянного проживания. Статус оралмана присваивается на время до получения гражданства Казахстана.

Политика репатриации этнических казахов (оралманов) способствовала тому, что в конце XX – начале XXI в. казахи стали абсолютным большинством населения в Казахстане. Подавляющее большинство репатриантов прибывает из Китая и Монголии. По вопросу о том, сколько же человек вернулось в Казахстан, существует значительный разброс мнений. Называются разные цифры – от 600 тысяч до 1 млн и более. Но точное количество репатриантов, по всей видимости, неизвестно [Там же. С. 560]. В то же время достижение «этнодемографической справедливости» оставило в тени сложные проблемы адаптации соотечественников к исторической родине. Публикации, в которых этот вопрос все же ставится, делают акцент на проблему взаимоотношений репатриантов и местных жителей, описываемую, прежде всего, через взгляд представителей принимающего общества. Задачей этого текста является постановка проблемы о том, как интерпрети-

руются самими оралманами сложности адаптации в Казахстане, что для них является целью переезда на историческую родину.

В казахстанской историографии присутствует немало исследований, довольно полно представляющих статистические, нормативно-законодательные и другие аспекты проблемы. В последнее время появляются работы, в которых рассматриваются вопросы адаптации репатриантов к новому месту жительства. Суть проблемы в том, что адаптационные процессы существенно дифференцированы регионально. Вследствие этого общеказахстанская «картинка» складывается из различных региональных нюансов, часто весьма отличающихся друг от друга. Поэтому вторая задача статьи заключается в изучении особенностей адаптации репатриантов к реалиям Восточного Казахстана (на примере г. Усть-Каменогорска и его окрестностей).

Статья основана на включенном наблюдении и проблемно-ориентированных биографических интервью автора с этническими репатриантами, прибывшими в разное время из Китая и Монголии. Использование этих методов позволяет описать и сравнить различные варианты миграционных стратегий и практик. Излагая историю своей жизни, мигрант приоткрывает завесу своей повседневной жизни для исследователя, дает возможность взглянуть на процесс миграции «изнутри» [3. С. 3]. Несмотря на небольшое число проведенных интервью, полученный материал позволяет наметить основные направления дальнейшего анализа, определить возможности интерпретации полевого материала.

Два респондента проживают в пос. Шығыс, построенном в 2009–2011 гг. по программе «Нурлы кош» и расположенном в окрестностях г. Усть-Каменогорска. «Нурлы кош» (каз. Нұрлы көш; букв. «светлая кочёвка», «светлый переезд») – государственная программа Республики Казахстан для рационального расселения и содействия в обустройстве этническим иммигрантам, бывшим гражданам Казахстана, прибывшим для осуществления трудовой деятельности на территории Республики Казахстан, и гражданам Казахстана, проживающим в неблагополучных районах страны. В настоящее время реализуется программа на 2009–

2011 г. Программа утверждена Постановлением Правительства Республики Казахстан от 2 декабря 2008 г., № 1126 [4].

Наш первый респондент, Амантай, родился в 1968 г. в местности Кокты (КНР). Выходец из простой семьи, занимавшейся скотоводством. Всего в семье было 9 детей. Амантай получил среднее образование, но не имел возможности дальше продолжить обучение. В 1990 г. создал семью, занимался скотоводством. В 2008 г. он решил переехать в Казахстан. Все остальные братья и сестры остались в Китае. Вначале Амантай с семьей обосновался в селе Южном Урджарского района Восточно-Казахстанской области. Местные власти и соседи оказали ему содействие в обустройстве, обеспечили помощью: *«У нас были теплые отношения с местными жителями»*. Но так как у него не было специального образования, пришлось выполнять разную работу, нанимаясь к другим гражданам. Дети учились в школе. Но вскоре семья решила переехать в Усть-Каменогорск. Причину переезда Амантай объясняет так: *«Мы и в селе жили неплохо, но решили переехать поближе к городу, так как думали, что здесь можно и работу найти, и денег заработать»*. Он хорошо понимал, как нелегко будет жить в городе, предстоит научиться городскому образу жизни. Но более важной была забота о будущем детей, тем более пока они восприимчивы ко всему новому: *«Наши дети быстрее нас адаптировались к местным условиям, к языку, культуре»*, – говорит Амантай. Он отмечает, что у оралманов есть свои особенности: *«В разговорной речи оралманы из Китая используют слова из китайского языка, оралманы из Монголии – слова на монгольском языке, у местных жителей в речи изобилуют русские слова. Но мы, конечно, понимаем друг друга»*.

Второй респондент из пос. Шыгыс, Сакай, является уроженцем Тарбагатайского аймака Илийско-Казахской автономии Китайской народной республики. Родился в 1958 г., из рода керей. В семье было шестеро детей. С детства занимался земледелием и скотоводством. Был простым сельским жителем со средним образованием. Родители, простые люди, занимались скотоводством. В Казахстан вместе с семьей Сакай переехал в 2008 г. Сначала обосновались в с. Теректы Восточно-Казахстанской области. Одного несовершеннолетнего ребенка он оставил в Китае, уже в Казахстане оформил ему документы и вывез. Сначала казалось, что будет трудно привыкнуть к местным условиям, но они быстро обвыкли и не сожалеют о том, что переехали на историческую родину. Но у Сакая есть одно пожелание: решить проблему с землей: *«Если у тебя нет в частной собственности земли, нет пастбища, нет работы, то и не стоит жить в селе, ведь основная часть оралманов из Китая, почти 80 процентов, – это полеводы и скотоводы»*, – говорит он. – *«Когда мы переехали сюда, нам было трудно без специального образования. Пастись скот тоже не могли, потому что земля в частной собственности. Чтобы купить зе-*

мельные участки, у нас не было средств. Нанимались к местным жителям, зарабатывали тем, что косили сено, выполняли разную тяжелую физическую работу. Но мы думали о будущем своих детей, поэтому по программе “Нурлы кош” переехали жить ближе к городу... Конечно, городские оралманы живут лучше, чем сельские, и культура у них другая... В городе жить лучше, чем в селе. Если не ленишься, можно хорошо заработать, главное – должна быть идея. Город приучает человека к культуре, особым отношениям, тут человек быстрее адаптируется к местным условиям... Вот оралманы, которые переехали в 90-е годы, они очень хорошо адаптировались к местным условиям, хорошо говорят на русском, а их детей не отличить от местных казахов... мы не прочь бы жить и в Астане, но у нас нет финансовых возможностей...». Их сейчас в семье пять человек, Сакай с женой, трое сыновей, есть еще внуки. Проживают в четырехкомнатном доме.

Следующий респондент, Маруа, переехала в Казахстан из Монголии в 1995 г. Маруа родилась в 1969 г. в Монголии, в с. Булгын Баян-Ульгийского аймака. Окончила школу в Улан-Баторе и в 1990 г. вышла замуж. Ее родители, как и другие казахские семьи, занимались скотоводством. По словам Маруа, они с мужем, посоветовавшись, приняли решение переехать в Казахстан: *«Летом 1995 г. мы на самолете прилетели в Усть-Каменогорск. Был жаркий день. Такой жары в Улан-Баторе нет, там комфортные для человека климатические условия. Но и к местному климату мы вскоре привыкли. В аэропорту нас встретили представители администрации. Всех переселенцев расселили по селам. Нас определили в село Таскескен. Там нам дали жилье. Конечно, в ауле мы никого не знали, но у нас были очень добрые соседи. Но мы не захотели жить в этом селе и переехали в Талдыкорган. К тому времени не были решены вопросы с нашими документами, у нас не было гражданства. Мы вынуждены были ютиться у родственников. У нас были сестры, которые переехали в 1990 г., мы надеялись найти их. На исходе были наши денежные средства. Так началось наше путешествие по Казахстану. Почему путешествие? Потому что мы долго привыкали к местным условиям, не могли жить больше одного-двух лет на одном месте, жили то в городе, то в селе. Не было и работы, не было родственников, кто бы мог протянуть руку помощи, двое детей еще маленькие. Их надо было кормить, воспитывать, тогда не было никакой квоты. Жили в селе, но, в конце концов, переехали в город. У нас есть причины, почему мы не захотели жить в селе. Мы привыкли к простору, тишине, а тут все иначе. В 1996 г. села Казахстана переживали упадок, поэтому переехали в город, чтобы учить детей. Усть-Каменогорск – город, который нас встретил первым, и мы убедились, что город хороший... В этом году будет десять лет как мы живем в Усть-Каменогорске. У нас есть свое жилье, работа, занима-*

емя частным бизнесом. Дети ничем не отличаются от местных, не считают себя оралманами. Они и язык освоили не хуже местных. Иногда мы навещаем своих родственников в Монголии, вот там наше отличие особенно заметно. Мы отличаемся и от казахов Монголии, и от местных казахов... чтобы стать местным, нужно время. Мы выросли совсем в другой среде, которая в корне отличается от той, которая есть в Казахстане. Очень трудно привыкнуть и влиться в эту среду. Нам пришлось все начинать сначала. Казахи из Китая и из Монголии разные. Да, мы казахи, у нас одни корни, но менталитет разный. Хотя мы и считаем себя местными, но правда в том, что другие так не думают... Вот, рассказали смешную историю, один оралман, переехавший из Монголии, пожаловался старику, что местные жители обращаются к нему «монгол», хотя он казах. Тогда старик ему ответил: «Я приехал сюда из Китая в 1962 г., но меня до сих пор называют «китаец»... Но жизнь продолжается. Может быть, одни нам завидуют, другим мы не нравимся, но детей пугает слово «оралман», это слово их унижает, кажется даже, что меняется их взгляд при этом слове, но мы ко всему привыкли, многое не воспринимаем всерьез».

Таким образом, уже из этих интервью можно выделить ряд проблем, с которыми сталкиваются репатрианты, прибывшие на историческую родину. Оралманов, переехавших жить в Казахстан в начале 1990-х гг., расселяли в аулах, давали скот, чтобы они могли обосноваться в сельской местности. Но многие репатрианты ранее проживали в совершенно других климатических условиях, занимались другими видами сельского хозяйства, а некоторые прибыли из городов. Все это сказалось на том, что значительная их часть не смогла трудоустроиться в сельской местности. Успешнее и быстрее процесс адаптации к окружающей среде проходил у оралманов, решивших перебраться поближе к городу. Основная проблема, с которой они столкнулись в городе, незнание русского языка. Казахстан для многих оралманов оказался местом проживания не только казахов, как они себе представляли. В те годы большую часть городских жителей составляли русские и представители других национальностей, языком общения которых является русский язык. Незнание русского языка, являющегося официальным языком, ограничивает репатриантов в возможностях подняться по карьерной лестнице. При этом выходцы из Китая испытывают большие языковые трудности, чем из Монголии. По их словам, переселенцы из Монголии могут прочесть и понять то, что написано на русском или на казахском, а «для оралманов из Китая это требует времени». Здесь сыграли также роль и культурные отличия между казахами-репатриантами и местными жителями. Некоторые репатрианты 1990-х гг. по прошествии 2–3 лет проживания в Казахстане вернулись в страну, откуда приехали, не сумев привыкнуть к местной среде и природно-климатическим условиям [5].

И все же не сразу, но с течением времени оралманы постепенно привыкают к новым условиям. Они преодолели очень много препятствий, чтобы адаптироваться к новым условиям. Эти препятствия есть и сегодня. Но ситуация меняется. И если привыкание к новым условиям у оралманов в возрасте идет не очень успешно, то процесс адаптации детей, молодых людей проходит быстрее. Выяснилось, что многие пожилые репатрианты до сих пор не чувствуют себя полноценными «казахстанскими казахами». Тяжело чувствовать себя «чужаками», находясь среди своих соотечественников. Более успешно проходит процесс адаптации у оралманов, переехавших в Казахстан после 2000 г., потому что среди оралманов 1990-х гг. мало кто обосновался в городе. Языковые проблемы у оралманов 2000-х гг. не так остры, как в 1990-х гг., так как в обществе казахов стало больше.

Также одна из основных проблем переселенцев – это разрыв связей с родственниками, оставшимися за границей. По их словам, в зависимости от финансовых возможностей они стараются навещать родственников, но в случаях поездки на похороны и т.д. требования казахстанско-монгольской, казахстанско-китайской границ не позволяют успеть вовремя, или приходится вовсе отложить поездку. Есть оралманы, которые лет 10–20 не встречались со своими родственниками, в этом случае мы наблюдаем разрыв родственных связей между оралманами. У многих оралманов близкие родственники остались жить в Китае, и они сами обустривают свою жизнь, не надеясь на какую-либо помощь со стороны родственников.

Главная цель оралманов – создать условия детям, чтобы они смогли получить хорошее образование и достигли высот, что не по плечу было родителям: «Дети быстро привыкают к местным условиям, и трудности их не пугают», – говорят они. Казахи, живущие ради своих детей, уверены в их светлом будущем. И это «будущее» все больше связано с городским пространством.

Материалы интервью, помимо лежащих на поверхности описаний сложностей адаптационного процесса, о которых шла речь выше, позволяют увидеть чрезвычайно важную, на наш взгляд, проблему. Ее можно обозначить как разность интересов Казахстана как государства, реализующего репатриационную политику, и самих репатриантов. Можно предположить, что для оралманов это прежде всего возможность качественного изменения жизненных траекторий, если не своих, то детей. Идеи возвращения на историческую родину становятся для них возможностью для реализации более приземленных интересов: от повышения уровня жизни до повышения социального статуса. И сама миграция, и вырабатываемые адаптационные практики могут быть рассмотрены как инструменты реализации новых жизненных стратегий, отличающихся для разных поколений, выходцев из различных стран и обществ.

Использование такой гипотезы, как интерпретационная рамка, позволяет выйти за пределы простого описания адаптационного процесса во всем его территориальном разнообразии. Трансграничная миграция, лежащая в основе репатриационного процесса, при таком взгляде оказывается лишь первым шагом в реализации долговременной стратегии, в которой не менее важное место может в последующем занимать миграция в город/пригород. В этом ключе большой интерес представляет анализ биографических траекторий «де-

тей оралманов» («полукоренных» и второго поколения мигрантов), их сопоставление для различных групп репатриантов по стране выхода и месту проживания в Казахстане. Наконец, чрезвычайно интересным представляются и проблемы сохранения связей со странами выхода, дружеско-родственных сетей и их использования в построении жизненных стратегий переселенцев. Идеи транснационализма, используемые для анализа репатриации этнических казахов, при таком подходе также могут получить новое развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зардыхан К. Проблемы защиты прав и свобод казахской диаспоры // Казахская диаспора: настоящее и будущее / науч. ред. А. Кошканов, А. Нысанбаев. Астана, 2005. С. 239–254.
2. Алексеев А.Н. Казахская репатриация: причины, особенности, перспективы // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск, 2010. С. 567–592.
3. Соснина И.В. Трудовая миграция в жизненных историях: контекст социальной интеграции : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2012. 19 с.
4. Концепция миграционной политики Республики Казахстан. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30120935#sub_id, свободный.
5. Tabea B. Peter Finke. The Kazak oralman : Comparing migratory decisions, integration patterns and transnational ties in three different settings // Centre for Anthropological Studies on Central Asia / ed. by Finke, Peter, and Günther Schlee: Framing the Research, Initial Projects (Halle, 2013). P. 75–83.

Hizat Akerke. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: akerke_004@mail.ru

REPATRIATES AND THE URBAN SPACE IN THE EASTERN KAZAKHSTAN REGION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN.

Keywords: oralman; repatriates; biography; Kazakhs; ethnicization; migration; categorization; Eastern Kazakhstan.

Due to certain historical developments, 4,5 million ethnic Kazakhs found themselves outside Kazakhstan, whose ancestors had left the country at different times. Since its independence, Kazakhstan has started to conduct the policy of inviting compatriots to return to their historical homeland. The oralman (the «returnees») are foreigners or persons of Kazakh origins who did not have the Kazakh citizenship at the time Kazakhstan became independent and who afterwards came back to the country for permanent residence in accordance with the Kazakh legislation. Due to the policy of repatriation of ethnic Kazakhs (the oralman) in the late 20th to the beginning of the 21st centuries, the Kazakhs have come to constitute the absolute majority of the population of Kazakhstan. The article aims to study the specificities of adaptation of the repatriates to the realities of Eastern Kazakhstan, based on the case of the city of Ust-Kamenogorsk and its neighbourhoods. The article draws on author's conversations/interviews with some ethnic repatriates who came from China and Mongolia at different times. The problems the repatriates, who returned to their historical homeland in the 1990s and 2000s, are confronted with are shown through everyday life practices. Based on informants' memories, the article attempts to compare the process of adaptation of the repatriates in the city and in the countryside. A number of issues the repatriates have to deal with come up from these interviews. The oralman that moved to Kazakhstan in the early 1990s were placed in auls and given cattle in order to settle in the countryside. However, many of them had used to live in completely different climates before and to engage in other types of agriculture. Some came from cities and were not able to find work in the countryside. The lack of knowledge of the Russian language also reduces repatriates' chances of making a career. The oralman who moved to Kazakhstan after the year 2000 have been adapting more successfully. The language is not that much of a problem for the oralman of the 2000s than for those who came in the 1990s. The elderly get used to the new environment with greater difficulty than the youth. Many of the former still do not see themselves as the «Kazakhs of Kazakhstan» and find it hard to have to feel like aliens among their compatriots. Another issue is the rupture of relations with their relatives that have stayed abroad. They try to visit and see them as often as they can afford it, however it is not always possible and so the relations become severed.

REFERENCES

1. Zardykhon, K. (2005) Problemy zashchity prav i svobod kazakhskoy diaspory [Protection of rights and freedoms of Kazakh Diaspora]. In: Koshkanov, A. & Nysanbaev, A. (eds) *Kazakhskaya diaspora: nastoyashchee i budushchee* [Kazakh Diaspora: The present and future]. Astana: Elorda. pp. 239–254.
2. Alekseenko, A.N. (2010) Kazakhstanskaya repatriatsiya: prichiny, osobennosti, perspektivy [Repatriation of Kazakhstan: Causes, features, prospects]. In: Dyatlov, V.I. (ed.) *Migratsii i diaspory v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [Migration and Diaspora in socio-cultural, political and economic space of Siberia. Milestones in the 19th–20th and 20th–21st centuries]. Irkutsk: Otkritsk. pp. 567–592.
3. Sosnina, I.V. (2012) *Trudovaya migratsiya v zhiznennykh istoriyakh: kontekst sotsial'noy integratsii* [Labour migration in the life stories: the context of social integration]. Abstract of History Cand. Diss. Saratov.
4. Kazakhstan. (n.d.) *Kontseptsiya migratsionnoy politiki Respubliki Kazakhstan* [The concept of migration policy of the Republic of Kazakhstan]. [Online] Available from: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30120935#sub_id.
5. Tabea, B. & Finke, P. (2013) The Kazak oralman: Comparing migratory decisions, integration patterns and transnational ties in three different settings. In: Finke, P. & Schlee, G. (eds) *Centre for Anthropological Studies on Central Asia. Framing the Research, Initial Projects*. Halle. pp. 75–83.

УДК 39:314.15 (571.16)
DOI 10.17223/19988613/37/9

С.Д. Джанызакова, А.С. Кузнецова

**КРАСОТА ПО-АЗИАТСКИ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «АЗИАТСКОСТИ»
В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНЧЕСКОГО КОНКУРСА
«МИСС И МИСТЕР АЗИЯ – 2015» В г. ТОМСКЕ)**

*Исследование выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире.
Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности»
(грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).*

Рассматривается репрезентация «азиатскости» в пространстве г. Томска. Объектом исследования выступило студенческое мероприятие «Мисс и Мистер Азия», участниками которого были молодые юноши и девушки, относящие себя к «азиатам» по разным основаниям (гражданская, культурная идентичность, внешние признаки). Анализируются подготовка к мероприятию, организация конкурса, действия на сцене, а также личные впечатления участников через «исполнение» роли (И. Гофман) представителя своего этноса. Рассматривается также «возникновение» мини-сообщества «азиатов» в ходе подготовки к мероприятию и самого «театрального воплощения» конкурса на сцене.

Ключевые слова: «азиатскость»; город; студенчество; представление (performance); лиминальность.

Настоящая работа представляет собой насыщенное описание объекта исследования – конкурса красоты и таланта «Мистер и Мисс Азия – 2015» в Томске на полемом материале, полученном за счет включенного наблюдения (присутствие на конкурсе и afterparty мероприятия) и полуструктурированных интервью (опосредованное и face-to-face) с участниками и организаторами «Мисс и Мистер Азия». Конкурс проходил в университетском городе Томске и охватил студенчество высших учебных заведений города. Все конкурсанты являются студентами, все они относят себя к «азиатам» и выступают активными представителями молодежного крыла землячеств и национально-культурных автономий. Город служит пространством («ареной»), в котором регулярно осуществляется определенного рода деятельность – социальные взаимодействия, послужившие толчком для организации такого масштабного мероприятия. Изначально идея о проведении конкурса присутствовала только в умах будущих главных организаторов. «Полем» взаимодействий выступают также социальные сети («ВКонтакте») и сайты землячеств в Томске).

Местами действия конкурса «Мисс и Мистер Азия», проходившего 28 апреля 2015 г., были концертный зал Томского государственного университета и ночной клуб «Факел» («Fakel»). Участниками конкурса выступили студенты вузов г. Томска, представители якутского, тувинского, алтайского, казахского, монгольского, киргизского и бурятского сообществ. Все конкурсанты – «азиаты» по различным основаниям. Их можно разделить на две категории: российские «азиаты» (буряты, алтайцы, якуты, тувинцы) и иностранные (казахи, киргизы и монголы). Заметим, что по условиям конкурса такого различия между участниками не проводилось. Для рассмотрения данного кейса мы использовали собирательное понятие «азиатскость», включающее в себя определенные культурные ценно-

сти, традиции и обычаи, антропологический тип и географическое расположение республик. Мы внесли это понятие в настоящий дискурс, опираясь на ответы конкурсантов на вопрос: «По каким основаниям Вы считаете себя “азиатом”?».

Анализ мероприятия «Мисс и Мистер Азия» проводится с опорой на «драматургическую» теорию Ирвинга Гофмана [1]. Основным инструментом анализа является введенная им категория перформанса (performance – представление). По И. Гофману, перформанс – это структура, которая превращает индивида в сценического исполнителя, который, в свою очередь, является объектом наблюдения со стороны людей, образующих «аудиторию», и этот исполнитель может разглядываться ими вдоль и поперек и действительно разглядывается без какого-либо риска обиды, поскольку сами его действия предназначены для разглядывания [2. С. 124].

Для детального и структурного анализа данного кейса и сложной системы социальных сетей взаимодействия мы разделили объект исследования на внутреннюю и внешнюю зоны перформанса. Внешняя сторона включает в себя один из самых важных шагов в реализации каждого мероприятия – организацию и позиции участников и организаторов относительно этого шага для воплощения конкурса красоты и талантов в реальность. Внутренняя сторона включает в себя личные эмоции, переживания по поводу участия и подготовки к мероприятию самих студентов – претендентов на титулы Мисс и Мистер Азия Томск – 2015.

Внешняя сторона: позиция организаторов и участников относительно организации конкурса. Внешний аспект данного мероприятия включает в себя организационную часть – это один из трудоемких процессов, который является неотъемлемым аспектом при подготовке к любой кампании. Как правило, эта часть делится на несколько этапов: назначение даты, состав-

ление расписания (кастингов, репетиций и фотосессий), распространение рекламы о предстоящем мероприятии, поиск и подготовка помещения для дефиле и творческих номеров, обеспечение всех участников костюмами и реквизитом, поиск и привлечение спонсоров (как для рекламы, так и для предоставления призов участникам), формирование состава жюри, продажа билетов.

Мероприятие «Мисс и Мистер Азия – 2015» имеет довольно продолжительную историю (ранее оно называлось «Мисс Азия» и проводилось с 2004 г., где участвовали представительницы разных «азиатских национальностей»). По словам одного из организаторов, идея проведения совместного конкурса красоты и таланта «Мисс и Мистер Азия» среди юношей и девушек является новой и нигде ранее не практиковавшейся.

Основным официальным документом, где прописаны все ключевые моменты проведения конкурса красоты и таланта, является «Положение о конкурсе». Несмотря на свой организационно-правовой характер, как выяснилось, для самих организаторов это Положение является некой формальностью: «...это Положение составлялось на основе предыдущих лет», которое должно быть представлено, но рамки, прописанные в нем, являются достаточно широкими (это проявлялось во внесении в сценарий конкурсных позиций, не прописанных в Положении о конкурсе).

Поддержку и помощь участникам и организаторам конкурса красоты и таланта оказывали председатель Ассамблеи народов Томской области А.П. Габрусенко и его заместитель Афсаладин Ахмедов, договаривавшиеся, в частности, с руководством Томского государственного университета по поводу аренды концертного зала.

Первая предшествующая стадия любого конкурса красоты – кастинг. Обычно под кастингом подразумевается предварительный отбор претендентов на участие в мероприятии – это смотр будущих участников, в который входит дефиле в нейтральной одежде (для девушек – с макияжем в стиле «nude» (слово «nude» (нюд) в переводе означает «обнаженный», следовательно, макияж в стиле нюд подразумевает эффект отсутствия косметики – «обнажённое лицо»), и творческий номер, в рамках которого осуществляется демонстрация таланта. Здесь мы столкнулись с «экспресс-кастингом» – изначально организаторы обратились в автономии и землячества, чтобы те выдвинули от себя по паре участников: «...у них же в каждом землячестве свои проходят конкурсы, “мисски” (так в повседневной речи называют конкурсы красоты, от слова «Мисс». – С.Д., А.К.), и мы просто сказали их активистам, что будет такой конкурс и выдвигайте своих. Ну вот, они выдвинули». Примечательно, что обращение было направлено преимущественно в студенческие объединения (молодежные отделы) землячеств и автономий Томска «...у нас более студенческий [конкурс], “диаспоры” бурят, тувинцев, алтайцев, это в большинстве своем молодые <...> дело в том, что мы мо-

лодые (студенты), мы с друг другом общаемся, поэтому решили так сделать, а Таджикистан – у них даже председатель, они взрослые и мы их вообще не знаем, просто, наверное, поэтому...». Но потом сама организатор упоминает, что отсутствие контактов стало причиной небольшого недопонимания со стороны автономий, представители которых не были заявлены как участники конкурса, выразив свое желание быть конкурсантами данного мероприятия: «Мы ходили в Дом Дружбы и парень из Узбекистана говорит, а почему наших (узбеков. – С.Д., А.К.) не позвали? Потом подумала: ну на следующий год позовем».

Сами участники конкурса также акцентируют внимание на том, что как такового кастинга не было, выбор представителей проходил через руководителей автономий и диаспор или были молодые юноши и девушки, которые уже имели опыт подобного участия и выступлений в конкурсах такого рода. «...Мне предложил (участвовать в конкурсе. – С.Д., А.К.) первый заместитель землячества в городе Томск “Гэсэр” (Бурятская национально-культурная автономия в Томске. – С.Д., А.К.) <...> перед этим конкурсом, я участвовал в конкурсе красоты и таланта «Дангина Гэсэр 2014» в Томске»; «...я принимала участие в конкурсе “Мисс Алтай 2014”, и в нем предполагается, что победительница представляет нашу национальность на последующем конкурсе»; «...сначала в “диаспоре” выбирали участницу, которая пойдет на Мисс Азию».

Следующим этапом подготовки стали репетиции. Они проходили почти что ежедневно в одном из общежитий Томского политехнического университета (один из организаторов является студентом данного вуза, имевший договоренность с руководством вуза и разрешение на репетиции). Атмосфера репетиций была веселой и дружественной, что можно было наблюдать на сцене, так как участники сблизилась между собой и радовались друг за друга: «Репетиции проходили весело. Успокоить такую толпу... Они как дети маленькие, все балуются, что-то рассказывают друг другу, их успокоить нереально сложно, но, тем не менее, они молодцы. Как могли – так выдали».

Все участники, особенно организаторы, подходили к репетициям больше с «технической» стороны, касающейся сценария, движения, эмоции и в целом поведения на сцене: «...Все выходы и их последовательность “прогоняли” с начала до конца. Исправляли самые малейшие ошибки каждого из участников. Когда улыбнуться, когда повернуть голову, взаимодействие со зрителем, то есть все-все мелочи мы проясняли с постановщиком». «Мы репетировали проходку, ставили танцы и работали над ошибками. Именно благодаря усердию на репетициях у нас получился такой яркий, замечательный концерт». Отметим, что ни организаторы, ни участники не прибегали к помощи хореографов и постановщиков, поскольку для этого не было средств. Организаторами конкурса были студенты – активисты «азиатских» автономий и землячеств.

Всем участникам обеспечивался доступ в общежитие для проведения репетиций, однако относительно доступа посторонних людей (друзей, знакомых) ответы информантов различаются: *«Да, у нас там приходили иногда, друзья какие-то пару раз, нечасто»*. *«Нет (присутствовали. – С.Д., А.К.) только участники, их помощники и организаторы»*. *«На репетициях присутствовали только участники, ведущие и организатор. Посторонних на репетициях не было <...> просто вход на репетиции был по пропускам, так как большинство репетиций проходили в общежитии»*.

Разные ответы на вопрос об открытости репетиций, возможно, вызваны, с одной стороны, стремлением показать важность данного мероприятия, создать ореол некой тайны и строгости вокруг подготовки к финальному показу, с другой – это может быть объяснено очень сильной вовлеченностью в сам процесс подготовки, которая не позволила участникам заметить моменты присутствия «чужих» на репетициях. Нам так же не удалось попасть на репетиции, в связи с тем что организаторы были против этого.

Еще одним важным и трудоемким шагом подготовки конкурса можно считать поиск спонсоров. По признанию организаторов, это было сложно, затягивались публикации с рекламой в группе «ВКонтакте» из-за того, что сами спонсоры не присылали текстовые материалы. Все представленные фирмы можно поделить на следующие группы: модельные агентства, фотостудии, пищевая индустрия (рестораны), фитнесклубы и центры полиграфических услуг. Основная роль спонсоров в данном конкурсе состояла в следующем: *«...они нам помогали сертификатами, кто чем мог, печатники (центры полиграфических услуг. – С.Д., А.К.) помогали распечатывать афиши, билеты, баннеры, еще что-то... “Ай да баран”, “Bruce Lee”, они нам давали сертификаты на посещение их ресторана»*. Можно сказать, что эта часть мероприятия стала формой информационного «симбиоза» – владельцы компаний получили возможность бесплатно прорекламировать свое заведение/организацию в обмен на предоставление призов, на бесплатные посещения ресторанов, фотосъемку, курсы моделей, абонементы в спортивные клубы.

Показателен состав жюри: сюда входили представительница модельного агентства, заместитель председателя Ассамблеи народов Томской области, победительница конкурса «Мистер и Мисс ТГУ». Такой выбор был неслучайным, за каждой выбранной персоной стояло какое-либо определенное обоснование: *«...модельное агентство, потому что конкурс все-таки красоты и таланта, все-таки надо девочкам продвигать <...> я думаю, это девочкам даже хорошо будет <...> в жюри должны сидеть люди, от спонсоров кто-то, потом знающие люди, которые разбираются в этом конкурсе, вот у нас была Мисс ТГУ, у нее есть опыт, она знает, как судить, что делать. <...> У них были критерии оценивания, как оценивать*

конкурс. В принципе они знают. От Ассамблеи мы по-звали... дядю Ахмеда, он нам безмерно помог, он просто такой человек, прям такой хороший человек, ничего не сохрет, как сказал, сделает – сделает, ничего такого, чтобы “засудили”, не было». Отличительной особенностью решения жюри было то, что баллы, набранные участниками, нигде не объявлялись, поэтому итоговый рейтинг оставался загадкой. Причину подобного решения нам раскрыла одна из организаторов: *«А их никогда не озвучивают. Каждый год получается так: бланки жюри у них лежат, все сами считают и потом они заходят, и получается: у кого больше баллов, тот и получает места. А говорить, сколько у кого баллов – у нас никогда такого не было»*.

В рамках некоторых конкурсов красоты предусмотрены выступления каких-либо приглашенных коллективов и артистов, чтобы конкурсанты и ведущие смогли подготовиться к следующей конкурсной позиции. На «Мисс и Мистер Азия – 2015» были приглашены ансамбль «Келечек» (Кыргызстан), ансамбль «Тулпар» (Казахстан), ансамбль «Байкал» (Бурятия), дуэт исполнителей Дастана и Бектура (Кыргызстан), Тоня Комюстурова (Саха, Якутия), Шенее Оюн, Булат Кенден и Буян Ойнаров (Тыва). По словам организаторов, их подбор происходил следующим образом: *«...вообще я ходила на Навруз, ну вы знаете, меня пригласили туда и я сходила, я хожу ко всем почти что, мне интересно узнавать народы: вот буряты у них там сагаалган постоянно проводится, театрализованные спектакли, они приглашают <...> и я просто ходила, смотрела у кого что, кого можно позвать, на Наврузе как раз выступали домбристы эти и вот этот ансамбль “Келечек”, маленькие девочки, они мне просто безумно понравились, я их пригласила и они согласились, я была прям рада! Тувинка вот, Шенее, которая выступала, я ей говорю: ты точно будешь петь, потому что она поет и выступает <...> Не все, кто хотел, выступили, потому что у нас время было ограничено, это было бы слишком долго. <...> Вообще каждой диаспоре сказали: от вас нужен номер-два, если у вас есть желание»*.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что эта часть организации построена была скорее не на официальных связях с исполнителями, а на случайных знакомствах, которые способствовали привлечению всех исполнителей.

Внутренняя сторона: эмоции, мотивы и мнения участников относительно мероприятия. На конкурсе «Мисс и Мистер Азия – 2015» в Томске были представлены семь пар молодых людей: буряты, тувинцы, якуты, алтайцы, казахи, кыргызы и монголы. Список указывает на различные основания в определении «азиатов». Как стало ясно со слов организаторов, отбор проводился через обращения в студенческие землячества и диаспоры. Личные контакты и опыт предыдущих мероприятий – вот главные «критерии отбора». Никакой рефлексии относительно «этнического»/«национального» на этапе отбора не наблюдалось.

Цель мероприятия, сформулированная организаторами, из уст участников звучала так: *«Благодаря этим интернациональным мероприятиям люди могут узнать о культуре разных народов, также увидеть национальные костюмы и просто познакомиться с представителями этих наций, я считаю, что такие мероприятия определенно сближают нас»* (представительница Республики Саха (Якутия)).

Относительно мотивов участников можно сказать, что участие всех было инициировано землячествами (диаспорами). Некоторые участники были победителями и обладателями титулов «Мисс» и «Мистер» на уровне своего землячества. Так, Буяна Монгуш и Влад Сарбакай – конкурсанты, представлявшие Тыву, были обладателями титула «Мисс и Мистер Томского Тувинского землячества». Они хотели попробовать свои силы на более масштабном конкурсе, чтобы показать себя. Представители якутского землячества – Кульбертинов Григорий и Ньургуйаана Васильева – должны были участвовать в конкурсе своего землячества, но по неизвестным причинам он был отменен, и руководители землячества предложили им участие в данном конкурсе. Борис Баинов и Оюна Рыгзынова – представители бурят, также были участниками конкурса такого же формата: *«Мне предложил первый председатель бурятской автономии в городе Томск “Гэсэр”, представить бурятский народ на этом конкурсе. Я согласился, так как данное мероприятие проходило впервые, и мне хотелось стать “первооткрывателем” и передать этот бесценный опыт последующим участникам»*. Другие участники не имели подобного опыта и были «назначены» руководством землячеств. Кроме того, просьба друзей сыграла свою роль даже на фоне неодобрительного отношения со стороны родителей, считающих, что дети их приехали в Томск прежде всего учиться (киргиз).

Высказывания всех конкурсантов относительно цели участия были схожи – победить и достойно представить свою республику: *«Я чувствовала некую ответственность за свой народ, и это было очень волнительно! И мне было приятно представлять свою республику перед таким количеством людей»* (из интервью с Н. Васильевой, участницей, представлявшей Республику Саха (Якутия)). *«Мне было радостно, что меня поддерживают, гордятся мной, и я понимал, что нужно выложиться по полной, чтобы не подвести»* (из интервью с Г. Кульбертиновым, Саха (Якутия)).

После того как были выбраны участники конкурса, организаторы разработали сценарий, достаточно типичный для всех конкурсов красоты: приветственный выход, видеовизитки каждого из участников по отдельности (это было не представление и знакомство с парой, а с каждым конкурсантом по отдельности). Специального анализа заслуживают видеовизитки как маркеры «азиатскости», которые мы в рамках данной публикации можем разделить на две группы:

– те, кто помимо рассказа о себе и своих интересах использовал этнические маркеры, а также символику республики/страны (Айжамал Авлезова (Кыргызстан), Алишер Найманхан (Казахстан), Буяна Монгуш (Бурятия), Жаныбек Жумакадыров (Кыргызстан), Оюна Рыгзынова (Бурятия), Влад Сарбакай (Тыва, в национальном костюме рассказывал о традициях и обычаях своего народа));

– те, кто просто рассказал о себе, об учебе, о своих интересах, но в их рассказе были и маленькие штрихи этничности. Так, в видеовизитке Нямжаргала Болдбаатара (Монголия) он представлен интересным спортом в тренажерном зале в футболке, на которой изображен флаг Монголии.

Один видеоролик не попадает ни в одну из этих категорий – это визитка Бориса Баинова (Бурятия): *«Съемки проходили в разных городах. Идея моей визитки состояла в том, чтобы показать, что у меня много друзей разных национальностей, мою дружелюбность к разным народам, что для меня не важно, кто ты по национальности»*.

В промежутках между общими выходами претендентов на звание «Мисс и Мистер Азия Томск – 2015» выступали гости, которые были приглашены также в качестве групп поддержки представителей землячества или автономии.

Следующий этап конкурса – выход в национальных костюмах. Все участники предстали в национальных одеждах, а алтайцы вышли еще и с флагом республики. Костюмы выглядели очень красиво и ярко. Как удалось выяснить, доставали их с помощью друзей (в землячествах), а также родителей (они передавали костюмы с автобусом в Томск). После выхода в национальных костюмах были представлены творческие номера участников конкурса, которые также можно разделить на две нечеткие категории: те, кто подчеркивал свою национальную принадлежность, и те, кто хотел показать свой талант.

Выход в купальниках (традиционный элемент всех конкурсов красоты) особенно отличался своей «азиатскостью». По словам организатора, ввиду того, что некоторые девушки – мусульманки, они сделали этот выход гораздо скромнее, чем «европейский»: девушки были в джинсовых шортах и в верхней части купальника, где все было достаточно закрыто.

Последним дефиле был представлен выход в вечерних нарядах – парни в костюмах, девушки в красных платьях. Эта завершающая часть мероприятия (общий танец без этнических маркеров) ставила своей целью показать, как сдружились участники и как тесно они общаются: *«Между нами сложилась крепкая дружба! Мы часто встречаемся, общаемся, гуляем, ведь мы все близки по духу! Мы даже ходили на шашлыки»* (из интервью с Б. Баиновым (Бурятия)); *«очень хорошие отношения у нас сложились, мы сейчас собираемся и гуляем, это меня очень радует, и рад, что выдалась возможность познакомиться с такими приятными»*

людьми, я думаю, главная цель нашего конкурса – показать, что вот в Томске так много разных наций, и каждая хороша по своему, ну а так еще и сплочение наций и межнациональных отношений. Репетиции проходили в очень дружной обстановке, все было очень весело, мы собирались и репетировали, попутно всякие «приколюхи» были» (из интервью с Г. Кульбертиновым, Саха (Якутия)).

Организатор конкурса отмечает, что ребята с первых дней не чувствовали борьбы и конкуренции, этого у них совсем не было, они, наоборот, сдружились и часто отвлекались на репетициях, потому что шутили и смеялись. По нашим наблюдениям, мы можем сказать, что ребята действительно подружились. Так, в ночном клубе, где проходило награждение победителей, они были все вместе, а после объявления итогов искренне радовались успеху победителей и еще долго стояли на сцене и фотографировались. У одной из конкурсанток Нямсурен Номиндарь в этот день был день рождения, и ребята поздравляли ее со сцены. Отметим также, что уже на вручении были оглашены победители в номинации «Мисс и Мистер Дружба», которые не были прописаны в положении о конкурсе.

По итогам конкурса титулы «Мисс и Мистер Азия Томск» получили Оюна Рыгзынова (Бурятия) и Амыр Елкачинов (Алтай). Почему победителями оказалась не пара, а участники по отдельности? Как объяснила одна из организаторов конкурса, самые талантливые и креативные личности могут быть не в одной паре, а если кто-то из них слабее, то если оценивать пару в целом, он бы тянул сильного вниз. Результаты были оглашены не членами жюри, которые даже не пришли на продолжение мероприятия в ночной клуб «Факел», а были озвучены организаторами. Пожалуй, это смутило только нас, наблюдавших впервые такое действо. Для всех, кто был задействован в мероприятии, в этом не было неожиданности, поскольку такая практика была обычной при проведении конкурса красоты «Мисс Азия» в Томске, а конкурс «Мисс» совместно с «Мистер» проводился в Томске впервые.

«Азиатскость» разворачивается здесь как представление (performance), разыгрывание собственной идентичности перед публикой на сцене в идеализированном

виде [3]. Участники конкурса со сцены демонстрировали свою групповую (этническую, национальную) идентичность так, как это должно быть, как им предписано. В повседневных практиках они ее не актуализируют.

В ходе наблюдения и интервью нас не оставляло ощущение некоего «маятника»: от дискурса о различиях («азиатскости») к дискурсу схожести. Дискурс о различиях был приписан участникам со стороны организаторов (название конкурса, номинации), но самими ими выбирался (и в некоторых случаях подчеркивался) дискурс схожести. Стоит сказать, что и организаторы также были склонны подчеркивать то, что имеющиеся различия, в конечном счете, ведут к единению (дискурс межнационального согласия – воспринятый, скорее всего, из официальных речей руководства диаспор и землячеств). «Этнизирующие» пространство конкурса маркеры постоянно чередовались с объединяющими факторами «таланта», «танца», «дружбы». Сама граница «азиатскости» в ходе проведения конкурса проявила свою подвижность и гибкость: была заявка от русского парня из Казахстана, и организаторы даже приняли ее, но когда он узнал, что это не просто конкурс талантов, а конкурс красоты и талантов, то от участия отказался. Красота и талант заявлялись организаторами как «надэтнические» и «наднациональные».

Возможно, будет правильным предположение, что конкурс представляет собой некий ритуал. Опираясь на исследования Виктора Тэрнера [4], выделявшего такие элементы ритуального действия, как разделение, лиминальность (грань) и соединение, мы можем увидеть эти элементы и в ходе описываемого конкурса. Всех участников изначально разделили на пары (однако единицей конкурсного отбора была не пара, а отдельный индивид) и зарегистрировали как этнически маркированные. Сам конкурс можно рассматривать как стадию лиминальности, завершившуюся соединением и «победой» дискурса дружбы. Однако если ритуал является механизмом перехода из одного состояния в качественно другое, то какой переход совершили участники конкурса? Вероятно, что это «ритуал» иного рода, и цель его – репрезентация «азиатскости» в публичном пространстве города, «производство» отношений, объединенных «азиатской» темой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахштайн В.С. Драматургическая теория Ирвинга Гофмана: два прочтения // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3, № 4. С. 104–118.
2. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: пер. с англ. / под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
3. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.
4. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.

Janyzakova Seil D. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: seil170593@mail.ru; Kuznetsova Anastasia S.; Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kuznetsova@mail.ru

ASIAN BEAUTY: REPRESENTATIONS OF “ASIANNES” IN THE CITY SPACE (ON THE CASE OF THE STUDENT CONTEST “MISS AND MISTER ASIA – 2015” IN TOMSK).

Keywords: Asianness; city; students; performance; liminality.

The article presents a rich description of the contest «Miss and Mister Asia – 2015», based on the material gathered through participant observation and semi-structured interviews with contest participants and organizers. The event was held at the Tomsk State University

Concert Hall and the night club «Fakel». Participants represented various ethnic groups divided into «Russian» – the Buryats, Tuvinians, and Altaians – and «foreign» Asians – the Kazakhs, Kyrgyz, and Mongolians – though this categorization was not introduced by the organizers of the contest. In our case study, we use the notion of «Asianness» assuming certain cultural values, traditions, and customs, as well as a certain anthropological type and the geographical location of corresponding republics and countries. The study relies on the work by Erving Goffman «The Presentation of Self in Everyday Life» and the notion of «performance» introduced by him. For a detailed and structured analysis of the discourse in question, we divided the object of our study into the inner and outer side of performance. The outer side includes main organizational issues and practicalities of the event, among which are the casting call, rehearsals, and the contest per se. The inner side encompasses individual emotions on the part of both participants and organizers and experiences that accompany each stage of the contest. The outer side of the event, as a rule, consists of a huge number of tasks to be solved by the organizers. As the contest has quite a long history – it has been carried out in Tomsk since 2004 – all its stages are well known to them and do not cause any difficulties. As for the inner side of the contest «Miss and Mister Asia», initially, participants' motivation was enhanced by the leaders of Tomsk diasporic communities and participants pursued similar goals – to honorably represent their country/republic and win. However, despite the general atmosphere of competition, all of them made friends with each other – an observation repeatedly noted during the interviews. Participants' video cards are particularly notable – they can be divided into two categories – the one that used a lot of ethnic symbols and the other that placed an emphasis on other aspects of life, only casually touching upon ethnicity. The study revealed two discourses – that of the similarities and differences stressed by different parties (organizers, participants) and, ultimately, that of the unity, with the boundaries of «Asianness» being quite flexible. The event in question was also considered as a ritual, based on Victor Turner's theory. Divided into pairs and registered as ethnically marked, the participants, having gone through the stage of liminality (the contest), finally got united and found themselves in a new state designated by us as a discourse of friendship.

REFERENCES

1. Vakhstein, V.S. (2003) Goffman's dramaturgical theory: structuralist interpretation. *Sotsiologicheskoye obozrenie – Sociological Review*. 3 (4). pp. 104-118.
2. Goffman, E. *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [The analysis of frames. An essay on the organization of everyday experience]. Translated from English by G.S. Batygin, L.A. Kozlova. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences.
3. Goffman, E. (2000) *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [Self-representation in everyday life]. Translated from English by A.D. Kovalev. Moscow: Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole.
4. Turner, V. (1983) *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Moscow: Nauka, 1983.

УДК 39(571.16)
DOI 10.17223/19988613/37/10

Е.М. Карагеоргий

«СИБИРСКИЕ АФИНЫ», ИЛИ «ГРЕЧЕСКОЕ» В ПРОСТРАНСТВЕ г. ТОМСКА (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ГРЕЧЕСКОЙ АВТОНОМИИ)

Исследование выполнено в рамках проекта «Человек в меняющемся мире».

Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности», реализуемого в рамках гранта Правительства Российской Федерации для государственной поддержки научных исследований № 14.В25.31.0009.

Рассматриваются условия и факторы формирования греческого общества в Томске, его особенности и формы манифестации данной этнической принадлежности в пространстве конкретного города. Исследуются категории этничности и диаспоральности применительно к томским грекам, понимание ими «греческости» как таковой, предпринимается попытка выявить причины ее актуализации и оценить ее значение для греков Томска. При анализе автор опирается на концепции «принадлежности» и «символической этничности».

Ключевые слова: диаспора; диаспоральность; (символическая) этничность; (этническая) принадлежность; «греческость»; общность; греческое общество.

Диаспора как исследовательская проблема – поле очень дискуссионное и сложное ввиду отсутствия согласия среди самих исследователей относительно содержания понятия «диаспора», а также относительно наличия или отсутствия явления как такового, которое это понятие призвано обозначать. К тому же, по общему признанию, оно стало столь распространенным в обществе, что само по себе превратилось в «диаспору» [1. С. 1], являясь носителем положительного или отрицательного смыслового заряда. И здесь целесообразность (а порой и этичность) использования термина «диаспора» в качестве категории научного анализа также подвергается сомнениям и критике [2]. В этих условиях обращение к полевым исследованиям, новому эмпирическому материалу, его накопление, сравнительное изучение, всесторонний анализ и обсуждение представляются особенно важными для возможных дальнейших теоретических построений в этом проблемном поле.

Исследование диаспоры и вопросы диаспоральности, в свою очередь, тесно связаны с исследованием этничности как таковой, факторов ее активации и мобилизации, выхода в публичную сферу и конкретных форм манифестации, ее значения в формировании и функционировании соответствующих общин, обществ, групп, ассоциаций, объединений и других «предполагаемых коллективностей» [1. С. 13] или «воображаемых сообществ» [3]. И здесь различные, порой противоположные, позиции исследователей сближает понимание того, что в отношении диаспоры «речь идет о крайне подвижном состоянии» [2. С. 170], а в отношении этничности – скорее о процессе [4. С. 127], нежели о чем-то статичном и неизменном.

Таким образом, вновь на передний план выходит вопрос, представляющий несомненный исследовательский интерес для многих: каковы причины актуализации этничности, почему возможна и происходит ее мобилизация, которая становится потенциально важ-

ным фактором социальной жизни (наряду с диаспоральностью), порождает определенные явления и процессы и тем самым дает пищу для размышлений о самой их природе, несмотря на всю возможную дискуссионность, условность и неоднозначность применяемых нами терминов и аналитических категорий в попытке как-то охарактеризовать исследуемое. В данной статье эти вопросы рассматриваются автором на материалах полевого исследования томского общества греков (официальное наименование сегодня – Региональная общественная организация Национально-культурная автономия греков Томской области), осуществленного в среде его членов, принимающих то или иное участие в его деятельности. Так, анализируются условия и факторы формирования греческого общества в г. Томске, его особенности и формы манифестации данной этнической принадлежности прежде всего в пространстве конкретного города, хотя она происходит и за его пределами, а также в виртуальном пространстве Интернета. Изучаются явления этничности и диаспоральности применительно к томским грекам, понимание ими «греческости» как таковой, возможные причины активации их этнической принадлежности и ее значение для членов данного общества. Методологически полевою – основную – часть данного исследования составили включенное наблюдение, ряд полуструктурированных интервью и неформальных бесед, а также фокус-группа с наиболее активными сегодня членами томского общества греков – участниками танцевального коллектива «Понтийская мозаика».

Для концептуализации собранного материала обозначим некоторые используемые нами понятия и выберем в качестве основополагающей категории анализа данного кейса концепцию «принадлежности» [5, 6], которая кажется наиболее инструментальной в нашем случае. При этом будем говорить об этничности, или этнической принадлежности (здесь принадлежность понимается, как концепция, а не как часть устойчивого

словосочетания «этническая принадлежность») как одной из возможных форм принадлежности, которая может являться результатом как сознательного выбора, и, таким образом, быть приобретаемой/приобретенной, так и быть приписываемой [6. С. 9]. С учетом вышеобозначенного под «греческостью» предлагается понимать «греческую этническую принадлежность» во всей полноте и неоднородности представлений о ней (исходя из ответов информантов на вопрос «что значит быть греком/гречанкой?») самими членами томского греческого общества. Интерес для нас представляет и понятие диаспоральности, под которой автором подразумевается свойство(-а) или качество, имеющее отношение к диаспоре или способное ее характеризовать. Последнюю же предлагается рассматривать здесь не как «узкую сущность, но как средство выражения, позицию и запрос» [1. С. 1], и в этом смысле наше понимание диаспоральности совпадает с осмыслением этничности, как «точки зрения на мир, а не сущности в мире» [7. С. 19]. Это то, по поводу чего участники процесса постоянно договариваются, и рассматривать в таких условиях любое их объединение (общину, общество и т.п.) как отдельную, неделимую единицу анализа было бы неадекватно более сложной и многомерной действительности. Однако не будем и полностью исключать категорию коллективного из нашего анализа ввиду того, что когда одно и то же видение и ощущение своей принадлежности разделяется многими, существует потенциал для мобилизации этничности, диаспоральности и, как следствие, этнизации как «процесса манифестации, а значит, мобилизации этничности, выхода ее в публичную сферу» [8. С. 212]. И в этом, пусть и достаточно ограниченном, ключе мы можем говорить о наличии группы или некоего коллективного целого (например, в публичном пространстве, где происходит позиционирование себя в качестве группы), поскольку мобилизация осуществляется не только на индивидуальном, но и на межличностном уровне, а манифестация и саморепрезентация осуществляются прежде всего коллективными усилиями. В этой связи при изучении этничности и диаспоральности представляется важным учитывать процессы, факторы и динамику как коллективного, так и индивидуального порядка.

Обозначим общий контекст рассмотрения нашего эмпирического материала. Так, численность греков, проживающих вне Греции, по подсчетам Всемирного совета греков зарубежья, составляет 5 607 950 человек [9] (в самой Греции, согласно последней переписи населения 2011 г., проживают 10 815 197 человек [10]). По данным Всероссийской переписи 2010 г., число греков в России составило 85 640 человек. Соотношение городского и сельского населения здесь 48 627 и 37 013 человек соответственно [11]. Греки в Томской области проживают достаточно давно. Согласно И.Г. Джухе, массовая миграция греков на восток Российской империи имела место в 1910-е гг., когда «де-

сятки мужчин из Батуми, Сухуми... устремились сюда на заработки» и стали обосновываться в сибирских городах вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали, включая Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск и др. [12. С. 177]. По данным переписи [11], в Сибирском федеральном округе (СФО) в 2010 г. проживали 2 520 греков, из них 2 508 владели русским языком. Из 12 субъектов СФО Томская область по численности греческого населения занимала седьмое место (160 человек), уступая Красноярскому краю, Омской, Кемеровской, Новосибирской областям, Алтайскому краю и Иркутской области. Греческое население здесь преимущественно составляют греки понтийского происхождения, предки которых в 1930–1940 гг. в ходе репрессий были высланы в Среднюю Азию (Казахстан, Узбекистан, Киргизия) и Сибирь с юга России (тогда РСФСР (Краснодарский край, Ставрополье и др.) и других советских республик), где они проживали достаточно компактно и давно. Есть здесь и потомки политических эмигрантов, прибывших в СССР в результате Гражданской войны в Греции 1946–1949 гг. И лишь единицы составляют те, кто, по тем или иным причинам (учеба, семейные или деловые связи), приезжают в Сибирь – и в Томск в частности – непосредственно из Греции и Кипра. Таким образом, особенностью греческого населения Сибири в целом и Томска в частности является то, что оно сформировалось в результате множественных перемещений и миграций, как вынужденных, так и добровольных. Непосредственно Томская область не предназначалась для спецпоселения греков [12. С. 183]. В основном греки прибыли сюда уже позднее – для получения образования и дальнейшего трудоустройства в Томске – из Средней Азии, где оказались в результате сталинских репрессий.

Томское греческое общество было создано в 2000 г. Окончательно институционально оно оформилось в качестве региональной национально-культурной автономии (далее – РНКА или НКА) в 2010–2011 гг. на основе двух местных греческих НКА – Кожевниковского района Томской области и г. Томска. Общество продолжает существовать и заявлять о себе в публичном пространстве города, а также в виртуальном пространстве по сей день, претерпев определенные изменения. За 15 лет существования изменился состав руководства и наиболее активной части общества.

Обращаясь к факторам, которые обусловили возможность самоорганизации томских греков и становление греческой НКА, следует согласиться с важностью социально-политического контекста [13. С. 52] и изменением статуса этнической общности как таковой [Там же. С. 279]. Принятие в 1996 г. закона «О национально-культурной автономии» позволило заинтересованным в этом получить официальный статус, своего рода признание со стороны государства, что имело важное символическое значение и создавало юридические основания для взаимодействия таких объединений прежде всего с государством. Определенная демокра-

тизация общественно-политических процессов способствовала и активизации таковых. По словам В.В. Колозариدي, главы греческого общества с момента его образования вплоть до 2011 г., «была сильная, мощная тенденция в те годы – подчеркнуть свою национальность... и естественно, когда в 2000-х годах об этом можно было свободно заявлять, мы потянулись к своим национальным корням, своим традициям, своей культуре, хотелось окружить себя тем естественным фоном, который характерен для каждого грека, где бы он ни жил» [15]. Относительно создания РНКА В.В. Колозариди пояснил, что «региональная автономия – это, конечно, статус, который позволяет реализовывать определенного рода задачи, которые невозможно реализовать с помощью местной автономии или просто общества <...> когда мы поставили более высокие задачи – школа, отделение при университете, когда мы начали расти, финансировать это было невозможно, т.е. мы пользовались статусом, который был – выиграли несколько грантов, в том числе на федеральном уровне» [Там же].

Представляется, что роль государства в становлении греческой, как и других НКА Томска, заключалась в том, что оно определило границы деятельности таких объединений, предоставило некий юридический статус, институциональную основу для такого рода самоорганизации. При этом механизмы практического, особенно финансового содействия и взаимодействия с ними, а также реального участия НКА в общественной жизни на местах определены не были. Не появились они и впоследствии. Финансирование осуществлялось от случая к случаю, в форме грантов, которые, однако, сыграли свою роль в развитии НКА. Финансовые средства томской греческой НКА привлекались во многом из Ассоциации греческих общественных объединений России (АГООР) как следствие активной деятельности, осуществлявшейся греками Томска. На первом же этапе становления общества финансирование осуществлялось за счет собственных средств его членов.

Здесь необходимо проанализировать, какие еще движущие силы способствовали такой самоорганизации, ведь появление соответствующего закона – фактор важный, но не ведущий автоматически к образованию НКА. Обратившись к концепции «этнического предпринимательства» исследователей Джин и Джона Комарофф [14], применительно к греческой НКА можно отметить, что этнически заряженное измерение в ее деятельности, как и элементы «предпринимательства», безусловно, имели место быть. Эта деятельность включала сознательную, целенаправленную консолидацию руководством автономии греков, людей, разделявших данную этническую принадлежность, в Томске вокруг общества – и роль руководящего состава автономии представляется здесь ключевой, особенно на этапе становления. По мере развития общества им так или иначе использовались маркетинговые и пиар-приемы, осуществлялось брендинг общества, постепенно вы-

рабатывалась если не стратегия, то определенное видение его развития и продвижения. Нарбатывался определенный, прежде всего символический капитал (если говорить об обществе как о коллективном целом, и социальный капитал – если говорить о его членах в отдельности), что позволило расширить и укрепить присутствие автономии в публичном пространстве города, сделать ее узнаваемой и запоминающейся не только в самом Томске, но и за его пределами. Однако эта деятельность не являлась источником какой-либо финансовой прибыли, она не была коммерческим проектом или деятельностью как «просто бизнес». Не будем отрицать потенциальную значимость и возможность использования этничности как актива, ресурса, который может приносить материальную выгоду. В отношении греков Томска, по крайней мере на данном этапе, говорить об этом сложно.

Фактически деятельность томских греков носила более широкий общественный, культурно-просветительский характер. Руководство греческой НКА активно реализовывало инициативы, направленные, в значительной мере, и на не членов общества, не греков, а на городскую общественность в целом, вовне. Вся деятельность греческой НКА может быть охарактеризована скорее как проектная (хотя она достаточно продолжительна во времени), она не являлась основным видом деятельности, приносящим основной доход руководящим членам общества, хотя и осуществлялась через специализированную, «профессиональную» структуру. Мобилизация греков Томска происходила при апелляции к этничности, но этническая компонента при этом стала своего рода лишь ориентиром, в то время как горизонт деятельности общества не ограничивался ею и не сводился к ней. Именно это, представляется, и способствовало росту профиля греков прежде всего в Томске – они активно выходили в публичную сферу и особенно значимую для Томска ее часть – образовательную и культурно-просветительскую. Отсюда и частое использование томскими греками наименования Томска в качестве «Сибирских Афин», отсылающего нас к всеохватывающему, вневременному и внеэтническому наследию Античности, эллинизма и классицизма. Как поясняет В.В. Колозариди, «общества греков в центре России, Сибири характеризуются направленностью на удовлетворение в первую очередь культурных и образовательных потребностей. На юге России для вступления в общество требовалось непременно условие – греческая идентичность, в центральной части России и в Сибири главное – принадлежность к эллинистической культуре» [15. С. 231].

Обратившись к вопросу о манифестации этничности, согласимся с тем, что сама возможность этнических саморепрезентаций важна, так как они «позволяют создавать собственный значимый мир, выводить его за рамки частной жизни и встраивать в городской порядок» [16. С. 35]. Наличие форматов и площадок для этнической саморепрезентации в условиях города

представляется значимым как для мониторинга потребности в таковой, так и, возможно, для ее стимулирования и поддержания в определенной степени ее устойчивости. В случае с греками Томска саморепрезентация осуществлялась через организацию преподавания новогреческого языка для всех желающих – сначала при Томском государственном, затем при Томском политехническом университете – и специализированный класс с этнокультурным компонентом в гимназии № 18; проведение и участие в культурных и научно-образовательных мероприятиях общегородского и не только масштаба (Международный фестиваль «Дни греческой культуры в “Сибирских Афинах”», научные конференции, семинары и др.); выступления танцевального коллектива общества «Понтийская мозаика» на различных площадках (региональные фестивали «Радуга» и «Фестиваль дружбы народов»); организацию летнего детского отдыха в Греции, создание сайта автономии, а также открытое для участия широкой общественности празднование памятных дат греческой истории и греческих национальных праздников (День независимости Греции 25 марта, День ОХИ 28 октября и Рождество Христово 25 декабря) и др. Причем особенностью томского общества греков, как отмечается его руководством, было то, что, в отличие от греческих обществ юга России, все эти формы автономия консолидировала в своих рамках, под своим «крылом». С одной стороны, это может объясняться незначительной, по сравнению с южными регионами, численностью греков Томской области. С другой – активную роль лидеров греческого общества Томска.

Итак, говоря о факторах мобилизации этничности у греков Томска, подчеркнем роль организующего начала, лидеров общества, его «активистов» [2. С. 170]. Они с первого этапа становления налаживали коммуникацию и взаимодействие между будущими членами общества, знакомились и знакомили их друг с другом, всячески стараясь поддерживать эти связи и в дальнейшем, собираясь для общения, совместного отмечания греческих национальных праздников и других значимых событий. О роли руководства греческой НКА в успешном осуществлении задач общества говорят и его представители. Динамика ее развития на протяжении пятнадцати лет также подтверждает тезис о во многом определяющей роли ее лидеров – после смены состава президиума автономии в 2010–2011 гг. наблюдается снижение ее активности как некоего целого, как организации, ее присутствия в городском пространстве, однако это связано и с рядом других причин. Среди них и то обстоятельство, что поддержание солидарности, общности (о которой подробнее говорится далее) в условиях динамичной городской жизни и современной жизни как таковой требует существенного вклада (времени и проч.) от каждого или значительной части членов этой группы, чего не наблюдалось в последние годы в греческом обществе. Фактически сегодня активно продолжает функционировать только его танцевальный

коллектив «Понтийская мозаика». Эпизодически ведутся курсы новогреческого языка на площадке ТПУ и «Дома дружбы народов», где в распоряжении автономии также есть свой небольшой кабинет и встречаются члены общества для общения и репетиций танцевального коллектива.

Анализируя особенности проявления этнической принадлежности у греков Томска, как в публичном пространстве, так и в сфере межличностного общения внутри общества, обратимся к вопросу о диаспоральности.

Три определяемых многими исследователями критерия диаспоры – рассеянность (дисперсное положение) в пространстве, ориентация на «родину» и наличие границ, поддерживаемых членами диаспоры в отношении принимающего сообщества на протяжении жизни нескольких поколений [1. С. 7], – в целом применимы и в нашем случае, что позволяет говорить о греках Томска как о «диаспорной группе» [13], или «диаспорной общине» [17]. При этом нельзя не отметить ряд важных отличительных характеристик томского греческого общества. Дисперсность, безусловно, относится и к грекам Томска. Что же касается страны, территории «исхода» или «родины», внутри самого греческого общества нет единого представления о ней. Многие подчеркивают, что родина всех греков – Греция. Кто-то говорит о Константинополе («Поли») как о городе – «средоточии всего эллинизма». Кто-то подчеркивает свое происхождение из Понта, кто-то отмечает таковое, но апеллирует к единству всех греков безотносительно территории происхождения. Кому-то Афины и Крит в самой Греции кажутся ближе из-за ощущения, что *«предки были где-то там, не в Северной Греции»*. Не учитывать это многообразие географических (и не только) измерений «родины» нельзя. Вопрос о ее географических и ментальных границах в представлении греков достоин отдельного детального изучения. Важно отметить, что многие члены общества ни разу не бывали в Греции и/или не поддерживают каких-то прямых и даже опосредованных связей с ней. В этом заключается еще одна особенность греков Томска – это очень ограниченное влияние на них современной культуры Греции. Безусловно, есть и те, кто посещает Грецию более или менее регулярно или поддерживает общение с родственниками, следит за развитием событий в стране, использует возможности общения с греками, приезжающими из Греции в Томск. Однако в целом дистанция между греческим обществом Томска и современной Грецией представляется большой в том смысле, что не позволяет говорить о каком-либо содержательном культурном обмене и постоянном взаимодействии (во многом и из-за незнания новогреческого языка), а также о его ориентации на нее. Отсутствует и сколь-либо значимая финансовая подпитка общества со стороны Греции, хотя значение последнего, как представляется, менее важно для укрепления общности томских греков по сравнению с воз-

можным культурным диалогом. Кроме того, члены томского общества – информанты автора – сегодня не связывают свое будущее с Грецией, хотя и хотели бы поддерживать связь с нею, например (по)бывать там. Примечательна ретроспективность их «греческости», когда последняя возрождается из прошлого и апеллирует к прошлому и памяти о нем, проецируется и манифестируется ими в настоящем, но не связывается, как и их жизнь в целом, непосредственно с Грецией в будущем.

Таким образом, ориентация томских греков на современную Грецию в качестве родины может считаться очень условной. Однако значение ориентации на родину в качестве критерия диаспоры сегодня, так или иначе, деакцентируется многими исследователями [1. С. 5].

Требующим уточнения представляется и такой признак диаспоры, как «сохранение на протяжении жизни нескольких поколений этнокультурной идентичности, служащей границей между диаспорной группой и более многочисленным принимающим сообществом» [13. С. 28]. Для греков Томска характерно именно восстановление, воссоздание, возрождение – термины, в которых многие члены общества сами описывают этот процесс – «своей» культуры. Речь здесь идет не о сохранении, а о реконструкции этнокультурных элементов, которые были утрачены, не передались новым поколениям, по историческим меркам, достаточно быстро. Это касается даже семей греческих политических эмигрантов, сравнительно недавно мигрировавших в СССР, причем непосредственно из Греции. Даже второе, третье поколения потомков таких семей не владеют, к примеру, греческим языком. Частью объяснения этого может быть то обстоятельство, что почти все их потомки – выходцы из смешанных браков, а также практические соображения – языком принимающего сообщества являлся русский. Память о советских репрессиях в отношении греков также не располагала к сохранению и воспроизводству элементов греческого прошлого на новом месте пребывания, в жизни, начатой заново.

Таким образом, репрезентация элементов этнической культуры здесь стала возможна в результате исключительно сознательного целенаправленного их поиска, осмысления и принятия как «своих», поиска и актуализации «своих корней» как на коллективном, так и на индивидуальном уровне. Так, приход к осознанию и проявление интереса к греческой культуре у членов общества, с которыми автор беседовала, произошел уже в сознательном возрасте. У некоторых приход в греческое общество (здесь подразумевается и танцевальный коллектив «Понтийская мозаика», действующий в рамках него) произошел из личного интереса. У кого-то – через сложившийся круг общения, при этом у кого-то впоследствии обнаружились греческие корни в семье, а у кого-то таковых нет, что не мешает их полноценному участию в жизни общества. И здесь стоит отметить роль самого общества (а не семьи), стимули-

ровавшего такой интерес и вовлеченность, в рамках которого ощущение информантами своей греческой этнической принадлежности укрепилось. Однако следует отметить, что и для членов общества, кто имеет греческое происхождение, характерна множественная принадлежность, например «русский грек» – один из неоднократно упоминаемых ими в отношении себя этнонимов. Отмечалось в беседах и влияние территории проживания, которая, по словам одного из информантов, «накладывает свой естественный отпечаток» на человека.

Таким образом, особенностью культурного воспроизводства у греков Томска является реконструирование греческих этнокультурных элементов, причем этот процесс происходил и происходит преимущественно в отрыве от «первоисточника», «исторической родины», и на данном этапе исследования говорить о наличии каких бы то ни было границ между членами греческого общества и томского сообщества не приходится.

Ввиду вышесказанного наиболее значимой, в том, что касается выбора и актуализации этнической принадлежности, самоидентификации, в частности у греков Томска, представляется эмоционально-психологическая составляющая. Здесь более глубокий анализ процессов именно на индивидуальном, микро-уровне, в качестве отправной точки, кажется автору в перспективе наиболее уместным. В этой связи интересной и адекватной для осмысления полевого материала нам видится уже упомянутая концепция принадлежности (belonging) [6]. В рамках нее предлагается анализировать динамику коллективных констелляций (collective constellations) через изучение индивидуальных жизненных траекторий [Там же. С. 4]. Принадлежность понимается здесь как «комбинация индивидуально приобретенного, межличностно обговариваемого и подверженного структурному влиянию знания и жизненного опыта [Там же. С. 5]. Это эмоционально заряженная, очень динамичная социальная локация, т.е. положение в социальной структуре, переживаемое посредством идентификации, встроенности, связанности и привязанностей [18. С. 1]. Это центральное измерение жизни... которое трудно уловить с помощью аналитических категорий... учитывая его ситуативную природу и многомерность» [6. С. 5]. Дж. Пфафф-Чарнека отдает предпочтение именно концепции принадлежности и указывает на категоричный и ограниченный характер концепции идентичности. Она критикует последнюю, соглашаясь с Р. Брубейкером и Ф. Купером в том, что «идентичность опирается на резкое обозначение границ, партикуляризм, предрасположенность к подкреплению социальной разделенности» [Там же. С. 6]. При этом она отмечает, что свойствами социального исключения обладают как политика идентичности, так и политика принадлежности. Однако вторая имеет потенциал для «расширения границ, инкорпорирования и определения новых общих оснований [для включения]» [Там же]. Примечательно в этой связи

обращение к опыту томских греков – вот мнение одного из информантов (греческого происхождения) об участниках томского общества негреческого происхождения: *«Хотел бы отдельно отметить вот именно тех, кто интересуется греческой культурой не будучи греками, т.е. лично для меня они больше греки, чем те греки, которые будучи ими по рождению, но ничего для этого не делают»*. В определенном смысле схожая точка зрения звучала и в беседах с другими представителями общества. Так, на вопрос о том, что значит быть греком/гречанкой, другой информант-участник фокус-группы, ответил: *«говорить по-гречески и знать греческую культуру, в первую очередь, я думаю»*. Высказывалось и мнение о том, что *«быть гречанкой значит быть свободной»*, при этом свобода понималась собеседницей автора как *«свобода определять собственное развитие, эта свобода не какое-то там своеволие, скажем, нет, не в этом плане – это свобода в развитии»*. И таких примеров можно привести достаточно, где «греческость» не связывается напрямую с этническим происхождением и корнями, хотя, безусловно, были и другие мнения, апеллировавшие к «предкам» и «крови». У некоторых информантов зачастую присутствовали и те и другие определения одновременно. Это в целом свидетельствует об эклектичности, многомерности восприятия ими «греческости» и вновь – ее включающем потенциале. Если же говорить об этнической компоненте «греческости» тех членов общества, кто имеет греческое происхождение, то и здесь также заметны некоторые нюансы. С одной стороны – подчеркивание своего происхождения именно из исторической области Понт (понтийский эллинизм) – понтийская составляющая греческого общества Томска явно прослеживается и в названии его танцевального коллектива – «Понтийская мозаика», и в танцах, исполняемых им. С другой – нивелирование значимости территории происхождения, указание на «искусственность» такого различия и апелляция к Греции и общему происхождению греков и их «греческой сущности».

Дж. Пфафф-Чарнека разделяет понятия «принадлежность к» и «принадлежность вместе/с» [6. С. 5]. Последнее наиболее уместно и для нашего анализа и включает в себя такие составляющие, как: 1) общность (commonality), 2) взаимность/обоюдность (reciprocity) как «признание другого» и «более или менее формализованные методы коллективной приверженности/лояльности» – так, ассоциации и организации ожидают участия, вовлеченности со стороны своих членов, принятия ими общих целей и достаточного вложения временных и других ресурсов [18. С. 3]. К третьей составляющей относятся привязанности (attachments) как к материальному, так и нематериальному – пространствам, местам, ландшафтам и т.п., – имеющему отношение как к прошлому, так и создаваемому в настоящем. Общность в понимании Дж. Пфафф-Чарнеки также, в свою очередь, является многомерной. Она означает «восприятие разделения (sharing), особенно разде-

ления общего удела, а также культурных форм (языка, религии и образа жизни), ценностей, опыта и конструкций памяти» [6. С. 5]. Общность индивидуально ощущается и воплощается, при этом коллективно обговаривается и исполняется [Там же]. Общность наиболее ярко, в случае с греками Томска, проявляется и переживается в ходе подготовки, репетиций и публичных выступлений танцевального коллектива «Понтийская мозаика», а также в танце как таковом, как неотъемлемой части любого мероприятия, проводимого обществом, как публичного, так и внутреннего. Танец как способ единения и перформанс единства значим в греческой культуре в целом. Это характерно и для жизни греков Томска в частности. По словам одного из участников танцевального коллектива томских греков, танец – *«часть культуры <...> очень просто к этому прикоснуться <...> к культуре греческой, проще, чем даже через язык, потому что язык – сложнее, а танец, он – универсальный: ты видишь, понимаешь движения, суть и присоединяешься, танцуешь, как-то сразу вливаешься»*.

Таким образом, для них танец есть наиболее доступная и основная форма репрезентации своей «греческости» на данном этапе (а также наиболее устойчивая и востребованная на всем протяжении жизни общества), ее «инсценирование и проигрывание» [19. С. 136].

Для развития рассуждения об эмоционально-психологическом аспекте принадлежности важно было бы обратиться и к анализу «греческости» как перформанса, точнее перформансу этой принадлежности через танец и музыку (два важнейших взаимосвязанных элемента), что достойно, однако, отдельного рассмотрения. Другие формы общности у греков Томска – это совместная организация и проведение различных мероприятий общества, греческих праздников, в ходе которых чувство общности мобилизуется, где каждый призван внести свой вклад в общее дело.

Собранный автором полевой материал и включенное наблюдение позволяют подтвердить применимость и говорить о потенциальной продуктивности применения обозначенного выше теоретического видения к анализу и осмыслению внутренней жизни греческого общества Томска. Действительно, в ходе бесед с ее членами можно выявить их ощущение общности, основанной на интересе и/или привязанности к греческой культуре, разделяемое ими ощущение личной ответственности, долга перед предками, который налагает данная этническая принадлежность, почему, таким образом, и важно ее (вос)производить. Фактически она из состояния «(само – Е.М.) приписываемой» переходит в состояние «приобретаемой/приобретенной».

Отдельно стоит отметить наблюдение, которое касается религии как одной из форм общности, в нашем случае – православия. Хотя прямой вопрос о религиозной принадлежности и вере не ставился перед информантами, в ходе общения с ними тема православного

вероисповедания неоднократно возникала. Кто-то хотел найти и приобрести определенную греческую икону. Кто-то изначально пришел в греческое общество через интерес именно к православию (информант негреческого происхождения). Кто-то высказал мнение, что *«православие позволило сохраниться греческой нации как таковой... любой грек – это православный, это естественная наша сущность... это естественное, уходящее в глубь веков, наше начало...»*. Кто-то был удивлен (даже несколько возмущен) тем, что многие не знают, что греки – православные. Религия представляется одним из значимых факторов ощущения общности в принципе, и православие – в греческой общности и обществе здесь в частности. Эта составляющая греками Томска также манифестируется, например, через наличие флага Константинопольской Православной Церкви (с изображением двуглавого орла на желтом фоне) рядом с государственным флагом Греции в информационных материалах автономии и на ее мероприятиях. Также в ряде мероприятий – богослужение на греческом языке в Богоявленском соборе 19 мая 2009 г., регулярное празднование Рождества Христова (последнее состоялось на площадке Томской областной универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина, куда прийти и заодно познакомиться с греческой автономией могли все желающие). Участие томского общества греков в ежегодном паломничестве в рамках АГООР в монастырь Панагия Сумела в Турции также очень показательно в этой связи. На личном, индивидуальном уровне эта религиозная принадлежность видится значимой и связывается во многом с этнической. Она также является частью эмоционального измерения принадлежности.

Второй аспект принадлежности – взаимность, или обоюдность, – связан с моральными обязательствами членов общества друг перед другом в вопросе осуществления вклада в общее дело (инвестиции своего времени и сил, идей и зачастую материальных средств), а также с разделяемым многими ощущением долга в деле сохранения памяти о корнях и достойного представления греческой культуры в публичной сфере сегодня, о котором говорили информанты.

Что же касается (не)материальных привязанностей как третьей составляющей принадлежности, отметим то «свое» физическое пространство, которое имеется сегодня в распоряжении греков в «Доме дружбы народов» в центре Томска для репетиций танцевального коллектива, но также и для встреч членов общества и его гостей и проведения мероприятий. Данное пространство есть физическая составляющая того нового, «своего», социального пространства, которое значимо для членов общества и непосредственно в его рамках ими и создается.

Подытоживая все вышесказанное, можно говорить о греках Томска как о «диаспоральной общности», подчеркивая тем самым значимость ощущения ее членами общего и общности, приверженности диаспо-

ральному проекту [1. С. 13], степень которой варьировалась на протяжении пятнадцати лет деятельности греческой НКА, усиливаясь в отдельные ее периоды и снижаясь в другие.

Консолидация и манифестация греческой этнической принадлежности в Томске в определенной мере обусловлена и стала возможной благодаря городской среде. Отличительной особенностью этой среды является высокий уровень образованности, вовлеченности людей в научно-образовательную и культурно-просветительскую сферы деятельности. Томск давно известен как научно-образовательный центр, был в советское время и является и сегодня точкой притяжения выходцев из Средней Азии, прежде всего Казахстана и Узбекистана, которые приезжали и приезжают сюда для получения образования. Отметим, что томские греки – выходцы из этих республик – сыграли основополагающую роль в образовании греческого общества города, которое в этом смысле представляется продуктом миграции. Однако на данном этапе существует немного площадок, форматов и возможностей для публичных репрезентаций этничности в томском городском пространстве, а те возможности, что есть, отражают в большей мере сценический характер таких репрезентаций, что во многом связано и с характером деятельности самих НКА, заданным законодательно на федеральном уровне. Отметим, что фактически коллектив «Понтийская мозаика» сегодня составляет «актив автономии» – это порядка 7–10 человек. Это, наряду с иными причинами, обуславливает ограниченное присутствие греческого общества в публичной сфере Томска сегодня.

В случае с томскими греками видятся особенно важными и другие факторы актуализации этничности, учитывая, что речь идет о городском пространстве (располагающем к нивелированию этнического), причем сравнительно небольшом и достаточно удаленном от «первоисточника», современной Греции или даже от объединений других российских греков (Сибири и юга России, например). При этом томские греки в Томске и Томской области совсем не многочисленны. Есть и ряд различий, в том числе в самом их «этническом» происхождении. Есть «старожилы» – если говорить об их присутствии в российском/советском пространстве – понтийские греки и относительно «новые» «мигранты» – потомки политэмигрантов из Греции. И здесь в перспективе важен анализ микропроцессов, личных историй и условий или обусловленности реконструкции и манифестации данной этнической принадлежности на индивидуальном уровне, который позволяет, основываясь на томском материале, предположить значимость эмоционально-психологического, культурно-символического измерений такой принадлежности. «Греческость» томских греков, представляется, может характеризоваться как «символическая этничность» [20. С. 1].

Однако, в отличие от видения Ганса Герберта относительно того, что такая этничность «не нуждается ни в

этнической культуре, ни в этнических организациях и прибегает к использованию (лишь. – Е.М.) этнических символов [20. С. 1], нам представляется, что изначально символический характер этничности может побуждать к поиску и стимулировать предприятие коллективных усилий для ее реального производства, поскольку таким образом она переживается членами общества в действительности и способна, к тому же, давать реальные преимущества. Так, этническая принадлежность имеет и вполне практическое значение для членов общества потому, что посредством нее ими фактически создается новое, «свое» социальное пространство (тот самый «значимый мир»), дающее ощущение новой перспективы, «принадлежности вместе/с» к чему-то большему и значимому. В этом контексте и позиционирование общества в качестве части мировой греческой диаспоры, целенаправленный выход, особенно заметный в период активной деятельности томской автономии греков, за пределы Томска и Сибири, развитие связей с греками в других регионах России и за границей. Публичная же репрезентация (и «инсценирование» как одна из ее форм) важна еще и потому, что таким образом «происходит включение новых членов в общину, укрепление индивидуальной этнической идентичности (принадлежности. – Е.М.), а также символическое конструирование этнической общности» [19. С. 147].

Согласимся и с тем, что «инсценирование этничности можно рассматривать как механизм самосохранения этнической общины» [Там же]. Практическое значение участия в греческом обществе Томска для его членов связано и с наработкой ими дополнительного социального капитала, и с получением доступа к определенным возможностям, которые они не могли бы приобрести иначе и которые потенциально могут способствовать качественному изменению жизни каждого из них в отдельности (широкий круг знакомств, возможность поездок по России, в Грецию и другие страны для участия в мероприятиях других греческих обществ и их объединений – АГООР и Совета греков за рубежом – и т.д. Связь символической этничности и реального социального капитала отмечают и другие исследователи [21].

Все вышеизложенное – лишь первое приближение к пониманию обозначенных автором исследовательских вопросов, которые в процессе изучения также подвергаются уточнению. Тезисы и выводы, представленные здесь, требуют дальнейшего развития, выверки, углубления и конкретизации, проверки в ходе серьезной дополнительной полевой работы, учета всех возможных ограничений данного исследования и т.д. Они ни в коем случае не претендуют на несомненность и окончательность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brubaker R. The 'diaspora' diaspora // *Ethnic and Racial Studies*. 2005. № 28. P. 1–19.
2. Тишков В.А. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // *Диаспора*. 2003. № 2. С. 160–184.
3. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* / B. Anderson – Second edition. Verso / New Left Books, 1991. 124 p.
4. Дятлов В.И. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // *Диаспора*. 2004. № 3. С. 126–139.
5. Anthias F. Identity and belonging: conceptualizations and political framings // *KLA Working Paper Series*. 2013. № 8. P. 1–22.
6. Pfaff-Czarnecka J. Multiple belonging and the challenges to biographic navigation // *ISA eSymposium for Sociology*. 2013. № 1. P. 1–17.
7. Брубейкер Р. Этничность без групп [Текст] / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
8. *Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества* / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Отгис, 2013. 624 с.
9. *World Population of Greeks from SAE*. URL: <http://www.kythera-family.net/download/WorldpopoGrks.pdf> (access data: 24.07.2015).
10. Ανακοίνωση των αποτελεσμάτων της Απογραφής Πληθυσμού-Κατοικιών 2011 για το Μόνιμο Πληθυσμό της Χώρας. Ελληνική Στατιστική Αρχή. Πειραιάς, 28 Δεκεμβρίου 2012 (Объявление результатов переписи населения-хозяйств 2011 года в отношении постоянно проживающего населения страны. Греческая статистическая служба. Пирей. 28 декабря 2012). URL: http://www.statistics.gr/portal/page/portal/ESYE/BUCKET/General/A1602_SAM01_DT_DC_00_2011_02_F_GR.pdf (access data: 24.07.2015).
11. *Всероссийская перепись населения 2010 года*. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (дата обращения: 24.07.2015).
12. Джуха И.Г. Греки в Сибири // *Эллинизм: культура, традиции и язык в российской государственности и в социуме Сибири* : сб. матер. I Междунар. науч.-практ. конф. (г. Томск, 30–31 октября 2009 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 177–187.
13. Смирнова Т.Б. Немецкое население Западной Сибири в конце XIX – начале XXI века: формирование и развитие диаспорной группы : дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2009. 460 с.
14. Comaroff John L. *Ethnicity, Inc. Chicago Studies in Practices of Meaning* / Comaroff John L., Comaroff Jean. University of Chicago Press, 2009. 236 p.
15. Колозариди В.В. Эллинизм постсоветской России. Общественное движение: истоки и современность // *Эллинизм: культура, традиции и язык в российской государственности и в социуме Сибири* : сб. матер. I Междунар. науч.-практ. конф. (г. Томск, 30–31 октября 2009 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 229–243.
16. Вендина О.И. Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве // *Вестник Института Кеннана в России*. М., 2008. № 13. С. 30–52.
17. Попков В.Д. Диаспорная община – модель взаимодействия с принимающим обществом // *Диаспора*. 2003. № 3. С. 126–153.
18. Pfaff-Czarnecka J. From 'identity' to 'belonging' in social research: ethnicity, plurality, and social boundary-making. URL: https://www.unibielefeld.de/de/tdrc/ag_sozanth/downloads/From_identity_to_belonging.pdf (access data: 24.07.2015).
19. Пешкова В.М. Инсценирование «украинскости»: некоторые культурные практики репрезентации этнических различий в современной Москве // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2005. Т. VIII, № 1. С. 136–148.
20. Gans J. Herbert. Symbolic ethnicity: the future of ethnic groups and cultures in America // *Ethnic and Racial Studies*. 1979. Vol. 2, № 1. P. 1–20.
21. Копцева Н.П. Влияние современных культурных практик на этническую идентичность коренных малочисленных народов Центральной Сибири // *Социодинамика*. 2014. № 6. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_12201.html

Karageorgii Elena M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: karageorgiy-elena@ya.ru

“ATHENS OF SIBERIA” OR “GREEKNESS” IN THE CITY SPACE OF TOMSK (ON THE CASE OF TOMSK NATIONAL–CULTURAL GREEK AUTONOMY).

Keywords: Diaspora; diasporicity; (symbolic) ethnicity; (ethnic) belonging; Greekness; commonality; Greek community.

The question that is of interest in Diaspora as well as transnational studies today is what underlies the mobilization and manifestation of ethnicity, with its entering the public sphere (V.I. Dyatlov) as a result and constituting a potentially important social factor, producing certain phenomena and processes and thus giving food for thought over the very nature of these, despite the discussions around terms and categories of analysis to be applied in this regard by the academia. In studying ethnicity and diasporicity, it appears to be of certain value to consider processes, factors and the dynamics of both the collective and individual order. To theoretically approach these issues, it is important to collect, accumulate, comparatively study and discuss new empirical data and field material. To address some of the issues raised, this article offers a look at the case of the Greek community of Tomsk. Particularly, it deals with the conditions and factors of formation of the community and its specificities, with the forms of manifestation of the Greek ethnic belonging, primarily as it happens in the given urban space. Based on the case of the Tomsk Greeks, the author analyzes the categories of ethnicity and diasporicity, the understanding of «Greekness» as such by the community members, as well as possible reasons for the actualization of their ethnicity as a form of belonging and the value of it for them. Methodologically, the field research included participant observation, a number of semi-structured interviews and informal conversations, as well as a focus group carried out among the most active community members currently, i.e. members of community's dance ensemble «The Pontic Mosaic». The concept of belonging (F. Anthias, J. Pfaff-Czarnecka) is used as the main theoretical framework for the analysis. The author proposes to consider the Greek community of Tomsk as a «diasporic community», placing emphasis on their feeling of commonality and «belonging together/with» to a greater «diasporic project» (R. Brubaker), with the intensity of that feeling rising and falling over the course of community's life. Among the factors underlying the activation and representation of Tomsk Greeks' ethnicity are the role of community's leaders and activists (V.A. Tishkov), the city environment, with Tomsk being seen as a center of culture and education that attracts students from Central Asia (with the founders of the Greek community of Tomsk also coming from this region), and the emotional and psychological, cultural and symbolic dimensions, as well as practical considerations of Greeks regarding their belonging to the community and to the new social space created by them within it, plus, the joint belonging to a greater and significant whole (hence the positioning of the community as part of the world Greek Diaspora). It is concluded that «Greekness» of the Tomsk Greeks can, with certain reservations, be conceptualized as «symbolic ethnicity» (H.J. Gans).

REFERENCES

1. Brubaker, R. (2005) The 'diaspora' diaspora. *Ethnic and Racial Studies*. 28. pp. 1-19. DOI: 10.1080/0141987042000289997
2. Tishkov, V.A. (2003) Uvlechenie diasporoy (o politicheskikh smyslakh diasporal'nogo diskursa) [The passion for diaspora (about the political meaning of the diaspora discourse)]. *Diaspora*. 2. pp. 160-184.
3. Anderson, B. (1991) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. 2nd ed. Verso / New Left Books.
4. Dyatlov, V.I. (2004) Diaspora: ekspansiya termina v obshchestvennyu praktiku sovremennoy Rossii [Diaspora: the expansion of the term in the social practice of modern Russia]. *Diaspora*. 3. pp. 126-139.
5. Anthias, F. (2013) Identity and belonging: conceptualizations and political framings. *KLA Working Paper Series*. 8. pp. 1-22.
6. Pfaff-Czarnecka, J. (2013) Multiple belonging and the challenges to biographic navigation. *ISA eSymposium for Sociology*. 1. pp. 1-17.
7. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Translated from English by I. Borisova. Moscow: HSE.
8. Dyatlov, V.I. & Grigorichev, K.V. (eds) (2013) *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Resettlement Society of Asian Russia: migration space community]. Irkutsk: Otkritsk.
9. SAE. (n.d.) *World Population of Greeks from SAE*. [Online] Available from: <http://www.kythera-family.net/download/WorldpopoGrks.pdf>. (Accessed: 24th July 2015).
10. Greek Statistics Service. (2011) *Ανακοίνωση των αποτελεσμάτων της Απογραφής Πληθυσμού-Κατοικιών 2011 για το Μόνιμο Πληθυσμό της Χώρας. Ελληνική Στατιστική Αρχή. Πειραιάς, 28 Δεκεμβρίου 2012* [Announcement of the results of the population census-farms, 2011 in relation to the resident population of the country. Hellenic Statistical Authority. Piraeus. 28 December 2012]. [Online] Available from: http://www.statistics.gr/portal/page/portal/ESYE/BUCKET/General/A1602_SAM01_DT_DC_00_2011_02_F_GR.pdf. (Accessed: 24th July 2015).
11. Federal State Statistics Service. (2010) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda* [National Population Census 2010]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf. (Accessed: 24th July 2015).
12. Dzhukha, I.G. (2010) Greek people in Siberia. In: Minchenko, T.P. (ed.) *Hellenism: Culture, Traditions and Language in the state system of Russia and social stratum of Siberia*. Tomsk: Tomsk State University. pp. 177-187. (In Russian).
13. Smimova, T.B. (2009) *Nemetskoe naselenie Zapadnoy Sibiri v kontse XIX –nachale XXI veka: formirovanie i razvitiye diaspornoy gruppy* [The German population of Western Siberia in the late 19th and early 21st century: the formation and development of diaspora groups]. History Doc. Diss. Omsk.
14. Comaroff, J.L. & Comaroff, J. (2009) *Ethnicity, Inc*. Chicago: University of Chicago Press.
15. Kolozaridi, V.V. (2010) Ellinizm postsovetsoy Rossii. Obshchestvennoe dvizhenie: istoki i sovremennost' [Hellenism in the post-Soviet Russia. Social movement: the origins and the present]. In: Minchenko, T.P. (ed.) *Hellenism: Culture, Traditions and Language in the state system of Russia and social stratum of Siberia*. Tomsk: Tomsk State University. pp. 229-243. (In Russian).
16. Vendina, O.I. (2008) Kul'turnoe raznoobrazie i "pobochnye" efekty etnokul'turnoy politiki v Moskve [Cultural diversity and the "side" effects of ethno-cultural policy in Moscow]. *Vestnik Instituta Kennana v Rossii*. 13. pp. 30-52.
17. Popkov, V.D. (2003) Diasporaya obshchina – model' vzaimodeystviya s prinimayushchim obshchestvom [The diaspora community – a model of interaction with the host society]. *Diaspora*. 3. pp. 126-153.
18. Pfaff-Czarnecka, J. (n.d.) *From "identity" to "belonging" in social research: ethnicity, plurality, and social boundary-making*. [Online] Available from: [https://www.uni-bielefeld.de/\(de\)/tdrc/ag_sozanth/downloads/From_identity_to_belonging.pdf](https://www.uni-bielefeld.de/(de)/tdrc/ag_sozanth/downloads/From_identity_to_belonging.pdf). (Accessed: 24th July 2015).
19. Peshkova, V.M. (2005) Instsenirovanie "ukrainskosti": nekotorye kul'turnye praktiki reprezentatsii etnicheskikh razlichiy v sovremennoy Moskve [Staging "Ukrainian": some cultural practices of representation of ethnic differences in modern Moscow]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. VIII (1). pp. 136-148.
20. Gans, H.J. (1979) Symbolic ethnicity: the future of ethnic groups and cultures in America. *Ethnic and Racial Studies*. 2 (1). pp. 1-20. DOI: 10.1080/01419870.1979.9993248
21. Koptseva, N.P. (2014) The Influence of Modern Cultural Practices on Ethnic Identity of Indigenous Small Ethnic Communities of the Central Siberia. *Sotsiodinamika - Sociodynamics*. 6. DOI: 10.7256/2306-0158.2014.6.12201

МИГРАНТЫ И ЭТНИЧНОСТЬ ВО ВЛАСТНОМ И МЕДИЙНОМ ДИСКУРСАХ

УДК 316.334.56 (510)
DOI 10.17223/19988613/37/11

Я.С. Гузей

ОТ НЕПРИМЕТНЫХ ИНОСТРАНЦЕВ ДО ВРАЖЕСКИХ ПОДДАННЫХ: ЯПОНСКИЕ МИГРАНТЫ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.¹

Проводится анализ представлений российского общества о японцах, проживавших в конце XIX – начале XX в. в пределах Российской империи. На основании архивных источников и дореволюционной прессы в работе показывается трансформация общественно-политического дискурса о японских мигрантах в России. На фактическом материале демонстрируется, как военные действия России с Японией 1904–1905 гг. меняют отношение к японцам в империи, придавая особую значимость этническому фактору, прежде не игравшему сколько-нибудь заметной роли в отношениях российского общества к выходцам из Японии.

Ключевые слова: японские мигранты; общественно-политический дискурс; этничность; Российская империя; Русско-японская война.

Исследование вопросов «этничности», ее роли и функций в городском, политическом и общественно-публицистическом пространстве постсоветских обществ – задача важная и вместе с тем чрезвычайно трудная [1, 2]. Крайне интересны случаи неожиданной актуализации этничности, когда принадлежность к какой-либо этнической группе, ранее не игравшая особой роли, начинает восприниматься в качестве важной, ключевой, способной выступать определяющим фактором в отношениях между различными народами. Каковы причины и механизмы этого явления? Какие факторы влияют на актуализацию этничности? И как новыми смыслами и коннотациями наполняются давно знакомые, вполне привычные явления и символы, ранее не воспринимавшиеся сквозь призму этнического?

Особенно интересным представляется в этой связи изучение отношения российского общества к японцам, проживавшим на территории империи на рубеже XIX–XX в., – в период, ознаменовавшийся обострением дипломатических отношений с Японией и Русско-японской войной. Вплоть до начала военных действий японские мигранты были величиной, едва заметной в общественно-политическом пространстве огромной многонациональной империи. Именно «неприметность» японцев до 1904 г. оттенила яркими красками всплеск пристального и недоброжелательного отношения к ним с началом русско-японского конфликта. Разобраться в причинах этого и является задачей настоящей статьи. Речь не идет о реконструкции истории японской диаспоры в России или рассмотрении образа «японца» в общественном мнении страны (этим темам посвящено немало добротных исследований [3–8]), куда интереснее представляется вопрос о том, когда этничность становится знаковой характеристикой

японцев в символическом поле Российской империи? Важно понять, как воспринимали японских мигрантов в России до войны и что изменилось с ее началом. Поэтому представляется интересным рассмотреть символические аспекты восприятия японских мигрантов в России и проанализировать процесс актуализации этнического фактора под влиянием Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Первые японцы появились в России еще в конце XVII столетия. Разбившееся в 1695 г. у берегов Камчатки японское судно забросило на российский берег купца из Осаки – Дэмбэя. «Диковинный» иностранец, побывавший в плену у камчатских аборигенов, был доставлен в Петербург. В 1702 г. он был представлен самому Петру I, который определил чужестранца на работу в Артиллерийский приказ в качестве переводчика и преподавателя японского языка. Дэмбэй стал первым японцем, чье пребывание в России было официально зафиксировано. И хотя впоследствии в силу различного рода случайностей на российской земле довелось побывать и другим выходцам из страны «Восходящего солнца», вплоть до середины XIX в. такие случаи были практически единичными [9].

Относительно массово японцы появились в России лишь во второй половине XIX в., когда с присоединением Приамурья и Приморья началось активное освоение российской дальневосточной окраины. Миграции японцев в Россию способствовали не только ее близость и сравнительная дешевизна проезда, но и заманчивые перспективы, которые активно развивающийся регион сулил тем, кто был заинтересован в открытии собственного дела. И хотя большая часть японцев ехала в Россию в поисках работы, способной обеспечить их средствами к существованию, среди японских ми-

грантов было немало и тех, кто, обладая специальными навыками и капиталом, надеялся организовать здесь свой собственный бизнес [10. С. 21].

Особенно притягательным для японцев был г. Владивосток. Стремительно развивающийся имперский центр на восточной окраине России, он имел прямое пароходное сообщение с Кобэ, Цуругой и Нагасаки. В 1875 г. здесь было открыто торговое представительство Японии с учреждением в 1876 г. должности коммерческого агента, который фактически взял на себя функции официального представителя японцев в России, осуществляя диалог между мигрантами и местной администрацией.

В результате с 1870-х гг. на российском Дальнем Востоке начинает постепенно формироваться японская община, концентрировавшаяся большей частью в городах с преобладающим значением Владивостока. Однако вплоть до 1990-х гг. проживавших в империи постоянно японцев было исключительно мало. Так, по данным исследователей, в 1884 г. в России проживали только 412 японцев, и все они пребывали во Владивостоке [Там же. С. 32]. Общее число японцев в России существенно возросло только с началом строительства Транссибирской железной магистрали. Сооружение Великого Сибирского пути, начатое в 1891 г., потребовало огромной массы рабочих рук, необходимость в которых невозможно было всецело удовлетворить как за счет ресурсов дальневосточной окраины, так и за счет волны переселенцев. В этих условиях строители магистрали стали активно использовать практику найма рабочих, преимущественно из соседних азиатских государств, в том числе из Японии. В результате японская колония уже к 1902 г. увеличилась до 4 716 человек, из которых 2 996 проживали во Владивостоке, 544 – в Никольске-Уссурийском, 201 – в Хабаровске, 254 – в Николаевске-на-Амуре, 95 – в Чите и только 29 – в европейской части России [6. С. 45].

Японские мигранты нанимались в качестве прачек, нянек, домашней прислуги, работали врачами, парикмахерами, ювелирных и часовых дел мастерами, открывали фотосалоны, бани, публичные дома. О том, насколько разнообразной была сфера труда японцев в городах Дальнего Востока, говорит тот факт, что открывшееся в 1902 г. во Владивостоке японское общество распределило своих соотечественников по 14 различным отделам, выделявшимся на основании той или иной профессиональной деятельности [4. С. 8].

Японцы довольно быстро стали неотъемлемой частью жизни российской окраины. С ними встречались на улицах, их видели в различных магазинах, мастерских, фотосалонах, прачечных и публичных домах. Необычные, особенные персонажи с красочных этикеток, какими зачастую представлялись японцы жителям европейской части России, на Дальнем Востоке обретали вполне реальное воплощение в людях, с которыми приходилось сталкиваться в каждодневной жизни. К японцам шли, чтоб отремонтировать часы, сделать фо-

то на память, сшить новый костюм, и это было совершенно обычным явлением в жизни российской окраины. В этнически разнородной, многонациональной среде, какую представлял собой имперский Дальний Восток, японцев привыкли просто не замечать. Для дальневосточных жителей они были частью повседневности.

Присутствие японцев в России вносило свои коррективы не только в жизнь дальневосточных обывателей, но и в городской «ландшафт». На улицах дальневосточных городов появлялись вывески и объявления на японском языке, магазины и лавочки с японскими товарами, японские торговые фирмы, публичные дома и представительства. Японские кварталы, прочно ассоциировавшиеся с выходцами из Японии, к началу XX в. сложились в самом центре Владивостока, Хабаровска и Никольск-Уссурийска.

Особенно явственно присутствие японцев ощущалось во Владивостоке. И хотя камчатский епископ Евсей был убежден, что Владивосток – прежде всего «китайский город, где китайская жизнь проявляется себя на каждом шагу» [11. С. 37], «японского» в городе было также немало. Японский квартал сосредоточивал жизнь японской общины в самом удобном с точки зрения коммерции пространстве города. На центральных улицах города – Алеутской, Пологой, Фонтанной, Косом переулке – действовало большинство японских магазинов, прачечных, ателье и фотосалонов. Тут же находился и офис коммерческого агента Японии в России. Экономическая активность японских предпринимателей способствовала формированию все новых японских «анклавов» в пространстве города. К концу 1890-х гг. во Владивостоке действовали уже 11 крупных японских торговых домов [6. С. 44]. В ведении японцев в конце 1890-х гг. находились 6 из 7 публичных домов города [Там же. С. 43]. К концу XIX в. здесь появились даже японский храм и школа, учрежденные за счет личных средств мигрантов. При этом японский колорит города мог показаться необычным только приезжим. Для местных все это оставалось лишь частью привычного городского пейзажа, не вызывающего каких-либо особых реакций.

Деятельность японцев в России отражалась в печати, особенно местной, но особым ее вниманием не пользовалась. Типичной была ситуация, когда одна из хабаровских газет в обширной статье об иностранцах в Приамурском крае, особенно о китайцах и корейцах, японцев только упомянула [12]. Проблему китайских и корейских мигрантов обсуждали много и эмоционально, видя в них угрозу российскому пребыванию на Дальнем Востоке [13]. И хотя японцы, наряду с китайцами и корейцами, в российском общественно-политическом дискурсе зачастую сливались в единую, нерасчлененную массу «желтых», растворявшую в себе отдельные национальности [14], «желтый вопрос» в России все же был в большей степени связан с мигрантами из Китая и Кореи. Это видно хотя бы и потому,

что аргументы, служившие обоснованием представлений о «желтой опасности», понимаемой в качестве угрозы колонизации российской окраины азиатами (общие масштабы миграции, численность переселенцев из стран Азии, колонизация земель, переход в российское подданство и т.д.), практически никогда не связывались с японскими мигрантами.

Немногочисленные японцы не составляли конкуренции на рынке труда для русских рабочих. И если о них писали, то зачастую только в положительном ключе. Сам генерал-губернатор С.М. Духовский отмечал в 1891 г., что «привлечение в край японских рабочих и ремесленников представляется весьма желательным как ввиду их почтенных личных качеств – ловкости, аккуратности, дисциплинированности и честности, так и потому, что они могли бы составить сильную конкуренцию китайцам и понизить цены на рабочие руки» (цит. по: [6. С. 39]). Таким образом, малочисленные, положительные и полезные японцы особого интереса общества и властей не привлекали. И хотя информацию о них систематически собирали дальневосточная администрация, отдельные исследователи и русская православная церковь, в общественном мнении страны японцы вплоть до Русско-японской войны оставались явлением малозначительным.

Эта ситуация стала меняться в начале 1904 г. К этому времени очевидными для всех стали серьезные разногласия, существующие между Японией и Россией, фактически поставившие два государства на грань военных действий. В январе 1904 г., когда русско-японские переговоры зашли в тупик и в прессе стали появляться первые заметки о возможности возникновения военного конфликта, на японцев, проживавших в России, впервые посмотрели другими глазами.

Осложнение отношений между державами моментально сказалось на расположении российского общества к выходцам из «страны Восходящего Солнца». В одном из сатирических журналов в это время появилась даже шутка, что не пристало называть китайца «желтоглазым, коли на то теперь ипонец (так в тексте. – Я.Г.) есть!» [15. С. 2]. Все чаще становились случаи избиения японцев в городах и селениях Дальнего Востока. Так, во Владивостоке толпа матросов со стоящих на рейде «в ожидании войны» военных судов разгромила японский публичный дом, избив там всех японцев [16]. Японская колония Хабаровска уже 11 января была вынуждена обратиться с просьбой о покровительстве и защите к командующему войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенанту Н.П. Линевичу, поскольку «ввиду крайне тревожного времени их положение в Хабаровске сделалось крайне тяжелым» [17. Л. 15].

С началом военных действий положение японцев в России только усугубилось. В условиях военного времени противник автоматически стал отождествляться со всеми представителями японской нации, даже с теми, кто не имел прямого отношения к войне. Война

сделала присутствие японцев в городах Дальнего Востока особенно заметным. В это время японцы настолько стали выделяться по внешнему «облику» и «костюму», что уберечь их от «прискорбных недоразумений» на улицах, по замечанию читинской газеты «Забайкалье», оказалось практически невозможно [18].

С началом войны заметными оказались не только сами японские мигранты, но и этнические «маркеры», привнесенные ими в пространство дальневосточных городов. В канцелярии Приамурского генерал-губернатора сохранилась записка, в которой житель Хабаровска обращался к генерал-губернатору с настоятельной просьбой «во избежание кровопролития» не только удалить из города всех японцев, но и уничтожить вывеску с фасада предприятия самого влиятельного из них – Такеучи, владельца одной из двух фотостудий в городе: «Ваше превосходительство, ради бога, прикажите убрать, удалить японца Такеучи и других из Хабаровска, хоть в Сретенск или куда. Верно говорю Вам, его убьют, как и многих других, хоть их охраняйте, как знаете. Прикажите и вывеску его уничтожить (подчеркнуто в источнике. – Я.Г.), чтобы тут и духа их не пахло. Нам собственно его не жаль, не все ли равно с десятков этих разбойников-обезьян меньше будет, но очень нежелательно то, что иностранные газеты сейчас заговорят о жестокости русских, что они убивают мирных японцев в своих городах. А убьют Такеучи и прочих бесприменно, рано или поздно убьют. Это решено и даже уже сговорились некоторые люди, а кто их будет защищать, и тех убьют» [19. Л. 24]. Очевидно, что вывеска воспринималась просителем в качестве особого знака-маркера, символизирующего присутствие японцев в Хабаровске.

Уже в марте 1904 г., буквально через месяц после начала военных действий, читатели газеты «Владивосток» обратились к редактору с призывом переименовать улицу «Японская» [20]. Примечательно, что свое название она получила не в честь Японии или японцев, а по имени одного из трех транспортных судов, доставивших первых поселенцев. Так и появились во Владивостоке первые улицы – Алеутская, Манджурская и Японская. Между тем в 1884 г. судна-ветераны были проданы «на дрова» [21. С. 207]. Видимо, это обстоятельство было порядком позабыто, и в 1904 г. название улицы «Японская» явно ассоциировалось у жителей города не с кораблем-основателем порта, а с государством-противником. Иметь же в центре главного военно-стратегического города на восточной окраине России улицу «Японская» в условиях войны с Японией показалось многим неудобным и даже непатриотичным.

Столкнувшись с враждебностью местных жителей, японцы с началом военных действий начали активно распродавать имущество и возвращаться на родину. В начале февраля 1904 г. японский коммерческий агент во Владивостоке объявил о сборе тех, кто бы желал вернуться на родину. Отсюда при содействии японско-

го правительства 6 и 13 февраля в Цуругу и Модзи были отправлены корабли «Эфридж» и «Батавия», на бортах которых оказалась большая часть японцев российского Дальнего Востока [6. С. 47]. Оставшимся официально было запрещено пребывать в областях Дальневосточного наместничества, включавшего в себя территории Приамурского генерал-губернаторства и Квантунского полуострова. С этих территорий японцы вскоре были высланы, однако поскольку отправка напрямую в Японию была невозможна из-за приостановки плавания мирных судов в Японском море, их направляли в европейскую часть страны, откуда затем переправляли в Японию.

Несмотря на отъезд основной массы японцев из Российской империи и выселения их из областей Дальневосточного наместничества, японцев не перестали «замечать» на улицах российских городов. Неприметность японской диаспоры в России, ставшая особенно очевидной с началом войны, заставила российскую общественность пересмотреть свои взгляды на предмет «действительных» целей пребывания японцев в империи. И эти цели тут же «обнаружили» в шпионаже в пользу Японии.

Так, с началом войны журнал «Чтение для солдат» безапелляционно заявил, что «почти все поголовно» японцы были шпионами, «следившими за передвижением русских войск и старавшимися возбудить население Маньчжурии против русских» [22. С. 19]. Такая точка зрения, получавшая все большее распространение, особым образом повлияла на бдительность населения, вылившуюся в 1904–1905 гг. в масштабную кампанию по поиску и поимке японских шпионов.

И хотя японский шпионаж действительно имел место в России [23, 24], масштабы шпиономании 1904–1905 гг. явно превосходили все возможные ожидания. В июне 1904 г. газета «Санкт-Петербургские ведомости» не без сарказма замечала, что «японские шпионы положительно в моде»: «Присутствие их заподозрили на одном иностранном судне в Одессе. Потом в Кронштадте. Приказчики какой-то чайной фирмы в Петербурге были провозглашены шпионами малой прессой. Кто-то видел японских офицеров генерального штаба, производящих съемки в окрестностях Тетюш, то ли около Пошехонья» [25]. Масштабы шпиономании были настолько значительны, что эта тема стала одним из самых излюбленных сюжетов российских сатирических журналов в 1904–1905 гг. В нескольких строчках писатели-сатирики зачастую передавали то, насколько абсурдными могли быть «разоблачения» японских шпионов в России: «Среди проезжих, остановившихся в Мукдене: – Представьте себе, стал я ухаживать здесь за одной маньчжуркой; но вдруг ее арестовали! / – За что? / – Оказалось, что это был переодетый японец!; На ручной китайской тележке, везомой китайцем, едут две дамы: – Тпру! Стой! – Произносит одна, хватая китайца за косу. / – Зачем же ты его за косу-то трогаешь? – Для безопасности... Что-то бойко везет; не переодетый

ли это японец? Как раз какую-нибудь каверзу устроит; У окна в маньчжурском городе: – Ох, какая громадная собака идет по улице... – Смотри, не переодетый ли это японец?» [26. С. 5].

Шпиономания стала одним из важнейших следствий актуализации этнического фактора в 1904 г., когда присутствие японцев сделалось особенно заметным в России. Не случайно, что в это время японец-шпион, проживающий в России, становится и героем художественных произведений, ведь тот факт, что в империи действительно живут японцы, отчетливо осознали лишь в годы войны с Японией.

Случай с японцами в России показывает, насколько значимой категорией под влиянием непростых политических событий может стать этническая составляющая, прежде не игравшая серьезной роли. Японцы, проживавшие в России, вплоть до начала военных действий фактически не были здесь сколько-нибудь значимыми «другими». И свою роль здесь играла не только их малочисленность, но и отсутствие серьезных проблем, порождаемых их присутствием в империи. Для жителей России они, безусловно, были «другими», но такими «другими», которые не воспринимались ни тотально «иными» (об этом, в частности, свидетельствует наличие межнациональных браков), ни угрожающими интересам империи. Незаметность японцев в России фактически оставляла их на позиции иноэтнической группы, отношение к которой было фактически индифферентным.

Национальность японских мигрантов со всей очевидностью обозначила лишь Русско-японская война, оказавшаяся для Российской империи конфликтом совершенно нового формата. По своему масштабу и степени косвенной вовлеченности в военные действия других держав война России с Японией стала конфликтом мировым, глобальным, непосредственно затрагивавшим интересы не только воюющих сторон, но и других государств. В отличие от крупнейших вооруженных противостояний XIX в. Русско-японская война была уже не просто конфликтом двух враждующих государств, решавших свои разногласия посредством армии, она представляла собой тотальную военную кампанию, целью которой было полное уничтожение и дискредитация противника. Военные действия на полях сражений активно «переносились» и внутрь самих государств, мобилизуя на борьбу с противником не только фронт, но и тыл [27, 28].

Тотальная война, какой оказалась Русско-японская, жестко противопоставила два народа друг другу, сделала этническую составляющую окрашенной в политические тона и потому неприемлемой. Именно этничность оказалась в 1904–1905 гг. наиболее значимой характеристикой японцев в символическом поле Российской империи. И свою роль в этом процессе играл не только институт военной пропаганды, но и собственные настроения российского населения, более отчетливо осознавшего в этот период времени свою этническую принадлеж-

ность. В результате негативные чувства по отношению к противнику, в большей степени имевшие отношение к «внешним» японцам, с легкостью были перенесены на японцев, проживавших внутри собственной страны, в один момент превратив незаметных японских мигрантов в нацию, враждебную интересам России.

Война, выдвинувшая на первый план этничность в качестве наиболее важной, «маркерной» идентичности, поставила, таким образом, совершенно новую проблему, никогда ранее фактически не стоявшую перед государством, ведущим военные действия, —

вопрос о том, что делать и как поступать с представителями враждебной государству нации, пребывающими внутри страны. И хотя официально категория «вражеские подданные» оформилась в Российской империи только в годы Первой мировой войны [29], теоретические основы для ее выделения были заложены еще в годы Русско-японской войны, во время инициированной российским правительством масштабной кампании по удалению японцев из областей Дальневосточного наместничества и борьбе с японским шпионажем.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Переработанный и расширенный вариант статьи будет опубликован в: Гузей Я.С. Этничность и война: японские мигранты в общественно-политическом дискурсе Российской империи накануне и во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Полития. 2015. № 3.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*. Иркутск. 2014. Т. 10. 253 с.
2. *Переселенческое общество в Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков* / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск, 2013. 624 с.
3. *Галлямова Л.И.* Японские предприниматели во Владивостоке (1900–1913) // *Россия и АТР*. 1992. № 2. С. 32–36.
4. *Зайцев Д.М.* Японская диаспора во Владивостоке и Русско-японская война 1904–1905 гг. Владивосток, 2006. 35 с.
5. *Белоус Б.С.* Хозяйственная деятельность японских иммигрантов на юге Дальнего Востока России и политика администрации Приамурского края второй половины XIX – начала XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007. 276 с.
6. *Тамура Айка.* Японская иммиграция на российский Дальний Восток во второй половине XIX – первой трети XX в.: по источникам и литературе на японском языке : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007. 280 с.
7. *Воробьева Э.А.* Русско-японская война и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. 263 с.
8. *Сенявская Е.С.* Япония как противник России в войнах XX века // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*. М., 2002. Вып. 2. С. 357–386.
9. *Подалко П.* Первые встречи // *Родина*. 2005. № 10. С. 4–6.
10. *Позняк Т.З.* Иностранные подданные в городах Дальнего Востока России (вторая пол. XIX – нач. XX вв.). Владивосток, 2004. 315 с.
11. *Описание поездки Преосвященнейшего Евсея, епископа Камчатского для обозрения церквей епархии, совершенной 8 июля – 22 августа 1898* // *Благовещенские епархиальные ведомости*. Благовещенск, 1899.
12. *Иностранцы в Приамурском крае* // *Приамурские областные ведомости* (Хабаровск). 1896. 29 сен.
13. *Дятлов В.И.* Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // *Вестник Евразии*. 2000. № 1 (8). С. 63–89.
14. *Дятлов В.И.* Синдром «желтой опасности» в дореволюционной России: экзотизация как механизм дегуманизации и исключения // *Переселенческое общество в Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI вв.* Иркутск, 2013. С. 526–555.
15. *На улице* // *Шут (С-Петербург)*. 1904. № 13.
16. *Местная хроника* // *Дальний Восток (Владивосток)*. 1904. 21 янв.
17. *Копия телеграммы командующего войсками Приамурского военного округа в Порт-Артур наместнику Алексею от 11 января 1904 г.* // *Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ)*. Ф. 702. Оп. 1. Д. 431.
18. *Чита*. 3 февраля // *Забайкалье (Чита)*. 1904. 4 фев.
19. *[Записка без подписи]*. 1904 // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 431.
20. *Обращение к редактору* // *Владивосток*. 1904. 7 марта.
21. *Хисамутдинов А.* Terra Incognita, или Хроника русских путешествий по Приморью и Дальнему Востоку. Владивосток, 1989. 351 с.
22. *Война России с Японией. Приложение* // *Чтение для солдат*. СПб., 1904. Кн. II. Вып. IV.
23. *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг. Шпиономания и реальные проблемы. М., 2000. 356 с.
24. *Синиченко В.В.* Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. Иркутск, 2003. 191 с.
25. *Шпионы* // *Санкт-Петербургские ведомости*. 1904. 27 июня.
26. *Урсул*. Переодетые японцы // *Осколки (С.-Петербург)*. 1904. № 17.
27. *The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero* / ed. by J.W. Steinberg, B.W. Menning, D. Schimmelpenninck van der Oye, D. Wolff, S. Yokoto. Boston, 2005. Vol. 1. 671 p.
28. *The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero* / ed. by D. Wolff, S.G. Marks, B.W. Menning, D. Schimmelpenninck van der Oye, J.W. Steinberg, S. Yokoto. Boston, 2007. Vol. 2. 583 p.
29. *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012. 304 с.

Guzei Iana S. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: guzeiana@mail.ru

FROM INDISCERNIBLE FOREIGNERS TO ENEMY ALIENS: JAPANESE MIGRANTS IN THE SOCIAL AND POLITICAL DISCOURSE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE END OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES.

Keywords: Japanese migrants; social and political discourse; ethnicity; Russian Empire; Russo-Japanese War.

This article is devoted to the analysis of an image projected on the Russian society by the Japanese, who lived within the borders of the Russian Empire in the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. Based on the archival sources and pre-revolutionary press, the work shows the transformation of Russian socio-political discourse about the Japanese migrants. The first Japanese migrants appeared in Russia in the end of the 17th century; however, a relatively mass migration began in the end of the 19th – beginning of the 20th centuries with the

start of an active development and settlement of the Russian Far East. Proximity to Japan, cheapness of the fare and the tempting perspectives to set up in business favored Japanese migration to the Russian Far East. In this way, by the end of the 19th century Japanese community formed in Russia, concentrated on the Far East with the center in Vladivostok. In the outskirts of Russia, the Japanese very quickly became an important and integral part of everyday life. Unlike the unusual and fascinating characters from colorful labels as the Japanese were seen by the residents of the European part of Russia, they became a daily routine for the residents of the Russian Far East. In the diverse multicultural environment of the Far East, Japanese migrants went unnoticed. The ethnic markers introduced by the Japanese into the space of Russian cities went unnoticed in the same manner. Often viewed in a positive way, Japanese migrants were not attributed a significant role in the socio-political discourse of the Russian Empire. The situation changed radically in 1904–1905. The Russo-Japanese war stressed the importance of the ethnic factor. As a result, the Japanese ethnicity, which earlier did not play a serious role in the relationship between Russian residents and Japanese migrants, all of a sudden became a significant and even a key factor. With the war outbreak, not only did the Japanese themselves, but also their markers, became of much notice to the Russian population which had not paid any attention to these objects before. Total war led to the feeling of opposition towards each other between the Russians and the Japanese, painting the ethnic component into political colors. Ethnicity was the most significant feature of the Japanese in the symbolic field of Russian Empire in 1904–1905. As a result, the negative feelings towards the enemy were easily transferred towards the Japanese people living within the Russian Empire momentarily turning indiscernible Japanese migrants into enemy aliens.

REFERENCES

1. Irkutsk State University. (2014) *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie"* [The Bulletin of Irkutsk State University]. 10.
2. Dyatlov, V.I. & Grigoriev, K.V. (eds) (2013) *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [Resettlement Society of Asian Russia: migration space community. The 19th–20th and 20th–21st centuries]. Irkutsk: Ottisk.
3. Gallyamova, L.I. (1992) *Yaponskie predprinimateli vo Vladivostoke (1900–1913)* [Japanese businessmen in Vladivostok (1900–1913)]. *Rossiya i ATR – Russia and The Pacific*. 2. pp. 32–36.
4. Zaytsev, D.M. (2006) *Yaponskaya diaspora vo Vladivostoke i russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg.* [The Japanese diaspora in Vladivostok and the Russian-Japanese war of 1904–1905]. Vladivostok: Reya.
5. Belous, B.S. (2007) *Khozyaystvennaya deyatel'nost' yaponskikh immigrantov na yuge Dal'nego Vostoka Rossii i politika administratsii Priamurskogo kraja vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* [Economic activities of Japanese immigrants in the south of the Russian Far East and the administration policy of Amur Krai in the late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Vladivostok.
6. Tamura, I. (2007) *Yaponskaya immigratsiya na rossiyskiy Dal'niy Vostok vo vtoroy pol XIX – pervoy treti XX v.: po istochnikam i literature na yaponskom yazyke* [Japanese immigration to the Russian Far East in the late 19th – early 20th centuries: sources and literature in Japanese]. History Cand. Diss. Vladivostok.
7. Vorob'eva, E.A. (2009) *Russko-yaponskaya voyna i obshchestvennoe mnenie Sibiri i Dal'nego Vostoka* [The Russian-Japanese war and public opinion in Siberia and the Far East]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
8. Senyavskaya, E.S. (2002) *Yaponiya kak protivnik Rossii v voynakh XX veka* [Japan as a Russian enemy in the wars of the 20th century]. In: Golubev, A.V. (ed.) *Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya* [Russia and the world through the eyes of each other: from the history of mutual relations]. Issue 2. Moscow: RAS. pp. 357–386.
9. Podalko, P. (2005) *Pervye vstrechi* [First meetings]. *Rodina*. 10. pp. 4–6.
10. Poznyak, T.Z. (2004) *Inostrannye poddannye v gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya pol. XIX – nach. XX vv.)* [Foreigners in the cities of the Russian Far East (the late 19th – early 20th centuries)]. Vladivostok: Dal'nauka.
11. *Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti*. (1899) *Opisanie poezdki Preosvyashchennyshego Evseya, episkopa Kamchatskogo dlya obozreniya tserkvey eparkhii, sovershennoy 8 iyulya – 22 avgusta 1898* [Description of the trip of Eminence Eusebius, Bishop of Kamchatka, for viewing churches of the diocese, 8th July – 22nd August, 1898]. Blagoveshchensk.
12. *Priamurskie oblastnye vedomosti*. (1896) *Inostrantsy v Priamurskom krae* [Foreigners in the Amur region]. Khabarovsk. 29th September.
13. Dyatlov, V.I. (2000) *Migratsiya kitaytsev i diskussiya o "zheltoy opasnosti" v dorevolutsionnoy Rossii* [Chinese migration and the discussion about the "yellow peril" in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik Evrazii*. 1(8). pp. 63–89.
14. Dyatlov, V.I. (2013) *Sindrom "zheltoy opasnosti" v dorevolutsionnoy Rossii: ekzotizatsiya kak mekhanizm degumanizatsii i isklyucheniya* [The syndrome of the "yellow peril" in pre-revolutionary Russia: exoticization the mechanism of dehumanization and exclusion]. In: *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vv.* [Resettlement Society of Asian Russia: migration space community. The 19th–20th and 20th–21st centuries]. Irkutsk: Ottisk. pp. 526–555.
15. Anon. (1904) *Na ulitse* [On the street]. *Shut*. 13.
16. *Dal'niy Vostok*. (1904) *Mestnaya khronika* [Local Chronicle]. 21st January.
17. Russian State Historical Archives of the Far East (RGIA DV). (1904) *Kopiya telegrammy komanduyushchego voyskami Priamurskogo voennogo okruga v Port-Artur. namestniku, Alekseevu ot 11 yanvarya 1904 g.* [A copy of the telegram from the commander of the Amur Military District to Port Arthur governor Alexeyev on January 11, 1904]. Fund 702. List 1. File 431.
18. *Zabaykal'e*. (1904) Chita. 3 fevralya [Chita. February 3]. 4th February.
19. Anon. [Note unsigned]. Russian State Historical Archives of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 1. File 431.
20. *Vladivostok*. (1904) *Obrashchenie k redaktoru* [An appeal to the editor]. 7th March.
21. Khisamutdinov, A. (1989) *Terra Incognita ili khronika russkikh puteshestviy po Primor'yu i Dal'nemu Vostoku* [Terra Incognita, or Chronicle of Russian travel Primorye and the Far East]. Vladivostok: Vladivostok state University.
22. Anon. (1904) *Voyna Rossii s Yaponiey* [Russia's war with Japan]. *Chtenie dlya soldat*. Book 2. Issue 4.
23. Grekov, N.V. (2000) *Russkaya kontrrazvedka v 1905–1917 gg. Shpionomaniya i real'nye problemy* [The Russian counterintelligence in 1905–1917. Spy mania and real problems]. Moscow: Moscow Public Research Foundation.
24. Sinichenko, V.V. (2003) *Pravonarusheniya inostrantsev na vostoke Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov* [The offenses committed by foreigners in the east of the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries]. Irkutsk: East-Siberian Institute of the Ministry of Interior.
25. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. (1904) *Shpiony* [Spies]. 27th June.
26. Anon. (1904) *Ursus. Pereodetye yaponsy* [Ursus. Disguised Japanese]. *Oskolki*. 17.
27. Steinberg, J.W., Menning, B.W., Schimmelpenninck van der Oye, D., Wolff, D. & Yokoto, S. (2005) *The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero*. Vol. 1. Boston.
28. Steinberg, J.W., Menning, B.W., Schimmelpenninck van der Oye, D., Wolff, D. & Yokoto, S. (2005) *The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero*. Vol. 2. Boston.
29. Laure, E. (2012) *Russkiy natsionalizm i Rossiyskaya imperiya: Kampaniya protiv "vrazheskikh poddannykh" v gody Pervoy mirovoy voyny* [Russian nationalism and the Russian Empire: The campaign against "enemy aliens" during World War I]. Translated from English by V. Makarova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Г.Н. Алишина

**НЕМЦЫ ТОМСКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.:
«НЕМЕЦКИЙ СЛЕД» В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА***Исследование выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).*

Рассматривается немецкое население г. Томска в конце XIX – начале XX в.: сферы деятельности, институциональное оформление лютеранской общины. Особое внимание уделяется манифестации немецкой этничности в городском пространстве, нашедшей свое отражение в названиях коммерческих заведений и их продукции, объявлениях и прочих информационных сообщениях в местной прессе, городской топонимике. Затронут вопрос о влиянии Первой мировой войны и развернувшейся в связи с ней антинемецкой кампании на манифестацию томскими немцами своей этничности.

Ключевые слова: город; лютеране; немцы; Томск; этнизация.

Различные аспекты проблемы этничности в условиях города не обделены вниманием ученых. Среди удачных попыток обращения к этой проблеме можно выделить коллективную монографию «Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества», где одна из глав полностью посвящена этнизации городского пространства [1. С. 211–296]. Коллективу авторов удалось, опираясь на конкретные примеры, обобщить наблюдения и выводы о проблеме этнизации. В данной статье использовано предложенное ими определение этнизации как процесса манифестации этничности, выхода ее в публичную сферу, а также выделенные ими причины или условия, когда в городе происходит актуализация этничности (урбанизация, конфликты, сознательная деятельность властей и т.д.).

Для рассмотрения в историческом ключе проблемы этнизации городского пространства прекрасно подходят сибирские города конца XIX – начала XX в. Их население имело сложный сословный, национальный и конфессиональный состав. В пореформенный период главную роль в пополнении городского населения за Уралом играл механический прирост [2. С. 15]. Города испытывали постоянный приток населения извне, что обеспечивало быстрый рост числа жителей. Томск в этом плане не был исключением. По данным переписи 1897 г., пришлое население города составляло 67,6% [Там же. С. 15–16]. В числе «новых томичей» были и недавние сельские жители, и горожане. Формировалось и этническое многообразие. Среди национальных групп неместного происхождения наибольшее значение имели евреи, поляки и немцы. Складывание томского городского сообщества в рассматриваемый период происходило на фоне обретения городом нового статуса (университетского центра), развития торговли и промышленности, мировоззренческих сдвигов, спровоцированных модернизационными процессами в стране, зарождения элементов гражданского общества.

Все это стало благодатной почвой для актуализации этничности, когда этнический фактор увеличивает свою роль в жизни городского сообщества. Этому могли способствовать также и урбанизация, наводнившая Томск сельскими жителями, и приток трансграничных мигрантов, и смена городом своей функции. В данной работе этнизация городского пространства будет рассмотрена на примере немецкого населения Томска в конце XIX – начале XX в., включая годы Первой мировой войны, оказавшей на этот процесс заметное влияние.

В городах имперской Сибири немцы никогда не были многочисленны. Обычно в перечне этнических групп, распределенных по численности, они занимали одно из последних мест. В Томске немцев также было немного. Поскольку учет населения в то время велся по конфессиональной принадлежности, для определения их числа приходится обращаться к данным о численности лютеран. Такой подход, безусловно, не может считаться точным. Однако в случае с Томском он вполне оправдан, поскольку, согласно источникам, томские лютеране в подавляющем большинстве были немцами (таблица) [3. С. 124].

**Численность лютеран в г. Томске
в конце XIX – начале XX в.¹**

Год	Мужчины	Женщины	Всего
1895	344	273	617
1901	626	444	1 070
1909	613	427	1 040

Превалирование конфессиональной идентичности над этнической было характерно не только для учета населения. В обществе в целом также господствовал этот подход, что, однако, не исключало этнического самосознания (особенно это касалось меньшинств). Насколько тонкой была грань между этническим и конфессиональным, можно увидеть на примере того, что идея создать «немецкий клуб» родилась на лютеранском музыкально-танцевальном вечере, «на кото-

ром собралось почти все лютеранское общество г. Томска» [7. 28 янв.].

Интенсивное экономическое развитие региона требовало привлечения разного рода специалистов, которых среди местного населения попросту не было. Немцы были среди тех, кто пришел в Сибирь для утоления «кадрового голода». Ими укомплектовывался штат чиновников, а также специалистов губернских, областных и уездных управлений. За XIX – начало XX в. в Томской губернии было только семь гражданских губернаторов немецкого происхождения. Много немцев занималось преподавательской и научной деятельностью, являясь сотрудниками Томского императорского университета, Технологического института и других учебных заведений. Была среди немцев Томска и прослойка предпринимателей. Достаточно вспомнить пивоваренный завод Крюгера, колбасную и консервную фабрику Фильберта, кондитерские и булочные Грениха, магазин музыкальных товаров Шмидта и др.

Томское немецко-лютеранское сообщество было достаточно консолидированным. Скрепляющим его «цементом» являлась религия. Еще в 1847 г. в Томске был создан Церковный совет лютеранской общины [8. С. 24]. В 1864 г., наконец, завершилось строительство лютеранского храма, который был назван в честь Св. Марии [3. С. 123]. В 1889 г. рядом с кирхой на средства Вспомогательной кассы лютеран началось строительство пастората [9. С. 218], а в 1890 г. пастор окончательно перебрался из Барнаула в Томск [Там же]. Было и свое кладбище, находившееся по соседству с православным Преображенским и магометанским кладбищами [10. С. 32]. Рядом с ним в 1896 г. была заложена часовня [11. С. 234]. Постепенно лютеранская община начала обрывать другие институты. 13 ноября 1896 г. распахнуло свои двери частное начальное училище при Евангелическо-Лютеранской церкви [12. Л. 12]. С 1897 г. при кирхе действовал приют для детей-сирот [13. 29 янв.]. В 1905 г.² было образовано Томское евангелическо-лютеранское дамское благотворительное общество [10. С. 100–101]. Все это свидетельствует об институциональном оформлении немецко-лютеранского сообщества Томска, позволявшем ему сохранять и воспроизводить (недаром часть общинных институтов была нацелена на молодое поколение) свою идентичность в условиях инокультурного окружения.

Отношение к своей этничности (конфессиональности), вернее ее манифестация, имеет у немцев Томска довольно четкий переломный момент, связанный со вступлением Российской империи в Первую мировую войну. До событий 1914 г. томские немцы не только не скрывали свою этничность, они использовали ее как конкурентное преимущество. Наиболее очевидно это проявлялось в предпринимательской деятельности и сфере услуг. И там, и там эпитет «немецкий» (а также близкие ему по значению определения) явно ассоциировался с качеством, добротностью, гарантией и в це-

лом с более высоким уровнем предлагаемого товара. Пивоваренный завод Р.И. Крюгера выпускал множество сортов пива, особой популярностью среди которых пользовались «Мюнхенское» и «Баварское» [15. 9 авг.; 16. 20 дек.]. Часто указание на «немецкость» содержалось в самом названии фирмы. Например, «Венское колбасное и гастрономическое заведение А. Фильберт и К», которое в качестве подтверждения «немецкого имиджа» удостоилось золотой медали на промышленной и сельскохозяйственной выставке в Красноярске в 1892 г. [17. С. 99–100]. Заведения и конторы, названные по фамилии владельца, также несли в себе признак «немецкости» и сопутствующий шлейф смыслов, например «Музыкальный магазин В.Ф. Шмидта». В 1902 г. в «Сибирской жизни» появилось объявление об открытии г-жей А. Брейтигам «немецкого пансиона», в котором анонсировалось «особенное внимание на воспитание» [18. 13 авг.].

Судя по всему, среди обеспеченных горожан весьма ценились немецкие репетиторы и прислуга (смотрители, швейцары, гувернантки). Объявления с предложением и, что особенно показательно, спросом на их услуги регулярно появлялись в местной прессе [19. 10 дек.; 20. 2 июня; 21. 8 фев.; 5. 18 фев.; 22. 15 мая; 15. 11, 12 окт., 9, 17 ноя., 15 дек. и др.]. Этническая принадлежность в этих объявлениях не только не скрывалась, но, напротив, подчеркивалась.

Конфессиональная принадлежность, которую в рассматриваемом случае можно приравнять к этнической, манифестировалась в пространстве общественной городской жизни. В местной прессе регулярно появлялись объявления от имени томской лютеранской общины, причем как на русском, так и на немецком языках. Объявления, касающиеся только членов общины (например, об очередном собрании прихожан), публиковались на немецком языке [5. 14 фев.; 13. 22 янв., 16 сен., 16 окт.; 21. 5 фев.; 23. 7 фев.; 24. 5 ноя.; 25. 7 фев., 22 сен.; 26. 23 марта, 17 апр.; 27. 13 апр., 16 сен.]. Сообщения, предназначенные для более широкой аудитории (например, об устройении лютеранским обществом какого-либо мероприятия), были на русском [23. 17 апр.]. Встречались объявления сугубо бытового характера (заявление о правах, поиск гувернантки или квартиросъемщиков и др. [13. 18 мая, 10 окт.; 5. 18 фев., 28 сен.]) на немецком языке. Можно сказать, что немецкий являлся языком корпоративного общения в среде лютеран г. Томска. Заметим, что немцы были в этом не одиноки, схожим образом использовали свой родной язык и томские поляки.

Остался «лютеранский след» и в городской топонимике. Улица вблизи кирхи, расположенная от Соборной улицы до Офицерской (ныне ул. Белинского) и долгое время остававшаяся безымянной, с 1910 г. стала называться «Лютеранским переулком» [11. С. 234]. Кроме того, в городе было уже упомянутое Лютеранское кладбище.

Такое присутствие «немецкости» в томском городском пространстве свидетельствует о комфортных

условиях существования немецко-лютеранской общины. Можно утверждать, что к томским немцам местные власти и общественность относились весьма доброжелательно. Во многом это можно объяснить пользой, которую приносили немцы городу, являясь его ценнейшим людским ресурсом. Их вклад в такие важные сферы городской жизни, как управление, образование, предпринимательство, однозначно признавался и перекрывал факт их пришлости, чужеродности, отличности от принимающего общества.

Только в порядке редкого исключения в местной печати правого толка, традиционно выступавшей за искоренение инородческого засилья в стране, промелькивали публикации о потенциальной опасности столь заметного числа немцев среди местного чиновничества. Упор в подобной критике делался на «характерные» для чиновника-немца пороки: пьянство, сладострастие, пренебрежение должностными обязанностями и проч., причиной которых якобы являлось нерусское происхождение [28. 8 фев.]. Но главной «инородческой угрозой» до вступления России в Первую мировую войну считалось все-таки еврейское, а не немецкое население города.

Огромные изменения в ситуацию внесли события 1914 г. Столкновение Российской империи с Австро-Венгрией и Германией стало причиной резкого и сильного всплеска антинемецких настроений в стране. Пропаганда начала усиленно работать над содержанием понятия «немец», превращая позитивные этнические стереотипы в олицетворение враждебности, неблагонадежности, вредительства. Особенно больно эта кампания ударила по немцам столичных городов. Томск в этом плане можно охарактеризовать как благополучный для немцев населенный пункт. Погромов и других видов явных притеснений со стороны местных властей и жителей в источниках не зафиксировано.

Даже местная правая пресса не отличалась усердием по части дискредитации томского немецкого сообщества, публикуя антинемецкие материалы общего характера или перепечатывая их из центральных периодических изданий. За период с августа по декабрь 1914 г. в «Сибирской правде» появились лишь две «местные» антинемецкие публикации: об открытии неким Глейе частной мужской гимназии (с резюме, содержащим уверенность, что «совершенно несвоевременно и неуместно позволять немцу открывать русское среднее учебное заведение») [Там же. 27 сен.] и сообщение о том, что в кондитерской Грених немецкие военнопленные «находят не только приют и ласку, но и ведут какие-то серьезные переговоры» [Там же. 18 окт.].

Единственным ощутимым последствием смены этнических симпатий в стране стало то, что отличавшаяся

до войны активностью лютеранская община г. Томска практически свела свою публичную общественную деятельность на нет. Из местной прессы почти исчезли объявления самой общины и сообщения о проводимых ею мероприятиях.

Однако религиозная и внутриобщинная жизнь томских лютеран все же продолжалась. Согласно объявлению в томской газете, 15 марта 1915 г. пастором Гессе в лютеранской кирхе было совершено богослужение с причастием и конфирмацией [29. 15 марта]. Не перестали функционировать школа при лютеранском приюте и сам приют. Хотя и не так активно, но по-прежнему проявляло себя благотворительное общество дам-лютеранок. Накануне Рождества в конце 1915 г. оно отправило в действующую армию «70 рождественских подарков (белье, рукавицы, чай, сахар, табак и проч.) на сумму около 300 р.» [Там же. 17 дек.]. Тот факт, что институциональная составляющая лютеранской томской общины не понесла потерь и пусть менее активно, но продолжала функционировать, говорит о лояльности в этом вопросе местных властей и общества. Складывается впечатление, что они предпочли не обращать внимание на то обстоятельство, что в городе проживают немцы, поскольку понимали, что гонения в их адрес нарушат баланс томского городского сообщества, а немцы, в свою очередь, стали в куда меньшей степени афишировать свою этничность и конфессиональность, уйдя в этом смысле в «тень».

Пример немцев Томска в конце XIX – начале XX в. показывает, что этнизация городского пространства пришлым элементом воспринимается местным населением не просто спокойно, а даже с симпатией в том случае, если «пришельцы» рассматриваются как носители передового опыта и более высокой культуры. Приносимая ими польза придает их этничности и ее составляющим позитивную коннотацию в глазах принимающего городского сообщества и может расцениваться даже как нечто лучшее относительно этнически родного аналога. Это совпадает с выводами авторов монографии «Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества», также отметивших принципиальную важность пользы, приносимой «пришельцами» городу, и осознания этого обстоятельства горожанами [1. С. 223]. Таким образом, сам факт и степень манифестации этническим меньшинством своей этничности можно расценивать как показатель комфортности его проживания в условиях иноэтничного большинства. В то же время обострение отношений со страной исхода этнического меньшинства может заметно повлиять на восприятие и оценку процесса этнизации, внеся в них иррациональную подоплеку.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подсчитано по: [4. 25 янв.; 5. 22 фев.; 6. С. 44].

² Некоторые исследователи называют иную дату образования Общества – 1892 г. [14. С. 84].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества* / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск : Отгиск, 2013. 624 с.
2. *Скубневский В.А.* Урбанизационные процессы в Сибири второй половины XIX – начала XX в. : избранные статьи. Барнаул, 2010. 296 с.
3. *Памятная книжка Томской губернии на 1908 год.* 210+56+80 с.
4. *Томский справочный листок.* Томск, 1895.
5. *Сибирская жизнь* (Томск). 1901.
6. *Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А.* Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885–1919. Томск, 1999. 298 с.
7. *Сибирская жизнь* (Томск). 1911.
8. *Караваева А.Г.* Кирха Святой Марии // *Томск magazine.* 2005. № 4. С. 24–26.
9. *Черказьянова И.В.* Организация духовной жизни лютеран в Сибири: хроника событий (XVIII в. – 1919 г.) // *Известия Омского городского историко-краеведческого музея.* 2000. № 8. С. 207–226.
10. *Адресно-справочная книжка «Весь Томск» на 1912–1913 гг.* Томск, 1912. 24+9+332+21 с.
11. *Пащикова Н.В., Рейно Л.А.* Из истории лютеранской общины г. Томска // *Немцы Сибири: история и культура.* Омск, 2002. С. 234–236.
12. *Государственный архив Томской области.* Ф. 126. Оп. 1. Д. 920.
13. *Сибирская жизнь* (Томск). 1899.
14. *Черказьянова И.В.* Школьное образование российских немцев (проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII–XX вв.). СПб., 2004. 368 с.
15. *Сибирская жизнь* (Томск). 1906.
16. *Сибирская мысль* (Томск). 1906.
17. *Томск.* История города от основания до наших дней / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. 2-е изд., испр. и доп. Томск, 2004. 464 с.
18. *Сибирская жизнь* (Томск). 1902.
19. *Томский справочный листок* (Томск). 1894.
20. *Томский справочный листок* (Томск). 1895.
21. *Сибирская жизнь* (Томск). 1900.
22. *Сибирская жизнь* (Томск). 1908.
23. *Томский листок* (Томск). 1897.
24. *Сибирская жизнь* (Томск). 1897.
25. *Сибирская жизнь* (Томск). 1898.
26. *Сибирская жизнь* (Томск). 1903.
27. *Сибирская жизнь* (Томск). 1904.
28. *Сибирская правда* (Томск). 1914.
29. *Сибирская жизнь* (Томск). 1915.

Alishina Galina N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: galinaalishina@gmail.com

GERMANS IN TOMSK IN THE END OF THE 19TH TO THE EARLY 20TH CENTURY: THE ‘GERMAN TRACE’ IN THE CITY SPACE.

Keywords: city; Lutherans; Germans; Tomsk; ethnicization.

The article deals with the German population of the city of Tomsk in the late 19th to the early 20th century. It indicates that the Germans here were active in such areas as management, education, commerce, services, and other. The article also explores the institutional formation of their community which was based on the religious affiliation of the majority of the Germans in Tomsk – Lutheranism. In particular, during that period there were Lutheran church, school, charity-school, and a female charity society established in Tomsk. Special attention is paid to the ethnicization, i.e. the manifestation of German ethnicity in the city space. The German ethnicity is reflected in the names of commercial enterprises and their products, advertisements and news reports in the local press, as well as in city's toponyms. Such presence of «Germanness» in the Tomsk city space, according to the author, indicates that the German Lutheran community enjoyed a comfortable position here and that the Germans were treated well by the local authorities and the general public. This can largely be explained by the contribution that they made to the city, constituting its most valuable human resource. The events of 1914 introduced certain changes to the situation. The clash of the Russian Empire with Austria-Hungary and Germany led to a rapid upsurge of anti-German sentiment in the country. The propaganda began to work hard on the concept of «German», turning positive ethnic stereotypes into the personification of hostility, disloyalty, and sabotage. The unfolded anti-German campaign hit hardest the Germans living in capital cities. Tomsk, in this regard, can be characterized as a favourable one to live in for the Germans. There is no evidence of German pogroms and other forms of overt harassment on the part of the local authorities or residents indicated in the sources. The only notable consequence of the change of ethnic sentiments in the country was that being previously very active, now the Lutheran community of Tomsk almost nullified its public activity. The Tomsk Germans started to advertise their ethnicity to a much lesser degree, trying to keep a low profile. The case of the Germans of Tomsk in the late 19th to the early 20th century shows that the ethnicization of the urban space by the «alien element» was taken not just calmly but with sympathy by the local population as the «aliens» were considered to bring excellence and high culture. Thus, positive connotations were associated with this ethnicity and its manifestations within the host city society. At the same time, the case in question allows us to note that such an external factor as the worsening of relations with the country of origin of an ethnic minority can significantly affect the perception and evaluation of the ethnicization process.

REFERENCES

1. Dyatlov, V.I. & Grigorichev, K.V. (eds) (2013) *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Resettlement Society of Asian Russia: migration space community]. Irkutsk: Ottisk.
2. Skubnevskiy, V.A. (2010) *Urbanizatsionnye protsessy v Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Urbanization processes in Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. Barnaul.
3. Anon. (1908) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1908 god* [The memorial book of the Tomsk province in 1908]. Tomsk: S. Yakovlev Typography.
4. *Tomskiy spravochnyy listok.* (1895) Tomsk.
5. *Sibirskaya zhizn'* (1901) Tomsk

6. Kutilova, L.A., Nam, I.V., Naumova, N.I. & Safonov, V.A. (1999) *Natsional'nye men'shinstva Tomskoy gubernii. Khronika obshchestvennoy i kul'turnoy zhizni. 1885–1919* [National minorities of Tomsk province. The chronicle of social and cultural life. 1885–1919]. Tomsk: Tomsk State University.
7. *Sibirskaya zhizn'* (1911) Tomsk.
8. Karavaeva, A.G. (2005) Kirkha Svyatoy Marii [St. Mary Catholic Church]. *Tomsk magazine*. 4. pp. 24–26.
9. Cherkaz'yanova, I.V. (2000) Organizatsiya dukhovnoy zhizni lyuteran v Sibiri: khronika sobytiy (XVIII v. – 1919 g.) [The organization of the spiritual life of Lutherans in Siberia: The chronicle (the 18th century – 1919)]. *Izvestiya Omskogo gorodskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 8. pp. 207–226.
10. Anon. (1912) *Adresno-spravochnaya knizhka “Ves' Tomsk” na 1912–1913 gg.* [Address and Reference Book “The Whole Tomsk” for 1912–1913]. Tomsk.
11. Pashkova, N.V. & Reyno, L.A. (2002) Iz istorii lyuteranskoy obshchiny g. Tomsk [From the history of the Tomsk Lutheran community]. In: *Nemtsy Sibiri: istoriya i kul'tura* [Germans of Siberia: history and culture]. Omsk. pp. 234–236.
12. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 126. List 1. File 920.
13. *Sibirskaya zhizn'* (1899) Tomsk
14. Cherkaz'yanova, I.V. (2004) *Shkol'noe obrazovanie rossiyskikh nemtsev (problemy razvitiya i sokhraneniya nemetskoy shkoly v Sibiri v XVIII–XX vv.)* [School education of the Russian Germans (the problems of development and the preservation of the German school in Siberia in the 18th – 20th centuries)]. St. Petersburg: Public Academy of Sciences of Russian Germans.
15. *Sibirskaya zhizn'* (1906) Tomsk.
16. *Sibirskaya mysl'* (1906) Tomsk.
17. Dmitrienko, N.M. (2004) *Tomsk. Istoriya goroda ot osnovaniya do nashikh dnei* [Tomsk. The history of the city from the foundation to the present day]. 2nd ed. Tomsk: Tomsk State University.
18. *Sibirskaya zhizn'* (1902) Tomsk.
19. *Tomskiy spravochnyy listok* (1894) Tomsk.
20. *Tomskiy spravochnyy listok* (1895) Tomsk.
21. *Sibirskaya zhizn'* (1900) Tomsk.
22. *Sibirskaya zhizn'* (1908) Tomsk.
23. *Tomskiy listok*. (1897) Tomsk.
24. *Sibirskaya zhizn'* (1897) Tomsk.
25. *Sibirskaya zhizn'* (1898) Tomsk.
26. *Sibirskaya zhizn'* (1903) Tomsk.
27. *Sibirskaya zhizn'* (1904) Tomsk.
28. *Sibirskaya pravda* (1914) Tomsk.
29. *Sibirskaya zhizn'* (1915) Tomsk.

УДК 882.09
DOI 10.17223/19988613/37/13

Д.О. Тимошкин

ЭТНИЧЕСКОЕ КАК МАРКЕР «ВРАГА» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КРИМИНАЛЬНОМ РОМАНЕ

Описывается процесс трансформации значения слов, конструирующих «постсоветское» пространство и включенных в него акторов, в самом распространенном сегменте современной российской массовой литературы. Массовая литература рассматривается как пространство фиксации социальных стереотипов. Пространство «постсоветской России» в источниках репрезентируется через ключевые слова «хаос», «война всех против всех», «насилие». При этом насилие становится единственным способом выживания актора в пространстве «хаоса», что оправдывает применение любых чрезвычайных мер. За рассматриваемый период значение этих «ключевых слов» претерпевает серьезную трансформацию: в более поздних источниках в «войне всех против» появляется линия фронта вместе с четким разделением акторов на «своих» и «чужих». При этом образ «чужих» конструируется с помощью «этнических» маркеров, имеющих негативную коннотацию. Появление «врагов» используется в качестве аргумента необходимости централизации основного ресурса «постсоветского» пространства – насилия – вокруг нового актора – государства.

Ключевые слова: массовая литература; российский криминальный роман; фрейм; образ «врага».

Цель данной статьи – проследить трансформацию значения слов, описывающих социальные группы «постсоветской России», в самом распространенном сегменте современной российской массовой литературы 1997–2012 гг. Совокупности таких «ключевых слов», описывающих ту или иную группу в контексте определенной социальной ситуации, понимаются как стереотипы, или фреймы. Определение стереотипа, предложенное У. Липпманом [1], представляется достаточно обширным для того, чтобы обнаружить в нем аналогии со множеством других, в том числе и более поздних определений процесса субъективной интерпретации социального пространства: «фоновым знанием», «социальным полем», «социальным мифом» или же «контекстными моделями».

Однако наиболее подходящей для описания объекта исследования теоретической рамкой представляется фрейм И. Гофмана [2]. Объект исследования представляет собой зафиксированные в массовом тексте фреймы «пространства», «акторов» и «власти», помещенные в контекст «постсоветской России». Ссылаясь на В. Вахштайна [3. С. 44], процитировавшего У. Джемса, можно сказать, что «Постсоветская Россия» представляет собой метаконтекст, или фрейм фреймов, определяющий и определяемый с помощью включенных в него «локальных» контекстов. Следовательно, фрейм содержит групповые маркеры, характеристики, а также описания приемлемых механизмов взаимодействия этих групп в ситуации «лицом-к-лицу». Существование фреймов обусловлено невозможностью получить весь необходимый для социализации опыт экспериментально, поэтому на место недостающего личного опыта приходят сценарии «приемлемых» типов социального взаимодействия, выражаясь языком драматургической социологии, сценарии повседневного взаимодействия, воспринимаемые носителями как «здоровый смысл» или фоновое знание.

Одной из форм фиксации фрейма становится текст, где знаки, его составляющие, приобретают значения в зависимости от расположения по отношению друг к другу, от взаимных ссылок и ассоциаций. Чем менее «материален» объект описания, тем сложнее система знаков, а в данном случае слов. Фрейм (и здесь можно провести параллель с «дикурсом» Т. Ван Дейка [4]) формируется благодаря частичной и временной фиксации положения отдельных слов по отношению друг к другу, благодаря чему группа расположенных определенным образом слов имеет устойчивый смысл. Таким образом, фреймы, зафиксированные в массовой коммуникации, которые существуют и признаются истинными на протяжении длительного времени, формируют устойчивые социальные практики, «фоновое знание» или социальные институты. Слова, описывающие фрейм, могут менять свое значение в ходе коммуникации, однако если определенный способ их прочтения существует и признается социально приемлемым в течение длительного времени, то он воспринимается как истина, а альтернативные способы отесняются.

Выбор массового художественного текста в качестве поля для изучения фрейма обусловлен следующими нюансами. Его авторы ориентируются на «цензуру читательских ожиданий», гарантируя популярность и «продаваемость» своих текстов, выстраивая сюжет с использованием фреймов, признаваемых социально приемлемыми его целевой аудиторией. Еще одно следствие фиксирования фреймов в массовом художественном тексте – аудитория может идентифицировать описанные в тексте ситуации, в противном случае они могут показаться ей бессмысленными, а сюжет – неинтересным. При этом автор, описывая привычную читателю социальную среду, оставляет максимальную свободу для интерпретации фреймов, так как следование эстетическим или любым другим предпочтениям неизбежно сузит аудиторию.

Таким образом, предположительно, в массовом художественном тексте фиксируются модели социальных ситуаций, состоящих из описаний «включенных» в них социальных акторов, помещенных в контекст коллективной повседневности группы, на которую ориентирован текст.

Современный российский криминальный роман как пространство фиксации стереотипа. Массовый художественный текст является полем фиксации «дискурсивности» М. Фуко, или постоянного процесса конструирования общностей, объединенных определенным способом понимания тех или иных высказываний. Исследование социального, по Фуко – «археология», «определяет правила образования совокупности высказываний. Тем самым она показывает, каким образом последовательность событий – в том порядке, в котором она представляется, – становится объектом дискурса, регистрируется, описывается, объясняется, разрабатывается с помощью понятийного аппарата и создает условия, в которых возможен теоретический выбор» [5].

Создается впечатление, что П. Бурдьё описывает схожие с предложенными «драматургической социологией» конструкции – «Поля литературы» [6], носители которых объединены общим «традиционным» способом саморепрезентации, общими ценностями и мотивациями, принципами выстраивания социальной коммуникации. Ориентированные на вкусы аудитории, авторы массовой литературы воспроизводят эти конструкции в своих текстах, создавая своеобразный «народный язык», переработанные автором групповые страхи и надежды, способы саморепрезентации, ценности. И этот язык становится посредником между «объективной реальностью» и субъективными попытками ее познания.

В качестве источника был выбран современный российский криминальный роман. Под криминальным романом можно понимать художественный текст, ориентированный на описание преступления и наказания в контексте российской «повседневности». Поскольку предполагается, что чем больше людей выбирают для чтения один и тот же текст, тем более «универсальные» фреймы в него включены, основным критерием для выбора источников служила популярность автора, выраженная в тиражах.

Тиражи криминального романа поражают воображение – книги одной только Д. Донцовой изданы тиражом более чем 150 млн экз. Произведения авторов, занимающих верхние строчки «парада тиражей», ежегодно публикуемого агентством, как правило, не опускаются ниже цифры в один миллион экземпляров ежегодно [7]. Помимо огромных тиражей, фреймы криминального романа ретранслируются через многочисленные экранизации на ТВ, где репертуары «стандартных» социальных ситуаций усиливаются визуальным сопровождением. Ориентированность авторов криминального романа на описание «повседневности» современной

России [8] также может считаться аргументом в пользу такого выбора.

В его пользу говорит еще и специфическое отношение проживающей в России читающей публики к криминальному роману как к «путеводителю» по повседневности. Оно сформировалось еще в СССР, где произведения некоторых «западных звезд» детективного жанра рассматривались как единственный доступный за «железным занавесом» источник информации о табуированном. Позднее, с «развалом» Советского Союза, когда запрет на «Запад» был снят, появилась потребность в путеводителе по трансформирующемуся «постсоветскому» пространству.

Эту потребность удовлетворили уже российские авторы, которые, начав с копирования «западных» мастеров жанра, постепенно наводнили криминальный роман фреймами уже российской «повседневности». В массовом тексте поселились «честные» и «продажные» «менты», «бандиты», «военные», «шпионы», а позднее – «домохозяйки» и «бизнесмены».

«Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям» [9]. Насколько эта фраза применима к выбранному источнику – вопрос открытый, однако в пользу такого предположения говорит следующее. Чем популярнее автор, тем больше на страницах его произведений «product placement» – скрытой рекламы, или намеренно помещенных в контекст описываемой «повседневности» реально существующих брендов. Маркетологи, исследовавшие феномен «скрытой рекламы», утверждают [10], что упоминание в положительном ключе того или иного товара в «массовом» художественном произведении положительно сказывается на продажах, причем «скрытая реклама» не вызывает такой враждебности у потребителей, как, например, реклама по телевидению.

Если упоминаемый автором бренд продается лучше, почему бы не предположить, что будут пользоваться успехом и авторские «рецепты» социального взаимодействия? Изучение моделей социальных ситуаций, распространенных в современном российском криминальном романе, позволит описать фрейм социального пространства «постсоветской» России.

Если упоминаемый автором бренд продается лучше, почему бы не предположить, что будут пользоваться успехом и авторские «рецепты» социального взаимодействия? Изучение моделей социальных ситуаций, распространенных в современном российском криминальном романе, позволит описать фреймы «пространства», «актеров» и «власти», в совокупности составляющие единый «метаконтекст», или «фрейм фреймов» «постсоветской России». Единицей анализа становится не отдельный знак, а скорее совокупность знаков, объединенных между собой ассоциативными связями в единую смысловую конструкцию, обозначенную «ключевым словом» [11], совокупность таких ключевых слов, в свою очередь, составляют фрейм.

В качестве источников были отобраны 50 произведений авторов, которые в период с 1997 по 2012 г. возглавляли «парады тиражей» российского книжного рынка и ежегодно публиковались Федеральным агентством печати и массовых коммуникаций. Выбранные произведения в разные годы входили в списки бестселлеров Москвы по версии Росбизнесконсалтинга [12, 13].

«Хаос» и «Война» как границы фрейма «постсоветского» пространства. Российская «повседневность» обозначается ключевыми словами, которые можно объединить в несколько условных групп. Первая – локальные территории, где разворачивается непосредственное действие (они обозначаются, как правило, в противопоставлении «Москвы» и «провинции»), а также территории, которые по тем или иным причинам связаны с ними. Вторая – пространства, на противопоставлении с которыми конструируется «здесь и сейчас».

Само пространство крайне редко «называется» ключевым словом («Россия», «страна», «Русь»), как таковое оно практически отсутствует, обретая границы лишь при противопоставлении, либо со «светлым советским прошлым», либо с «заграницей». Впрочем, ключевым словом, маркирующим «постсоветское» пространство в криминальном романе, вполне может стать «хаос». Слово это одинаково может обозначать и грязные улицы, и кризис института брака. «Хаос» можно назвать самостоятельным и в каком-то смысле единственным актором, поскольку именно он определяет как пространство, так и социальные ситуации криминального романа.

Синонимы, с помощью которых маркируется «физическое» пространство («грязь», «плохие запахи», «голод»), проецируются и на пространство «социального» («разрушение», «неустроенность» и «хаос»). Пространство «неустроенности» может быть ограничено во времени (это редко обозначается конкретными историческими моментами, чаще используются следующие конструкции: «когда восторжествовала демократия», «развалился Союз», «когда все встало с ног на голову»). Выбор, стоящий перед жителем такого агрессивного и дестабилизированного «пространства», небогат – либо подчиниться обстоятельствам, либо выстраивать вопреки им альтернативную версию среды обитания, относительно комфортную для существования. В качестве образца такой среды используется фрейм «советского прошлого».

Яркий пример – цикл произведений «Рок-н-ролл под Кремлем» Д. Корецкого [14]. Книги цикла выходили в печать с 2007 по 2014 г. В 2013 г. вышел одноименный телесериал. Пространство «прошлого» в романе выглядит более приспособленным для жизни, нежели его «постсоветское» продолжение: «Незыблемая коммунистическая эпоха», «не слишком замусоренные тротуары», «немногочисленные пока машины», «светлый социалистический мир». «Москва», многона-

циональная столица социализма, противопоставлена «рабочему поселку». Преступность, бесконечные «разборки» между группами молодежи, «грязь». Однако присутствие «советской власти» ощущается и здесь. Железной рукой она наводит порядок после очередной, особо кровопролитной драки: «Советская власть была сильна, последовательна и демагогична. Тех, кто умер, – схоронили, кто не умер, – вылечили, магазин восстановили, показательным судом зачинщиков приговорили к расстрелу да к пятнадцати годам... А чтобы подобных безобразий впредь не случалось, отстроили Дом культуры» [Там же].

«Москва 2002 года» выглядит совершенно иначе. Поток машин движется в облаке «ядовитых выхлопов», в «потной жаре», окруженный небоскребами и элитными магазинами с «заоблачными ценами». Идеологические плакаты заменены на многочисленные призывы от старательно перечисляемых автором брендов «покупать, покупать, покупать». «Воняющая бензином стальная река» течет мимо гостиницы «Интурист», изображаемой как последний оплот «той, старой» Москвы, доживающей последние дни, – здание перестраивают.

Повторимся, пространство «постсоветской России» немислимо вне понятия «разрушения», «кризиса», которым пропитано все – от кухонь до практик социального взаимодействия. Социальные акторы находятся в постоянном поиске группы, «в которой возможно обретение желательной статусной ренты, воссоздание наглядности картины мира, интересубъективной реальности» [15]. Чтобы попасть в пространство «хаоса», актор часто должен совершить символический переход из «СССР» в другой мир «постперестроечной России» [16]. Трансформация происходит в его отсутствие, он лишь сталкивается с ее последствиями, это еще больше подчеркивает его зависимость от «обстоятельств», шок. В момент воссоединения актора с группой им автоматически приобретает способность противостоять «кризису».

«Война» – еще один маркер «постсоветской» повседневности. Бессчетные сцены убийств, изнасилований, ограблений и драк проецируются на «физическое» пространство, подчеркивая его опасность. Ограничиваясь буквально несколькими словами для того, чтобы нарисовать «быт» («грязь», «теснота», «плохой запах»), авторы с лихвой компенсируют скудный образ «пространства» физическое иллюстрациями «обыденности» пространства социального. «Война» может означать и боевые действия в Чечне или Афганистане (если речь идет о «советском»), и «войну» между государственными силовиками и бандитами.

«Война» становится еще одним способом противопоставления России с другими пространствами, здесь, «в отличие от» других стран, убийства, кражи, изнасилования – дело совершенно обыденное, во всяком случае – в «девяностых». Настолько, что этим промышляют все акторы, как «герои», так и «злодеи». И те и другие используют одинаковые методы, и те и другие «вынужде-

ны» применять их. Их конфликт обусловлен не борьбой «добра и зла», как это будет позже, скорее борьбой за ресурсы.

Единственным способом выжить и иметь возможность самостоятельно принимать решение относительно своей судьбы становится насилие. Именно наличие силового ресурса делает персонажа актором в прямом смысле этого слова. Остальные же, не обладающие таким ресурсом, терпят неисчислимые бедствия.

В поздних источниках «Прошлое» прорывается в настоящее. Тема плохого продолжения хороших времен является сквозной. «Последние времена» продолжают и в источниках 2012 г., хотя и не в такой степени. «В последние времена» социальное пространство описывается «иным, чем раньше», независимо от того, в «девяностых» или в «двухтысячных» происходит действие. Ситуация всегда «ненормальна»: «В последнее время киллеры стали умнее. Если есть возможность, они не просто убивают, они делают так, чтобы жертва исчезла бесследно. Поэтому в последние годы число без вести пропавших людей зашкаливает за все мыслимые пределы» [17].

«Разруха» в поздних источниках скрывается за фасадами дорогих магазинов и казино, но она – частая деталь фрейма пространства: «Район трущобный. Одно- и двухэтажные дома барачного типа, потемневшие от времени общежития. Но больше всего наводили тоску дощатые бараки, на скорую руку сооруженные еще в годы войны для рабочих эвакуированных заводов. Люди и не жили здесь, а ютились. О таком благе цивилизации, как канализация, здесь и знать не знали. Все удобства во дворе, а воду из моек выливали прямо на улицу. Дорога узкая, потрескавшийся асфальт, ухабы на ухабах...» [18].

Разруха уходит из повседневности в область страхов: «Нефтяное благополучие последних лет, когда золотой водопад низвергался на державу просто так, потому что баррель вместо одиннадцати долларов вдруг стал тянуть на полтинник, убавляло и усыпило тысячеглавую гидру государственных проблем, которая еще так недавно разевала всю тысячу своих пастей» [19]. Стоит только цене на нефть упасть, и «гидра» проблем проснется снова, и тогда «конец всему».

Автор и читатели знают, что «стабильность» двухтысячных – мнимая. Практически у них так и не появилось настоящего, скорее «советское» прошлое разделилось на две части, где одна следует из другой «СССР» и «девяностые»: «Производства стоят, как и стояли, новых технологий как не было, так и нет, наука не только умерла, но ее даже и похоронить успели, и на похоронах сплестать – научные институты сдали в аренду под казино, компьютеры продали налево, истребители разобрали на “цветные металлы”». «Война» все еще тлеет на окраинах пространства: «По ночам стреляли не только в горах, но и в городах, на блокпостах взрывали заминированные машины, как будто сами по себе вдруг находились склады с оружием» [Там же].

Однако «мир в ожидании конца» выглядит все же лучше, чем мир «девяностых», который этот «конец» переживает: «Димон никогда не ждал превращения России в Аркадию, прихода “эпохи процветания” и воцарения рая. У него был свой рай – крохотная квартира, Ольга, сын и какая-то работа, которая позволяла ему кормиться...» [20].

В поздних источниках значение слова «хаос» претерпевает некоторые изменения. «Хаос» 90-х не персонифицирован, точнее – все персонажи криминального романа являются в той или иной степени его агентами. С ним невозможно бороться, поскольку у него нет конкретного воплощения. «Хаос» выступает скорее как артикуляция попыток осмысления «мифической ситуации», найти «имя» многочисленным переменам.

К середине «нулевых» этот поиск в определенном смысле увенчался успехом. «Хаос» был десакрализован, более того, он принимает конкретные воплощения. Вынесенный за пределы добра и зла в более ранних романах здесь он обретает лицо, а вместе с ним и качества дегуманизированного «врага». В каком-то смысле «террористы», «чеченцы», «карлики из подземелья», «американские шпионы» и таинственная «власть наверху» берут на себя функции раннего «хаоса», или постоянного дестабилизирующего фактора. В «войне всех против всех» появилась четкая линия фронта вместе с пока еще размытым противопоставлением «мы» и «они».

«Я тот самый русский Ванька, который воюет с вооруженными чеченцами» [21]: использование этнического как маркера «врага» для оправдания централизации насилия. Вместе с «хаосом» трансформируются и акторы, из их числа исчезают «бандиты». «Война» теперь идет на прежде не существовавших границах пространства. Силовой ресурс, сохраняя свою значимость, уходит на второй план, пропуская вперед иной способ организации социального пространства «России» – социальные сети, основанные на неформальных деловых, дружеских и родственных «связях». Последние позволяют всем желающим получить доступ к силовому ресурсу, регулятором процесса выдачи «патентов» выступает «государство», слово, практически отсутствующее в ранних источниках и используемое в ином значении.

Поскольку на «границах» пространства появляется дестабилизирующий фактор, «враг», подразумевается, что существует и сдерживающая альтернатива внутри пространства. Им и становится «государство» в лице «сотрудников» государственных силовых структур. Они широко представлены в романах «девяностых», однако там с «государством» себя не ассоциируют, более того, резко противопоставляют. Но в поздних источниках силовики действуют уже не сами по себе, как независимые агенты «силы», а следуя интересам и инструкциям «государства». «Врагами» же становятся те, кто интересам государства противодействует. В

этот момент «хаос» теряет свою нейтральность и становится опасным, иными словами, в роман приходят добро и зло. Хаотическое сообщество конкурирующих бандитов сменяется на единое стационарное, и этот сюжет широко присутствует в «истории» криминального романа.

В автобиографичном монологе бывшего бандита, а ныне – охранника олигарха в произведении Ю. Шиловой отражается каноничный пример такого перевоплощения. В «лихие девяностые» он убивал, грабил и насиловал. Затем попал на «вторую чеченскую» войну, где продолжил делать то же самое, но уже «во благо государства»: «На моё счастье и на несчастье нашей многострадальной страны шли боевые действия в Чечне. Я принял решение стать контрактником и уехать служить на Северный Кавказ. Этим я убивал сразу несколько зайцев. Если вернусь живым, получу удостоверение участника боевых действий, которое может оказаться полезным. Да и деньги не лишние... Согласись, защищать Родину – это более достойное занятие, чем прятаться год по съёмным квартирам и общаться с малознакомыми людьми. Вот так я и попал на войну...» [22]. Война искупила прежние преступления персонажа, и он поступил работать в МВД.

«Государство» становится дополнительным маркером, отделяющим прошлое от настоящего. Актёры четко разделяют то самое «прошлое» государство «нормативных актов и статусов» как с прошлым «хаосом», так и с нынешней «системой» связей: «Ты что, не понял, что в милиции, как в любом ведомстве, две вертикали власти? Официальная, которая платит тебе копейки и ничем не помогает, и неофициальная, но очень могущественная – та Система, которая и определяет на самом деле всю твою жизнь? И это не только у нас, это существует в любом ведомстве!» [Там же].

Враги, как правило, обозначаются при помощи «этнических» маркеров, которым придается негативная коннотация, именно с этими группами теперь ассоциированы страхи и фобии, которые ранее ассоциировались с «хаосом». «Чеченцы» занимают первое место в списке артикулированных в источниках фобий. При этом с «чеченцами» могут быть ассоциированы самые разнообразные группы. Это и сепаратисты, сражающиеся в горах против федерального спецназа, и «террористы», готовящие взрывы в московском метро. Они становятся воплощением абстрактного зла, которое нужно искоренять повсеместно.

Диалог с ними невозможен по причине того, что стороны просто неспособны понять друг друга. Противостоять демонизированным «чеченцам» предстоит сотрудникам государственных силовых структур. Повторяется схема выстраивания конфронтации «героя» и «антагониста»: они совершают одни и те же поступки, однако «чеченец» убивает, потому что «ненавидит все русское», а «герой» – потому что он защищает себя и «свою страну».

Здесь уместно вспомнить А. Цуциева, который писал: «Через этнические предрассудки реализуется функция “канализации” агрессии или других форм выражения групповой ненависти в желательном направлении. Причем введение понятия функционального эквивалента предполагает определенный диапазон изменчивости предрассудков, в рамках которого может выполняться указанная функция. Так, если образ врага не удастся идентифицировать при помощи этнических предрассудков с конкретной этнической группой, то заменителем, эквивалентом выступают предрассудки против класса, социальной или политической группы» [23].

И вновь «хаос», но уже персонифицированный, выступает как оправдание любых чрезвычайных мер. Один из актёров сталкивается на войне с «чеченским» подростком и без колебаний расстреливает «врага»: «Валера первым ворвался в дом. И тут же наткнулся на чечена. Это был совсем молодой паренек. На подбородке едва заметный пушок, глаза ясные, светлые. Ну, никак не походил он на грозного чеченца. Самый обычный пацан... Но у этого “обычного” пацана в руках обрез охотничьего ружья. И взгляд в один миг налился дикой злобой. Рука с обрезом поднимается. Сейчас грянет выстрел... Ба-бах!.. Валера выстрелил первым. Его пуля ударила “чеха” в грудь, швырнула на стену. С разведенными в сторону руками, с широко распахнутыми глазами он опустился на пол. Теперь это снова был человек. Мертвый человек» [24].

В образе «чеченца» часто воспроизводился «традиционный» миф, бытовавший в романтической литературе XIX в. [25]. «Чеченец» означало «благородный враг», пусть дикий, но честный, мужественный, равный. В одной из книг лидер «чеченской» преступной группировки оказался рядом с актёром, который до этого вел с ним долгую и кровопролитную борьбу: «Алихан зло смотрел на Тимура. Но в его глазах не было ненависти. Зато угадывалось нечто, похожее на уважение. У чеченов в почете кровная месть. Со своим врагом они воюют до конца. Но это не мешает им уважать сильного врага. Алихан с Тимуром – враги. Но они оба сильные люди. И стоят друг друга. Тимур кровную месть не признает. Но он тоже взращен по диким законам каменных джунглей. И будет воевать с Алиханом до последнего. Но он тоже будет его уважать. Ведь этот чеченец такой же волк – жестокий и сильный. Да, Алихан скорее волк, чем шакал» [24].

Позже этнический маркер становится синонимом «врага России». Их объединяет животная ненависть «ко всему русскому», мотивация их поступков объясняется патологической жадностью и беспринципностью. И отношение к «чеченцу» теперь совершенно иное: «Лежат голубчики лапками кверху. Вряд ли их души сейчас отправляются в рай к Аллаху. По своей сути мусульманская религия достаточно мудрая и никак не приветствует насилия. Просто кое-кто подстраивает Коран под свои кровожадные планы. Джихад, воины Аллаха, смерть неверным... В последнее время в

экстремистских бандах арабов зачастую больше, чем самих чеченцев. И славянских оборотней с каждым разом становится все больше» [21]. «Врагом» может стать не только «чеченец», но и «русский оборотень», который также превращается в «чеченца». К этой же группе можно отнести и «кавказцев», «американцев» и «украинцев», в зависимости от ситуации.

Все эти группы могут быть ассоциированы с «чеченцами», «как правило связаны» с ними и описываются с помощью аналогичных слов: «Азербайджанские бойцы не имели никаких шансов взять верх над “волками”». Не было у них того опыта уличных драк. Да и особой силой они не отличались. Зато у айзеров были ножи. Они все разом, как по команде, отступили назад. И обнажили короткие, остро отточенные клинки. Только Валера почему-то не испугался. Он и его пацаны выхватили «волыны». Щелкнули взводимые курки. “Че, схавали, чернозядые?” – победно протрубил Валера. И грозно нахмурил брови» [24].

«Враги» «неприятны», «трусливы», «опасны», они «черные», «звери», «духи» или «чехи». Маркером «врага» становится не только цвет, но и определенный «образ мысли», в том числе к «врагу» могут быть отнесены люди, которые вкладывают в фрейм «врага» иной смысл. Взаимодействующий с «черными», пытающийся оправдывать или одобрять их действия, сам становится «черным».

Подведем итоги. Фрейм социального пространства «постсоветской России» конструируется в тексте за счет объединения акторов и «территории» в одно целое за счет понятия «хаос», который затем приобретает синоним «враг». «Хаос» остается в романах до тех пор, пока «государство» «девяностых» мертво или находится в коме. Актёры лишь с тоской (или отвращением) вспоминают времена, когда оно «было сильным». На место мертвого государства и никогда особо и не работавшего «закона» приходят конкурирующие силовые группировки, получившие ресурс «по наследству» от покойного Союза или «взятые его силой».

По другую сторону баррикад в этой войне всех против всех оказался «простой человек», который, не имея силового ресурса, остается уязвимым для «обстоятельств», а приобретая силу, вынужден включиться в «войну». Война «всех против всех» закончилась с выходом на сцену «государства»: силовики «официальные» поставили под контроль силовиков-«аутсайдеров» просто потому, что оказались сильнее.

Усилившееся «государство» требует от своих подопечных подчинения, пытается навязать представление о единстве интересов и, возможно, происхождения, а единственным способом сделать это в условиях «войны» было обращение «фронта» этой войны вовне. «Враг» консолидировал конкурирующих «бандитов», «ментов», а также – не имеющее силового ресурса «большинство» в единую группу, уравнив их друг перед другом за счет системы неформальных «связей», где любой может получить силовое прикрытие в обмен на лояльность или «по дружбе». Практически, «связи» между «государством» и негосударством заменили «неработающий» закон и социальные институты.

Вместе с правилами игры на сцену вышли акторы – бизнесмены, домохозяйки и адвокаты, отсутствовавшие в ранних романах. Возможно, именно этим и объясняется подчеркиваемая важность «связей» при сотрудничестве с «государством». Полиция, прокуроры и судьи – слабы и беспомощны в ситуациях «официальных» контактов, зато оказываются неоценимыми помощниками и покровителями в случае, если к ним обращаются по неофициальным каналам. Ассоциация «государство – законы» при этом сохраняется, однако на нарушение «плохих» законов в первую очередь «вынуждено» идти само «государство», аргументируя это нуждами военного времени.

Однако поводов придать легитимность новой конструкции, монополизировавшей насилие, не существовало, ведь «хаос», породивший запрос на «стационарного бандита», который бы систематизировал сбор ренты и выступил бы гарантом относительной стабильности социальной коммуникации, ушел на периферию. Поэтому «хаос» потребовалось внести извне, чтобы постоянно держать общество в страхе перед «разрухой» девяностых. «Нейтральный» социальный хаос, позволяющий существовать в рамках одного пространства неограниченному количеству силовых агентов, или акторов, превращается во вражеский проект этнически маркируемых «врагов России» – «террористы», «звери», «американцы». «Государство» же в образе полиции, армии и разведки служит гарантом неприкосновенности «границ» пространства от угроз «снаружи», допуская при этом противостояние нескольких группировок, получивших «патент» на насилие внутри самого пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 381 с.
2. Гофман И. Анализ фреймов : эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ. Р.Е. Бумагила, Ю.Л. Данилова, А.Д. Ковалева, О.Л. Оберемко. М. : Институт социологии РАН; Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 336 с.
3. Вахштайн В. Социология повседневности и теория фреймов. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. 334 с.
4. Ван Дейк. Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Амаевой. М. : Либроком, 2013. 344 с.
5. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой. СПб. : ИЦ Гуманитарная академия; университетская книга, 2004. 307 с.
6. Бурдые П. Поле литературы / пер. с фр. М. Гронас // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.
7. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. М. : Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2011. 91 с.
8. Загидуллина М.В. «Новое дело» интеллигенции, или Хождение в народ-2 // Знамя. 2003. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/znania/2003/8/zagid.html>, свободный.
9. Томас У. История теоретической социологии : в 3 т. / под ред. Ю.П. Давыдова. М. : Канон, 1998. Т. 3. 448 с.

10. Березкина О.А. Product Placement. Технологии скрытой рекламы. СПб. : Питер, 2009. 206 с.
11. Йоргенсен М., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. А.А. Киселевой. Харьков : Гуманитарный центр, 2009. 352 с.
12. Самые популярные книги в Москве за III квартал 2006 года. URL: <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2006/10/24/31227881>, свободный.
13. Самые популярные книги в Москве за I квартал 2012 года. URL: <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2012/10/24/31227881>, свободный.
14. Корецкий Д.А. Рок-н-ролл под Кремлем. М. : АСТ, 2007. 352 с. URL: <http://tululu.org/read5636/7>, свободный.
15. Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния // Русский журнал. URL: <http://russ.ru/layout/set/print/Kniga-nedeli/Nestabilnye-socialnye-sostoyaniya>, свободный.
16. Корецкий Д.А. Антикиллер. М. : Эксмо, 2003. 480 с. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=14961&p=1>, свободный.
17. Колычев В.Г. Без суда и следствия. М. : Эксмо, 2003. 216 с. URL: http://loveread.ws/read_book.php?id=14145&p=76, свободный.
18. Колычев В.Г. Сезон свинцовых дождей. М. : Эксмо, 2006. 379 с. URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/68740/Kolychev_-_Sezon_svincovyh_dozhdeii.html, свободный.
19. Устинова Т.В. Пять шагов по облакам. М. : Эксмо, 2007. 352 с. URL: http://www.libok.net/writer/2663/kniga/8882/ustinova_tatyana_vitalevna/ryat_shagov_po_oblakam/read/2, свободный.
20. Устинова Т.В. Гений пустого места. М. : Эксмо, 2006. 412 с. URL: http://ubooki.ru/художественная-литература/романы/остросюжетные-любовные-романы/genii_pustogo_mesta, свободный.
21. Колычев В.Г. Черный интернационал. М. : Эксмо, 2007. 320 с. URL: http://loveread.ws/read_book.php?id=14133&p=62, свободный.
22. Шилова Ю.В. Венец безбрачия, или Я не могу понять свою судьбу. М. : АСТ, 2013. 320 с. URL: <http://mreadz.com/new/index.php?id=303588&pages=36>, свободный.
23. Габдуллин И.Р. Этнические предрассудки: сущность и особенности функционирования : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1994.
24. Колычев В.Г. Генералы песчаных карьеров. М. : Эксмо, 2003. 448 с. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=166810&p=49>, свободный.
25. Цуцеев А.А. Русские и кавказцы. По ту сторону дружбы народов // Дружба Народов. 2005. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2005/10/cu7.html>, свободный.

Timoshkin Dmitry O. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: dmttrim@gmail.com

ETHNIC IDENTITY AS AN "ENEMY" MARKER IN MODERN RUSSIAN CRIME FICTION.

Keywords: popular literature; modern Russian crime fiction; frames; enemy image.

The author describes the transformations of word meanings defining the «post-Soviet» reality and actors involved in the most popular sector of contemporary Russian mass literature. Mass literature is considered an area fixing social stereotypes or frames. This suggestion is supported by the orientation of mass literature to meet readers' expectancies, which means that best-selling authors fix ideas of the target audience of their social media. The «post-Soviet» Russia is represented by the key words: «chaos», «war of all against all», «violence», «useless law», «unstable» that serve to fix and organize the frame of the «post-Soviet» reality. Meanwhile, there is no «post-Soviet» reality proper that exists only as a territory of social crisis limited by «sweet» memories of the «happy Soviet past» on the one side and «the West» on the other. The area of external aggression becomes a factor that determines the fate of the characters in best-selling books. In this respect, violence is regarded a single source of surviving in «chaos», which justifies use of any «extraordinary» activities. The meaning of «key words» framing the «post-Soviet» area changes throughout the period described: most recent books introduce the war frontier separating the «actors» into «natives» and «aliens» involved into the «war of all against all». In so doing, the «aliens» are defined by «ethnic» identities with obvious negative connotations. The appearance of «enemies» is used as an argument in favour of making violence, a major resource of the «post-Soviet» area, an ambient reality of the new actor defined by a «key word» – «state». The latter changes its meaning: the «state» was «weak», «destructured» or even did not exist at all before and then it became the only controlling agent and resource distributor, the principal power of which was confirmed in earliest and latest contributions. The «state» is described from one more respect now: law enforcement, the agents of which serve its interests. Earlier law enforcement was not connected with «state», even more, sometimes they were bluntly opposed to each other. The «enemies» became personalized as well: the «blacks», «beasts», «Americans» and «terrorists» try to make chaos on the territory controlled by the «state» (actually, by law enforcement agents). Categories of «good» and «evil» are introduced into best-selling books alongside with the ethnically marked «enemies», the «evil» being represented either by the actor in the opposition to the «state» or the competitor for the power monopoly.

REFERENCES

1. Lippman, W. *Obshchestvennoe mnenie* [The public opinion]. Translated from English by T.V. Barchunova. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation.
2. Goffman, E. (2004) *Analiz freymov. Esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [The analysis of frames. An essay on the organization of everyday experience]. Translated from English by R.E. Bumagin, Yu.L. Danilov, A.D. Kovalev, O.L. Oberemko. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences; Institute of the Public Opinion Foundation.
3. Vakhstein, V. (2011) *Sotsiologiya povsednevnosti i teoriya freymov* [Sociology of everyday life and the theory of frames]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
4. Van Dyck, T. (2013) *Diskurs i vlast'. Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power. Representation of dominance in language and communication]. Translated from English by E.A. Kozhemyakin, E.V. Pereverzev, A.M. Amatova. Moscow: Librokom.
5. Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [Archaeology of Knowledge]. Translated from English by M.B. Rakova. St. Petersburg: Humanitarian Academy; University Book.
6. Bourdieu, P. (2000) Pole literary [The field of literature]. Translated from French by M. Gronas. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 45. pp. 22-87.
7. Federal Press and Mass Communications Agency. (2011) *Knizhnyy rynek Rossii. Sostoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya* [The Russian book market. Status, trends and prospects]. Moscow: Federal Press and Mass Communications Agency.
8. Zagidullina, M.V. (2003) "Novoe delo" intelligentsii, ili Khozhdenie v narod-2 [A "new deal" of intelligentsia, or Going to the people-2]. *Znaniya*. 8. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/znaniya/2003/8/zagid.html>.
9. Thomas, W. (1998) *Istoriya teoreticheskoy sotsiologii: v 3 t.* [The history of theoretical sociology. In 3 vols.]. Vol. 3. Moscow: Kanon.
10. Berzskina, O.A. (2009) *Product Placement. Tekhnologii skrytoy reklamy* [The product placement. The technology of hidden advertising]. St. Petersburg: Piter.
11. Yorrnsen, M. & Phillips, L.J. (2009) *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [The discourse analysis. The theory and technique]. Translated from English by A.A. Kiseleva. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr.
12. RBK. (2006) *Samye populyarnye knigi v Moskve za III kvartal 2006 goda* [The most popular book in Moscow for the III quarter of 2006]. [Online] Available from: <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2006/10/24/31227881>.

13. RBK. (2012) *Samye populyarnye knigi v Moskve za I kvartal 2012 goda* [The most popular book in Moscow for the I quarter of 2012]. [Online] Available from: <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2012/10/24/31227881>.
14. Koretskiy, D.A. (2007) *Rok-n-roll pod Kremlem* [Rock-and-roll under the Kremlin]. Moscow: AST.
15. Blyakher, L.E. (2005) *Nestabil'nye sotsial'nye sostoyaniya* [Unstable social status]. [Online] Available from: <http://russ.ru/layout/set/print/Kniga-nedeli/Nestabil-nye-social-nye-sostoyaniya>.
16. Koretskiy, D.A. (2003) *Antikiller* [Antikiller]. Moscow: Eksmo.
17. Kolychev, V.G. (2003) *Bez suda i sledstviya* [Without trial]. Moscow: Eksmo.
18. Kolychev, V.G. (2006) *Sezon svintsovykh dozhd'ey* [The season of lead rains]. Moscow: Eksmo.
19. Ustinova, T.V. (2007) *Pyat' shagov po oblakam* [Five steps in the clouds]. Moscow: Eksmo.
20. Ustinova, T.V. (2006) *Geniy pustogo mesta* [The genius of the empty space]. Moscow: Eksmo.
21. Kolychev, V.G. (2007) *Chernyy internatsional* [The Black International]. Moscow: Eksmo.
22. Shilova, Yu.V. (2013) *Venets bezbrachiya ili ya ne mogu ponyat' svoju sud'bu* [The crown of celibacy, or I can not see my fate]. Moscow: AST.
23. Gabdullin, I.R. (1994) *Etnicheskie predrassudki: sushchnost' i osobennosti funktsionirovaniya* [Ethnic prejudices: the nature and features of functioning]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Yekaterinburg.
24. Kolychev, V.G. (2003) *General' peschanykh kar'erov* [The Sandpit Generals]. Moscow: Eksmo.
25. Tsutsiev, A.A. (2005) *Russkie i kavkaztsy. Po tu storonu druzhby narodov* [The Russians and Caucasians. On the other side of the peoples' friendship]. Druzhba Narodov. 10. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2005/10/cu7.html>.

УДК 325.14(430)
DOI 10.17223/19988613/37/14

А.А. Стракевич

ЭВОЛЮЦИЯ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ЗАПАДНОГО БЕРЛИНА НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ТУРЕЦКОЙ ДИАСПОРОЙ

Исследуются история формирования турецкой общины в Западном Берлине и эволюция политики федеральной земли по отношению к мигрантам. Отмечается, что, несмотря на официальный отказ федерального уровня признавать статус ФРГ как страны иммиграции вплоть до 1999 г., коммунальный уровень и уровень федеральных земель, были предприняты первые шаги по привлечению мигрантов к диалогу еще в 1970-е гг. Рассматривается современный институциональный механизм миграционной политики; указывается особая роль собственных организаций мигрантов как проводников между властью и диаспорой.

Ключевые слова: Берлин; турецкая диаспора; интеграционная политика.

История турецкой иммиграции в ФРГ уходит корнями в 1960-е гг.: в 1961 г. Западная Германия заключает с Турцией двусторонний договор о рекрутизации трудовых мигрантов, зафиксировавший двухлетний срок в качестве максимально допустимого периода пребывания гостевой рабочей силы. Однако «иллюзии возвращения» не суждено было стать реальностью. На сегодняшний день численность турецкой диаспоры в Германии оценивается в 3 млн человек [1. С. 56], причем порядка 200 тыс. этнических турок проживает в Берлине [2. С. 5]. Каким же образом германское государство в целом и отдельные федеральные земли¹ восприняли миграционный вызов? Как менялась интеграционная политика низших уровней власти с 1960-х гг. и каково соотношение между федеральной и земельной политикой? Наконец, какие цели заложены в современную стратегию интеграции и насколько удачным является созданный для их достижения механизм? Все эти вопросы положены в основу настоящей работы. При этом в качестве объекта исследования избрана иммиграционная политика (Западного) Берлина, рассматриваемая сквозь призму взаимоотношений с турецкой диаспорой.

Первая волна «гостевых рабочих», прибывших в Западный Берлин после заключения договора, почти целиком состояла из женщин. Указанная особенность объясняется потребностями городской экономики: в отличие от других западногерманских регионов, нуждавшихся прежде всего в рабочих промышленных производств, в Западном Берлине преимущественное развитие получили текстильная промышленность и электроника [Там же. С. 87]. Наблюдаемый парадокс связан с особым геополитическим положением Западного Берлина. Отделенный от остальной ФРГ, город не мог сделать ставку на ресурсоемкие отрасли. Кроме того, возведенная в 1961 г. Берлинская стена закрыла возможность размещения предприятий в пригородах: новые промышленные объекты вынужденно строились в городской черте, что не могло не сказаться на выборе видов деятельности.

В первые годы действия договора прибывавшие в Западный Берлин турецкие рабочие размещались, как

правило, в неудовлетворительно обустроенных общежитиях; практически не имели контактов с местным населением. Однако к началу 1970-х гг. ситуация начинает меняться. На фоне санкционированного федеральным правительством воссоединения семей турецкие мигранты начинают переселяться из общежитий. Основная часть переселенцев устремляется при этом в районы Кройцберг, Веддинг и Тиргартен, значительная доля жилого фонда которых находилась в этот период на реконструкции [3. С. 236]. Постепенно в указанных районах формируется специфическая инфраструктура, ориентированная на потребности иммигрантов; развивается этнический бизнес. Между тем местные власти строили свою политику по отношению к мигрантам, исходя из опасений привлечь новых турецких переселенцев. Так, с 1975 по 1989 г. желательная доля иностранцев среди населения отдельных районов устанавливалась на уровне 12% [2. С. 92]. Имеются данные о попытках сдерживать турецкую миграцию путем сознательного отказа властей от развития инфраструктуры (в том числе школ и детских садов) «неблагополучных районов» [4].

Компактное проживание турецких мигрантов становится важным стимулом для организационной активности диаспоры. Первые турецкие организации появляются в ФРГ на рубеже 1970–1980-х гг. «Пионерами» среди объединений мигрантов становятся землячества и клубы по интересам. Постепенно к ним добавляются правые и левые политические организации, транслирующие внутривнутриполитические конфликты Турции на германскую почву. Наконец, в 1980-е гг. происходит решающий поворот: организации, ориентированные на проблемы страны пребывания, вытесняют объединения, ориентированные на страну исхода, на периферию гражданского участия турецких мигрантов. Развиваются новые формы организационной активности: от молодежных ассоциаций до организаций турецких родителей; от спортивных клубов до профессиональных объединений [5. С. 46–47].

По всей видимости, начало 1980-х гг. следует считать периодом, когда исчерпала себя так называемая «иллюзия возвращения» (*Rückkehrillusion*) – представ-

ление о временности пребывания турецких мигрантов на территории ФРГ. Дальнейший рост турецкой диаспоры после приостановки найма рабочей силы (*Anwerbestopp*) в 1973 г., а также провал программы поддержки возвращающимся, запущенной в 1983 г., отчетливо проявили необходимость выработки стратегий взаимодействия с мигрантами.

Впрочем, внимание, проявленное к проблеме федерального уровнем власти, было весьма ограниченным. В 1978 г. учреждается должность *Уполномоченного федерального правительства по делам иностранцев* (*Ausländerbeauftragte*). Спустя год после назначения Уполномоченный публикует свой первый доклад «Текущее положение и перспективы интеграции иностранных рабочих и членов их семей в ФРГ», более известный как «Меморандум Кюна» (по имени первого уполномоченного — Х. Кюна). Подчеркивая ответственность западногерманского государства за будущее гастарбайтеров и их детей, Х. Кюн призывает федеральное правительство признать Германию страной иммиграции, развернуть программы социально-экономической и политической интеграции мигрантов, а также обеспечить реальное равноправие в жилищной сфере, сфере образования и трудоустройства. Кроме того, впервые на столь высоком уровне выдвигается требование предоставить мигрантам право голоса на местных выборах [6]. Прогрессивный характер замечаний не смог повлечь за собой столь же прогрессивных действий. Последовавшие за «Меморандумом Кюна» два десятилетия ФРГ последовательно отрицала, что является страной иммиграции, и не предпринимала необходимых мер по интеграции мигрантов.

Как следствие основная нагрузка в установлении диалога с диаспорами легла на более низкие уровни власти. Согласно имеющимся в нашем распоряжении данным, еще в 1971 г. в Кройцберге учреждается первый *Совет иностранцев* (*Ausländerbeirat*), подавляющее большинство членов которого составляли, несмотря на название, этнические немцы. Задуманный как совещательный орган, *Совет* занимался прежде всего обсуждением проблем коммунального уровня (качество жилых помещений района, обучение детей, не разговаривающих по-немецки, в местных школах и т.п.) [7]. Следует отметить, что практика создания Советов иностранцев становится в 1970-е гг. в Западной Германии практически повсеместной. Порядок формирования и полномочия соответствующих органов существенно разнились (аналогичная тенденция сохраняется и по сей день), тогда как цель их учреждения оставалась неизменной. Как отмечает немецкий исследователь Р. Рот, Советы иностранцев выделялись своеобразной заменой полноценному избирательному праву на коммунальном уровне, не предоставляемому лицам без немецкого гражданства. Впрочем, на практике участие иностранцев в выборных процедурах Советов оказалось низким; не превышало, как правило, 5–10% наделенных правом голоса [8. С. 201].

В 1981 г., следуя опыту федерального уровня власти, Берлин учреждает должность *Уполномоченного по делам иностранцев*. На протяжении последующих 22 лет данный пост занимала Б. Джон, удачно балансирующая между более консервативными и либеральными подходами к миграционной политике. С одной стороны, Б. Джон заявляла о необходимости поддержки возвращающихся на родину мигрантов и дальнейшего правового ограничения воссоединения семей. С другой стороны, немалое внимание, по словам Уполномоченного, следовало уделять интеграции второго и третьего поколения мигрантов [9. С. 132].

Новая должность подразумевала целый ряд полномочий, важнейшими среди которых были координация мероприятий правительства Берлина, правовое консультирование иностранцев и работа с общественностью [10. С. 2]. Важными элементами деятельности Уполномоченного становятся налаживание контактов с собственными объединениями мигрантов и стимулирование интеграционной активности в их среде. По утверждению немецкого социолога Т. Шварца, подобное внимание к организациям мигрантов могло иметь весьма прагматичные причины: на фоне продолжавшегося непризнания ФРГ страной иммиграции положение берлинского Уполномоченного было весьма нестабильным; отсюда — ее стремление заручиться поддержкой в среде мигрантов [9. С. 134].

Так или иначе принятые Б. Джон в данной сфере меры представляют собой поистине уникальный опыт, в дальнейшем взятый на вооружение федеральным правительством. С начала 1980-х гг. под патронажем берлинского Уполномоченного по делам иностранцев запускается программа финансовой поддержки собственных организаций мигрантов. Хотя выделение средств на практике сопровождалось множеством оговорок (поддержку чаще всего получали лишь отдельные проекты организаций; больше всего шансов имели гетерогенные в этническом смысле организации с участием немцев), внедрение программы оказало заметное влияние на паттерны гражданского участия мигрантов. По данным, приводимым голландским исследователем Ф. Фермёленом, 1982 г. (год запуска программы) был отмечен лавинообразным ростом числа турецких общественных организаций [11. С. 80–84]. Примечательно, что именно в этот период происходит описанный выше поворот организационной активности турецкой диаспоры к внутренним проблемам ФРГ.

1990-е гг. стали, вероятно, одним из самых противоречивых, но и значимых периодов в истории турецкой диаспоры в ФРГ. В 1989 г. пала Берлинская стена, а уже в следующем году произошло воссоединение Германии. Последствия этих событий, хотя и не коснувшихся турецкой общины напрямую, оказались для нее катастрофическими. Социолог турецкого происхождения Г. Йурдакул приводит любопытный факт: в Берлине начала 1990-х гг. возникла своеобразная поговорка: «Когда стена падала, она упала на турок» [12.

С. 37]. Смысл поговорки прост: эйфория воссоединения быстро сменилась серьезными экономическими проблемами, связанными с необходимостью «догоняющего» развития Восточной Германии. Последовала серия массовых увольнений, жертвами которых зачастую становились турецкие рабочие. Впрочем, следует сделать оговорку: под сокращение попали не только турецкие, но и немецкие кадры; причина тому – массовое закрытие экономически неэффективных восточно-германских предприятий и вытеснение менее квалифицированных рабочих более квалифицированными переселенцами из бывшей ГДР. Особенность заключается в масштабах безработицы: в то время как среди этнических немцев рост безработицы в период с 1990 по 1992 г. составил лишь 25%, соответствующий показатель среди иностранцев достигал 81% [3. С. 233–234].

Одновременно с ухудшением экономического положения в немецком обществе поднималась волна ксенофобии. Хотя Берлину удалось избежать массовых кровопролитий, подобных тем, что произошли в городах Хойерсверда и Росток, за жителями Берлина, имеющими «миграционный опыт», на долгие годы закрепились репутация «угрозы» немецкому обществу и «нагрузки» на немецкую экономику. Последнее объяснялось высокой частотой обращения к программам социальной помощи, что представляется логичным на фоне массовых увольнений мигрантов.

Примечательно, что именно в 1990 г. парламент Западного Берлина предпринимает один из наиболее прогрессивных шагов в сфере миграционной политики, а именно законодательно закрепляет избирательное право иностранцев на местных выборах. Впрочем, принятое решение так и не нашло практического исполнения: уже в ноябре 1990 г. Федеральный конституционный суд приостанавливает действие соответствующего закона [13. С. 92]. Параллельно сворачивается полноценный диалог с организациями мигрантов: прекращается финансирование этнических объединений, что приводит к заметному сокращению их числа.

Своеобразным возрождением интеграционной политики Берлина становится период 2003–2007 гг. Прежде всего меняется институциональная база миграционной политики. Учреждается *Земельный совет по вопросам интеграции и миграции* (*Landesbeirat für Integrations- und Migrationsfragen*), в рамках которого члены собственных организаций мигрантов, а также представители власти, бизнеса и благотворительных учреждений вырабатывают совместные рекомендации для правительства федеральной земли. Соответственно, пост *Уполномоченного по делам иностранцев* трансформируется в *Уполномоченного сената Берлина по вопросам интеграции и миграции*; становится подразделением *Земельного совета* [14. С. 17]. Кроме того, на основании принятого в 2006 г. федерального Общего закона о равном обращении создается *Земельное учреждение по равноправному обращению – против дискриминации* (*Landesstelle für*

Gleichbehandlung – gegen Diskriminierung). Деятельность *Учреждения* направлена на повышение информированности общества о проблемах дискриминации. Предусмотрены процедуры консультирования по вопросам правовой защиты лиц, столкнувшихся с дискриминацией по гендерному, религиозному, национальному и иным признакам [15].

В 2007 г. принимается рамочный документ региональной интеграционной политики – Берлинская концепция интеграции (*Das Berliner Integrationskonzept*), охватывающая как перспективные цели, так и описание уже принятых мер по работе с мигрантами. Подобно принятому в аналогичный период Национальному интеграционному плану, Концепция уделяет особое внимание таким сферам интеграционной политики, как образование и рынок труда.

Образовательная политика федеральной земли предусматривает, среди прочего, следующие мероприятия:

- раннее обучение немецкому языку на базе детских садов и путем внедрения обязательных языковых курсов для поступающих в школу детей, не владеющих немецким языком;
- подготовка педагогов к работе в мультикультурной среде;
- сокращение числа школ, доля мигрантов в которых превышает 40%;
- учреждение малых классов для новичков, не владеющих немецким языком;
- расширение сотрудничества школ и родителей мигрантов;
- дальнейшее внедрение модели школы продленного дня;
- повышение доли мигрантов среди воспитателей и преподавателей;
- формирование программ обучения взрослых, бросивших школу, и снижение соответствующего показателя среди нынешних учащихся.

Важной особенностью германской миграционной политики начала XXI в. является тесное сотрудничество государственного аппарата и собственных организаций мигрантов при осуществлении интеграционных мер. Примером действия данного принципа в образовательной сфере может служить деятельность Турецкой ассоциации родителей (*FÖTED*). Пользуясь финансовой поддержкой федеральной земли, Ассоциация организует работу с турецкими школьниками и их родителями, содействуя повышению образовательного уровня, профессиональному ориентированию и преодолению конфликтов со сверстниками [16. С. 67].

Иные задачи предусматривает **интеграция мигрантов на рынке труда**:

- учреждение профессионально ориентированных интеграционных курсов;
- поддержка этнического бизнеса (в том числе в рамках специальных программ кредитования);
- внедрение программ повышения квалификации;

- взаимодействие с молодежью в сфере профессионального ориентирования;
- повышение доли мигрантов среди государственных служащих всех уровней.

Особо подчеркивается значимость **социально-пространственной интеграции** (*sozialräumliche Integration*), подразумевающей преодоление целого комплекса социальных проблем мигрантов (низкий образовательный уровень, безработица, неустойчивость связей с принимающим обществом), транслируемых на физическое пространство города. Власти Берлина открыто заявляют о стремлении работать с «отчужденными пространствами» путем развития местной инфраструктуры и активного привлечения жителей к диалогу о будущем подобных районов – что, как отмечалось ранее, является серьезным поворотом в политике города.

Отдельного упоминания заслуживает внесенная в Берлинскую концепцию интеграции задача **стимулирования натурализации мигрантов** [17]. Снимая с повестки дня вопрос о предоставлении иностранцам права голоса на коммунальных выборах, данная мера позволяет расширить круг участников политического процесса. Кампания стимулирования натурализации, запущенная в Берлине, признается одной из наиболее масштабных во всей Германии. Помимо семинаров, в ходе которых получившие немецкое гражданство иностранцы рассказывали своим землякам о возможностях натурализации, берлинское правительство использовало такие инструменты, как печатные издания, плакаты и даже рекламные фильмы, транслируемые в метро [18. С. 76]. Впрочем, существование так называемого *Optionszwang* (принцип обязательного выбора гражданства лицами с двойным гражданством) с 2004 по 2014 г. заметно сдерживало число натурализаций. В разгар берлинской кампании квота натурализации² составляла лишь 1,48%, тогда как в Великобритании и Франции соответствующий показатель достигает в среднем 3%, в Польше и Швеции – 5% [Там же. С. 70–71]. В настоящее время не имеется надежных данных, указывающих на изменение квоты после отмены принципа выбора гражданства.

Принятый в 2010 г. Закон о регулировании участия и интеграции в Берлине (*Gesetz zur Regelung von Partizipation und Integration in Berlin*) отчетливо усиливает роль коммунального уровня в работе с мигрантами. Законом предусмотрено создание *Интеграционных комитетов*, формируемых из членов Собрания районных представителей с возможностью дополнительного привлечения лиц, компетентных в рассматриваемых вопросах, даже в случае отсутствия немецкого гражданства у последних. Кроме того, развитие получает институт *Районных уполномоченных по интеграции*, Районный уполномоченный осуществляет интенсивное взаимодействие с собственными организациями мигрантов, содействует учету интересов мигрантов при

принятии решений органами власти и формулирует рекомендации относительно соответствующих решений [19].

Важно, впрочем, отметить: социально-экономическое положение турецкой общины, являющейся основным «реципиентом интеграционной помощи», по-прежнему остается неудовлетворительным. Несмотря на очевидную положительную динамику последних лет, представленность турецких мигрантов на высших образовательных ступенях остается низкой по сравнению с немецким населением. Так, доля имеющих высшее образование немцев составляет 43%; для рожденных в Германии турок соответствующий показатель достигает лишь 25%, для рожденных в Турции – 15% [20. С. 7]. Турецкие иммигранты нередко сталкиваются с дискриминацией при приеме на работу и на рабочем месте, получают более низкую заработную плату и испытывают более высокий риск бедности [Там же. С. 32]. На низком уровне сохраняется и число межэтнических контактов, являющихся важным индикатором успешной интеграции.

В чем же кроется причина наблюдаемых проблем? Представляется, что речь идет сразу о нескольких факторах. С одной стороны, вероятной причиной является сохранение и даже рост (на фоне неблагоприятных внешнеполитических событий) настороженности по отношению к мигрантам-мусульманам. С другой стороны, для рассматриваемой группы характерна высокая этническая самоидентификация, дополняемая заметным противопоставлением собственной идентичности остальному обществу. Как следствие, ограниченный успех интеграционных мер может объясняться нежеланием заметной части группы интегрироваться в принимающее общество.

Пройдя долгий путь отрицания своего статуса как страны иммиграции в 1970–1990-х гг., ФРГ приходит к осознанию необходимости интеграционных мер. Примечательно, что федеральные земли сделали это гораздо раньше федерального центра. Западный Берлин становится при этом одной из первых земель, вставших на путь интеграции: первые, пусть и несовершенные, меры по привлечению мигрантов к диалогу принимаются еще в 1970-е гг. На сегодняшний день Берлин располагает масштабным, многопрофильным институциональным механизмом, стоящим в ряду наиболее прогрессивных земельных моделей интеграции.

Тем не менее выстроенная в последние десятилетия система институтов интеграции представляется не лишённой недостатков. Хотя многоуровневый и разветвленный характер является, очевидно, оправданным, полномочия отдельных структур прописаны слишком расплывчато, что может порождать практическое пересечение компетенций. Кроме того, велика опасность неконтролируемого разрастания профильных институтов под действием бюрократической инерции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Берлин имеет статус федеральной земли; коммунальный уровень власти в случае Берлина представлен отдельными районами.

² Квота натурализации рассчитывается как процент одобренных заявок на натурализацию на 1000 иностранцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Bevölkerung mit Migrationshintergrund – Ergebnisse des Mikrozensus 2011.* URL: <https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/Bevoelkerung/MigrationIntegration/Migrationshintergrund2010220117004.pdf> (дата обращения: 29.04.2015).
2. Greve M., Orhan K.N. Berlin deutsch-türkisch. Einblicke in die neue Vielfalt. 2008. 97 s. URL: http://www.berlin.de/imperia/md/content/lb-integration-migration/publikationen/minderheiten/berlin_deutsch_tuerkisch_bf.pdf?start&ts=1229705053&file=berlin_deutsch_tuerkisch_bf.pdf (дата обращения: 15.05.2015).
3. Häußmann H., Sackmann R. Changes in Berlin: The Emergence of an Underclass? // *Built Environment. A Rising European Underclass?* 1994. Vol. 20, No. 3. P. 231–241.
4. Lanz S. «Us» and the «Others»: Construction of the foreigners' ghetto. URL: <http://www.goethe.de/lhr/prj/daz/mag/igd/en2990514.htm> (дата обращения: 9.05.2015).
5. Østergaard-Nielsen E. Transnational Politics: The Case of Turks and Kurds in Germany. 2003. 178 p.
6. Butterwegge C. Von der «Gastarbeiter»-Anwerbung zum Zuwanderungsgesetz. URL: <http://www.bpb.de/gesellschaft/migration/dossier-migration/56377/migrationspolitik-in-der-brd?p=all> (дата обращения: 29.04.2015).
7. Herzberg K. Kreuzberger Mitbestimmung // *Neues Deutschland*. 09.12.2010. URL: <http://www.neues-deutschland.de/artikel/186078.kreuzberger-mitbestimmung.html> (дата обращения: 15.05.2015).
8. Roth R. Integration durch politische Partizipation und bürgerschaftliches Engagement / F. Gesemann, R. Roth // *Lokale Integrationspolitik in der Einwanderungsgesellschaft: Migration und Integration als Herausforderung von Kommunen*. Wiesbaden, 2009. S. 195–216.
9. Schwarz T. Integrationspolitik als Beauftragtenpolitik: Die Ausländerbeauftragte des Berliner Senats / F. Gesemann // *Migration und Integration in Berlin Wissenschaftliche Analysen und politische Perspektiven*. 2001. S. 127–144.
10. 1981–2011: 30 Jahre Arbeit für Integration und gesellschaftliche Vielfalt. URL: http://www.berlin.de/imperia/md/content/lb-integration-migration/publikationen/dokus/ausstellung_integration_und_migration_bf.pdf (дата обращения: 20.05.2015).
11. Vermeulen F. Immigrant Organising Process : Turkish Organisations in Amsterdam and Berlin and Surinamese Organisations in Amsterdam, 1960–2000. Amsterdam University Press, 2006. 192 p.
12. Yurdakul G. From Guest Workers into Muslims : The Transformation of Turkish Immigrant Associations in Germany. 2009. 163 p.
13. Kleff H.-G. Die Bevölkerung türkischer Herkunft in Berlin-Kreuzberg – eine Bestandsaufnahme // *Ghettos oder ethnische Kolonie?: Entwicklungschancen von Stadtteilen mit hohem Zuwandereranteil*. Bonn, 1998. 144 s. URL: <http://www.fes.de/fulltext/asfo/00267009.htm#E10E26> (дата обращения: 20.05.2015).
14. *Willkommen in Berlin.* URL: http://www.berlin.de/imperia/md/content/lb-integration-migration/publikationen/willkommen/berlin_ordner_brosch_a4_de_bf_02.pdf (дата обращения: 11.05.2015).
15. *Migranten sind aktiv: Zum gesellschaftlichen Engagement von Migrantinnen und Migranten.* URL: http://www.forum-interkultur.net/uploads/tx_textdb/131.pdf (дата обращения: 15.05.2015).
16. *Aufgaben und Ziele der Antidiskriminierungsstelle.* URL: <https://www.berlin.de/lb/ads/ueber-uns/aufgaben-ziele/> (дата обращения: 19.05.2015).
17. «Vielfalt fördern – Zusammenhalt stärken». Das Berliner Integrationskonzept. Handlungsfelder, Ziele, Leitprojekt. URL: http://www.berlin.de/imperia/md/content/lb-integration-migration/publikationen/berichte/integrationskonzept_2007_bf.pdf (дата обращения: 19.05.2015).
18. Gesemann F., Roth R. Integration ist (auch) Ländersache! / F. Gesemann, R. Roth. 2015. 152 s. URL: http://www.desi-sozialforschung-berlin.de/wp-content/uploads/FES-526-44-Brosch%C3%BCre-A5-Integration-ist-auch-L%C3%A4ndersache_2.pdf (дата обращения: 4.05.2015).
19. Gesetz zur Regelung von Partizipation und Integration in Berlin. URL: http://www.berlin.de/imperia/md/content/lb-integration-migration/publikationen/recht/partintg_bf.pdf (дата обращения: 20.05.2015).
20. *Neue Potenziale. Zur Lage der Integration in Deutschland.* URL: http://www.berlin-institut.org/fileadmin/user_upload/Neue_Potenziale/Neue_Potenziale_online.pdf (дата обращения: 20.05.2015).

Strakevich Anastasia A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lowenzahnwein@rambler.ru

EVOLUTION OF (WEST) BERLIN INTEGRATION POLICY – ON THE EXAMPLE OF RELATIONS WITH TURKISH DIASPORA.

Keywords: Berlin; Turkish diaspora; migration policy.

The history of Turkish migration to West Germany traces back to the 1960s, as a bilateral recruitment treaty was concluded. Initially this migration was thought to be temporary, but the *Rückkehrillusion* (the illusion of return) has never come true. Nowadays there are 3 million Turks in Germany with approximately 200.000 of them living in Berlin. Although the changes in social structure became obvious already during the first years of recruitment, it wasn't until 1999 that the federal level officially recognized that Germany is a country of immigration. Unlike the federal authorities, *Bundesländer* and municipalities took their first integration measures in 1970s. Berlin was one of the most prominent integration actors, founding *Ausländerbeiräte* (councils of foreigners) and establishing the post of *Ausländerbeauftragte* (Ombudsman for foreigners). In 1990 Berlin granted foreigners a suffrage in local elections, but this decision was soon overruled by the Federal Constitutional Court. The absence of the local franchise for foreigners is still typical for Germany, making a large amount people unable to influence their state directly. In the 2000s a U-turn took place in the federal migration policy. The federal level officially recognized the status of an immigration country. A number of basic documents were adopted at all the levels of powers. The Berlin Integration Concept of 2007 constituted the foundation of the capital's migration policy. One can enumerate four key points of this «roadmap»: integration in education, integration on the labour market, socio-spatial integration and naturalization. The city pays special attention to the cooperation with migrant's organizations, which are thought to be both flexible and effective actors. Although Berlin has elaborated an extensive integration scheme, a large amount of Turkish immigrants living in the city still experience some kind of social exclusion, associated with low income rates, fragile «external» contacts, ghettoization and numerous discrimination practices. It seems that the described condition can be explained on the basis of two main issues. On the one hand, the Turkish diaspora is often referred to as a potential threat and a load for the German economy. Such an approach tends to deepen the insularity of the group. On the other hand, the members of the group are experiencing a high rate of symbolic exclusion and are therefore unwilling to merge with the German society. One should also mention that the system of national, regional and communal integration institutions in Germany is quite complicated, and the vagueness of their powers creates preconditions for bureaucratism.

REFERENCES

1. Destatis. (2011) *Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Bevölkerung mit Migrationshintergrund – Ergebnisse des Mikrozensus 2011* [Population and employment. Population with a migration background – results of the microcensus 2011]. [Online] Available from: <https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/Bevoelkerung/MigrationIntegration/Migrationshintergrund2010220117004.pdf>. (Accessed: 29th April 2015).
2. Greve, M. & Orhan, K.N. (2008) *Berlin deutsch-türkisch. Einblicke in die neue Vielfalt* [Berlin German-Turkish. Insight into the new variety]. [Online] Available from: http://www.berlin.de/imperia/md/content/lb-integration-migration/publikationen/minderheiten/berlin_deutsch_tuerkisch_bf.pdf?start&ts=1229705053&file=berlin_deutsch_tuerkisch_bf.pdf. (Accessed: 15th May 2015).
3. Häußmann, H. & Sackmann, R. (1994) Changes in Berlin: The Emergence of an Underclass? *Built Environment*. 20 (3). pp. 231-241.
4. Lanz, S. (2008) “Us” and the “Others”: Construction of the foreigners’ ghetto. [Online] Available from: <http://www.goethe.de/lhr/prj/daz/mag/igd/en2990514.htm>. (Accessed: 9th May 2015).
5. Østergaard-Nielsen, E. (2003) *Transnational Politics: The Case of Turks and Kurds in Germany*. Routledge.
6. Butterwegge, C. (2005) *Von der “Gastarbeiter”-Anwerbung zum Zuwanderungsgesetz* [From the “guest workers” – Recruitment to the Immigration Act]. [Online] Available from: <http://www.bpb.de/gesellschaft/migration/dossier-migration/56377/migrationspolitik-in-der-brd?p=all>. (Accessed: 29th April 2015).
7. Herzberg, K. (2010) Kreuzberger Mitbestimmung [Kreuzberg participation]. *Neues Deutschland*. 9th December. [Online] Available from: <http://www.neues-deutschland.de/artikel/186078.kreuzberger-mitbestimmung.html>. (Accessed: 15th May 2015).
8. Roth, R. (2009) Integration durch politische Partizipation und bürgerschaftliches Engagement [Integration through political participation and civic engagement]. In: Gesemann, F. & Roth, R. *Lokale Integrationspolitik in der Einwanderungsgesellschaft: Migration und Integration als Herausforderung von Kommunen* [Local Integration Policy in Immigration Societies: Migration and integration as challenges of municipalities]. Wiesbaden. pp. 195-216.
9. Schwarz, T. (2001) Integrationspolitik als Beauftragtenpolitik: Die Ausländerbeauftragte des Berliner Senats [Integration policy as a commissioned policy: Commissioner for Foreigners of the Berlin Senate]. In: Gesemann, F. (ed.) *Migration und Integration in Berlin Wissenschaftliche Analysen und politische Perspektiven* [Migration and Integration in Berlin. Scientific analysis and political perspectives]. pp. 127-144.
10. Anon. (n.d.) 1981–2011: 30 Jahre Arbeit für Integration und gesellschaftliche Vielfalt [From 1981 to 2011: 30 years working for integration and social diversity]. [Online] Available from: http://www.berlin.de/imperia/md/content/lb-integration-migration/publikationen/dokus/ausstellung_integration_und_migration_bf.pdf. (Accessed: 20th May 2015).
11. Vermeulen, F. (2006) *Immigrant Organising Process: Turkish Organisations in Amsterdam and Berlin and Surinamese Organisations in Amsterdam, 1960–2000*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
12. Yurdakul, G. (2009) *From Guest Workers into Muslims: The Transformation of Turkish Immigrant Associations in Germany*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
13. Kleff, H.-G. (1998) Die Bevölkerung türkischer Herkunft in Berlin-Kreuzberg – eine Bestandsaufnahme [The population of Turkish origin in Berlin-Kreuzberg]. In: Stiftung, F. (ed.) *Ghettos oder ethnische Kolonie?: Entwicklungschancen von Stadtteilen mit hohem Zuwandereranteil* [Ghettos or ethnic colony?: Development opportunities of districts with a high immigrant population]. [Online] Available from: <http://www.fes.de/fulltext/asfo/00267009.htm#E10E26>. (Accessed: 20th May 2015).
14. Berlin.de. (n.d.) *Willkommen in Berlin* [Welcome to Berlin]. [Online] Available from: http://www.berlin.de/imperia/md/content/lb-integration-migration/publikationen/willkommen/berlin_ordner_brosch_a4_de_bf_02.pdf. (Accessed: 11th May 2015).
15. Federal Government Commissioner for Migration, Refugees and Integration. (2003) *Migranten sind aktiv: Zum gesellschaftlichen Engagement von Migrantinnen und Migranten* [Migrants are active: For social commitment of migrants]. [Online] Available from: http://www.forum-interkultur.net/uploads/tx_textdb/131.pdf. (Accessed: 15th May 2015).
16. Berlin.de. (n.d.) *Aufgaben und Ziele der Antidiskriminierungsstelle* [Tasks and objectives of anti-discrimination body]. [Online] Available from: <https://www.berlin.de/lb/ads/ueber-uns/aufgaben-ziele/>. (Accessed: 19th May 2015).
17. Berlin. De. (n.d.) “Vielfalt fördern – Zusammenhalt stärken”. *Das Berliner Integrationskonzept. Handlungsfelder, Ziele, Leitprojekt* [“Promoting diversity - strengthening cohesion”. The Berlin Integration Concept. Fields of action, objectives, key project]. [Online] Available from: http://www.berlin.de/imperia/md/content/lb-integration-migration/publikationen/berichte/integrationskonzept_2007_bf.pdf. (Accessed: 19th May 2015).
18. Gesemann, F. & Roth, R. (2015) *Integration ist (auch) Ländersache!* [Integration is (also) the matter of countries!]. [Online] Available from: http://www.desi-sozialforschung-berlin.de/wp-content/uploads/FES-526-44-Brosch%C3%BCre-A5-Integration-ist-auch-L%C3%A4ndersache_2.pdf. (Accessed: 4th May 2015).
19. Berlin.de. (n.d.) *Gesetz zur Regelung von Partizipation und Integration in Berlin* [The law regulating participation and integration in Berlin]. [Online] Available from: http://www.berlin.de/imperia/md/content/lb-integration-migration/publikationen/recht/partitg_bf.pdf. (Accessed: 20th May 2015).
20. Berlin Institute for Population and Development. (2014) *Neue Potenziale. Zur Lage der Integration in Deutschland* [New potential. Current State of integration in Germany]. [Online] Available from: http://www.berlin-institut.org/fileadmin/user_upload/Neue_Potenziale/Neue_Potenziale_online.pdf. (Accessed: 20th May 2015).

МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ ЭТНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

УДК 314.15:94(44)
DOI 10.17223/19988613/37/15

Е.Б. Деминцева

СОЗДАВАЯ «ГЕТТО»: СОЦИАЛЬНЫЕ КВАРТАЛЫ ФРАНЦИИ И ИХ ОБИТАТЕЛИ (1960–2010 гг.)

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

Последние тридцать лет темы социальных кварталов во Франции неразрывно связаны с проблемами мигрантов и выходцев из мигрантской среды. Мигранты появляются в них в 1960-х гг. – именно в это время Франция приглашает в страну на работу на крупных предприятиях выходцев из своих бывших колоний, стран Северной Африки. С прибытием в страну семей мигрантов социальные кварталы, строившиеся изначально для французских бедных семей, живущих в стесненных условиях и не имевших возможность приобрести жилье, становятся местом проживания выходцев из Северной Африки. Со временем эти социальные кварталы становятся не столько местом жилья для бедных, сколько местом проживания мигрантов и их детей, зонами «исключения», и к этим территориям начинают применять понятие «гетто», подчеркивая тем самым их особенность, маргинальность, периферийность, а также «исключенность» их обитателей из жизни остального города.

Ключевые слова: социальные кварталы; мигранты; социальная исключенность; «гетто»; «этнические районы».

Франция имеет одно из самых многочисленных мигрантских сообществ Европы. В течение полувека, проводя миграционную и интеграционную политики, государство так и не смогло решить проблемы, связанные с пребыванием в стране мигрантов и выходцев из мигрантской среды. Существуют многотысячные «мигрантские пригороды» с тяжелыми социальными проблемами: безработицей, расизмом, криминалом. В начале 1980-х гг. в стране впервые заговорили о «молодежи окраин», новых обитателях социальных кварталов. После волнений в лионских пригородах 1981 г. перед французским обществом и государством встал вопрос о решении социальных проблем, связанных с этими «зонами исключения».

Конец XX в. стал временем попыток решения проблем «мигрантских пригородов»: были реализованы программы, направленные на включение их обитателей в жизнь французского общества, помощи в восхождении по социальной лестнице его обитателей, создания условий для получения молодежью образования и помощи в реализации молодыми выходцами из мигрантской среды своих профессиональных проектов. Однако социальные вопросы усложняются особой социокультурной средой, сформированной в этих пригородах. Вопросы сохранения семейных традиций, религии, а также влияния сообщества, сформировавшегося за десятилетия в этих кварталах, являются для некоторых молодых людей барьером включения в жизнь остального общества.

В 2005 г. эта тема стала обсуждаться не только во Франции. После «бунтов окраин» весь мир заговорил о пылающих пригородах Парижа. Выяснилось, что тема «этнических районов», «проблемных пригоро-

дов» актуальна практически для всех стран Европы. Встал вопрос: насколько была эффективной политика, направленная на интеграцию мигрантов и их детей в общества европейских стран? В чем состоят ее промахи и о каких положительных результатах можно сегодня говорить?

«Проблема окраин», «мигрантских кварталов», несмотря на различные подходы в политике разных стран к интеграции мигрантов, остается одной из наиболее болезненных для европейских стран. Что делать с «проблемными кварталами»? Когда мы говорим о «мигрантских кварталах», мы говорим о социальных или культурных составляющих этих проблем? И если до сегодняшнего дня не решены многие вопросы, связанные с пребыванием мигрантов на территории Франции, можно ли говорить о провале политики государства по отношению к мигрантам, или же из года в год проблемы не только накапливаются, но и появляются новые, для которых нужны принципиально иные методы решения? На все эти вопросы можно ответить, рассмотрев политику Франции по отношению к мигрантам и выходцам из мигрантской среды с начала массовых потоков миграции из стран Северной Африки в 1960-е гг. до настоящего времени. В статье мы также уделим внимание политике Франции, направленной на обитателей «проблемных кварталов», и попробуем ответить на вопрос, возможно ли применение к ним термина «гетто».

Формируя «окраины»: политика Франции по отношению к мигрантам в 1960–1980-е гг. На протяжении «славного тридцатилетия» (1945–1975) мигранты во Франции воспринимались как временные переселенцы, приехавшие на заработки в стра-

ну, но планирующие возвращение на родину. В ноябре 1945 г. был создан *Национальный офис по миграции* (*Office National d'Immigration – ONI*), который давал государству монополию на привлечение трудовых мигрантов. Были введены три типа видов на жительство – на один, три и десять лет. Приветствовалась и семейная миграция, которая должна была решить послевоенные демографические проблемы. Государственная политика была ориентирована на «включение» («insertion») мигрантов в профессиональную среду, при этом Франция не стремилась интегрировать иностранных рабочих в принимающее общество. Основные государственные меры были направлены на размещение мигрантов: был разработан ряд программ по строительству жилья для иностранцев, выделению им комнат в общежитиях и квартир. Это позволяло не только обеспечить приезжающих на заработки жильем, но и контролировать их пребывание.

В 1958 г. во Франции был создан *Фонд социально-го действия* (*Fond d'Action Sociale – FAS*), основная задача которого сводилась к помощи в обретении жилья и работы алжирским мигрантам, самому многочисленному на тот момент мигрантскому сообществу Франции. Необходимость его появления назревала уже несколько лет: послевоенный наплыв мигрантов, оказавшихся на территории страны по приглашению властей, в конце 1950-х гг. был значителен, и представители именно алжирской миграции заговорили о необходимости создания общественного органа, действующего при поддержке государства для обеспечения условий проживания и работы иностранцев. В 1964 г. фонд расширил свою деятельность и начал оказывать помощь и поддержку всем мигрантам вне зависимости от страны происхождения. Основной его деятельностью было создание общежитий, в которых выходцы из разных стран старались селиться семьями или спланивались по земляческому принципу. По мнению французского исследователя Жака Бару [1], существует еще одна причина, по которой государство содействовало их созданию: бессемейные мужчины-мигранты вызвали беспокойство со стороны властей, и они старались селить их всех вместе, для того чтобы осуществлять за ними контроль.

Изначально поселения для мигрантов назывались «*лагеря временного пребывания*» («*camps d'hébergement*»). Первые из них были созданы в 1960-е гг. по инициативе алжирских рабочих и при участии французского государства. Они существовали под патронажем организации *SONACONTRA* (*SOciété NAtionale de LOgement pour les Travailleurs Algériens – Национальная жилищная корпорация алжирских трудящихся*), которая не только строила общежития, но и контролировала проживание мигрантов-алжирцев внутри жилых комплексов и в стране в целом. Очень быстро эта организация взяла под свое покровительство и других иностранцев.

В 1950–1960-е гг. по инициативе французского правительства мигрантов стали расселять в социальных кварталах (*Cité*), комплексах социального жилья для проживания малообеспеченных. По мере увеличения миграционных потоков и прибытия семей общежитий, строившихся для рабочих-мигрантов, стало не хватать, а пребывающим семьям требовались уже квартиры. Поэтому кварталы социального жилья стали рассматриваться как места для временного проживания рабочих-иностранцев. Мигранты старались селиться рядом с земляками, создавая сообщества по принципу страны происхождения внутри квартала. Со временем здесь стала развиваться собственная инфраструктура – мигранты открывали магазины с товарами из стран Северной Африки, кафе, ориентированные на соотечественников, молельные залы. Постепенно внутри кварталов стала складываться среда, в которой мигрант чувствовал себя комфортно – практически как у себя дома – и у многих не было желания покидать «свои» районы и общаться с принимающим обществом.

Декларируемая государством после экономического кризиса 1974 г. попытка приостановления миграционных потоков изменила видение жителями страны фигуры мигранта. Не только власти, но и граждане Франции начинали понимать, что многие «арабы» во Франции – это уже не временное явление. Вопросы безработицы, сокращения рабочих мест и экономические проблемы заставили многих усомниться в необходимости трудовых мигрантов. Газеты начинают обсуждать «проблемы окраин» – тех «бетонных окраинных кварталов» (так называли социальные кварталы, построенные преимущественно из бетонных домов), в которых мигранты получили социальное жилье. Жителей страны волновали проблемы «интеграции» в связи с присутствием рядом с ними людей с другой культурой, религией, обычаями. «Другого», чей образ вызывал у них страх и опасение за сохранение «французской культуры». Как на государственном уровне, так и в обществе начинают говорить о «новых бедных», к которым причисляют мигрантов и выходцев из мигрантской среды [2. С. 11].

К началу 1980-х гг. в социальных кварталах сложились особые «зоны» по земляческому принципу. Государство не вмешивалось в их жизнь и не декларировало их «особость». Сами мигранты предпочитали формировать здесь собственную среду, свой образ жизни, ограничивать общение выходцами из своих стран и регионов. Многие были уверены, что вернутся на родину, как только им позволит финансовая ситуация. Однако все больше мужчин вызывали к себе семьи, отдавая себе отчет в том, что пребывание в стране не ограничится несколькими месяцами. Многие обращались за получением гражданства, что облегчало им возможность трудоустройства и доступа к социальным благам. Они становились гражданами

страны, а их дети, родившиеся во Франции, получали гражданство автоматически.

Для принимающего общества мигранты-магрибинцы являлись «чужаками», «чернорабочими», теми, кто готов за небольшие деньги выполнять самую тяжелую работу. Старые жители социальных кварталов начинают покидать их, не желая жить рядом с мигрантами, создающими собственную культурную и социальную среду [3]. В конце концов количество мигрантов и выходцев из мигрантской среды стало превосходить то население, которое изначально жило в социальных кварталах. В начале 1980-х гг. об этих районах стали говорить как о «мигрантских пригородах».

«Проблемные окраины» – «проблемные мигранты». Вплоть до конца 1980-х гг. миграционная и интеграционная политики государства существовали параллельно. Выбранный в мае 1974 г. Президент Французской Республики Валери Жискар д'Эстен определил основной тезис миграционной политики – приостановление новых потоков мигрантов, контроль за въездом, содействие всем желающим вернуться на родину и программа «включения» для остающихся. В законе, принятом в октябре 1974 г., подчеркивалось стремление к тому, «чтобы либо допустить на национальном уровне повсеместную интеграцию иностранных рабочих в соответствии с их пожеланиями, либо позволить им сохранить социально-культурные связи со страной своего происхождения, способствуя тем самым обретению всеми желающими возможности впоследствии вернуться на родину» [4. С. 42]. Иными словами, закон проводил линию разграничения между теми, кто предполагал остаться, натурализовавшись и полностью интегрировавшись в общество, и теми, кто собирался уехать на родину и сохранял с ней связи. До начала 1980-х гг. вопросы интеграции были тесно связаны с законами, ограничившими въезд или же выезд тех, кто не собирался интегрироваться во французское общество.

Отношение к присутствию мигрантов со стороны общества и государства изменилось в начале 1980-х гг. В законе Боннэ 1981 г. прописывалось право на создание иностранцами собственных ассоциаций. Именно ассоциации, созданные представителями второго поколения мигрантов, так называемыми «бёрами», способствовали тому, что проблемы молодых выходцев из мигрантской среды перешли из разряда частных случаев в общенациональные вопросы, решения по которым принимались на государственном уровне. В 1983 г. по всей стране прошли «марши бёров», в которых приняли участие тысячи человек. Они заявили о себе как о таких же гражданах страны, как и остальные французы, а также о расизме и дискриминации по отношению к ним. По мнению «новых французов», их воспринимали как «неполноценных» граждан. Они говорили о своей «исключенности» из общества, в том числе и территориальной. На страницах газет и в телевизионных программах эта проблема

стала активно обсуждаться. Впервые звучит понятие «гетто» в отношении социальных кварталов, которые сравниваются с районами проживания афроамериканцев США. Появление «зон исключения» вызвало страх во французском обществе, а государство стало предпринимать попытки решить «проблемы окраин».

«Проблемы окраин» заключались не только в том, что здесь образовывались закрытые сообщества, создававшие свою инфраструктуру и препятствующие интеграции. В представлении самого французского общества кварталы становились маркерами, указывающим на маргинальность их обитателей. Их не принимали на работу, так как работодатели заранее воспринимали их как «неблагополучных», «проблемных». Под влиянием СМИ сформировался стереотип молодежи, живущей в «зонах насилия», наркотиков, преступности. Даже те, кто хотел интегрироваться, вырваться из кварталов, не могли это сделать не только из-за давления семьи, но и нежелания самого общества принимать их. Эта территория накладывала отпечаток на своих жителей, и, например, проблемы безработицы, с которым сталкивались все молодые французы, в случае с обитателями этих мест только усугублялись.

Пришедшие к власти в 1981 г. левые пытались создать условия для более эффективного «включения» иностранцев в жизнь страны. Закон Боннэ определил ряд новых требований, распространяющихся на иностранцев, находящихся во Франции. С этого момента высылка мигранта может осуществляться только при совершении им преступления, а все те, кто находится в иррегулярной ситуации, должны покинуть Францию только после рассмотрения их дела в суде. Закон не позволял высылать из страны несовершеннолетних детей или же их родителей, а также близких родственников, члены семьи которых имели право проживания во Франции. Исключения делались в случае угрозы национальной безопасности. Таким образом, иностранца уже не могли высылать из страны по первому требованию властей, и это давало ему социальные и правовые гарантии при рассмотрении его дела в суде.

С начала 1980-х гг. французское государство рассматривает мигрантов как проблемную группу, с которой надо работать, регулировать их положение, включать в жизнь остального общества. Это связано не только с экономической ситуацией и безработицей в стране, но и с культурными различиями, которые выделяли магрибинцев, составлявших тогда большинство среди мигрантов. Они старались перенести во Францию тот жизненный уклад и образ жизни, который у них был на родине. Они селились рядом со своими соотечественниками, выходцами из одного региона и даже деревни. Этому способствовало то, что рабочие для промышленных гигантов нанимались обычно из одних мест в странах Магриба, им предоставлялось жилье недалеко от предприятий, в

социальных кварталов. Таким образом, выходцы из одного региона оказывались не только рабочими на одном заводе, но и соседями в одном квартале или даже доме. Приезжавшие к ним жены также оказывались вовлечены в круг общения своих же земляков, а дети вращались в этой среде и многие до поступления в школу не говорили по-французски [5].

Как показывают мои собственные исследования [6] и работы французских коллег [7, 8], семьи тех мигрантов, которые приезжали в страну в 1960–1970-е гг. преимущественно из стран Северной Африки, не хотели интегрироваться. Это были в основном выходцы из деревень отдаленных районов, не говорящие по-французски и имеющие несколько классов образования. Они были теми «*indigènes musulmans*», той категорией жителей Алжира, которую во время колониального господства Франции не коснулась политика ассимиляции, она практически не повлияла на уклад жизни семей, их религиозную принадлежность [9].

Миграция меняла не только страну, но и среду обитания, превращая мигрантов в городских жителей. Мигрант должен был адаптироваться не только к жизни в другой стране, но и к жизни в городе, обитателем которого становился.

Французские исследователи подчеркивают [10, 11], что многие семьи старались оградить своих детей от влияния французского общества, в котором, по мнению мигрантов, им придется жить лишь некоторое время. Дети, посещая в школу, постепенно включались в среду окраинного квартала, их друзьями были уже выходцы и из других стран. Стали формироваться сообщества молодых людей разного происхождения, которые чувствовали свою исключенность из французского общества не только из-за происхождения, но и места проживания. Исследователи говорят о формировании «поколения окраин» («*génération de cité*») [12], включая в него детей мигрантов, выросших в 1980–1990-х гг. в социальных пригородах. По их мнению, за четверть века сформировалось поколение, в социализации которого важную роль играли среда окраинного социального квартала (*cité*) и влияние процессов, происходящих в стране: движения «бёров», социальной политики государства в окраинных районах, направленной на местную молодежь, и выделение самим французским обществом этих кварталов как особых зон с «плохой репутацией».

«Молодежь окраин»: социальная политика в «проблемных кварталах». Начиная с 1980-х гг. государство разрабатывает программы, направленные на включение мигрантов и их детей, многие из которых уже были гражданами Франции, во французское общество. Ставилась задача дать возможность молодым людям из «проблемных кварталов» воспользоваться социальным «лифтом» для выхода из своих замкнутых сообществ. Одними из инструментов должны были стать сам город (или пригород) и его государственные учреждения, в том числе

школа. Была разработана программа *Приоритетных зон образования* (*zones d'éducation prioritaires – ZEP*). С 2006–2007 гг. они называются иначе – ZEP (APV, RAR, CLAIR, ECLAIR), но неофициально продолжают носить это название. Были выбраны кварталы, чьим учебным заведениям выделялось дополнительное финансирование. Они имели право в автономном режиме решать школьные проблемы, возникшие под влиянием социальной среды.

Эта реформа часто не достигала поставленной цели. Задача получения качественного среднего образования наталкивалась как на низкий уровень подготовки в школах, так и на отношение мигрантских семей. Государственные школы окраинных кварталов в идеале (по замыслу французской системы образования) ничем не должны были отличаться от остальных школ. Однако идея включения ребенка из мигрантской среды во французское общество через школу была обречена на неудачу, так как в школе он оказывался все в том же сообществе детей мигрантов, своих соседей, выходцев из таких же семей, как и его собственная. Такая школа не могла стать местом интеграции ребенка, так как она не включала его в какое-то иное сообщество.

Причиной неудачи интеграции через школу французские исследователи [13–15] считают также нежелание семей стимулировать детей к успешной учебе. Многие родители не уделяли большого внимания учебе детей и не рассматривали образование как социальный лифт. Это происходило прежде всего из-за их низкого образования (многие их отцы и матери закончили только начальную школу или же были безграмотными), а также непонимания возможностей, которые предоставляет французская система образования (бесплатное обучение на всех уровнях) и роли образования в дальнейшей жизни детей.

Таким образом, школа в социальных кварталах была местом, куда необходимо приходиться, но где не было стимула учиться. Как показывает Дидье Лапейронни [3], здесь «неправильно» быть хорошим учеником. В местных компаниях существовали (и сейчас существуют) негласные правила, по которым учеба не была частью «имиджа правильного парня окраин». Школа не могла воздействовать на такого подростка ни через родителей, ни через социальную среду. Поэтому молодые люди часто бросали школу, Учителя, попавшие в эти школы по национальному конкурсу найма преподавателей, также стремились как можно быстрее их покинуть. В лицеи и колледжи преподаватели принимались на работу только через национальный конкурс. Молодые специалисты могли выбрать лишь регион и часто оказывались в таких кварталах.

Для многих молодых людей «их Франция» – это в первую очередь их окраинный квартал, где они выросли. Они ставят принадлежность к нему выше связей с родиной предков, которая превратилась для них

в миф, а также выше принадлежности французскому государству. В отличие от родителей, «родина предков», где они никогда не были или иногда ездили на каникулах, является совершенно чужой. Они мало знают и о Франции за пределами квартала. Их семьи в основном жили внутри «своего» пространства, по своим правилам, и круг общения ограничивался соседями и родственниками. «Молодежь окраин» ощущала (и ощущает) привязанность к своей собственной «территории» и ее истории. Для нее намного важнее их «собственная история», «история семьи», много лет живущей в данном квартале. Она играет гораздо более важную роль, чем легенды о предках и исторической родине или же ощущение себя частью большого европейского государства.

Вместе с тем дети учатся в светских школах, где акцент делается на республиканские традиции. Франция пытается воспитать из них «своих граждан», а семья стремится выделить их, напоминая, что они – прежде всего члены «своего» сообщества. При этом большое влияние оказывает на них «улица», та среда, в которой они живут, в которой перемешаны «республиканское воспитание», семейные традиции, культура квартала. Некоторые молодые люди пытаются вырваться из квартала, который, по их мнению, является препятствием в их жизни: стараются найти работу, снять жилье вне «проблемного квартала», ограничить общение со своими приятелями из «той среды». Другие, наоборот, чувствуют себя привязанными к этому месту, понимают то, как могут функционировать в этой среде и практически оторваны от остального общества и не стремятся интегрироваться в него.

К началу 2000-х гг. во французском обществе образовалась особая социокультурная группа – «поколение окраин». Это жители «проблемных пригородов», в большинстве своем выходцы из мигрантской среды, часто из многодетных семей. Их отцы были рабочими, когда-то приехавшими в страну на заработки и оставшиеся здесь. Многие семьи жили на грани нищеты или в нищете, на социальные пособия, так как многие отцы теряли работу, а матери чаще всего были домохозяйками или же обслуживающим персоналом (уборщицами, нянечками и т.п.). У многих молодых людей были неполные семьи, домом для большинства из них была улица своего квартала, на которой они находили друзей, понимание, поддержку.

Картинки пылающих пригородов 2005 г. стали своего рода символом этого поколения. Как писала в эти дни пресса, ни местные власти этих кварталов, ни другие источники не видели какой-либо организации, общественной или политической, которая бы делала какие-то заявления или выдвигала условия от лица этой молодежи. На улицы в эти дни (а точнее, ночи) выходили подростки окраин и заявляли о себе поджогами машин. Они были в «своих» районах, они понимали, куда им бежать в случае облавы полиции, и своими действиями хотели заявить о себе, своих про-

блемах, неблагополучии. Они достигли главной цели – о «проблемных кварталах» заговорили как о зонах насилия, агрессии, безработицы, неуправляемости и бесконтрольности. В последующие несколько лет государство стало делать попытки взять их под контроль.

Гетто или окраины (banlieues)? Несколько десятилетий вопросом «Что такое “проблемные кварталы”?» задаются не только политики и журналисты. Массовые беспорядки в парижских пригородах начала 1990-х гг. поставили перед французскими исследователями ряд сложных вопросов. Можно ли, например, сравнивать социальные кварталы во Франции и американские гетто? Одним из первых понятие «гетто» по отношению к «проблемным кварталам» употребил французский социолог Дидье Лапейронни [16]. По его мнению, с середины 1990-х гг. здесь стали происходить социальные трансформации, изменившие восприятие этих районов не только французским обществом, но и их обитателями. Перемены коснулись роли ряда институтов, таких, например, как школа; изменилась роль полиции в этих кварталах; в них стали процветать такие явления, как расизм и дискриминация. Год от года стала увеличиваться роль неформального сектора: появилась теневая экономика, прежде всего основанная на криминальном бизнесе, все чаще кварталы стали ассоциироваться с насилием и преступностью.

Лапейронни считает, что эти социальные изменения позволяют назвать эти территории термином «гетто» [3]. Для того чтобы подтвердить или опровергнуть свою гипотезу, в середине 2000-х гг. он провел полевое исследование. Взяв за методологическую основу антропологические исследования, проводившиеся в США, направленные на выявление механизмов функционирования местных гетто, Лапейронни попытался доказать, что в случае с французскими социальными кварталами речь идет об идентичных социальных трансформациях. Причем важно то, что эти трансформации не относятся к географическим изменениям или территориальным и архитектурным особенностям этих мест; они определяют именно социальную изоляцию жителей кварталов, которые в свою очередь выступают для своих обитателей в качестве маркера социальной неблагополучности и исключенности.

Ученый провел серию глубинных интервью и фокус-групп, собрал множество историй жизни, а также сделал ряд этнографических наблюдений. Это позволило ему сделать вывод о том, что именно социальная исключенность, изолированность жителей от остального мира позволяет говорить о социальных кварталах как об особой «зоне», «зоне исключения». Поэтому возможно применять понятие «гетто». У обитателей этих кварталов существует особое социальное поведение, сформированное под влиянием внешних и внутренних факторов, особое отношение к ним того

общества, которое живет за пределами квартала и проецирует на жителей «неблагополучных окраин» дискриминационные практики. Вероятно, можно говорить о проявлениях расизма как внутри квартала, так и направленного со стороны остального французского общества.

Молодой человек, обитатель квартала, испытывает на себе негативное отношение остального общества во многом потому, что он живет в этом месте. Сложившиеся стереотипы по отношению к обитателям социальных кварталов, к «арабам» и «черным», «детям окраин», являются препятствием для полноценного функционирования внутри французского общества. Жителям кварталов сложно получить работу, имея в резюме строчку с адресом их места жительства; им сложно снять жилье за его пределами, даже если у них есть материальная возможность, так как владельцы квартир не хотят сдавать их «парням с окраин». Лапейронни говорит о выходцах из социальных кварталов как о «внебрачных детях» современного французского общества, которых хотят скрыть, сделать вид, что их нет или же изолировать от остальных.

Другие французские исследователи также стали употреблять понятие «гетто». Антрополог Давид Лепутр [17], изучая молодежную субкультуру окраинных кварталов, приходит к выводу о схожести социальных процессов в них и в американских гетто. Проведя два года в одном из таких кварталов пригорода Курнев недалеко от Парижа, работая учителем в местном лицее, на протяжении нескольких лет он подробно изучал жизнь молодежи, и с оговорками, но все же считает, что именно этот квартал можно назвать «гетто». Анализируя культурные явления, складывающиеся в них, а также верлан, язык, созданный молодежью окраин на базе слов французского языка (основной его принцип – переставление слогов и букв, например: *Arabe* → *Beur* → *Reubeux*, *Noirs* → *Reunoir*, *Francais* → *Cerfans*), исследователь говорит о сформировавшейся собственной культуре и определенных ритуалах, которые формируют специфическую среду, в которой живет молодежь. Если Лапейронни доказывает существование гетто через социальные процессы, происходящие в них, то Лепутр обращает внимание на культурные изменения и создание определенной социокультурной среды в отдельно взятом районе, что позволяет ему на конкретном примере обозначить механизмы функционирования этой среды и выделить характеристики, по его мнению, совпадающие с теми, которые мы можем обнаружить в американских кварталах.

Однако существует и другая точка зрения, опровергающая гипотезу о схожести процессов и социальных трансформаций в «окраинных кварталах» Франции и в американских гетто. Лоик Вакан приходит к выводу, что невозможно наделять социальные неблагополучные кварталы теми же смыслами, что и американские гетто. Он считает, что речь идет о разных

по своей интенсивности социальных процессах: в США больше, чем во Франции, подчеркнута социальная сегрегация, изоляция населения этих кварталов, а тема насилия звучит более громко.

По мнению Вакана, необходимо обратить внимание на историю формирования районов: во Франции можно говорить о постепенном заселении социальных кварталов выходцами из мигрантской среды, а в американских гетто приходится вспоминать о политике расовой сегрегации. Американские гетто изначально создавались как сегрегированные кварталы. В третьих, автор подчеркивает, что «пригороды рабочего класса и черных гетто были объектом диаметрально противоположных политических конструкций и бюрократического управления в 1980-х и 1990-х гг. Это означает, что пропасть, которая отделяет эти два социопространственных объекта, – не только количественного, но также, и что еще более важно, социально-исторического и институционального порядков» [18. С. 6].

Для доказательства этих тезисов Л. Вакан в своей книге [19] предлагает теорию, которую называет «расширенной городской маргинальностью», и выстраивает ее из двух перспектив. С одной стороны, структурного анализа преобразований, которые происходили в экономике и городах после волны расовых беспорядков 1960-х гг.; с другой стороны, сравнительного анализа сходства и различия американского черного гетто и французских пригородов рабочего класса. Последние, по его мнению, являются не столько «гетто», сколько «анти-гетто». Французские социальные кварталы, несмотря на насилие, преступность и социальные проблемы, все же остаются территориями, контролируруемыми властями, в них реализуются, пусть не всегда успешно, различные поддерживаемые государством инициативы, направленные на интеграцию их жителей во французское общество.

Л. Вакан не отрицает, что можно говорить о некотором сходстве французских социальных кварталов и американских гетто, что и позволяет во многом эксплуатировать это сравнение как СМИ, так и его обитателями. Первое сходство – это «видимость» этих кварталов, так как в них сконцентрировано наибольшее количество этнических меньшинств. В США это «черные» (blacks), во Франции это выходцы из мигрантской среды, в основном африканского происхождения, и сами мигранты. Вторым сходством можно назвать выделение этих мест жителями обеих стран как зон нищеты, преступности и насилия. Важно не только, что они такими являются, но и то, что такими их видит общество. Соответственно, выходец из такого района будет a priori наделен стигматизирующими признаками.

Какие бы ни были результаты научных дебатов [20], ученые сходятся в том, что во Франции в последние десятилетия произошли изменения в социальных кварталах, которые сегодня выделяемы и их

жителями, и французским обществом как «особые» территории. Возможны разные подходы к изучению процессов, происходящих в них: определения социальных кварталов как «гетто», «зон исключения» и концентрации меньшинств. Или же, сравнивая процессы, происходящие в этих кварталах в США и во Франции, найти различия в социальных трансформациях, предпосылках тех или иных процессов, в том числе и исторических, и обозначить их как другие формы, схожие лишь внешне, но внутри имеющие принципиальные различия. Однако и в том и в другом случае ученые говорят о сложных социальных процессах, затрагивающих как городскую территорию, так и те сообщества, которые обитают в этих кварталах. Авторы говорят прежде всего о социальных процессах, усложненных расовым дискурсом и проецируемой со стороны общества дискриминацией на то население страны, которое оказалось замкнуто внутри этих территорий.

«Проблемные окраины» и их обитатели сегодня. Можно говорить о нескольких важных событиях, повлиявших на развитие социальных кварталов во Франции и присваивании им статуса «проблемных кварталов» как на государственном уровне, так и в самом французском обществе:

1. Расселение мигрантов в социальных кварталах Франции в 1960–1970-е гг. и постепенное вытеснение из них остального, не-мигрантского населения.

2. Признание в 1980-х гг. социальных кварталов во Франции как «мигрантских».

Заявив о себе как о гражданах страны, при этом выделив себя среди них как отдельную категорию, молодые выходцы из мигрантской среды обозначили те проблемы, с которыми им приходится сталкиваться в обществе, в том числе и вопросы социальной исключенности.

1990-е гг. – это период новых волнений, провоцируемых «обитателями окраин». Несмотря на то что во Франции больше чем десятилетие существовали программы, направленные на включение в общество выходцев из мигрантской среды, «проблемные кварталы» оставались той средой, которая замыкала их молодых обитателей на себе и препятствовала включению в принимающее общество. Теракты в парижском метро летом 1995 г. сделали эти кварталы не только

«зонами исключения», но и «зонами насилия» и концентрации исламистских группировок.

В 2005 г. уже весь мир заговорил о парижских пригородах и проблемах миграции. Сотни машин были сожжены жителями окраин, так называемым «вторым поколением», выходцами из мигрантской среды. В течение нескольких дней они выходили на улицы своих кварталов, привлекая внимание общественности к тем проблемам, которые лежат на поверхности: социальной исключенности, безработицы, насилия и преступности. Эти события освещались практически всеми СМИ стран мира и на первые полосы газет разместили материалы о трудностях интеграции не только мигрантов, но и их детей, родившихся уже во Франции. Франция вновь, как в 1980-х гг., во времена «маршей бёров», заговорила о поколении молодежи, вышедшем из мигрантской среды, чьи проблемы так и не смогло решить французское государство.

Несмотря на то что последнее десятилетие Франция реализует множество программ, направленных на интеграцию молодежи кварталов, повышение качества образования и поддержку культурных инициатив, в стране сохраняются эти «проблемные районы», которые по-прежнему живут своей жизнью. Не решены проблемы безработицы, безопасности, насилия и преступности. Именно в таких местах активно работают исламистские организации, ловко вовлекая в свои ряды молодежь, уставшую от своей изоляции, пренебрежения со стороны остального общества, социальных проблем. События зимы 2015 г. в журнале «Шарли эбдо» и захват заложников в магазине парижского предместья свели на нет все попытки французских властей по интеграции молодых людей из «проблемных кварталов» во французское общество [21].

Франция и сегодня задается вопросом, почему в стране выросли участники расстрела журналистов «Шарли эбдо», при том что вот уже несколько лет социальные пригороды, населенные преимущественно мигрантами и их детьми, находятся под внимательным контролем государства и разрабатываются социальные государственные программы, направленные именно на детей и подростков, так называемое «второе поколение». На сегодняшний день проблемы не решены, а «проблемные кварталы» остаются одной из наиболее острых социальных проблем Франции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barou J. Foyers d'hier, résidences sociales de demain // Écarts d'identité. Hiver 2000–2001. № 94. P. 17–20.
2. Avenel C. Domaines et approches. Sociologie des quartiers sensibles. Paris : Armand Colin, 2010 (3-ème édition). 132 p.
3. Lapeyronnie D. Ghetto urbain. Ségrégation, violence, pauvreté en France aujourd'hui. Paris. Editions Robert Laffont, 2008. 624 p.
4. Khellil M. L'intégration des maghrébins en France. Paris : PUF, 1991. 182 p.
5. Jazouli A. Les années banlieues. Paris. Seuil. 1992. 200 p.
6. Демичева Е. Быть «арабом» во Франции. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 192 с.
7. Sayad A. La Double Absence. Paris : Seuil, 1999. 437 p.
8. Begag A. Ecarts d'identité. Paris : Seuil, 1990. 121 p.
9. Weil P. Qu'est-ce qu'un Français ? Histoire de la nationalité française depuis la Révolution. Paris : Grasset, 2002. 401 p.
10. Souilamas N.G. Des « beurettes » aux descendantes d'immigrants nord-africaine. Paris : Grasset, 1999. 362 p.
11. Lacoste-Dujardin C. Yasmina et les autres de Nanterre et d'ailleurs. Filles de parents maghrébins en France. Paris. La Découverte, 1992. 282 p.
12. Beaud S., Masclet O. Des « marcheurs » de 1983 aux « émeutiers » de 2005 // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2006. Vol. 4. P. 809–843.
13. Aissou A. Les beurs, l'école et la France. Paris. CIEMI / L'Harmattan. 1987. 215 p.

14. Dubet F. Le racisme et l'école en France // *Racisme et modernité* / ed. Wieviorka M. Paris. La Découverte. 1993. P. 298–306.
15. Dubet F. L'exclusion scolaire : quelles solutions ? // *L'exclusion, l'état des savoirs* / ed. S. Paugam. Paris. La Découverte. 1996. P. 497–506.
16. Lapeyronnie D., Dubet F. Les quartiers d'exil. Paris : Seuil, 1992. 250 p.
17. Lepoutre D. Coeur de banlieues. Codes, rites et langages. Paris : Odile Jacob, 1997 (2001). 460 p.
18. Wacquant L. French working-class banlieues and black American ghetto: from conflation to comparison // *Qui Parle*. 2007. Vol. 16, No. 2. P. 5–38.
19. Wacquant L. Ghetto, banlieues, État (traduit de l'anglais par Sébastien Chauvin). Paris : La Découverte, 2006. 331 p.
20. Kokoreff M. Ghettos et marginalité urbaine : Lectures croisées de Didier Lapeyronnie et Loïc Wacquant // *Revue française de sociologie*. 2009. № 50-3. P. 553–572.
21. Деминцева Е. «Проблемные окраины» и их обитатели: парижские предместья между «бунтом окраин» и «Шарли эбдо» // *Этнографическое обозрение*. 2015. № 5. С. 135–148.

Demintseva Ekaterina B. Higher School of Economics National Research University (Moscow, Russian Federation). E-mail: katiad@yandex.ru

CREATING “GHETTOES”: FRENCH BANLIEUES AND THEIR INHABITANTS (1960–2010).

Keywords: banlieues, migrants; social exclusion; “ghetto”; “ethnic quarters”.

Throughout the last thirty years banlieues in France have been invariably linked with the issues of migration and migrant communities. Migrants appeared there in the 1960s, when France began to import workers for its large industrial plants from her former North African colonies. There are a number of key events that shaped the development of these quarters in France and marking of them as the «zones of exclusion» by the French society. First, it is their settlement in the 1960s – 1970s by migrants and the gradual departure of non-migrants inhabitants. Second, it is the recognition of these social housing quarters by the society as the «migrant» areas. During this period, young members of the migrant communities engaged in protest manifestations to assert their equal citizen rights, drawing the attention of the society to the problem of social exclusion of banlieues inhabitants. The third stage was the beginning of the 1990s – the period of large-scale disturbances provoked by the inhabitants of banlieues. Even though France by that time had been for over a decade implementing social integration programs aimed at the inhabitants of these quarters, these «problem areas» still remained a kind of environment that locked in its young inhabitants and impeded their integration into the larger society. These territories begin to be called «ghettoes» thereby stressing their difference, marginality, their location at the social periphery, and the exclusion of their inhabitants from the life of the rest of the city. The next important step were the disturbances of 2005, when the Paris banlieues and the problems of migrants became a topic for discussion on a global scale, as their young inhabitants took to the streets, thereby drawing attention to the obvious problems of these quarters: social exclusion, unemployment, violence, and crime. Even though in the last decade France has been implementing numerous programs aimed at social integration of youth from these quarters, including improvements in education and support for cultural initiatives, banlieues are still the «exclusion zones.» The article explores the policies of the French state towards members of migrant communities from the 1960s till present. We also consider the policies regarding the inhabitants of the banlieues. In conclusion, we discuss whether the term «ghetto» could be applied to these areas.

REFERENCES

1. Barou, J. (2000–2001) Foyers d'hier, résidences sociales de demain [Homes yesterday, social homes of tomorrow]. *Écarts d'identité*. 94. pp. 17–20.
2. Avenel, C. (2010) *Domaines et approches. Sociologie des quartiers sensibles* [Areas and approaches. Sociology of neighborhoods]. 3rd ed. Paris: Armand Colin.
3. Lapeyronnie, D. (2008) *Ghetto urbain. Ségrégation, violence, pauvreté en France aujourd'hui* [Urban Ghetto. Segregation, violence, poverty in France today]. Paris: Robert Laffont.
4. Khellil, M. (1991) *L'intégration des maghrébins en France* [The integration of the Maghreb in France]. Paris: PUF.
5. Jazouli, A. *Les années banlieues* [The years of suburbs]. Paris: Seuil.
6. Demintseva, E. (2008) *Byt "arabom" vo Frantsii* [Being "Arab" in France]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Sayad, A. (1999) *La Double Absence* [Double Absence]. Paris: Seuil.
8. Begag, A. (1990) *Écarts d'identité* [Identity differences]. Paris: Seuil.
9. Weil, P. (2002) *Qu'est-ce qu'un Français? Histoire de la nationalité française depuis la Révolution* [What is French? History of French nationality since the Revolution]. Paris: Grasset.
10. Souilamas, N.G. (1999) *Des "beurettes" aux descendantes d'immigrants nord-africaine* [North African girls, the descendants of North African immigrants in the second generation]. Paris: Grasset.
11. Lacoste-Dujardin, C. (1992) *Yasmina et les autres de Nanterre et d'ailleurs. Filles de parents maghrébins en France* [Yasmina and other Nanterre and elsewhere. Daughters of North African parents in France]. Paris: La Découverte.
12. Beaud, S. & Masclet, O. (2006) Des “marcheurs” de 1983 aux “émeutiers” de 2005 [“Walkers” of 1983 to the “Rioters” in 2005]. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 4. pp. 809–843.
13. Aissou, A. (1987) *Les beurs, l'école et la France* [North African immigrants, school and France]. Paris: CIEMI / L'Harmattan.
14. Dubet, F. (1993) Le racisme et l'école en France [Racism and school in France]. In: Wieviorka, M. (ed.) *Racisme et modernité* [Racism and Modernity]. Paris: La Découverte. pp. 298–306.
15. Dubet, F. (1996) L'exclusion scolaire : quelles solutions? [School exclusion: what works?]. In: Paugam, S. (ed.) *L'exclusion, l'état des savoirs* [The exclusion, the state of knowledge]. Paris: La Découverte. pp. 497–506.
16. Lapeyronnie, D. & Dubet, F. (1992) *Les quartiers d'exil* [The neighborhoods of exile]. Paris: Seuil.
17. Lepoutre, D. (1997) *Coeur de banlieues. Codes, rites et langages* [The heart of suburbs. Codes, rites and languages]. Paris: Odile Jacob.
18. Wacquant, L. (2007) French working-class banlieues and black American ghetto: from conflation to comparison. *Qui Parle*. 16 (2). pp. 5–38.
19. Wacquant, L. (2006) *Ghetto, banlieues, État* [Ghetto, suburbs, State]. Translated from English by S. Chauvin). Paris: La Découverte.
20. Kokoreff, M. (2009) Ghettos et marginalité urbaine: Lectures croisées de Didier Lapeyronnie et Loïc Wacquant [Ghettos and urban marginality: lectures by Loïc Wacquant and Didier Lapeyronnie]. *Revue française de sociologie*. 50-3. pp. 553–572.
21. Demintseva, E. (2015) “Problemnye okrainy” i ikh obitateli: parizhskie predmest'ya mezhd u “buntom okrain” i “Sharli ebdo” [“Problem outskirts” and their inhabitants: the Parisian suburb between “rebellion of suburbs” and “Charly Ebdo”]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 5. pp. 135–148.

УДК 94(47+57): 94(510)
DOI 10.17223/19988613/37/16

И.О. Пешков

НОВОЕ ПРОШЛОЕ ДЛЯ НОВЫХ ГОРОЖАН: СЛЕДЫ РОССИЙСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ ГОРОДАХ КИТАЯ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Национального центра науки (Польша)
(грант № DEC 2012/05/E/HS3/03527).*

Проводится анализ роли следов российского присутствия в общественных городских пространствах Северного Китая. Главное внимание будет сосредоточено на механизмах воспроизведения российского (Маньчжурия) и изобретения сибирского символического поля в синкретической среде приграничных районов китайской Внутренней Азии. В современном Китае рост интереса к российскому наследию подчинен неолиберальному переописанию культурного пространства региона в категориях инвестиционной привлекательности с сохранением идеи стабильной фронтальной лояльности местного населения. Демилитаризация региона привела к попыткам включения российского наследия в современную жизнь приграничных городов. Модели этого включения во многом отвечают потребностям новой демографической и культурной ситуации, созданной фронтальными формами социализма, – поиску новых форм коллективной памяти и локальной идентичности. Де-проблематизируя Россию как часть локальной истории, регион практически изобретает новые культурные модели, не встречающиеся в его прошлом. Городские пространства в этом контексте становятся местом материализации политического консенсуса по отношению к прошлому.

Ключевые слова: Китай; граница; городское прошлое.

Рост интереса к общественным формам переживания истории (public history) перемещает описанную Мишелем Фуко борьбу между римской и библейской версиями прошлого [1] из удобных университетских кафедр на подмостки общественной жизни. Широко обсуждаемые конфликты между взаимоисключающими национальными версиями прошлого, между историографией и памятью, между свободной и несвободной историографией оставили в тени проблему отношений между возникающими в процессе ускоренной урбанизации новыми городскими сообществами и материальными репрезентациями прошлого в культурном пространстве города. Особенно это касается приграничных городов, где культурные процессы напрямую связаны с изменениями режима управления границей. Роль границы трудно переоценить: она одновременно актуализирует и драматизирует материальные следы присутствия соседей, заставляя городское сообщество постоянно переосмысливать возможности использования «внешнего» наследия. К тому же социалистическая граница была полем применения сверхинтенсивных практик социальной и этнической стерилизации: массовых депортаций, милитаризации приграничных территорий, организации приграничного пространства как военно-промышленной базы, организованного притока пришлого населения в приграничные районы, а также особенного «внимания» государства к трансграничным сообществам. Это вело к радикальным переменам в коллективной памяти и подчинению локального опыта космополитической культуре защитников социалистических рубежей. Новые формы во многом контролировали формы репрезентации прошлого, акцентируя патриотическую лояльность местного населения.

В этой перспективе процессы трансформации приграничных поселений из изолированных и военизиро-

ванных «бастионов» в места формальных и неформальных трансграничных контактов в случае приграничных районов Китая имеют не только пространственные, но и темпоральные последствия в виде непосредственной конфронтации жителей региона со следами российского присутствия. В случае Внутренней Монголии одновременное наложение четырех национальных нарративов о прошлом (китайского, монгольского, эвенкийского и российского) приводит к оригинальным практикам разведения опыта российской колонизации (оцениваемого негативно) и материальных следов российского присутствия (оцениваемых позитивно).

Целью статьи является анализ роли следов российского присутствия в общественных городских пространствах Северного Китая. Главное внимание будет сосредоточено на механизмах воспроизведения российского (Маньчжурия) и изобретения сибирского символического поля в синкретической среде приграничных районов китайской Внутренней Азии. Пространственные и темпоральные аспекты азиатских моделей урбанизации часто остаются в тени социальных и институциональных практик городской жизни. Статья имеет целью восполнить этот пробел на китайском материале, включая историю китайских урбанизационных практик в широкий контекст поиска новой аутентичности в приграничных регионах.

В современном Китае рост интереса к российскому наследию подчинен неолиберальному переописанию культурного пространства региона в категориях инвестиционной привлекательности с сохранением идеи стабильной фронтальной лояльности местного населения. При этом восторженное отношение к российской архитектуре и памятникам сочетается с однозначной критикой царской политики в Китае (белая эмиграция

воспринимается как продолжение царской России). Похожий алгоритм действует в случае практик ресибризации: сибирские элементы культуры эвенков не только не противопоставляются китайским, но и становятся символом утраты северных территорий и вынужденного ухода маленького народа в Маньчжурию вместе со своим государством. Демилитаризация региона привела к попыткам включения российского наследия в современную жизнь приграничных городов. Модели этого включения во многом отвечают потребностям новой демографической и культурной ситуации, созданной фронтирными формами социализма, – поиску новых форм коллективной памяти и локальной идентичности. Депроблематизируя Россию как часть локальной истории, регион практически изобретает новые культурные модели, не встречающиеся в его прошлом. Новая гибридность включает северо-китайские города в едва уловимые системы знаков, отделяющие их от остального Китая. Новые декорации открытости и поликультурности не просто являются инструментом культурной политики. Для большинства новых горожан они становятся основой новой идентичности, создавая контексты российского присутствия и культурного богатства региона. Городские пространства в этом контексте становятся местом материализации политического консенсуса по отношению к прошлому.

Машина обучения прошлому: новые биографии объектов в условиях демилитаризации границы. Категория городской памяти является метафорой, представляющей способность городского сообщества сохранять и реактивировать материальные репрезентации прошлого. Она объединяет пространственный и материальные повороты в исследованиях городских агломераций. В первом случае на основе теории социальной репрезентации (Social Representation Theory) предлагалось рассматривать географическое пространство города как поле социальной репрезентации, прежде всего пространственной локализации социальной памяти [2. Р. 29.1]. Во втором случае акцентируются места памяти в пространстве современных городов в виде специально выделенных зон коммеморации, руин [3] и гибридных архитектурных форм. Следует отметить, что в обоих случаях за нормативной простотой и материально-физиологическим характером ключевых метафор кроется довольно сложная эпистемология. Представление объектов как воспоминаний городского тела, как и перенос концепции следа (*la trace*), предложенной в работе Жака Дерриды «О грамματοлогии» (1967), на материальные объекты, не позволяют уйти от проблемы молчания предметов и множественности способов их включения в социальный контекст.

Более успешным представляется подход, представленный в статье М. Гутгенхэйма «Building memory: Architecture, networks and users». Это удачная попытка включения культурных биографий предметов в более широкую перспективу связи модерности, коллективной памяти и дееспособности объектов. Описывая совре-

менность как процесс превращения всего в объекты с собственной историей и биографией [4. Р. 39], Гутгенхэйм создал возможность нового прочтения изменений в биографиях объектов в условиях резкой смены модели модернизации [5. Р. 96]. В этой перспективе, используя универсальные для каждой модели модернизации механизмы создания и изменения биографии объектов, можно проследить специфику этнизации городов китайского севера. Идея восприятия символического пространства приграничных городов и деревень Китая как машины обучения [6] может дать возможность комплексного подхода к пониманию роли российских символов в процессе поиска новой региональной идентичности. Биографии объектов не только переписываются для новых городских сообществ, но и участвуют в создании новых сообществ, способных распознавать «чужое» прошлое как свое.

Для китайских приграничных регионов социалистическая модернизация была переходом к особому типу модерности, который отличался совершенно закрытой моделью управления границей и эффективным государственным контролем над территорией и населением. Ее важным элементом была непосредственная связь между социалистической модернизацией и милитаризацией социальной и экономической жизни [7, 8]. Решающую роль сыграло государство, которое через контроль прав собственности и ограничения экономического выбора гарантировало экономический рост, социальный прогресс и безопасность. Монополизация инвестиционных и организационных решений дала возможность радикального увеличения темпов индустриализации и урбанизации, а также массового доступа к начальному и высшему образованию [9].

Социалистическая модель индустриализации, благодаря концентрации активов, знаний и рабочей силы, привела к ускоренной трансформации локальных социальных и экономических структур. Государственная политика форсированной урбанизации создала специфическую форму социальной организации, определяющую все стороны жизни приграничного населения – военно-индустриальный приграничный комплекс. Его отличала абсолютная зависимость от государственной поддержки, что создавало ситуацию высокого социального риска во время демилитаризации границы и реформирования промышленности. В этом контексте социалистическая идеология была неразрывно связана с идеологией развития в границах императива безопасности. С момента основания КНР городское планирование становится прерогативой государства, которое не только поднимает этот вопрос на национальный уровень, но и берет прямую ответственность за процессы городского развития. Диахроническая связь между традиционной китайской моделью соседства и советской формой микрорайона решалась в перспективе индустриальной политики и идеи города-фабрики. Следует отметить связь китайской модели урбанизации с практиками нациестроительства. Городское пространство

становится основой модернизации. Конструируя китайскую нацию как сообщество современности, правительство превращало когда-то автономные городские пространства в места материализации утопии и обучения новым моделям жизни [10]. Созданные в социалистический период жилищные комплексы рабочих коллективов как основная форма китайской урбанизации до сегодняшнего дня определяют структурные особенности китайских городов.

Массовая миграция из центра и распространение начального образования в социалистической школе маргинализировали гибридную культуру приграничных регионов и резко увеличили культурную дистанцию между российской и китайской сторонами границы. Это радикально изменило облик приграничных поселений – гибридные архитектурные формы вытеснялись фронтальными моделями урбанизации. Их специфика состояла в ключевой роли военизированных институтов со свойственной им эстетикой порядка и космополитичности и подчинении исторических объектов репрезентации национальной и политической лояльности.

Открытие границ и резкий рост мобильности приграничного населения приводят к попыткам изобретения новой истории для новых приграничных территорий. Сосед (Россия) перестает быть врагом и угрозой, превращаясь в источник культурного разнообразия. Китайская сторона практически сразу воспринимает границу как ресурс не только экономического, но и социокультурного развития. Приграничный статус и сохранившиеся следы российского присутствия дают возможность описания региона как вектора эндогенной вестернизации Китая. Китай реализует модель реформ, в рамках которой черты переходного общества, благодаря неравномерной либерализации, консервируются на неограниченный период [11], но социальная ответственность государства последовательно переносится в зону частной ответственности граждан [12]. Это создает поле для гибридных стратегий, в которых старые методы принуждения к современности сочетаются с новыми методами включения в рынок.

Именно спрос на новый, привлекательный облик региона радикально меняет статус российского наследия. Особые связи с Россией становятся основой новой региональной идентичности. Опыт фронтального социализма полностью меняет контекст и смысл новой трансграничности: российское наследие становится просто местной китайской экзотикой, интересной в связи с особой ролью СССР в китайской истории. Эта «китайская Россия» ориентирована прежде всего на Китай и создана в контексте китайского культурного поля. Китайское общество видит себя многокультурным организмом, способным переварить и использовать в своих целях следы чужого (часто колониального) присутствия. Особенно это касается архитектурного наследия городов с частично колониальным архитектурным фондом, статус которого радикально пересмат-

ривался в течение последней половины века. Европейская и японская архитектура северно-китайских городов была в разное время символом навязанной извне модернизации (до 1949 г.), клеймом колониального позора (в период Культурной революции) и важным символом культурного разнообразия региона (сегодня). Общекайтайские процессы региональной дифференциации и акцент на культурные аспекты инвестиционной привлекательности приводят к ситуации, когда оставшиеся старые здания, построенные в европейском стиле, позитивно переоцениваются рынком, создавая запрос не только на сохранение, но и воспроизведение богатого культурного наследия региона. Возникшая ситуация во многом обратна практикам «культурной революции», направленным на уничтожение чужого присутствия. Теперь классические китайские кварталы без сожаления вытесняются современными зданиями, в то время как следы европейского наследия бережно сохраняются для китайского или заграничного туриста. В этой перспективе вопросы сохранения и воспроизведения российского наследия в Китае касаются более широких процессов создания новых региональных идентичностей.

Хорошей иллюстрацией может быть пример Хайлара, активно использующего «европейскую» архитектуру как часть новой идентичности города. История Хайлара изменчива и противоречива: с 1732 г. он был эвенкийской крепостью, китайским городом, русской железнодорожной станцией, важной военной базой квантунской армии и как минимум два раза *монгольским городом* с преобладающим китайским населением. Русский район Хайлара напрямую связан с историей КВЖД и был построен в начале XX в. в пяти километрах от старого города. Как и все поселения в зоне отчуждения, город был включен в российскую символическую политику: одним из первых памятников был обелиск в честь 300-летия Дома Романовых. Русское присутствие усиливается после гражданской войны, когда массовая эмиграция из России радикально меняет лицо города. В отличие от Харбина, японское присутствие не привело к массовому оттоку российских эмигрантов. После 1945 г. число эмигрантов неуклонно падает, и сегодня в Хайларе осталось только несколько семей китаизированных русских. Российский Хайлар сходен с типичным для Восточной Европы «брошенным городом», заново осваиваемым новыми горожанами. Специфика географического положения и китайской национальной политики привела к демографической и символической монголизации города.

Сложное прошлое отразилось в архитектурном облике, который причудливо сочетает старый китайский квартал, русские здания, социалистическую архитектуру и новые формы современного китайского города, ориентированные на юго-восточный пояс развития страны. Город носит явно постграничный характер, соединяя обозначенную в городском пространстве близость России и Монголии с ярко выраженной ло-

кальностью и отсутствием контактов с границей. Несмотря на это, хорошо заметна потребность обозначения новой трансграничности: не-китайские маркеры широко представлены в его символическом пространстве. Старые здания с русскими надписями, русские сувениры в магазинах и хлебные лавки показывают, что приграничная жизнь ушла из города, но представляет для него определенную ценность. Российское символическое поле не связано напрямую как с российским прошлым города, так и с его приграничной локализацией. Мы имеем дело с очень интересным примером культурного разнообразия, не связанного ни с трансграничным обменом, ни с изменением этнического состава.

Город воспроизводит *русский след* исключительно для внутреннего использования, его жители психологически находятся далеко от границы. Очень интересен абсолютно современный характер нового прошлого: одновременно с созданием российского следа формируется канон локальной истории, в которой нет места русскому Хайлару. Местный краеведческий музей, книжные лавки и места туристической информации практически игнорируют тему российского присутствия в городе. Это связано с двумя императивами новой трансграничности: репрезентаций культурного разнообразия и акцента на фронтирную лояльность местного населения. В этом контексте ориентированная на туристов популярная этнография и официальный рассказ о жителях китайского фронта жестко разделены и практически не пересекаются. Это помогает уйти от дилемм, связанных с постколониальной перспективой по отношению к российскому присутствию, и сконцентрироваться на взаимном обогащении. Здесь мы видим яркое противоречие между императивом культурного разнообразия и неоднозначным наследием белой эмиграции, которая, несмотря на определенный культурный престиж, воспринимается как проводник колониальной политики.

В 1999 г. журнал «Проблемы Дальнего Востока» опубликовал статью Ли Мэна «Харбин – продукт колониализма» [13], в которой де-мистификации подверглась не только главная легенда российского присутствия в Азии, но и сама идея присутствия русских в Китае. На фоне политических и экономических проблем в стране статья не вызвала резонанс, хотя заложенные в ней идеи были направлены против важного для 1990-х гг. мифа монументального наследия российской эмиграции. В противовес эмиграционной романтике статья рисовала драматический образ колониальной культурной политики, в которой русские почти не соприкасались с китайцами, а культурные контакты принимали форму цивилизационного импорта России в Китай. Не подвергая сомнению права Ли Мэна на эмоциональное отношение к российскому присутствию, следует заметить, что драматизм такого подхода связан со спецификой региона, очень поздно включенного в китайское культурное поле.

В целом Северо-Восточный Китай выстраивался как особая гибридная культурная зона, отличная от других частей страны контактом с западной (русской) и японской [14] культурами. Популярность православия, смешанные браки и близость России делали регион своеобразной зоной межкультурного контакта, где локальное китайское сообщество находилось под интенсивным российским, монгольским и японским влиянием. В этом контексте справедливые и несправедливые упреки в адрес российской эмиграции не меняют факта втягивания достаточно большого числа китайцев в российскую цивилизационную орбиту и появления китайско-российских субкультур.

Определенную роль в негативном прочтении опыта гибридности сыграла и китайская историография, применяющая с середины 1960-х гг. колониальную перспективу по отношению к китайско-российским отношениям. Широкое (цивилизационное) прочтение китайской нации давало возможность представить Среднюю Азию, Сибирь, Монголию и Дальний Восток потерянными территориями и символами постоянной опасности с севера. В этой перспективе Россия воспринималась как западная колониальная держава, слишком близко находящаяся к Китаю и поэтому вдвойне опасная. Перспектива опасности была особенно востребована в приграничных территориях, которые стали этнически китайскими только в середине века, а потому нуждались в новой мифологии *смелых людей китайского фронта*. Этому сопутствовал режим границы двух враждующих социалистических государств с его постоянной мобилизацией и милитаризацией социальной жизни. В этой перспективе новая трансграничность вырастает из периода конфронтации и колониального прочтения предыдущего опыта культурного синкретизма.

Ресибиризация внутреннего пользования: сибирский город для китайских эвенков. Переселение эвенков-оленьеводов в специальное поселение Алагуя (пригород г. Гэнхе во Внутренней Монголии) является очень интересным примером политики ресибиризации тунгусо-маньчжурских народов Китая. Судьба эвенков Китая напрямую связана с историей русско-китайских отношений. Появление русских переселенцев на территории Забайкальской части тунгусского коридора привело к постепенному выдавливанию эвенковского населения в Северном (Якутия) и Южном (Китай) направлениях, а также их ассимиляции с бурятами, казаками и русскими [15]. Высокая концентрация эвенков в приграничных районах Внутренней Монголии во многом является следствием царской (солоны, орочны) или советской (хамниганы, эвенки-оленьеводы) политики управления границей. Огромную роль в судьбе эвенков Китая сыграла особая политика маньчжурской династии по отношению к тунгусо-маньчжурским группам. Эвенкийская знать становится составной частью «новых маньчжуров», создаются пограничные социомилитарные структуры («знамена»),

превращающие кочевников в защитников границ страны. Эвенки участвуют в колонизации Китайского Туркестана, в боевых действиях в Непале, Тибете и на Тайване [16. С. 143].

Китайские эвенки, в отличие от российских, в большинстве представляют южную ветвь эвенкийской культуры с сильным влиянием монгольского мира на модели жизни и религиозные представления. Это касается и орохонов, которые, несмотря на название, практически полностью прекратили разведение оленей. Оленеводством занимается сейчас только малочисленная группа сибирского происхождения (237 человек), которая вместе с орохонами представляет северную ветвь эвенкийской культуры в регионе. Это сообщество возникло в результате переселения с берегов Лены [17, 18], в связи с чем в довоенной литературе часто выступало под этнонимом «якуты» [19]. Они являются сейчас одной из последних групп в Китае, пытающихся сохранить традиционный образ жизни северных оленеводов-охотников [20].

Северный характер культуры сообщества имеет широкое символическое значение, включая Китай в число стран, сохраняющих наследие глобальной циркулярной цивилизации. Кроме этого, сообщество играет большую роль в создании общеэвенкийского культурного канона, символизируя *настоящих эвенков* (без монгольских и маньчжурских влияний), нормативный образ которых поддерживается и тиражируется политикой региональной памяти, этносимволикой в национальных поселках и национальными эвенкийскими музеями. Несмотря на малочисленный характер сообщества, символы оленя и оленеводства являются ключевыми маркерами эвенкийскости. Памятники и изображения оленя украшают второй этнический поселок эвенков Нантун (пригород Хайлара), жители которого являются представителями южной ветви эвенкийской культуры и не занимаются разведением оленей.

Китайская наука и этноадминистративная практика во многом находятся под одновременным влиянием советской этнографии, жестко фиксирующей нормативные национальные модели, и националистического дискурса, подчеркивающего вынужденный исход эвенков из Забайкалья в Маньчжурию вместе со своим государством. В этом контексте на эвенков-оленьеводов проецируется патриотическая логика официальной эвенкийской истории. Ирония ситуации состоит в том, что большую часть своей истории сообщество находилось вне непосредственного влияния государственных институтов, являя собой классический пример *людей леса* [19].

Несмотря на попытки оставаться вдали от политики, это сообщество было заложником трудной истории приграничного региона. До конца 1930-х гг. они сотрудничали только с забайкальскими казаками-эмигрантами, находясь с ними в тесных экономических и родственных связях, выработанных еще в Забайкалье. Это сильно повлияло на сообщество: алагуяны приняли

многие элементы быта казаков, стали двуязычными, некоторые – православными. В 1940 г. власти Маньжоу-го принудительно переориентируют экономическую активность сообщества на японские фирмы и милитаризируют часть мужского населения [18]. На переломе 1944–1945 гг. начинается трагический период дезинтеграции и эскалации внутрigrуппового насилия, вызванный разным отношением к сотрудничеству с Квантунской армией и смертью шаманки (и политического лидера сообщества) Ольги Кудриной. С августа 1945 г. вхождение в советскую оккупационную зону приводит к возобновлению связей с русским старожильческим населением и массовому получению советского гражданства. Несмотря на это, с 1948 г. группа снова считается китайской, и националистическое, а потом новое коммунистическое правительство резко ограничивает связи с русским населением региона и даже запрещает кочевки на территории проживания русских эмигрантов. Государство проводит несколько неудачных попыток седентаризации и существенно снижает ареол кочевков в рамках защиты леса.

Следующим этапом были одновременная коллективизация оленеводческих хозяйств и включение сообщества в производство традиционных медикаментов на основе пантов в 1967 г. [21]. В 1984 г. сообщество проходит деколлективизацию в новом дуальном режиме социалистической собственности, сочетающем свободу производства с определенным контролем сбыта. Олени возвращаются в собственность семей, и сообщество достаточно эффективно находит себя в новых рыночных условиях. Несмотря на это, с конца 1990-х гг. по отношению к эвенкам применяются дискурсы экологического, экономического и культурного несоответствия. Это приводит к трансформации Алагуи (экономического центра кочевков) в оседлое поселение для всех членов сообщества [22]. Жизнь в лесу воспринималась как социальный (отсталость) и главный экологический риск для всей китайской нации. В 2002 г. государство строит эвенкам новый поселок под тем же названием с целью окончательного решения проблемы седентаризации. Новая Алагуя несет сложную смысловую нагрузку: поселок соединяет современные семейные коттеджи и официальные здания, построенные в стиле «эвенкийской архитектуры». Основная цель переселения была обозначена как защита леса от охотников-номадов и прекращение нomaдизма как отсталой социоэкономической практики. Во время переселения в СМИ подчеркивалась потребность пожертвовать интересами маленькой группы для интересов всего Китая, называя акцию «переселением для окружающей среды» (*shengtai yimin*) [22]. Это приводит к достаточно жесткой связи модернизации сообщества с защитой нации, в которой неизбежные потери представляются как ответственность сообщества перед страной.

Город организован как большой музей сибирского наследия, в котором монументальные административные здания демонстрируют эвенкийскую архитектуру, а

жители – наследие людей леса. Центральное здание представляет огромный музей, показывающий историю сообщества и включающий Китай в число стран с субарктическими локальными культурами. Ре-сибиризация в этом контексте предстает как окончательное включение лесных эвенков в современную китайскую жизнь в виде хранителей изобретенной традиции и продавцов символики жизни в лесу. Эта модель реактивации российского (сибирского) наследия не только не связана с Россией, но наоборот, имеет целью показать глубокое укоренение эвенков в китайской культуре. Сибирские элементы культуры сообщества не только не противопоставляются китайским, но и становятся символом утраты северных территорий и вынужденного ухода маленького народа в Маньчжурию вместе со своим государством. В этом контексте существует определенный спрос со стороны китайского государства на сохранение или даже вторичное приобретение эвенками сибирских элементов культуры (ре-сибиризация). Эта политика имеет оригинальные идеологические основания. В отличие от России, китайские эвенки включены в государственный исторический нарратив путем «эвенкизации» археологических артефактов региона и подчеркивания роли эвенков в истории Северных династий (чжурчжэней и маньчжуров). В этой перспективе эвенки неотделимы от истории Китая как народ, участвующий в управлении страной и пострадавший от колонизации Сибири. С точки зрения официальной версии, сообщество просто проходит через колониальный опыт, оставаясь своим для большой китайской нации. Историческая версия поддерживает этнографическую, открывая поле материализации стандартов аутентичности при помощи сибирских экспонатов в музеях, драматизации монгольского влияния и произвольных этно-архитектурных проектов. В отличие от российских эвенков, официальным домом жителей Алагуи не становится «современный» постсоветский город со скромной собственной этнополитической и культурной инфраструктурой. Здесь эвенки замкнуты в символическом пространстве, соединяющем прошлое и будущее в точке абсолютного культурного эталона, в которой почти не осталось места для обычной (не обозначенной внешней символикой) жизни.

Теряя лес, сообщество получает монументальную версию истории, право культурного эталона и априорно приписанный многовековой опыт китайской цивилизации. Как и в предыдущих случаях, поиск новых культурных форм подчинен двум процессам: производству этнографической привлекательности и декларации фронтирной лояльности. Здесь мы можем наблюдать

своеобразное *разделение труда* между сообществами: экс-сибирские эвенки поддерживают культурный эталон, а южные эвенки – статус защитников китайского фронта. В этой перспективе Алагуя является не только символом модернизации эвенкийского лесного сообщества, но и решительной попыткой включения сибирских элементов культуры в китайское культурное поле.

Как и везде в странах, расстающихся с социалистическими подходами к истории, национальные районы Китая постепенно меняют отношение к прошлому. Прошлое перестает быть рассказом о политических решениях и борьбе с социальной несправедливостью, становясь пространством этнического действия в политике, культуре и экономике. Возвращенное национальное прошлое перечеркивает одновременно и реальный исторический опыт, и его социалистические репрезентации. В отличие от России, Китай заинтересован не просто в торговле, но и в превращении северо-востока в зону культурной гибридации и обучения адаптированных для китайцев российских культурных моделей. Регион с опытом фронтирного социализма, массовой миграции и многолетней изоляции заново ищет свою культурную специфику, соединяя очень разноплановые элементы в причудливое целое. Такая активная культурная политика во многом направлена и на прошлое, которое формируется как компромисс между императивом фронтирной лояльности и рыночными потребностями быть особенным и неповторимым регионом.

Китайское общество отличает очень противоречивое отношение к прошлому, в котором массовое сознание культурной преемственности соединяется с опытом радикальных инноваций и принудительной коллективной амнезии периода Культурной революции. В этой перспективе вопрос о характере *нового прошлого региона* выходит за рамки противопоставления аутентичности – изобретенной традиции, здесь мы имеем дело с радикальным изменением концепции прошлого в сторону синтеза декларации о вневременной гражданской лояльности и формирования культурной базы инвестиционной привлекательности. Прошлое в этом контексте является резервуаром символов, усиливающих инвестиционную и туристическую привлекательность региона. В этой перспективе российское (сибирское) наследие играет сложную и неоднозначную роль в символической политике региональных властей, пытающихся одновременно совместить локальные практики деколонизации и локальные потребности рынка этнотуризма и представить регион как место эндогенной вестернизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Foucault M. Society Must be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975–1976 by Michel Foucault. New York : Picador, 2003.
2. De Alba M. Social representations of urban space: A comment on mental map of Paris // Papers on Social Representations. 2011. № 20. С. 29.1–29.14.
3. Тругг Д. Психоанализ руин // Неприкосновенный запас. 2013. № 89/3. С. 139–148.
4. Guggenheim M. Building memory: Architecture, networks and users // Memory Studies. 2009. № 2 (39). С. 39–53.
5. Peshkov I. Usable Past for a Transbaikalian Borderline Town. 'Disarmament' of Memory and Geographical Imagination in Priargunsk // Inner Asia. 2014. № 16. С. 95–115.
6. McFarlane C. The city as machine for learning // Transactions of the Institute of British Geographers. 2011. № 36/3. С. 360–376.
7. Fitzpatrick Sh. Culture and Politics under Stalin: A Reappraisal // Slavic Review. 1976. Vol. 35, No 2 (January). P. 211–231.

8. Skocpol Th. Social Revolution and mass Military Mobilization // World Politics. 1988. Vol. 40, No 2 (January). P. 147–168.
9. Вишневецкий А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М. : ОГИ, 1998.
10. Duafang Lu. Remaking Chinese Urban Form: Modernity, Scarcity and Space, 1949–2005. L. ; N.Y. : Routledge, 2006.
11. Naughton B. The Chinese economy. Transition and Growth, Cambridge Ma, 2007.
12. Bhalla A.S., Shufang Qiu. Poverty and inequality among Chinese Minorities. L. ; N.Y., 2009.
13. Мэн Л. Харбин – продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 96–103.
14. Mitter R. The Manchurian Myth: Nationalism, Resistance, and Collaboration in Modern China. University of California Press, 2000.
15. Пешков И. Гураны, семеновцы, местнорусские. Специфика идентичности и культуры забайкальских гуранов в Монголии // Россия в Монголии: История и современность. Улаанбаатар, 2008.
16. Намсараева С.Б. Институт наместников Цинского Китая в Монголии и Тибете в XVIII веке : дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.
17. Kong F. Aoluguya Ewenke liemin shihua (История эвенкийских охотников Алогуй). Hailar, 1985.
18. Афанасьева Е.Ф. Эвенки Китая // Тунгусо-маньчжурские этносы в новом столетии : матер. всерос. конф. с междунар. участием (Улан-Удэ, 11 ноября 2009 г.). Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ун-та, 2010. С. 11–21.
19. Lindgren E.J. North-Western Manchuria and the Reindeer-Tungus // The Geographical Journal. 1930. Vol. LXXV (June). P. 518–534.
20. Kong F. Aoluguya de Ewenke ren (Эвенки Алогуй). Tianjin, 1989.
21. Nentwig I. Reminiscences about the Reindeer Herders of China, CSQ Issue: 27.1, 2003. The Troubled Taiga. URL: <http://www.culturalsurvival.org/publications/cultural-survival-quarterly/china/reminiscences-about-reindeer-herders-china>.
22. Fraser R.A. Forced relocation amongst the Reindeer-Evenki of Inner Mongolia // Inner Asia. 2010. № 12 (2). P. 317–346.

Peshkov Ivan O. Institute of Eastern Studies, Adam Mickiewicz University (Poznan, Poland). E-mail: i.peshkov@wp.pl

NEW FUTURE FOR NEW CITY RESIDENTS: TRACES OF RUSSIAN PRESENCE IN CHINESE BORDERLAND CITIES.

Keywords: China; border; urban past.

Transformation processes changed formerly isolated and militarized borderland «bastion» towns into places of informal transborder contact, which in the case of Chinese borderland regions resulted in both spatial and temporal consequences in the form of a direct confrontation of their residents with the traces of Russian presence. Opening the borders and a sharp increase in borderland residents» mobility inspired attempts at creating new history for the new borderland territories. The neighbor (Russia) is no longer an enemy or a threat and turned into a source of cultural diversity. In Inner Mongolia the simultaneous overlapping of four national narratives of the past (Chinese, Mongolian, Evenki, and Russian) stimulated unique practices of separating the experience of negatively evaluated Russian colonization from the material traces of Russian presence perceived as positive. This paper aims at analyzing the role played by the traces of Russian presence in Northern Chinese urban public spaces. It will mainly focus on the mechanisms of reproducing the Russian (in Manchuria) and developing the Siberian symbolic fields in the syncretic environment of Chinese borderland Inner Asian regions. In contemporary China the growth of interest in Russian inhabitants is subject to neoliberal rewriting of the cultural space of the region from the perspective of their investment attractiveness and still with the idea of local residents» frontier loyalty. In this context it is worth emphasizing that demilitarization of the region lead to attempts of including Russian inhabitants in the contemporary life of borderland cities. Models of this inclusion to a great extent reflect the new demographic and cultural situation created by the frontier variations of socialism – the search for new forms of collective memory and local identity. Dr-problematizing Russia as a part of local history, the region develops completely new cultural models. New hybridity includes northern Chinese cities and towns in the barely noticeable systems of signs that differentiate them from the rest of the country. The new decoration of openness and multiculturalism is not only a tool for cultural policy, but also to the majority of new city residents is a basis for new identity that creates the context of the Russian»s presence and cultural richness of area. In this context city spaces have become a place of materialization of the political consensus related to the past.

REFERENCES

1. Foucault, M. (2003) “*Society Must be Defended*”: Lectures at the Collège de France, 1975–1976 by Michel Foucault. New York: Picador.
2. De Alba, M. (2011) Social representations of urban space: A comment on mental map of Paris. *Papers on Social Representations*. 20. pp. 29.1-29.14.
3. Trigg, D. (2013) Psikhooanaliz ruin [The psychoanalysis of ruins]. *Neprikosnovennyi zapas*. 89/3. pp. 139-148.
4. Guggenheim, M. (2009) Building memory: Architecture, networks and users. *Memory Studies*. 2(39). pp. 39-53. DOI: 10.1177/1750698008097394
5. Peshkov, I. (2014) Usable Past for a Transbaikalian Borderline Town. ‘Disarmament’ of Memory and Geographical Imagination in Priargunsk. *Inner Asia*. 16. pp. 95-115. DOI: 10.1163/22105018-12340005
6. McFarlane, C. (2011) The city as machine for learning. *Transactions of the Institute of British Geographers*. 36/3. pp. 360-376. DOI: 10.1111/j.1475-5661.2011.00430.x.
7. Fitzpatrick, Sh. (1976) Culture and Politics under Stalin: A Reappraisal. *Slavic Review*. 35(2). pp. 211-231.
8. Skocpol, Th. (1988) Social Revolution and mass Military Mobilization. *World Politics*. 40(2). pp. 147-168. DOI: 10.2307/2010360
9. Vishnevskiy, A. (1998) *Serp i rubl'. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [The Sickle and Ruble. Conservative Modernization in the USSR]. Moscow: OGI.
10. Duafang, L. (2006) *Remaking Chinese Urban Form: Modernity, Scarcity and Space, 1949–2005*. London, New York: Routledge.
11. Naughton, B. (2007) *The Chinese economy. Transition and Growth*. Cambridge: The MIT Press.
12. Bhalla, A.S. & Shufang, Q. (2009) *Poverty and inequality among Chinese Minorities*. London, New York: Routledge.
13. Maine, L. (1999) Harbin – produkt kolonializma [Harbin - the product of colonialism]. *Problemy Dal'nego Vostoka – The Far Eastern Affairs*. 1. pp. 96-103.
14. Mitter, R. (2000) *The Manchurian Myth: Nationalism, Resistance, and Collaboration in Modern China*. University of California Press.
15. Peshkov, I. (2008) Gurany, semenovtsy, mestnoruskie. Spetsifika identichnosti i kul'tury zabaykal'skikh guranov v Mongolii [The Gurans, Semenovtsy, local Russians. The specificity of identity and culture in Mongolia transbaikalian Gurans]. In: *Rossiia v Mongolii: Istoriya i sovremennost'* [Russia in Mongolia: history and modernity]. Ulaanbaatar.
16. Namsaraeva, S.B. (2002) *Institut naimestnikov Tsinskogo Kitaya v Mongolii i Tibe v XVIII veke* [The institute of governors of Qing of China in Mongolia and Tibet in the 18th century]. History Cand. Diss. Moscow.
17. Kong, F. (1985) *Aoluguya Ewenke liemin shihua* [The history of Alogui Evenk hunters]. Hailar.
18. Afnas'eva, E.F. (2010) [The Evenkis of China]. *Tunguso-man'chzhurskie etnosy v novom stoletii* [Manchu-Tungus ethnic groups in the new century]. Proc. of the All-Russian Conference with international participation. Ulan-Ude. 11th November. Ulan-Ude: Buryat University. pp. 11-21.
19. Lindgren, E.J. (1930) North-Western Manchuria and the Reindeer-Tungus. *The Geographical Journal*. LXXV. pp. 518-534.
20. Kong, F. (1989) *Aoluguya de Ewenke ren* [The Alogui Evenkis]. Tianjin.
21. Nentwig, I. (2003) Reminiscences about the Reindeer Herders of China. *Cultural Survival Questions*. 27.1. [Online] Available from: <http://www.culturalsurvival.org/publications/cultural-survival-quarterly/china/reminiscences-about-reindeer-herders-china>.
22. Fraser, R.A. (2010) Forced relocation amongst the Reindeer-Evenki of Inner Mongolia. *Inner Asia*. 12(2). pp. 317-346. DOI: 10.1163/000000010794983531

УДК 316.455
DOI 10.17223/19988613/37/17

С.А. Иванов

КИТАЙСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР ЭТНИЗАЦИИ ГОРОДОВ И СЁЛ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 14–31–01253 «Государство и китайский капитал на юге Дальнего Востока России (1987–2013 гг.)».*

Рассматривается вопрос, стимулирует ли китайский капитал мобилизацию этничности в Приморье. Исследование фокусирует внимание на трех категориях китайских предпринимателей в Приморском крае: мелких торговцев на рынках, представителей малого бизнеса, представителях среднего и крупного бизнеса. Сделан вывод, что ни одна из социальных групп не проявляла интереса или не была в состоянии на долгосрочной основе войти в политическое или культурное пространство региона, обменивать экономический капитал на повышение своего социального статуса в России.

Ключевые слова: этнизация; китайская община; диаспора; Приморский край; социальное пространство.

Близость к КНР, присутствие китайских торговцев или рабочих, особые трансграничные экономические связи формируют благоприятную среду для мобилизации китайской этничности в социальном пространстве городов и сёл Приморья. Эти факторы нередко порождают представления о возможной китаизации российского приграничья (под «китаизацией» понимается манифестация китайской этничности в публичном пространстве [1. С. 211–212]). Реальность, однако, далека от этого. В силу значительной мобильности китайские мигранты не сформировали диаспору на Дальнем Востоке [2. С. 156]. Для приграничья и России в целом не свойствен и такой феномен, как чайнатауны [3, 4]. Частые упоминания о китайской общине в информационном пространстве Приморья явно не соответствуют уровню ее активности и институализации [5. С. 134]. В городском и тем более сельском пространстве Приморья отсутствуют массовые и системные признаки китаизации. Их настолько мало, что ученые по крупицам фиксируют публичные действия китайской общины на Дальнем Востоке, пытаясь найти хоть какие-то признаки её диаспоризации [6. С. 41].

Цель исследования – ответить на вопрос, стимулирует ли китайский капитал мобилизацию этничности в Приморье. Китайские предприниматели были выбраны в качестве объекта исследования по следующим причинам. Их массовая миграция в 1990–2000-е гг., относительно продолжительное время пребывания и устойчивые позиции в экономическом поле российского приграничья гипотетически давали возможность реализовать накапливаемый экономический капитал в культурной или политической сфере. Более того, хозяйственная деятельность всегда требовала либо формирования развитой этнической сети, либо особых механизмов интеграции в принимающее сообщество, а часто – и того и другого. Другая многочисленная группа китайских мигрантов в РФ – рабочие, приглашаемые китайскими или российскими предпринимателями на незначительный срок, – были лишены экономических ресурсов и в принципе не нуждались в установлении широкой этнической

сети, так как их базовые потребности обеспечивались внутри конкретного предприятия.

Китайские предприниматели в Приморье, как и в целом в России, безусловно, не составляли однородную массу. Мы не можем отождествлять торговцев на розничных рынках, хозяев китайских ресторанов и гостиниц, владельцев крупных производственных или сельскохозяйственных предприятий. Они разнятся не только размерами вложенного капитала, но и степенью интеграции в принимающее сообщество, важностью этнических связей в их хозяйственной деятельности. В связи с этим статья разделена на несколько частей. В первом и втором разделах я попытаюсь дать общую оценку опыту актуализации этничности мелкими торговцами на рынках (на примере Уссурийска) и владельцами малых предприятий во Владивостоке. В них эмпирической базой станут существующие исследования, материалы прессы и полевые наблюдения. Третья часть будет посвящена изучению средних и крупных китайских предприятий и их роли в китаизации социального пространства сёл и пригородов Приморского края. Раздел полностью основан на социологическом материале, включающем серию полуструктурированных интервью с чиновниками (20 интервью с 25 интервьюируемыми), представителями бизнеса (11) и местных СМИ (6) продолжительностью от 30 до 70 минут, беседы с жителями сёл и полевые наблюдения. Указанные данные были собраны в рамках исследовательского проекта «Государство и китайский капитал на юге Дальнего Востока России», начатого весной 2014 г., который не предполагал глубокого изучения вопросов этничности или миграции, но неизбежно затрагивал их. Иногда интервьюируемые самостоятельно стремились перенести фокус интервью на миграционную повестку и проблемы межэтнических отношений, что было связано не столько с её актуальностью, сколько с наличием чёткой позиции респондентов по этой проблеме.

Китаизация рынков. Феномен китайских рынков изучен недостаточно полно [7. С. 137], но в сравнении

с другими формами экономической активности китайцев в России он привлек наибольшее внимание специалистов. В Приморье эти рынки практически не описаны (нам известна лишь публикация Д. Тренина и Г. Витковской о китайском рынке в Уссурийске второй половины 1990-х гг. [8]), хотя их можно найти в любом крупном городе региона.

Наши попытки летом 2014 г. выйти на руководство крупнейшего китайского рынка в Приморье, расположенного в г. Уссурийске, не увенчались успехом. Официальной причиной отказа в интервью стало то, что рынок никак не связан с иностранным капиталом и предоставляет в аренду торговые площади юридическим или физическим лицам, официально зарегистрированным в России. Вежливый отказ секретаря подтверждается названием торговой зоны – «Универсальный торговый центр». Однако стела на въезде всё же выдаёт её инаковость через визуальное изображение государственного флага Китая и России.

Неофициально уссурийский рынок, как и все «китайские» рынки, предполагает наличие активной теневой жизни. По крайней мере, во второй половине 2000-х гг. значительная её часть всё ещё строилась на этнических связях, в чём мне удалось убедиться на личном опыте, выполняя один из заказов на устный перевод на его территории. Не вдаваясь в подробности, необходимо отметить, что эти связи никогда не эксплуатировались китайцами для мобилизации этничности в городском пространстве и были направлены исключительно на воспроизводство позиций в занятой когда-то нише городской экономики. Мы можем предложить лишь примерный набор причин, объясняющих такую пассивность китайских торговцев: высокая мобильность большей части предпринимателей, малые объёмы располагаемого капитала, сохранение прочных связей с Китаем и, как следствие, отсутствие стимулов к борьбе за повышение своего социального статуса в России. У китайского челнока миграция изначально являлась частью предпринимательской деятельности и не предполагала закрепления в принимающем сообществе [9. С. 65]. Возможно, определенная часть таких коммерсантов «оседала» в России, но это явление не носило массового характера и осталось незамеченным российским обществом.

Отсутствие этнических манифестаций со стороны мелких торговцев не означает, что китайские рынки с 1990-е гг. не сформировали у местных жителей устойчивых представлений об активной китаизации городского пространства. До сих пор рынок воображается как точка формирования альтернативного, чужого города: *«Китайские рынки цветут и пахнут. Там уже целые города понастроили с гостиницами и ресторанами. Поэтому там все хорошо. Китайцы каким-то образом в большом количестве легализируются»* (интервью, представитель местных СМИ, Уссурийск, июль 2014 г.). Не случайно осенью 2009 г. информационная «утка» о намерении администрации Владивосто-

ка передать в аренду Китаю часть города [10], где находились три крупнейших «китайских» рынка, выглядела очень правдоподобно даже в глазах местных жителей.

Китайские рынки в России обычно оцениваются как исключительно этнический экономический феномен, при этом не учитывается «некитайская» администрация рынка, контролирующая государственные и криминальные структуры. Их роль в функционировании рынков редко анализируется (такой комплексный подход можно найти в публикации В.И. Дятлова и Р.Э. Кузнецова [11]). В одном из интервью редактор уссурийской газеты, который ранее проводил журналистское расследование теневой стороны жизни китайского рынка и его влияния на городскую экономику, описывал рынок как что-то, однозначно имеющее отношение к китайской деловой активности. Однако при погружении рассказа в детали всплывали не китайские имена и названия, а исключительно российские и корейские («русских» корейцев) фамилии (интервью, представитель СМИ, Уссурийск, июль 2014 г.). На самом деле китайский рынок давал ресурсы проникновения в политическую жизнь города, но не этническим китайцам, а гражданам РФ. В составе уссурийской городской думы с 1990-х гг. всегда присутствовали депутаты, вышедшие из администрации рынка – ООО «Уссури-Центр». Текущий созыв законодательного органа – не исключение [12]. Не могли ли в этом случае субъекты, чей политический и экономический капитал зависел от китайских рынков, накладывать ограничения на этнические манифестации на рынках? Подобные вопросы показывают, насколько мало мы знаем о функционировании этнических сетей на китайских рынках. Ещё с начала 1990-х гг. китайские рынки породили у местного населения устойчивые ассоциации китайцев и их культуры с антисанитарией, практиками договорной торговли и низкокачественным ширпотребом. Хотя давно замечено, что культура базарной договорной торговли не имеет этнической специфики [13. С. 13–41].

За последние пять лет мне не раз приходилось разубеждать торговцев в магазинах или обслуживающий персонал в общественных заведениях в их уверенности, что сопровождаемый мной пекинский, шанхайский или харбинский профессор – японец. Повидимому, эти же самые представления вряд ли позволят китайским торговцам в одночасье отказаться от договорных цен, так как посетители рынков уверены, что на китайской части рынков всегда можно «торговаться» [14. С. 120–135].

Китайские пионеры в публичном пространстве Владивостока. Единственная социальная группа, которая пыталась консолидировать китайское сообщество Приморья, была представлена малыми предпринимателями Владивостока. Руководители небольших внешнеторговых организаций, ресторанов китайской кухни и гостиниц нередко обладали связями с китайскими чиновниками, необходимыми финансовыми ресурсами и тем самым «человеческим капиталом», ко-

торый так необходим для проникновения в публичную сферу. Члены этой социальной группы постоянно проживают в Приморье с начала 1990-х гг., нередко находятся в смешанных браках, некоторые имеют российское гражданство.

Впервые эта прослойка китайского сообщества во Владивостоке вышла в публичное пространство региона в 2000 г. С этого года предприниматель Сюэ Хуэйлинь стал издавать на русском и затем китайском языке газету, которую, по его же словам, «поддерживала дальневосточная китайская диаспора» [15. С. 37]. Нам не известно, в чём именно выражалась эта поддержка, но предприниматель самостоятельно наполнял её содержание, занимался вёрсткой и изданием.

Через несколько лет появились первые общественные организации, объединяющие китайских бизнесменов Приморья. В 2004 г. были учреждены сразу две подобные структуры – Ассоциация китайских предпринимателей Приморья (далее Ассоциация) и Союз российско-китайских предпринимателей Приморья. Их костяк был неизменен – уже упоминавшийся нами Сюэ Хуэйлинь, владелец сети ресторанов во Владивостоке Сунь Лэй и предприниматель Сунь Ли. Организации оказывали консалтинговые и юридические услуги китайским предпринимателям, хотя оценить эффективность этой работы не представляется возможным. В публичном пространстве Приморья Ассоциация известна лишь проведением ежегодных чествований ветеранов Владивостока.

Жизнь вышеуказанных организаций и органов печати не продлилась более десяти лет: и газета «Восточный мост» (2010), и «Союз российско-китайских предпринимателей Приморья» (2007), и Ассоциация (2014) канули в Лету. Им на смену ничего не пришло, хотя каждый из предпринимателей продолжил прежний бизнес или открыл новый. Газета была закрыта из-за убыточности [Там же]. Общественные структуры, скорее всего, стали не нужны их инициаторам, а без них они не могли существовать из-за организационной рыхлости. Например, за год до самоликвидации Ассоциация состояла из 20 членов и по внешним признакам не имела иерархии и отдельного бюрократического аппарата: помимо руководителя все её остальные члены являлись заместителями [16]. Один из основателей в конце 2000-х гг. так оценивал деятельность этих НКО: «Китайцев много, но все по отдельности. Здесь пытались, я даже пытался создать [общественную организацию]. Некоторые люди (своим составом) собираются постоянно, но они тоже не общаются с другой частью китайцев. Поэтому, как таковой, диаспоры организованной здесь нет» (цит. по: [17. С. 166]).

Ситуация в Приморье очень сильно напоминает опыт китайских общественных структур в Амурской области: «Формальных организаций (китайских НКО в Благовещенске. – С.И.) нет. Были попытки создать, но это, скорее, были псевдо-структуры, из одного-двух

человек» (интервью, руководитель деловой общественной организации Амурской области, Благовещенск, май 2014 г.). Очевидно, утверждение, что «в крупных городах за Уралом существует по несколько китайских общественных организаций» [2. С. 158], к настоящему времени утратило свою актуальность или, как минимум, требует постоянной проверки.

Уверенность российских СМИ в тесной связи китайского государства и предпринимателей не подтверждается различными источниками. Сюэ Хуэйлинь в интервью Л.Е. Козлову указывал: «Китайские дипломаты стараются не вмешиваться в диаспору, не вмешиваться в отношения между местными китайцами и обществом, не вмешиваться в политику местной власти. Короче, они сейчас делают своё офисное дело – и больше ничего» (цит. по: [17. С. 168]). Представитель одной из российских федеральных структур, тесно контактирующих с консульскими службами КНР, подтверждает вышесказанное: «Если брать китайцев, то они в принципе ни к кому не обращаются, даже в хабаровское генконсульство и отделение во Владивостоке» (интервью, представитель федерального органа, Владивосток, февраль 2015 г.). Китайский консул также утверждал, что у Владивостокского отделения отсутствуют устойчивые связи с местным бизнес-сообществом, и предполагал, что китайские предприниматели в случае необходимости, скорее всего, обращаются сразу в генконсульство КНР в Хабаровске (интервью, представитель консульской организации КНР, Владивосток, декабрь 2014 г.).

Этничность – не для крупного бизнеса? С середины 2000-х гг. действительностью Приморья стали так называемые «российско-китайские промышленные/торгово-экономические парки» и «сельскохозяйственные базы». Эти термины специально взяты в кавычки, так как в такой формулировке они в основном известны китайязычному сегменту информационного пространства. Обычно их создавали китайские предприниматели, ранее занимавшиеся оптовой приграничной торговлей (металл, древесина, продовольствие и т.д.) и решившие диверсифицировать активы. В сельском хозяйстве Приморья позиции средних и крупных предприятий с китайским капиталом (ПКК) очень крепки. Одно из них является крупнейшим агрохолдингом в Приморском крае. В сфере промышленности китайский капитал занимал свободные ниши и в настоящее время безраздельно там доминирует (производство обуви и одежды, паркетной доски). В своём анализе мы будем в основном опираться на опыт трёх таких ПКК. Эти компании официально зарегистрированы в России, работают «в белую» и сформировали холдинги, функционирующие сразу в нескольких отраслях экономики Приморья. Этим они сильно отличаются от множества малых фирм или тем более микропредприятий, не имеющих официального юридического статуса или хозяйствующих преимущественно в «тени». Их учредителями являются либо граждане

КНР, либо китайские компании (иногда с долевым участием российских бизнесменов), либо фирмы из оффшорных юрисдикций. Эти предприятия отличаются чётким зонированием пространства своей хозяйственной деятельности, которое также включает в себя всю инфраструктуру, необходимую для проживания трудовых мигрантов (общежития, столовые и т.д.).

Можем ли мы считать появление таких компаний предвестником китаизации социального пространства отдельных сёл и пригородов Приморья? Возможно ли образование «этносёл» или «этнопригородов» (ethno-burb) по примеру Лос-Анджелеса, на окраинах которого сформировались места компактного проживания и экономической активности китайцев [18]?

С одной стороны, можно с большой долей уверенности утверждать, что этого не произойдёт. Малое экономическое пространство сёл и пригородов в ближайшей перспективе не способно вместить того количества китайцев, которое необходимо для появления «продвинутых» форм этнизации: культурных клубов, китайскоязычных СМИ, этнических магазинов и банков. В 2014 г. каждый из рассматриваемых нами холдингов привлекал от нескольких сотен до тысячи трудовых мигрантов из КНР (о роли приморских компаний с китайскими инвестициями в импорте трудовых мигрантов из КНР см.: [19]).

С другой стороны, эти компании имеют значительные экономические ресурсы. В случае с сельскохозяйственными холдингами они неплохо интегрированы в локальные хозяйственные структуры, являясь, по выражению одного из управляющих ПКК, «градообразующими предприятиями в деревне» (интервью, управляющий филиала ПКК-3, Приморский край, июль 2014 г.). Можно ли в этом случае ожидать, что их экономические ресурсы будут вложены в манифестацию китайскости, пусть даже и в рамках небольшого пространства села или пригородной промышленной зоны? Это предположение в основном не оправдывается. Например, визуальные этнические маркеры проявляются разве что в иероглифах на входе промышленных парков, в одном из них – во львах-стражах и лозунгах о трудовой дисциплине и российско-китайском сотрудничестве на китайском языке, иногда с переводом. Массивные ворота, завезённые из КНР, но без национального колорита, мебель и утварь в простенных административных помещениях, ухоженные стриженные газоны и кустарники, бетонированные дороги внутри зон непривычны для российской действительности, но и не рожают ассоциаций с Востоком. Убрать иероглифы, львов – и наблюдатель, скорее всего, скажет, что в зонах воспроизведена современная производственная культура. Слова одного из управляющих ПКК о дизайне парков косвенно подтверждают, что владелец не стремился воспроизвести здесь этнические черты: «*N* (бывший управляющий, гражданин РФ. – С.И.), когда приехал (из КНР. – С.И.), показывал фотографии. Там фабрика, говорит, громаднейшая, террито-

рия вся в цветах, там рыбки плавают, бассейны, водоёмы. Ну и NN (владелец компании, гражданин КНР. – С.И.) водил по фабрике и говорит: “Вот я хочу, чтобы у нас такое всё было, в России, на нашей фабрике, чтоб была красота, мы там облагородим речку, там водоёмы пруды понаделаем – специально дорогу туда начали прокладывать”» (интервью, управляющий ПКК-1, Приморский край, июль 2014 г.).

Инаковость изучаемых ПКК не проявляется в социальном и культурном пространстве сёл и городов. Китайские рабочие почти не покидают пределы зон, так как в этом нет прямой необходимости: помимо общежитий и столовых там есть вся базовая инфраструктура для жизни и отдыха – медпункт, элементарные тренажёры, баскетбольные кольца и т.д. Культурная жизнь соответственно также ограничивается пространством зон. Мы не можем судить о ней глубоко, так как в основном её качественные характеристики нам не известны. Косвенные данные свидетельствуют о её скудности. Например, «русские» управляющие знают о ней крайне мало, в принципе не соотносят кадровую политику с социальной и культурной жизнью подчинённых. Даже в наиболее крупном промышленном парке с наибольшим количеством трудовых мигрантов из КНР каких-либо специальных праздничных мероприятий для них не проводится. Иногда российское законодательство не позволяет отмечать их в китайской традиции: «*Не, здесь раньше фейерверки были, сейчас все это запретили уже. Ну, а таких* (гуляний. – С.И.) *нет... Тренируются, бегают, здесь зарядку делают*» (интервью, управляющий ПКК-1, Приморский край, июль 2014 г.).

Наличие этнических связей между ПКК зависит от отрасли хозяйствования. Например, обувные предприятия, несмотря на бурное развитие с середины 2000-х гг., не оставили в китайском или российском информационном пространстве следов о попытках самоорганизации. Два крупнейших предприятия, работающих на расстоянии одного километра друг от друга и явно не конкурирующих друг с другом, не имели устойчивых связей просто потому, что между владельцами «кошка пробежала» (интервью, управляющий ПКК-1, Приморский край, июль 2014 г.).

Между сельскохозяйственными ПКК Приморья существуют этнические связи. Они проявляются во взаимном обмене трудовыми ресурсами, передаче земель в субаренду, попытках выстраивать вертикальные производственные цепочки. Холдинги могут принимать в свой «состав» более мелких игроков на контрактной основе (интервью, управляющий ПКК-3, Приморский край, май 2015 г.). ПКК Приморья инициировали и возглавили в октябре 2012 г. некоммерческую организацию «Хэйлунцзянскую ассоциацию сельскохозяйственных предприятий в России» [20], но учреждена она в провинции Хэйлунцзян, соседнем с Приморьем регионе КНР, и в России формально не осуществляет деятельность. В её состав могут входить только ле-

гально работающие предприятия или индивидуальные предприниматели с хорошей репутацией, обрабатывающие не менее 500 гектаров в РФ [21]. Попечительский совет ассоциации представлен хэйлунцзянской бюрократией, курирующей внешнеэкономическую сферу.

Возникновение такой организации в Китае не связано с какими-либо экспансионистскими планами, хотя её участники ставят амбициозные планы превращения в основного сельхозпроизводителя Дальнего Востока РФ. Её появление также нельзя рассматривать и как реакцию на давление российского государства, так как в России эти предприятия не выступают с консолидированной позицией в публичном пространстве. Причина лежит в плоскости отношений этих предприятий с китайским государством. Крупные ПКК в Приморье зависимы от финансовых ресурсов, циркулирующих в государственном секторе КНР, поэтому консолидация предприятий и установление прочных личных и символических связей с хэйлунцзянской бюрократией необходимы, прежде всего, для лоббирования своих интересов в госструктурах или, как написано официально в уставе, внесение «предложения по разработке законодательных актов, выработке мер поддержки и программ развития совместной деятельности в сельском хозяйстве России» [22].

Кроме этого, некоторые владельцы изучаемых ПКК достаточно сильно включены в политическую систему Китая, являясь членами законодательных или консультативных органов. Таким образом, владельцы крупных ПКК, по крайней мере до настоящего времени, связывали свою жизнь и бизнес с Китаем, нежели с Россией, поэтому у них не может быть личного интереса в актуализации этнических связей за рубежом, кроме тех, которые непосредственно связаны с оптимизацией хозяйственной деятельности компаний.

Исследуемые нами ПКК в основном не стремятся к публичности в России, и только одна из них в последние два года стала завсегдатаем федеральных, региональных и локальных СМИ и обзавелась хорошим русскоязычным сайтом. В России они позиционируют себя как результат успеха российско-китайского сотрудничества, и термины «российско-китайский» и «сотрудничество» обязательно фигурируют в их официальных или неофициальных названиях, хотя лишь в одном холдинге есть вероятность участия российского капитала. При этом изучаемые ПКК масштабно представлены в китайском информационном пространстве [23. С. 148–155], чего требует вышеуказанная связь с китайским государством.

Значительные ограничения на проявления этничности накладывают механизмы интеграции в социальное пространство сёл и пригородов. Помимо обязательных формальных контактов с государственными структурами, таких механизмов три: трудоустройство российских граждан, неформальное взаимодействие с местными властями, формальные и неформальные эконо-

мические связи, необходимые для сбыта части продукции в регионе или за его пределами в России. Результаты исследований К.В. Григоричева показали, что в Иркутской области в 2008–2009 гг. группы китайских мигрантов, занимавшихся тепличным хозяйством, зарегистрированные в качестве российских компаний, были включены в социальное пространство пригородов и сел региона только посредством трудовых отношений с местным населением и неформальным сотрудничеством с местными администрациями [24. С. 93–94]). Скорее всего, в силу большего размера изучаемые нами ПКК имели более разнообразные связи с локальным сообществом.

Больше всего нас интересует два аспекта интеграции в принимающее сообщество: наём российских граждан в качестве управляющих (генеральных директоров) компаний (оставим в стороне наём специалистов на постоянной основе (бухгалтера, механизаторы, водители и т.д.) и наём на поденную работу) и ожидания местных властей от крупных ПКК.

Назначение россиян на реальные, а не фиктивные управляющие позиции компаний, может показаться продуманным стратегическим ходом, который обеспечивает безболезненное вращение компании в социальное пространство села или города. Но такая «кадровая политика» являлась скорее исторической случайностью, которая, тем не менее, обеспечила изучаемым ПКК те позиции, которых они достигли в Приморском крае. Во всех случаях генеральные директора ПКК являлись бывшими торговыми партнёрами китайского инвестора. В одной компании первоначальный управляющий отошел от дел компании в силу состояния здоровья, на его место пришел его друг, бывший сотрудник местной администрации. Для самих управляющих этот наём условен, они воспринимают его в качестве партнерства, где китайская сторона является поставщиком финансовых ресурсов, а российская обеспечивает их текущее распределение. Соответственно российский директор занимается всей «текучкой», кроме вопросов, касающихся стратегического развития компании и той части деятельности, которая связана непосредственно с Китаем (наём рабочих, лизинг техники и экспорт продукции).

Такого управляющего хорошо знают представители местных администраций, с ним решаются все вопросы. В одном случае руководитель ПКК являлся депутатом районной думы, и после нашего интервью собирался на заседание местного отделения «Единой России». Китайские же собственники мало известны в бюрократической среде муниципалитета или села и, очевидно, даже не пытаются проникать в публичную или политическую сферу села или города. Одновременно нельзя утверждать, что определённые формальные или неформальные связи китайских собственников с руководителями местных администраций полностью отсутствуют. Как минимум, их контакт неизбежен в рамках официальных российско-китайских мероприятий.

Совершенно очевидно, что российский управляющий не будет проявлять интерес к мобилизации китайскости ни среди трудовых мигрантов, ни при внешних взаимодействиях. Более того, гендиректора жёстко отстаивали «российскую» идентичность своих компаний: «*Оно (предприятие. – С.И.) не китайское, оно российское предприятие*» (управляющий ПМК-3, Приморский край, июль 2014 г.); «*Да и мы тоже заинтересованы (расширять производство. – С.И.). Китайцы-то тут причём? Я за Родину беспокоюсь, чё мне китайцы?*» (управляющий филиала ПМК-3, Приморский край, июль 2014 г.).

Преимущество российского управляющего проявилось в одном из районов Приморья, в сельском хозяйстве которого работали китайский холдинг и несколько южнокорейских компаний. Местные чиновники выделяли «китайский» и «корейский» подходы к кадровой политике. Второй отличался обязательным назначением граждан Южной Кореи на руководящие должности, но комплектацией низового кадрового состава русскими. Чиновники были явно на стороне «китайской» модели: «*У китайцев все расписано. Вот пошли им просьбу предоставить план посевных площадей, какие семена будут использоваться – всё, к концу дня вам все разложили по полочкам! Корейцы – нет. Они будут вынашивать неделю-две, потом ещё добавляют “ну, возможно, будут изменения, как начальство скажет”... Китайцы очень хорошо пробивают наше законодательное всё, корейцы – вот начинаешь им про отчетность объяснять, они: “а мы этого не знали, объясните нам”. Видимо, юристы у китайцев лучше*» (интервью, руководитель отдела, районная администрация ПК, сентябрь 2014 г.). Более логичное объяснение различий в кадровой политике все же не лежит в этнической плоскости, а связано с масштабами предприятий и историей их развития. Корейские организации были меньше китайской и, очевидно, не имели такой истории отношений с партнёрами в РФ, которая позволила бы отдать управление российскому директору.

Местные власти закрывают глаза на иностранное происхождение ПМК и стремятся использовать их материальные ресурсы для улучшения социального пространства села или города. Спонсирование спортивных команд, облагораживание городской территории, отсыпка дорог или предоставление техники при ремонте теплосетей – не было ни одного района, где ПМК не оказывали поддержки. Одна из историй предоставления такой помощи особенно показательна. В 2013 г. Президент РФ обратил внимание правительства и региональных администраций на проблему нехватки фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП), и краевая администрация Приморья активно откликнулась на призыв, разработав соответствующую программу. Осуществила стройку ПМК: «*Помогают. Однозначно помогают. В частности N (ПМК. – С.И.) помогает. В прошлом году... в позапрошлом, может, слышали, началась такая эпопея – программа развития здравоохранения в Приморском крае, строительство ФАПов. Взять, к примеру, населённый пункт S, там построили ФАП. Более чем полмиллиона денежных средств только*

на это потратила N» (интервью, председатель районной думы, ПК, август 2014 г.).

Управляющие ПМК не видят в подобных практиках местных властей предвзятости, так как аналогичные практики применяются ко всем компаниям сёл. Реакция на вопрос о вынужденной социальной нагрузке варьируется от «мы же здесь живём и работаем» до «ну вы же сами знаете ответ». Иногда управляющие предприятий самостоятельно обращаются в администрацию для распределения по социальным объектам своей продукции, которую не успели сбыть к сезону (интервью, управляющий ПМК-2, Приморский край, июль 2014 г.; интервью, управляющий ПМК-1, Приморский край, июль 2014 г.).

Лояльность местных властей к китайским трудовым мигрантам базируется, в том числе, и на отсутствии со стороны последних этнических/конфессиональных манифестаций: «Я считаю, что рабочая сила из ближайшего зарубежья – таджики, узбеки – это не равноценная замена с точки зрения готовности работать именно так, как это делают китайцы, с точки зрения того результата, который мы будем иметь от этой работы. Ну и плюс у меня, откровенно говоря, уже есть понимание, как китайцы ведут себя на территории. Как это будет в случае их замены узбеками, таджиками? Условно говоря, насколько... “Аллах Акбар”, слава богу, у нас ещё на перекрёстках не кричат». Российский управляющий ПМК вторит ему: «Я не вижу от китайцев никаких нарушений, они спокойные между собой, тем более по отношению к нам, значит. А вот агрессивные узбеки что тут творят. Миграционная служба на них не обращает внимания». Впрочем, директора ПМК, которые имели опыт работы с мигрантами из Средней Азии, отзывались о них в основном в нейтральных тонах, хотя и выделяя либо китайских рабочих в силу их трудолюбия, либо «русских» из-за лёгкости общения с ними.

В беседах с жителями мы не ставили задачу глубоко выяснить их представления о китайских рабочих как этнически иных, наши вопросы касались в основном форм взаимодействия мигрантов с местным населением. При описании контактов с китайскими рабочими или трудовых отношений с китайцами местные жители не использовали этнически окрашенные или националистические выражения, оценивали опыт взаимодействия в основном с экономико-бытовых позиций. Жителей сёл мало беспокоит проблема присутствия культурно инородных. Скорее всего, это связано с социальной изоляцией мигрантов – они живут в полях или в огороженных зонах, в деревне появляются редко, обычно для посещения магазинов.

В представленном анализе, возможно, было слишком много отрицаний. В последние десятилетия ни одна из социальных групп китайских предпринимателей – мелкие торговцы, натурализовавшиеся в России предприниматели средней руки, крупные бизнесмены – не проявляла интереса или не была в состоянии на долгосрочной основе войти в политическое или культурное пространство региона как консолидированная группа, обме-

нять экономический капитал на повышение своего социального статуса в России. Впрочем, полное отрицание факта китаизации региона ошибочно. Он стал неотделимой частью социальной жизни в виде феномена, созданного коллективным воображением.

Мелкие торговцы и представители среднего/крупного бизнеса в принципе не стремились закрепиться в российском обществе, связывая свою физическую миграцию или перемещение своих активов в Россию исключительно с текущими экономическими выгодами, а не перспективами личной жизни в культурно чуждой стране. Их хозяйственная деятельность всегда локализовывалась в рамках ограниченной территории, и, очевидно, эта анклавность была оптимальной «стратегией» как с экономической точки зрения, так и с точки зрения минимизации издержек нахождения в обществе,

настороженно относящемся к китайскому присутствию в регионе [25. С. 146–157].

Крупный бизнес принимал организационные решения, которые ограничивали проявления этничности, но позволяли эффективно включиться в социальное пространство принимающего сообщества и особенно его административное поле.

Представители малого бизнеса, проживавшие постоянно в России, производили попытки консолидировать китайских предпринимателей в регионе, но они не нашли поддержки среди этнического сообщества. В будущем только эта социальная группа может проявлять интерес к мобилизации китайского фактора в Приморье, однако её успешность, скорее всего, будет минимальной в силу малых размеров и разобщённости таких предпринимателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дятлов В.И. Этнизация городского пространства: попытка определиться в исследовательском поле // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск : Оттиск, 2013. С. 211–224.
2. Ларин А.Г. Китайская миграция в России. История и современность. М. : ИДВ, 2009. 512 с.
3. Дятлов В.И. Россия: в предчувствии чайнатаунов // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 6–16.
4. Рыжова Н.П. Благовещенск: в поисках «чайнатауна» // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 17–31.
5. Козлов Л.Е. Диаспоры в региональных политических процессах Дальнего Востока России // Россия и АТР. 2010. № 1. С. 128–136.
6. Киреев А.А. Существует ли на Дальнем Востоке России китайская диаспора? // Ойкумена. 2013. № 4. С. 28–47.
7. Григоричев К.В., Пинигина Ю.Н. Два мира на Мира, 2: «китайский» рынок в повседневности города // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2014. Т. 10. С. 136–153.
8. Тренин Д., Витковская Г. Введение // Перспективы Дальневосточного региона: китайский фактор. М., 1999. С. 5–8.
9. Рыжова Н.П. Трансграничный рынок в Благовещенске: формирование новой реальности деловыми сетями «челноков» // Экономическая социология : электрон. журнал. 2003. Т. 4, № 5. С. 54–71. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204959/ecsoc_t5_n4.pdf
10. Стратегия социально-экономического развития Владивостока на период до 2020 г. // Частный корреспондент. URL: <http://chaskor.ru/js/img/strateg.pdf> (дата обращения: 20.03.2012).
11. Дятлов В.И., Кузнецов Р.Э. «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка // Экономическая социология : электрон. журнал. 2004. Т. 5. № 4. С. 56–71. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204959/ecsoc_t5_n4.pdf
12. Депутаты думы Уссурийского городского округа // <http://duma-ussuriisk.ru/deputies/list?page=1> (дата обращения: 25.05.2015).
13. Phillips R. Why Are Pricing Set the Way They Are // Özalp Özer, Robert Phillips (eds.). The Oxford Handbook of Pricing Management. Oxford University Press, 2012. P. 28–39.
14. Журавская Т.Н. Посетители «китайского» рынка: символическое потребление и экономия на масштабе // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 120–135.
15. Русс Н. Не расплескать свою душу // Окно в Азиатско-Тихоокеанский регион. 2014. № 2. С. 36–37.
16. Лю Жунбинь, Ван Ин. До лица, ху цзуньчжун, сян вэйлай (Понимание, взаимное уважение и устремлённость в будущее) // Хэйлунцзян цзинцзи бао. 29.08.2013. № 5976. С. 1.
17. Козлов Л.Е. Этнические общины в политическом процессе Приморского края // Международные отношения и мировая политика: азиатско-тихоокеанский регионализм : сб. науч. ст. / науч. ред. Л.Н. Гарусова; под общ. ред. Н.В. Петровой. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2011. С. 163–177.
18. Wei Li. Anatomy of a New Ethnic Settlement: The Chinese Ethnoburb in Los Angeles // Urban Studies. 1998. Vol. 35. No. 3. С. 479–501.
19. Иванов С.А. Миграция китайского капитала и труда в Приморском крае // Ойкумена. 2014. № 4. С. 35–46.
20. Ван Ин. Сешоу хэцзо, гунчуан хуэйхуан. Фан хэйлунцзян шэн дуй э нуне чанье сехуэй хуэйчжан ли дэминь (От сотрудничества к совместному процветанию. Интервью с председателем Хэйлунцзянской ассоциации сельскохозяйственных предприятий в России Ли Дэминем) // Хэйлунцзян цзинцзи бао. 06.09.2013. № 5994. С. B01.
21. Хэйлунцзян шэн дуй э нуне чанье сехуэй хуэйюань жу хуэй тяоцзянь (Условия вступления в Хэйлунцзянскую ассоциацию сельскохозяйственных предприятий в России). URL: http://www.hljdny.com/cn_public_html/Apply.Asp (дата обращения: 25.05.2015).
22. Хэйлунцзян шэн дуй э нуне чанье сехуэй чжанчэн (Устав Хэйлунцзянской ассоциации сельскохозяйственных предприятий в России). URL: http://www.hljdny.com/cn_public_html/Rule.Asp (дата обращения: 25.05.2015).
23. Иванов С.А. Участие властей провинции Хэйлунцзян в российско-китайском экономическом сотрудничестве : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2015. 277 с.
24. Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск : Оттиск, 2013. 248 с.
25. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX–XXI веков. Владивосток : Дальнаука, 2011. 312 с.

Ivanov Sergei A. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB, RAS (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: 02isa02@mail.ru

CHINESE CAPITAL AS A FACTOR OF ETHNIZATION OF URBAN AND RURAL AREAS OF PRIMORSKY KRAI.

Keywords: ethnization; Chinese community; diaspora; Primorsky Krai; social space.

The article aims to answer the question if Chinese capital stimulate mobilization of ethnicity in Primorsky krai. Massive migration of Chinese entrepreneurs in 1990 – 2000s, their long-term residence and stable positions in economic field of Russian border regions could have provided fertile ground for converting economic resources into cultural or political ones. The research focuses on three groups of Chinese entrepreneurs in Primorsky krai: petty traders (including shuttle traders), owners of small enterprises and representatives of medium- and large-size business. The empirics of the paper are sociological materials including series of semi-structured interviews with officials, representatives of business and local mass media as well as short conversations with local residents and field observations. The author came to

the conclusion that none of the three studied groups of Chinese entrepreneurs took interest to or was able to penetrate into political or cultural space of the region for quite a long time, or to exchange economic resources for higher social status in Russia. Though it would be a mistake to deny the chinesation of the region as it has become a social phenomenon created by collective imagination. Petty traders and owners of medium/large-size business haven't strived to integrate in Russian society. Their physical migration or investment inflow into Russia was the result of desire for economic gains, but not for settling in culturally alien country. Their business activities usually were localized within limited territory as this enclavement was an optimal strategy to minimize costs of living in alien society. Large-size business made organizational decisions that constrained mobilization of ethnicity but enabled effective involvement in host society, especially in its administrative field. Loyalty of Russian local authorities toward companies with Chinese investment and their Chinese labor was partially based on the abandonment of ethnical/confessional manifestations. Russian projects of Chinese middle/large-size companies were much more represented in the Chinese public space than in the Russian one as the companies depended on financial resources of PRC's state sector. Representatives of small-size business who were permanent residents in Russia made attempts to consolidate Chinese businessmen in Primorsky krai but this efforts did not meet with support of the Chinese community. In the future, only this social group will be interested in mobilizing Chinese ethnicity but their efforts most likely will gain minimal success as their economic resources are scarce and the group is divided.

REFERENCES

1. Dyatlov, V.I. (2013) Etnizatsiya gorodskogo prostranstva: popytka opredelit'sya v issledovatel'skom pole [Ethnicization of urban space: an attempt to determine the field of research]. In: Dyatlov, V.I. & Grigorichev, K.V. (eds) (2013) *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Resettlement Society of Asian Russia: migration space community]. Irkutsk: Ottisk. pp. 211-224.
2. Larin, A.G. (2009) *Kitayskaya migratsiya v Rossii. Istoriya i sovremennost'* [The Chinese migration to Russia. History and modernity]. Moscow: IDV.
3. Dyatlov, V.I. (2008) Rossiya: v predchuvstvii chaynataunov [Russia: in anticipation of Chinatowns]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 4. pp. 6-16.
4. Ryzhova, N.P. (2008) Blagoveshchensk: v poiskakh "chaynatauna" [Blagoveshchensk: in search of the "Chinatown"]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 4. pp. 17-31.
5. Kozlov, L.E. (2010) Diaspora v regional'nykh politicheskikh protsessakh Dal'nego Vostoka Rossii [Diaspora in regional political processes of the Russian Far East]. *Rossiya i ATR – Russia and The Pacific*. 1. pp. 128-136.
6. Kireev, A.A. (2013) Sushchestvuet li na Dal'nem Vostoke Rossii kitayskaya diaspora? [Is there the Russian Far East Chinese diaspora?]. *Oikumena*. 4. pp. 28-47.
7. Grigorichev, K.V., & Pinigina, Yu.N. (2014) Two Worlds at Mira St., 2: the "Chinese" Market in City Reality. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie" – The Bulletin of Irkutsk State University. Politology. Religion Studies*. 10. pp. 136-153. (In Russian).
8. Trenin, D. & Vitkovskaya, G. (1999) Vvedenie [Introduction]. In: *Perspektivy Dal'nevostochnogo regiona: kitayskiy faktor* [Prospects of the Far East region: the Chinese factor]. Moscow: Carnegie Centre. pp. 5-8.
9. Ryzhova, N.P. (2003) Transboundary market in Blagoveshchensk: the formation of the new reality by the business networks of the "shuttle-traders". *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Economic Sociology*. 4(5). pp. 54-71. (In Russian).
10. The City Administration of Vladivostok. (2009) *Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Vladivostoka na period do 2020 g.* [Strategy for Socio-Economic Development of Vladivostok up to 2020]. [Online] Available from: <http://chaskor.ru/js/img/strateg.pdf>. (Accessed: 20th March 2012).
11. Dyatlov, V.I. & Kuznetsov, R.E. (2004) "Shanghai" in the Centre of Irkutsk. Chinese Market Ecology. *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Economic Sociology*. 5(4). pp. 56-71. (In Russian).
12. Ussuri City Duma. (n.d.) *Deputaty dumy Ussuriyskogo gorodskogo okruga* [Deputies of the Ussuri Duma city district]. [Online] Available from: <http://duma-ussuriisk.ru/deputies/list?page=1>. (Accessed: 25th May 2015).
13. Phillips, R. (2012) Why Are Pricing Set the Way They Are. In: Özer, Ö. & Phillips, R. (eds) *The Oxford Handbook of Pricing Management*. Oxford University Press. pp. 28-39.
14. Zhuravskaya, T.N. (2014) Visitors of the "Chinese" Market: Symbolic Consumption and Economies of Scale. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie" – The Bulletin of Irkutsk State University. Politology. Religion Studies*. 10. pp. 120-135. (In Russian).
15. Russ, N. (2014) Ne rasplekat' svoyu dushu [Do not spill your soul]. *Okno v Aziatsko-Tikhookeanskiy region*. 2. pp. 36-37.
16. Liu, Zh. & Wang, Y. (2013) Do litsze, khu tszun'chzhun, syan veylay [Understanding, mutual respect and aspiration for the future]. *Heilongjiang Jinji bao*. 29th August. № 5976. p. 1.
17. Kozlov, L.E. (2011) Etnicheskie obshchiny v politicheskom protsesse Primorskogo kraya [Ethnic communities in the political process of Primorsky Krai]. In: Petrova, N.V. & Garusova, L.N. (eds) *Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika: aziatsko-tikhookeanskiy regionalizm* [International Relations and World Politics: Asia-Pacific regionalism]. Vladivostok: VSUES. pp. 163-177.
18. Wei, L. (1998) Anatomy of a New Ethnic Settlement: The Chinese Ethnurb in Los Angeles. *Urban Studies*. 35 (3). pp. 479-501. DOI: 10.1080/0042098984871
19. Ivanov, S.A. (2014) Migratsiya kitayskogo kapitala i truda v Primorskom krae [The migration of Chinese capital and labor in the Primorsky district]. *Oikumena*. 4. pp. 35-46.
20. Wang, Y. (2013) Seshou khetszo, gunchuan khueykhuan. Fan kheylyuntszyan shen duy e nune chan'e sekhuey khueychzhan li demin' [From cooperation to common prosperity. An interview with the chairman of the Heilongjiang association of agricultural enterprises in Russia Li Deming]. *Heilongjiang Jinji bao*. 6th September. № 5994.
21. China and Russia Agricultural Cooperative Association in Heilongjiang Province. (n.d.) *Kheylyuntszyan shen duy e nune chan'e sekhuey khueyyuan' zhu khuey tyaoztzyan'* [Requirements for joining the Heilongjiang association of agricultural enterprises in Russia]. [Online] Available from: http://www.hljdeny.com/cn_public_html/Apply.Asp (Accessed: 25th May 2015).
22. China and Russia Agricultural Cooperative Association in Heilongjiang Province. (n.d.) *Kheylyuntszyan shen duy e nune chan'e sekhuey chzhanchen* [Charter of the Heilongjiang association of agricultural enterprises in Russia]. [Online] Available from: http://www.hljdeny.com/cn_public_html/Rule.Asp (Accessed: 25th May 2015).
23. Ivanov, S.A. (2015) *Uchastie vlastey provintsii Kheylyuntszyan v rossiysko-kitayskom ekonomicheskoy sotrudnichestve* [The participation of the authorities of Heilongjiang Province in the Russian-Chinese economic cooperation]. History Cand. Diss. Vladivostok.
24. Grigorichev, K.V. (2013) *V teni bol'shogo goroda: sotsial'noe prostranstvo prigoroda* [In the shadow of the big city: the social space of the suburbs]. Irkutsk: Ottisk.
25. Larin, V.L. & Larina, L.L. (2011) *Okruzhayushchiy mir glazami dal'nevostochnikov: evolyutsiya vzglyadov i predstavleniy na rubezhe XX–XXI vekov* [The world around us through the eyes of the Far East: the evolution of attitudes and perceptions at the turn of the 20th-21st centuries]. Vladivostok: Dal'nauka.

УДК 316.3:378.4(571.16)
DOI 10.17223/19988613/37/18

Е.А. Федосов

КИТАЙСКИЙ СТУДЕНТ В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ЦЕННОСТИ, МОТИВАЦИИ, БЫТОВАЯ АДАПТАЦИЯ

*Исследование выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире.
Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности»
(грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).*

На примере китайских студентов в Томском государственном университете можно выделить черты сознания, за которыми стоят специфические ценностные, мотивационные и адаптационные ориентиры. Вместе они составляют определенный ментальный багаж, с которым студенты приезжают в Томск. С целью его выявления в Институте Конфуция было проведено фокусированное интервью со студентами филологического факультета ТГУ, прибывшими из Шеньяна по специальной программе обмена. Китайским студентам предлагалось ответить на несколько вопросов по ряду значимых аспектов: биографическому, гендерному, социально-экономическому, языковому, религиозному, моральному и культурно-адаптационному. Данный формат позволяет добавить некоторые важные штрихи к образу китайской молодежи, пребывающей в Томске на учебу и, так или иначе, осваивающейся в новой для себя действительности.

Ключевые слова: КНР; китайские студенты; Томск; проблемы адаптации; российско-китайские отношения.

Анализ мнений китайских студентов Томского государственного университета (ТГУ) необходимо предварить краткой характеристикой специфики их пребывания в Томске. Исследование проводилось на основании мнений представителей группы, которая содержит в себе одновременно элементы этнического (*китайские студенты*), локального (*китайцы в Томске/в ТГУ*) и профессионального сообщества (*китайские студенты-филологи, изучающие русский язык*). Вместе с тем фактически все находящиеся в ТГУ китайские студенты – это прежде всего *граждане КНР*, которые, руководствуясь некоторыми причинами и мотивами (речь о них пойдет ниже), *определенный период времени* получают образование в нашем городе. Априори в России им не грозят утрата идентичности, исчезновение собственной культуры, подавление культуры «меньшинства» культурой «большинства» и т.п. уже хотя бы в силу временности их пребывания в нашей стране и сохранения связей с родиной. В этом заключается их отличие от многих других этнических и локальных сообществ. Поэтому вопросы, затронутые в данном исследовании, исходили не только из необходимости проанализировать на конкретных примерах положение китайских студентов ТГУ в Томске, но и прояснить некоторые социальные, экономические и духовные аспекты жизни в самом современном Китае, влияющие на формирование собственно китайского сознания и особенности его адаптации к новой среде.

Сейчас, по-видимому, наступил период существенного переосмысления образа китайского присутствия в России. В 1990-е гг. имел место перекосящий взаимоотношений в коммерческий аспект. Будучи полем жесткой конкуренции, причем недостаточно отрегулированной в то время с правовой точки зрения, он давал повод для конфликтов и способствовал распространению негативных представлений о китайцах [1. С. 501, 505]. Но уже с начала 2000-х гг. наблюдаются определенные

изменения. Отлаженными, цивилизованными и обоюдно выгодными становятся деловые контакты с Китаем [Там же. С. 507–508]. Кроме того, существенный вклад в новый образ современного представителя Поднебесной вносится духовной сферой взаимоотношений, для которой томские вузы являются весьма благоприятной средой. Традиционно со студенчеством связывают высокую степень интернационализма и единства. Наличие среди учащихся представителей разных стран и народов является предметом гордости любого вуза. Их пребывание в университетах часто становится источником налаживания межгосударственных связей и средством формирования благоприятного восприятия иностранца. Томские СМИ неизменно положительно отзывались о студентах городских вузов из разных стран [2. С. 149]. При этом китайцы, как и любые другие иностранцы, не только интернационализируют научную и культурную жизнь вуза, но и формируют в нем определенный образ своей страны.

С целью выявления черт современного китайского самосознания и особенностей его проявления у студентов, приехавших на учебу в Томский государственный университет, была организована беседа с тремя учащимися филологического факультета ТГУ, прибывшими из Шеньяна по специальной программе обмена. Встреча проходила в ноябре 2013 г. в Институте Конфуция, который действует на базе ТГУ с мая 2008 г. и является одним из центров притяжения китайской молодежи в Томске. Автор данной работы, будучи студентом Института Конфуция, давно контактирует с представителями Поднебесной, что существенно облегчило организацию встреч и внесло в предпринимаемый анализ элемент включенного наблюдения. Однако, являясь одним из инструментариев этнографического метода [3. С. 293], в данном случае наблюдение не являлось осознанной, целенаправленной исследовательской стратегией и было обусловлено самим фактом

частого нахождения в китайской среде в рамках учебы в Институте Конфуция. В форме группового интервью китайским студентам предлагалось ответить на несколько вопросов по ряду значимых для исследования аспектов: биографическому, гендерному, социально-экономическому, языковому, религиозному, моральному, культурно-адаптационному. Данный формат позволяет рассматривать их как фокус-группу, хотя и с некоторыми отличиями от ее классического варианта, при котором опрашиваемые участники выбираются случайным образом и не знакомы друг с другом [4]. Здесь же китайцы являлись представителями единого коллектива студентов-филологов ТГУ. Таким образом, специфика как нахождения автора в китайской среде, так и самой этой среды способствовала применению в данном случае синтетического социологического метода (этнографической фокус-группы), который является оптимальной основой для сбора первичных, «разведывательных» сведений [Там же]. Во многом пробный характер данного исследования обусловил и довольно узкий состав группы, который позволил, с одной стороны, обсудить каждый значимый аспект достаточно детально, а с другой – сразу уловить общие тенденции во взгляде китайцев на предмет беседы. Коммуникация осуществлялась преимущественно на русском языке. С этим связаны трудности проведения интервью, выразившиеся в наличии определенного языкового барьера и сложностью корректного перевода абстрактных понятий на русский и китайский языки, что в существенной мере ограничило возможность развернутых высказываний. Преодолевалась эта проблема благодаря одной из участниц интервью, хорошо владеющей русским языком и выступавшей время от времени в роли переводчика.

Участниками интервью стали три китайских студента ТГУ:

Цзюй Чуанья (鞠传亚) – 23 года, студентка 4-го курса филологического факультета ТГУ, преподаватель живописи и каллиграфии Института Конфуция. Родилась в провинции Цзянсу (юго-восток Китая). Отец работает полицейским, мать – домохозяйка, старшая сестра – врач, младший брат – студент.

Чэнь И (陈怡) – 21 год, студентка 3-го курса филологического факультета ТГУ. Родилась в провинции Чжэцзян (юго-восток Китая). Отец и мать работают школьными учителями.

Мэн Сянтянь (孟祥天) – 21 год, студент 3-го курса филологического факультета ТГУ. Родился в провинции Ляонин (северо-восток Китая). Отец работает в фирме, мать – банковская служащая.

Анализ беседы показал, что даже эти скудные, анкетные по своей сути данные уже могут указывать в Китае на определенную этническую, региональную или социальную идентичность. Одним из таких маркеров является фамилия, которую китайцы хорошо соотносят со своим происхождением. Так, Цзюй Чуанья знает, что ее фамилия (鞠 – Цзюй) происходит от названия

древней этнической группы, поселившейся в ее родной провинции еще при династии Тан (618–907). Она хорошо знакома с историей своего рода, но считает себя представительницей народа Хань. К этому же этносу, составляющему 92% населения всего Китая, относят себя и другие участники интервью. Семья Мэн Сянтяня происходит от древнекитайского конфуцианского философа Мэн Цзы (孟子: 372–289 гг. до н.э), однако подробностей истории своего рода Мэн не знает. Чэнь И рассказала, что ее предки давно жили в провинции Чжэцзян [5]. На это прямо указывает ее фамилия Чэнь (陈), являющаяся одной из самых распространенных на юге Китая и связанная, видимо, именно с региональным или клановым аспектом, фактически объединявшим носителей одной фамилии на основе единой территориально-родовой принадлежности [6. С. 151].

Жизнь современных китайских регионов и провинций по-своему влияет на их население через определенные социальные ориентиры. Например, описывая Цзянсу, Цзюй Чуанья отмечает, что в этой провинции динамично развиваются культура и экономика, обеспечен достаточно широкий спектр деятельности, включающий как государственную службу, так и предпринимательство. В связи с вниманием общества к сфере культуры особую роль играют преподаватели и учителя. В последнее время усилилась конкуренция на рынке квалифицированного труда. Вместе эти факторы повышают ценность качественного высшего образования, которое многие стремятся получить. Но чем большее количество людей его получает, тем более жесткой становится конкуренция. Кроме того, по словам Цзюй, степень образованности человека в Китае обычно считается и критерием его морали, хотя сейчас люди, получившие высшее образование, не всегда обладают «хорошими» личными качествами. В связи с этим интересным кажется ее высказывание о том, что необразованные крестьяне однозначно имеют более низкие моральные качества и привычки [5]. На наш взгляд, здесь воспроизводится традиционное представление, согласно которому личные качества тесно связаны с образовательным цензом, поскольку именно ученые, образованные люди в Китае составляли правящий класс, «знали ритуал» и наделялись за это высоким статусом «мудреца» или «достойного мужа» [6. С. 142–143].

Значимым для современных китайских студентов институтом остается семья. Сейчас она редко состоит из нескольких поколений родственников, поскольку, поженившись, молодые пары предпочитают жить отдельно от родителей. Среди опрошенных студентов лишь в семье Мэн Сянтяня живет еще и третье поколение – бабушка и дедушка [5]. Впрочем, известный российский китаевед В.В. Малявин отмечает, что даже в рамках китайской традиции семья, состоящая из нескольких поколений, представляет собой скорее редкий конфуцианский идеал. При этом в первой половине XX в. ограниченная лишь родителями и детьми семья в

среднем оставалась довольно большой, состоявшей из 5–6 человек [6. С. 144–145]. Сейчас, в силу проводящейся с 1979 г. политики регулирования рождаемости в Китае, выразившейся в принципе «одна семья – один ребенок» (принцип не распространяется на национальные меньшинства и в некоторых других исключительных случаях), ситуация меняется, однако эту тенденцию не вполне отражают мои собеседники. Так, только Мэн Сянтянь – единственный ребенок в семье, тогда как у Чэнь И есть брат, а у Цзюй Чуанья – младший брат и старшая сестра, которую в быту она должна слушаться как вторую мать.

Что касается влияния старших членов семьи на младших в целом, то все отметили, что в наше время родители уже менее строги по отношению к детям и в дальнейшем уважают их решения по поводу учебы, карьеры или брака. Родители студентов с пониманием и поддержкой приняли их решение отправиться на учебу в Шеньян, а затем в Россию. Вместе с тем родителям Чэнь не нравится, что она учится далеко от дома, и они хотели бы, чтобы их дочь вернулась после учебы в родную провинцию, хотя у нее самой другие планы на будущее. Но молодежь обычно прислушивается к мнению старших и советуется с ними по разным вопросам, включая брак. Обычно молодые люди создают собственные семьи после завершения учебы. Традиционно в Китае жених и невеста не должны были встречаться до свадьбы, но сейчас подобного запрета нет. Китайцы по-прежнему «сильнее скрывают свои чувства» к возлюбленным, чем другие народы, и молодые люди достаточно сдержаны в отношениях [5]. Очевидно, в этом проявляется наследие конфуцианской морали, стремившейся всецело ограничить общение между полами даже после свадьбы, когда должны были отсутствовать какие-либо «публичные знаки любовных отношений между мужем и женой» [6. С. 543].

В семье мужчина обычно занимается карьерой, а женщина ведет домашнее хозяйство и воспитывает детей, но может сделать выбор также в пользу карьеры, и это нормально воспринимается современным обществом. Мэн Сянтянь убежден, что современная женщина может «работать и строить карьеру, а не всегда сидеть дома». При этом женщина играет главную роль в воспитании детей. Положение мальчика в семье, как и раньше, может быть выше, чем у девочки, однако в «городской или образованной» среде различий практически нет. В целом, сейчас в Китае уже не существует каких-либо строгих единых для всех рамок выстраивания семейных отношений. В данной сфере присутствует значительная доля субъективности и ситуативности. Подтверждением тому служит интересное и в то же время парадоксальное мнение Цзюй Чуанья о степени влияния старшего поколения на поведение молодых: «Если человек решает идти к какой-то цели, то его поддерживают семья и окружение, в том случае, если решение *правильно*» (что конкретно здесь имеется в виду, до конца не ясно. – Е.Ф.) и полезно для человека.

Даже не важно, поддерживают или нет, если решение правильно и полезно для человека, человек может быть самостоятелен» [5].

Таким образом, современный китаец в своих действиях может руководствоваться в равной мере личными соображениями, социально-экономической обстановкой или волей старших. Но какова в его жизни роль факторов, связанных с духовным, более глубоким и отвлеченным подтекстом? По мнению китайских студентов, отношение к религии в современном Китае достаточно спокойное, она отделена от государства, и каждый человек вправе принимать и исповедовать любую религию, если при этом не нарушает закон. Традиционной и преобладающей религией считается буддизм, однако большинство людей не особенно верующими, а Мэн Сянтянь немного придерживается буддизма, хотя и не имеет особых религиозных предпочтений. Несколько иное отношение у китайцев к философским учениям, первостепенное значение среди которых занимает конфуцианство. Они играют важную и образовательную, и мировоззренческую роль. Все студенты единодушны в том, что учение Конфуция помогает им, и в нем очень много «правильных, положительных» мыслей, которыми китайцы пользуются до сих пор в повседневной практике. Вместе с тем считается, что существуют и ошибочные суждения, которые могут плохо влиять на жизнь, поскольку не подходят к современным условиям [Там же].

В отношении к философскому наследию древности, как и в вопросе влияния старших на решения молодежи, вновь возникла некая категория «правильности». В данном случае она увязана с критерием соответствия современной действительности. Ситуативность «правильного» и его приспособление к конкретному моменту в целом не чуждо китайскому обществу, для которого характерны попытки синкретического осмысления бытия, призванного связать элементы различных религиозно-философских идей, найти «единую основу» всех мнений и постичь смысл отдельного философского учения, в том числе вне его самого [6. С. 279]. Вместе с тем часто новая доктрина, боровшаяся за духовное лидерство, предлагала свое видение «правильного». Так, в частности, задачу формулирования очередного варианта «правильного» пытались решать гоминьдановское «Движение за новую жизнь», разработав в 1934 г. кодекс из 96 правил [Там же. С. 606].

Возвращаясь к высказываниям студентов, отметим некую причинно-следственную двойственность: либо что-то из учения априори считается «правильным», а значит, может быть еще актуальным, либо оно «правильно», потому что еще сохраняет актуальность? Однозначный ответ дать сложно. Можно лишь предположить, что подобное отношение к Конфуцию и другим учениям, с одной стороны, связано с умением современных китайцев находить баланс между традициями и инновациями, а с другой – с частыми переменами

взглядов властей в новейший период. Но, так или иначе, все участники беседы подчеркнули важность и необходимость идей Конфуция, Лао-Цзы и других философов для образования современных китайцев.

Определенной связью с духовной культурой прошлого можно считать и не утратившие популярность до наших дней традиционные праздники, среди которых студенты назвали Китайский Новый год, Праздник фонарей, Праздник Луны. Все меньший отклик у молодежи находит День Предков (Цинмин – 清明). Некоторые отдают предпочтение заимствованным праздникам (например, Рождество). Помимо философских предписаний, в повседневной жизни моральные нормы китайцев могут соответствовать, как уже говорилось выше, уровню образования или руководствоваться какими-либо коллективными или корпоративными правилами. Актуальны и другие специфические свойства китайского мышления, примеры которых привели Мэн Сянтянь и Чэнь И: в современной ситуации китайцы, узнав из новостей о каком-либо событии, как правило, поддерживают и сочувствуют слабой стороне независимо от правильности ее действий, а когда принимают гостя, относятся к нему, «как к царю» [5].

Интересные штрихи к социокультурному портрету китайских студентов добавляет языковой аспект. Несмотря на относительно высокую этническую монолитность страны, существенные диалектные различия в китайском языке являются своего рода дополнительным маркером идентичности для каждого района Китая. Государственным вариантом языка, единым для всей страны, является Путунхуа, хотя только для 20% населения он является родным [6. С. 30]. Среди регионов, в которых проживают опрошенные студенты, только в Ляонине нет существенных диалектных отличий от Путунхуа. По словам Мэн Сянтяня, у них на северо-востоке есть лишь несколько сильно отличающихся слов. При этом считается, что в самой северной провинции Китая – Хэйлунцзяне – наиболее «чистый», литературный китайский язык. Совершенно противоположная ситуация сложилась на юго-востоке – в Цзянсу и Чжэцзяне, – где диалектические различия настолько сильны, что жители разных населенных пунктов не могут друг друга понять. Родившиеся там Цзюй Чуанья и Чэнь И не раз сталкивались с проблемой существенного языкового барьера между соотечественниками. В этом случае коммуникация осуществлялась только после перехода собеседников на Путунхуа, который должны знать все китайцы. Среди иностранных языков наиболее распространен обязательный для изучения в школе английский, но, по мнению Чэнь И, китайцы не очень его любят. Русский, японский, французский и немецкий языки отмечены студентами как менее популярные, однако, судя по всему, изучение русского языка открывает перед ними определенные перспективы. Наиболее основательно свои причины изучать русский выразила Цзюй: после окончания учебы хотела бы стать преподавателем русского

языка в университете в своей родной провинции Цзянсу. В нем есть факультет русского языка, но в целом в вузах на юге мало подобных факультетов, и требования квалификации для преподавателей там очень высоки. Это повлияло на решение Цзюй ехать на север страны, где преподавание русского более развито, и поступать в Шеньянский политехнический университет. Сейчас она совершенствует свои знания в России. По схожим причинам выбрала Шеньян и Чэнь И, которая также надеется, что знание русского поможет ей в поисках работы. Оригинальное мнение высказал Мэн, который долго изучал английский, но потом ему «стало скучно» и он решил учить новый язык. При этом Шеньян – его родной город, и выбор места обучения и специальности был во многом предопределен [5].

В Томск китайские студенты приезжают по специальной программе обмена. Действует также специфическая система подготовительных факультетов, в соответствии с которой студент некоторое время учится на подобном факультете, затем рассказывает свои впечатления всем желающим обучаться за рубежом. Наибольшее затруднение у китайцев вызывают русская грамматика и высокий темп разговорной речи. Некоторые из них стремятся больше говорить на русском языке и читать классическую литературу, но часто не позволяют короткий словарный запас. Считается, что на русском языке необходимо говорить на занятиях, в официальной обстановке, а по возможности пытаться и в любых других ситуациях. Исключение составляет лишь тема политики, которую китайцы *всегда* обсуждают на родном языке, даже если знают иностранный. Кроме того, политические вопросы практически не подлежат обсуждению с иностранцами. В более неформальной обстановке, в общении между собой студенты разговаривают по-китайски на самые разнообразные бытовые темы, включая, например, просмотренные сериалы. В свободное время некоторые из них охотно общаются с русскими [Там же].

Живя в Томске, китайцы сталкиваются с некоторыми особенностями быта, которые им трудно принять. По словам Цзюй Чуанья, их не так много и к ним вполне возможно приспособиться. Одной из наиболее частых проблем китайцев является перемена рациона. При этом Чэнь И, например, считает, что русская кухня вкусная, но китайская все же более привычная, и поэтому она мало ходит в местные кафе и рестораны и предпочитает готовить сама. Мэн Сянтянь, приехавший в Томск лишь два месяца назад, полагает, что в быту между Россией и Китаем большая разница, но «привычки русских» не сильно влияют на них, не препятствуют адаптации, и в целом он живет здесь все еще, как китаец. Помощь в культурной адаптации оказывают организованные сообщества китайских студентов, обучающихся в томских вузах. Они предупреждают соотечественников от нарушения каких-либо правил, о которых новоприбывшие не знают. Поскольку китайской молодежи в Томске не так много, в сообще-

ствах студентов нет дробления на более мелкие группы по выходцам из одной провинции или, например, по профессиональным интересам. Сообщества также выполняют функцию досуга и преодоления культурного отрыва от родины путем проведения различных традиционных праздников, инициатива которых, как правило, принадлежит более многочисленному объединению китайских студентов Томского политехнического университета. Хотя сами сообщества носят закрытый характер, доступ на культурные мероприятия открыт для всех желающих [5]. Что касается мероприятий, проводимых Институтом Конфуция ТГУ (выставки, презентации, открытые уроки, концерты), то автору данной работы самому приходилось принимать в них участие, и не только в качестве зрителя.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы. С методологической точки зрения слабым звеном беседы оказался языковой барьер. Для упрощения понимания в некоторых ситуациях вопросы и ответы были максимально конкретизированы и однозначны, а значит, порой фрагментарны и несколько ограничены для развернутой интерпретации. В этом смысле информативнее оказались высказывания Цзюй Чуанья, уже проучившейся в России длительное время и наиболее хорошо владеющей русским языком, хотя для анализа в целом важны суждения и недавно прибывших студентов, поскольку именно они в большей степени ощущают смену среды и потребность в адаптации к ней. Следует, однако, отметить, что какого-либо мировоззренческого слома или «культурного шока» от первых впечатлений мои собеседники в Томске не испытали. Как представляется, существовала и более глубинная особенность нашей беседы. Некоторые из озвученных характеристик были достаточно кратки и сдержаны, поскольку весьма деликатные китайцы не все темы станут обсуждать в формате формализован-

ного интервью. Большое поле для размышления составляет то, о чем студенты умалчивали. Постигание истинности в том, что «не высказано словами», вполне в духе самой китайской культуры. В этой связи наиболее перспективным методом изучения китайцев в ТГУ представляется включенное наблюдение. В неформальной обстановке представители Поднебесной весьма охотно и довольно часто рассказывают как о жизни в самом Китае, так и об особенностях адаптации в Томске, где среди основных сложностей у них неизменно стоят непривычный рацион и суровый климат. Но, не будучи зафиксированными, детали этих рассказов не могут служить полноценным научным аргументом.

Важными ценностными и мотивационными ориентирами в Китае могут выступать семья, социально-экономическая обстановка, философия. Значительно меньше влияют предписания религии. Интересно, что даже в небольшой беседе со студентами проявились специфические особенности китайских воззрений, среди которых можно выделить убеждение во взаимосвязи уровня образованности и морали, эластичность категории «правильности», обычай «по-царски» принимать гостей или желание поддерживать в конфликте слабую сторону. Несмотря на указанные выше барьеры, студенты в целом охотно отвечали на вопросы, сопровождая суждения положительным эмоциональным фоном. Самосознание китайских студентов в Томске всецело сохраняется в рамках национальной культуры и испытывает в основном влияние бытовых перемен, связанных с временным приспособлением к новому образу жизни. Кроме того, китайцы, изучающие русский язык, в принципе неплохо знакомы с русской культурой, особенно с классической литературой. Находясь в вузовской среде, они достаточно вовлечены во взаимодействие с принимающей стороной в рамках научной и культурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков.* Иркутск, 2011. 624 с.
2. *Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации.* Екатеринбург, 2009. 396 с.
3. *Полухина Е.В.* Этнографическая фокус-группа как метод сбора данных в «естественных» группах // Современная социология – современная Россия : сб. ст. памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А.О. Крыштановского. М., 2012. С. 287–296.
4. *Полухина Е.В.* Этнографическая фокус-группа как метод исследования внегородских поселений региона. 2013. URL: http://soc.hse.ru/data/2013/01/31/1304432504/Статья_Полухина.pdf, свободный (дата обращения: 30.05.2015)
5. *Материалы беседы с китайскими студентами филологического факультета ТГУ.* Томск. Ноябрь 2013 г. // Личный архив автора.
6. *Малевич В.В.* Китайская цивилизация. М., 2001. 632 с.

Fedosov Egor A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: karamba243@yandex.ru

THE CHINESE STUDENT IN TOMSK STATE UNIVERSITY: VALUES, MOTIVATIONS, ADAPTATION.

Keywords: PRC; Chinese students; Tomsk; problems of adaptation; Russian-Chinese relations.

The Chinese students in Tomsk may be researched as the representatives of the ethnic (Chinese students), local (the Chinese in Tomsk/TSU) and professional community (Chinese students-philologists, studying Russian language) at the same time. Based on their example we could reveal specific valuable, motivational and adaptive guidance. But located in TSU Chinese students are first of all the citizens of the PRC, which by definite reasons for some time educating in our city. By force of their temporal stay in our country and conservation connections with motherland, the task of total adaptation is not so sharp for them. In this case the difference from other ethnic and local communities exists. Also, the Chinese, as every foreign student, not only internationalize scientific and cultural life of the university, but form the specific image of their country in it. So according to concrete examples, the analyzing of the Chinese students' situation in TSU as well as some social, economic and spiritual aspects of the life in modern China is very topical. For these reasons three students of the philological faculty of TSU were interviewed. They arrived from Shenyang due to special exchange program. The author of this article met with them in November of 2013 in Confucius Institute. As the student of the Institute, author directly contacts with the representatives of the Celestial for a long time. This circumstance made the organization of the meeting easier and added

in the researching the elements of the participant observation. In interview Chinese students were offered to answer the questions in valuable aspects: biographic, gender, social-economic, linguistic, religious, moral, cultural and adaptation. It appeared this format allows adding primary, but significant details to the image of the Chinese youth, which arrives in Tomsk to study and gets used to a new reality. As the result of the researching some findings could be made. Methodologically, the weakest link of the interview was the language barrier. Sometimes to make understanding easier, questions and answers were concretized and unambiguous a lot, therefore fragmented and limited for unfolded interpretation. Some of the voiced characteristics were brief and restrained, as long as the very sensitive Chinese people do not discuss all of the topics in formal interview. A wide field for the reflection consists of the things, about which students kept silence. In this case, the most perspective method for researching the Chinese in TSU appears the participant observation. The important valuable and motivational guidance in China may be family, social-economic situation, philosophy. The religious regulations influence less. In Tomsk the Chinese students' identity entirely saves in the framework of the national culture and generally influenced by changes of everyday habits, connected with temporal adaptation to a new lifestyle. Locating in university, they involved enough in connections with hosting side in the framework of the scientific and cultural communication.

REFERENCES

1. Bliyacher, L.E. (ed.) (2011) *Vostok Rossii: migratsii i diaspor v pereselencheskom obshchestve. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [The East of Russia: Migration and Diaspora in the resettlement community. The 19th – 20th and the 20th – 21st centuries]. Irkutsk: Ottisk.
2. Dyatlov, V.I. (ed.) (2009) *Transgranichnye migratsii i prinyimayushchee obshchestvo: mekhanizmy i praktiki vzaimnoy adaptatsii* [Cross-border migration and the host society: mechanisms and practice mutual adaptation]. Yekaterinburg: Urals State University.
3. Polukhina, E.V. (2012) *Etnograficheskaya fokus-gruppa kak metod sbora dannykh v "estestvennykh" gruppakh* [Ethnographic focus group as a method of data collection in the "natural" groups]. In: Gofman, A.B. et al. (eds) *Sovremennaya sotsiologiya – sovremennoy Rossii* [Contemporary Sociology for Modern Russia]. Moscow: HSE. pp. 287-296.
4. Polukhina, E.V. (2013) *Etnograficheskaya fokus - gruppa kak metod issledovaniya vnegorodskikh poseleniy regiona* [The ethnographic focus - group as a method of investigating the non-urban settlements of the region]. [Online] Available from: http://soc.hse.ru/data/2013/01/31/1304432504/Stat'ya_Polukhina.pdf. (Accessed: 30th May 2015).
5. Fedosov, E.A. (2013) *Materialy besedy s kitayskimi studentami filologicheskogo fakul'teta TGU* [Interviews with Chinese students of the Faculty of Philology of Tomsk State University]. [In the property of the author].
6. Malyavin, V.V. (2001) *Kitayskaya tsivilizatsiya* [The Chinese civilisation]. Moscow: AST.

УДК 316.351
DOI 10.17223/19988613/37/19

А.А. Садырин

«СТУДЕНЧЕСКАЯ ПОСЫЛКА» КАК АКТАНТ В СЕТИ СТУДЕНТОВ – УЧЕБНЫХ МИГРАНТОВ ИЗ КАЗАХСТАНА: К ВОПРОСУ О КОНСТРУИРОВАНИИ СООБЩЕСТВА

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

Анализируется «студенческая посылка» как материальный объект, способствующий конструированию человеческого сообщества, а именно казахстанского мигрантского студенческого сообщества. Применяется концепция Бруно Латура, который повествует о забываемой исследователями материальной массе социального мира.

Ключевые слова: акторно-сетевая теория; сеть; социальные связи; Бруно Латур; студенческая посылка.

Посылка – это набор материальных вещей или материальная вещь, посылаемые адресантом из точки «А» адресату в точку «В» с различными целями. «Студенческая посылка» не является исключением и обладает всеми функциями и характеристиками посылки обыкновенной. «Студенческая посылка» непосредственно связана со студентами, преимущественно проживающими в общежитии. Как пишет Мария Сафонова, «общежитие является тем местом, где в силу близости (в пространстве) и общности вещей легко поддерживать дружеские (соседские) связи и строить сети. С помощью вещей сети делаются устойчивыми, жесткими и видимыми» [1].

«Студенческая посылка», говоря языком Бруно Латура, обладает массивом актантов-нечеловеков, которые, в конечном счете, оказываются в общежитиях. В силу специфики Томска, где проводилось исследование, самой массовой группой иностранных студентов являются выходцы из Республики Казахстан [2]. Именно поэтому в фокус нашего исследования помещены сети, которые конструирует «студенческая посылка» из Казахстана, и актанты, принадлежавшие к данной группе. Дополнительной целью анализа статьи является выявление актантов-нечеловеков, через которых, возможно, этнизируется пространство (городское либо пространство общежития).

В основу работы положены полуструктурированные интервью с казахстанскими студентами томских вузов, интервью со студентами из Казахстана – выпускниками томских вузов, и полевая работа в общежитии Томского университета систем управления и радиоэлектроники № 6 и общежитии Томского политехнического университета № 2. Первой задачей интервью было выяснить, получают ли данные студенты посылку как таковую вообще. Выяснилось, что абсолютно все информанты хотя бы раз за весь срок своего обучения получали посылку, кто-то регулярно получает ее и сейчас.

Таким образом, основной исследовательский вопрос может быть сформулирован следующим образом:

является ли «студенческая посылка», с точки зрения акторно-сетевой теории (ANT), звеном в акторно-сетевой цепи, способствующим формированию студенческого мигрантского сообщества, а предметы посылки – актантами-нечеловеками, способствующими культурному маркированию пространства?

В начале исследования главной целью являлось насыщенное описание всей сети, формируемой посылкой (предметов, получателей, отправителей, эмоций, отношений, связывающих участников), с последующим анализом данных актантов-нечеловеков. В центре ANT стоит «дело», а не некая конструируемая группа. ANT является социологией процесса, которая уделяет значительное внимание не тому, *что* происходит во взаимодействии, а тому, *как* оно протекает, где *общество* – не вещь, не сущностное, а глагол, процесс собирания различных элементов [3]. В связи с этим главной задачей описания будет являться то, куда выведет нас «посылка», поэтому мы вовсе можем не встретить в конце, к примеру, «казахстанской идентичности», «казахстанского землячества», «казахстанского мигрантского студенческого сообщества» и т.п., а предметы «посылки» не будут обладать культурно-маркирующей функцией. В своем исследовании мы сознательно отказываемся от изначально заданных категорий типа «культура», «социокультурное пространство», «общество», «сообщество» и т.п. Во-первых, ANT в силу внимания к процессу взаимодействия и отрицания деления социальной реальности на микро- и макроуровни не рассматривает общество или социальные структуры как объяснительные принципы, поскольку в логике ANT они сами требуют объяснения [4]. Во-вторых, мы считаем, что только полевой материал и его концептуализация в терминах исследуемых актантов дадут нам возможность говорить или не говорить о подобных категориях. Таким образом, главная цель исследования заключается в «плотном» описании того, что (и кто) собирается вокруг посылки.

Логистика посылки. Основная логистика посылки производится уже сформировавшимся «традиционным

путем», так как большинство студентов получают ее именно таким способом. Со слов информантов, я достаточно подробно описал маршрут «студенческой посылки» с целью выявления всего движения акторов возможных сетей.

Путь посылки:

1) Возникновение мысли в голове родителя идеи об отправке своему ребенку посылки; мысль возникает в трех формах: а) «сделаю сюрприз своему чаду», б) «давно не отправляли посылку, необходимо послать, а то ребенок голодает» в) просьба самого студента;

2) поход в магазин: обычно покупается «клетчатая китайская сумка» больших размеров, затем осуществляется сам поход в магазин, где приобретаются все необходимые предметы посылки (которые будут описаны ниже);

3) упаковка посылки: сумка набивается до предела, по словам респондентов, иногда весьма трудно поднять посылку одному взрослому крепкому парню, не говоря уже о хрупких девушках;

4) посылка маркируется для опознания адресатом какими-либо атрибутами, зачастую привязывается тканевая лента определенного цвета или приклеивается наклейка, обозначающая принадлежность посылки к своему хозяину;

5) собственно отправка: ранним утром родители или родитель везут сумку на вокзал, передают ее водителю, который ставит ее в багажный отсек автобуса, после чего водителю даются контактные данные принимающей стороны и денежное вознаграждение за его труд; данный вид перевозок является незаконным, в связи с чем довольно часто сумка передается водителю не на самом вокзале, а за его пределами, чтобы обезопасить себя от санкций со стороны администрации автобусного управления;

6) переход границы: на своем пути посылка сталкивается с прохождением таможенного контроля, так как сумка едет к студенту без хозяина, а его наличие обязательно при пересечении границы. Видимо, существуют связи водителей и работников таможни, благодаря которым посылка либо совсем не проверяется, либо она находится вне зоны действия видимости для пограничников, либо сумка проверяется без наличия хозяина, однако это является нарушением контрольно-пропускной системы, что влечет соответствующую ответственность;

7) контрольный звонок: водитель автобуса телефонным звонком оповещает своего «клиента» о том, что он находится в паре часов от нужного места, чтобы у студента была возможность заранее прибыть на вокзал и забрать свои вещи;

8) получение посылки: ночью или утром посылка прибывает в пункт назначения, сонный будущий обладатель своей «заветной» сумки приезжает на вокзал, зачастую на такси, так как, как говорилось выше, посылки очень тяжелые, девушки обращаются за помощью к сильной половине; на вокзале принимающий

подтверждает свои данные и, ориентируясь на маркировку, забирает посылку;

9) распаковка: в общегитии начинается распаковка посылки с дальнейшим ходом ее предметов.

«В.: Расскажи про систему посылки от Усть-Каменогорска в Томск, весь ее путь.

О.: Родители идут в магазин, закупаются, берут большую китайскую сумку, напихивают в нее как можно больше, только лишь бы она не порвалась, заматывают её скотчем, помечают как-то, ленту, может, завязывают красненькую. На вокзале пока стоит еще автобус, еще не зашли туда люди, родители подходят к водителю, договариваются с ним, дают деньги, – «увезите до Томска». Конечно, все с радостью соглашаются. Бывает, что водитель говорит, – я сейчас отъеду туда чуть дальше (там отдадите посылку. – А.С.), какие-то точки уже есть свои.

В.: То есть они (водители) под свою ответственность ее берут?

О.: Да, получается так.

В.: А как с такой посылкой обстоит дело на таможне?

О.: А я об этом так и не знаю... Я всегда удивлялся этому: то ли они делятся с этими таможенниками, то ли они прячут, но столько сумок спрятать невозможно. Наверное, действительно, просто делятся, чтобы они даже не смотрели эти сумки.

Альтернативные пути. Помимо «традиционного пути» существуют и альтернативные способы транспортировки посылки, в которых появляются новые актанты, возможно, задействованные в формировании сетей. Нами были выделены два основных альтернативных пути отправки «студенческой посылки»:

1) Посылка отправляется со знакомыми либо родственниками, отправляющимися в место, где находится студент. Данный вид транспортировки пользуется большой популярностью, так как знакомым или родственникам отводится больше доверия, нежели неизвестному водителю, к тому же им не нужно платить.

2) Заказ автомобиля транспортно-логистической компании. Этот способ транспортировки также является альтернативным вариантом доставки посылки: группа родителей договаривается об отправке посылок своим детям, заказывают микроавтобус частной компании, нагружают его, после чего он следует в пункт назначения. Данный вид транспортировки является дешевым и надежным, но необходимо взаимодействие студентов и родителей для объединения в группы отправляющих и принимающих.

«Я получал посылки первые два курса. В принципе, я и сейчас получаю посылки, но немного в другом формате: если, допустим, едут какие-то родственники или знакомые сюда...» (лексика информанта сохранена. – А.С.).

«...алмаатинцам заказывают целую “Газельку”, там не заказывают, там как, есть типа транспортная компания. “Газельку” в Алма-Ате загружают, все по деньгам сложились, и они своим ходом везут ее сю-

да, подъезжают к общагам. Я такое видел. Здесь (студенты. – А.С.) спускаются и вот эти вещи забирают. Сам лично помогал одной девушке поднимать сумарь, я так надорвался! Там столько всего прислали, ё-мое» (лексика информанта сохранена – А.С.).

Непостоянство. В ходе бесед со студентами было замечено, что существует некая закономерность в получении посылок. Посылка приходит регулярно только первые курсы, в дальнейшем либо меняется форма посылки, либо посылка перестает отправляться совсем. Это можно объяснить следующим:

1) трудовые и временные затраты не соответствуют реальной пользе, которую приносит посылка. На взгляд респондентов, гораздо проще осуществить денежный перевод с целью приобретения здесь тех же товаров без лишних усилий;

2) адаптировавшись на месте учебы, студенты начинают учитывать усилия, затрачиваемые родственниками на отправку посылки;

3) с процессом взросления в условиях самостоятельной жизни человек приобретает навыки менеджмента в области собственных финансов и зарабатывает доверие родителей. Это также подталкивает к замене посылки денежными переводами;

4) отправка посылки для некоторых категорий студентов и их родителей обходится в копеечку, к тому же приходится отдавать значительную сумму денежных средств водителю, который доставляет посылку (2 000–3 000 руб.). Это заставляет родителей переходить на поддержку студентов в виде денежных переводов либо искать альтернативные способы логистики;

5) некоторые виды продуктов имеют ограниченный срок годности, который при определенных условиях (жаркое время года) истекает по пути из пункта «А» в пункт «Б»;

6) недавние изменения, которые переживает российская экономика, вызвали девальвацию рубля. В связи с этим в России на эквивалентную сумму можно купить больше товаров одной и той же категории, нежели в Казахстане, что является плюсом в сторону денежных переводов.

«Зачем это все оттуда тащить (из Казахстана. – А.С.), покупать продукты, чтобы это все в дороге пропадало или подвяливалось. Просто, я как представляю, что будут там родители, бабушки, дедушки тащить эту сумку на горбу, надрываться, потом это будут везти автобусники, за это надо деньги платить. Я тут поеду встречать, потом оттуда (с вокзала. – А.С.) сам буду ее “переть”, надрываться. Вот, я ее принесу, вот, у меня находятся целых две сумки продуктов, что-то из этого всего пропадало. Все это надо быстрее есть, т.к. все пропадает... Я считаю, что оно просто того не стоит. Если родственники хотят помочь, то они могут какую-то копеечку выслать. Взять сейчас хотя бы вот этот курс в стране, они могут выслать (деньги. – А.С.), и я здесь себе больше куплю, чем они там могут купить и выслать.

Не знаю... захотел я то, пошел себе и купил. Захотел йогурт, пошел, купил себе йогурта, рассчитался сразу... захотел себе приготовить то, пошел, на эти деньги купил себе продуктов, приготовил, поел. Захотел пойти в пиццерию на выходных, пошел, сходил, поел пиццы. Я и ем сколько мне надо, и не напрягаюсь, что все это пропадет у меня сейчас» (лексика информанта сохранена. – А.С.).

Классификация актантов-нечеловеков. Все актанты-нечеловеки «студенческой посылки» могут быть приведены в соответствие с некоторым делением. Мы предлагаем собственную унифицированную классификацию, благодаря которой вещи поделены на шесть классов, связанных со своим прямым назначением. *Предметы, которые чаще всего встречаются в посылке:* 1) нескоропортящиеся продукты: крупы, мучные изделия (выпечка, печенье, макароны), орехи, бобы, кукуруза, тушенка, конфеты, чай, кофе, консервированные овощи, фрукты, ягоды; 2) скоропортящиеся продукты: колбаса, молочные изделия, мясо, рыба, птица (данная категория продуктов отсылается преимущественно зимой в замороженном виде, чтобы избежать порчи продуктов); 3) овощи и фрукты; 4) винно-водочная продукция, сигареты; 5) предметы личной гигиены; 6) одежда.

«Предметы посылки – это, в основном, конечно, продукты: макароны, крупы, гречка, рис, все такое, что может долго лежать, и в течение всего семестра я могу с ящичка это все брать. Чай, конечно, всякие сладости, кучу с Казахстана, потому что здесь все дороже получается, да и так, мама просто порадовать. Орешки какие-нибудь, могут даже колбасу какую-нибудь заморозить, зимой особенно, тушенка» (лексика информанта сохранена. – А.С.).

Неэтнизация. После получения посылки и ее распаковки, как утверждают информанты, скоропортящиеся продукты съедаются в этот же день, а остальные занимают свое место в шкафах, холодильниках и на полках. В ходе исследования существовало предположение, что существуют «уникальные» актанты-нечеловеки, имеющие этническую окраску. В нашем случае это казахстанский шоколад фирмы «Рахат», имеющий особую популярность среди принимающей стороны (томичей) благодаря своим вкусовым качествам, и казахстанский коньяк фирмы «Бахус», привлекающий своей относительно невысокой ценой и качеством. Так же делалась попытка поиска похожих продуктов, имеющих популярность, связанную с этнической окраской. Однако, по мнению информантов, данные категории предметов посылки потеряли свою уникальность несколько лет назад, так как все это можно с легкостью найти на прилавках томских товаров среди тех же эквадорских фруктов, белорусского мяса, китайских овощей и т.д. Человек из Казахстана не ассоциируется с коньяком или шоколадом, а сами продукты не осуществляют культурное маркирование пространства. К тому же в Томске в настоящей момент существуют специализированные магазины, которые занимаются продажей исключительно

кондитерской продукции фирмы «Рахат». На наш взгляд, в будущем данные торговые точки могут быть исследованы с точки зрения социальной топологии Джона Ло [4].

«Сейчас уже здесь (в Томске. – А.С.) можно купить спокойно. Сейчас тот же шоколад в магазине любом, зайди в “Ярче”, в гастрономе любом...» (лексика информанта сохранена. – А.С.).

«Я уже давно не слышал, чтобы кто-то удивлялся казахскому коньяку, нет никакого предпочтения именно к казахскому коньяку. В основном, уже все пьют какой-нибудь “Бакарди”...» (лексика информанта сохранена. – А.С.).

Сети? Перспективной задачей исследования является определение того, кто и что собирается вокруг

посылки. Иными словами, какие сети формируются вокруг этого актанта. Анализируя движение «студенческой посылки» в рамках АНТ, где «пространства сетей» самостоятельны [5], можно выделить некоторые сегменты сети или сетей, образованные вокруг нее; определить внутренние живые и неживые актанты этих сетей, их акторов. На наш взгляд, посылка формирует огромное количество различных сегментов крупной сети: сеть «семья», сеть «таможня», сеть «родители» и т.п. Однако «студенческая посылка» сама по себе и формирующиеся на ее основе конструкции не несут этнических маркеров, а складывающиеся вокруг них сети не имеют этнической окраски.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сафонова М. Общежитие: общие вещи – общая жизнь // *Communitas*. 2006. № 1. С. 72–91.
2. Рыбаковский Л.Л. Демографическое развитие России в XXI веке. URL: <http://rybakovsky.ru/demografia1a16.html>, свободный (дата обращения: 12.05.2014).
3. Кузнецов А.Г. Символический интеракционизм и акторно-сетевая теория: точки пересечения, пути расхождения и зона обмена // *Социология власти*. 2014. № 1. С. 64–74.
4. Вахштайн В. Джон Ло: социология между семиотикой и топологией // *Социологическое обозрение*. 2006. № 1. С. 24–29.
5. Вахштайн В.С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «поток» в акторно-сетевой теории // *Социологическое обозрение*. 2005. № 1. С. 94–115.

Sadyrin Anton A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: realstar94@sibmail.com

“STUDENT PARCEL” AS AN ACTANT IN THE NETWORK OF MIGRANT STUDENTS FROM KAZAKHSTAN: ON THE QUESTION OF CONSTRUCTING A COMMUNITY.

Keywords: actor-network theory; network; social bonds; Bruno Latour; student parcel.

The article is dedicated to the analysis of a «student parcel» as a material object contributing to the formation of a human community that is the Kazakhstan migrant student community. The main research question put forward is as follows: drawing on the actor-network theory, is the «student parcel» a link in the actor-network chain which contributes to the building of a migrant student community and are parcel items actants which contribute to the cultural marking of the space? The «student parcel», if to use Bruno Latour's language, has got an array of non-human actants that ultimately find themselves in student dormitories. In Tomsk, where the study has been carried out, students from Kazakhstan constitute the largest group of foreign students. For this particular reason, our study is focused on networks which are constructed by the «student parcel» from Kazakhstan and actants belonging to the given group. The additional task set is to reveal non-human actants through which the space may get ethnically marked (the urban space or the dormitory space). At the initial stage of research, the main goal was to describe in detail the entire network being formed by the parcel (parcel items, recipients, senders, emotions, relationships between network members), with the analysis of actants to be carried out subsequently. There were five basic stages defined during which the parcel path from an addresser to an addressee was considered in detail and non-human actants comprising the parcel classified. All the non-human actants of the «student parcel» can be presented in accordance with some criteria. The author put forward a classification system within which items have been divided into six classes with regard to their intended purpose. The prospective research task is to define who and what gets together around the parcel. In other words, what networks are formed around that actant. Based on the analysis of the «student parcel» movement in the framework of the actor-network theory, where «spaces of networks» are independent, there can be some segments of network(s) as well as internal animate and inanimate actants of these networks and their actors defined. The author believes that the parcel forms a great deal of various segments of large networks: «family network», «customs house network», «parents network», etc. However, the «student parcel» per se and the constructs built on it do not bear any ethnic markers, and networks formed around it do not have ethnic characteristics.

REFERENCES

1. Safonova, M. (2006) Obshchezhitie: obshchie veshchi – obshchaya zhizn' [The hostel: common things – common life]. *Communitas*. 1. pp. 72–91.
2. Rybakovskiy, L.L. (n.d.) *Demograficheskoe razvitiye Rossii v XXI veke* [The demographic development of Russia in the 21st century]. [Online] Available from: <http://rybakovsky.ru/demografia1a16.html>. (Accessed: 12th May 2014).
3. Kuznetsov, A.G. (2014) Symbolic interactionism and Actor-network theory: crossing points, divergences and 'trading zones'. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of power*. 1. pp. 64–74. (In Russian).
4. Vakhstein, V. (2006) John Law: sociology between semiotics and topology. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 1. pp. 24–29. (In Russian).
5. Vakhstein, V. (2005) The Return of Material: “Spaces”, “Networks”, “Flows” in Actor-Network Theory. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 1. pp. 94–115. (In Russian).

УДК 39:314.15(571.16)
DOI 10.17223/19988613/37/20

Е.О. Лукьянова

КТО ОНИ, МОЛОДЫЕ КОРЕЙЦЫ ТОМСКА? (СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КОРЕЙСКОГО МОЛОДЕЖНОГО ЦЕНТРА «АНЁН»)

*Исследование выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире.
Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности»
(грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).*

Статья посвящена проблеме символической идентификации молодых корейцев, проживающих на территории г. Томска. На основе включенного наблюдения и полуструктурированных интервью проводится анализ деятельности молодежного корейского центра «Анён». С помощью метода символической интерпретации выводятся основные черты «корейскости», которые присущи современной корейской молодежи г. Томска, а также рассматриваются проблема российской идентичности корейской молодежи, ее интегрированность в молодежное сообщество страны.

Ключевые слова: Корейский молодежный центр «Анён»; символическое пространство; идентичность; «корейскость»; перформанс.

150 лет назад первые корейцы появились на территории Российской империи. В условиях нелегкой адаптации, оказавшись первым репрессированным народом, корейцы сумели освоиться на новой территории. Сегодня, по данным переписи 2010 г., на территории РФ проживают 153 156 корейцев [1]. Изменение жизненного уклада неизбежно влечет за собой изменения в социальной, культурной сферах жизни. Возникает потребность в объединении. Происходит институционализация общественной жизни, появляются общественные институты.

В сложившейся ситуации начинается процесс поиска себя, пробуждается интерес к своей культуре, традициям. 150-летняя история пребывания корейцев в Российской империи/СССР/Российской Федерации накладывает свой отпечаток, что не может не отразиться на самоопределении. Ситуацию, в которой оказались корейцы после переселения, достаточно точно отразила Н.Н. Федотова, отвечая на вопрос о понимании идентичности: «Вопрос об идентичности изначально не присущ человеческому опыту и возникает тогда, когда жизнь людей меняется, социальные слои смешиваются, общественные процессы динамичны и представления о том, кто мы, не предстают как самоочевидный факт жизни» [2].

В таких условиях общественные институты являются одним из способов объединения, сохранения своей этничности (в нашем случае – «корейскости»). Можно выделить два аспекта, влияющих на нее. Во-первых, в настоящее время наблюдается процесс глобализации, что предполагает культурное взаимопроникновение всех ведущих мировых держав, а также и некой унификации культур, что может повлиять на стирание культурных различий между народами. Во-вторых, несмотря на глобализацию, внутри страны наблюдается рост интереса к своему этническому происхождению и самоопределению. Можно наблюдать различные проявления активизации этничности как со стороны государ-

ства, направленные на поддержку инициатив национально-культурных автономий и объединений, так и со стороны этнически ориентированных организаций, которые проводят различные мероприятия, конкурсы, рассказывая о себе.

В случае с молодежью данная тема еще более актуальна. Молодое поколение находится в постоянном поиске себя, своего предназначения. В процессе социализации важно понимать, «кто есть я», в связи с чем возрастает интерес к своей семье, происхождению, определению своей национальности. Возникает множество вопросов, главные из которых: «Какую идентичность имеет российская корейская молодежь? Можем ли мы говорить о «корейскости» в буквальном её понимании?

Интересно рассмотреть данный вопрос с символической точки зрения. Если обратиться к Владимиру Малахову, этничность обладает символической природой и в рамках социального конструктивизма описывается её как маркер различия, знак, вокруг которого организуются любые различия – от биологических до социальных. Те или иные характеристики, отличающие одних индивидов от других (расовые, антропологические, языковые, культурные), выступают как символ, по отношению к которому могут выстраиваться социальные различия [3].

Что же выступает в роли символов у корейской молодежи России? Чтобы ответить на данный вопрос, было проведено исследование с привлечением руководителей и участников молодежного корейского центра «Анён» г. Томска. Основным методом был выбран метод символической интерпретации. В его основе лежит символическая концепция культуры Клиффорда Гирца. Культура в понимании Гирца – это «стратифицированная иерархия значимых структур; она состоит из действий, символов и знаков. Анализ культуры, т.е. этнографическое описание, сделанное антропологами, – это интерпретация интерпретации, вторичная интерпрета-

ция мира, который уже постоянно описывается и интерпретируется людьми, которые его создают» [4]. Основываясь на данном подходе, особое внимание в ходе исследования было уделено корейской культуре как символической форме и связующем звене между членами молодежного корейского центра (МКЦ).

Для ответа на главный вопрос – какова же сегодня идентичность корейской молодежи г. Томска, – были проведены полуструктурированные интервью с участниками и руководителями МКЦ «Анён» в возрасте от 19 до 28 лет. В ходе интервью основное внимание было акцентировано на вопросах, связанных с организационной культурой МКЦ, проведением мероприятий, праздников, их значением для участников и организаторов. Один из блоков интервью был посвящен взаимоотношениям внутри центра, иерархии социальных статусов и правилам участия в жизни «Анён».

В Томске первые корейцы появились в 1950-х гг. Это было время реабилитации народа после сталинских репрессий. Некоторые предпринимали попытки вернуться на родину, другие переезжали в города. Томск не стал исключением. В 1991 г., когда появилась возможность самоорганизации по национальному признаку, по инициативе генерального директора Томского завода резиновой обуви Е.Б. Оояма была создана Ассоциация корейцев, Оояма стал её первым президентом. В 2000 г. Ассоциация была зарегистрирована как национально-культурная автономия (НКА) корейцев. Председателем был избран Олег Петрович Ким, генеральный директор компании «Макдэл». Национальная автономия корейцев Томской области входит в состав Общероссийского объединения корейцев, в котором вице-президентом по региональным вопросам является О.П. Ким. Весной 2001 г. были созданы молодежный корейский центр «Анён» и вокально-хореографический ансамбль «Ариран»², который завоевал звание «народного самодеятельного коллектива» Томской области [5].

Были определены следующие цель и направления деятельности МКЦ «Анён»: поддержка корейской молодежи и её молодых талантов; содействие возрождению национального самосознания; изучение корейского языка, национальной истории и культуры; сохранение и возрождение национальных традиций и обычаев; помощь в социальной адаптации молодежи и содействие в трудоустройстве молодых специалистов; развитие системы молодежного отдыха, спорта и туризма; сотрудничество со СМИ, неправительственными молодежными организациями; установление и поддержание культурных связей с корейцами в различных странах мира [6. С. 68]. И сегодня НКА вместе с МКЦ ведет активную культурную деятельность в городе. Проводятся всероссийские мероприятия – 2-й съезд Общероссийского объединения корейцев в мае 2003 г., два Всероссийских форума корейской молодежи, две всероссийских конференции, посвященные 140-летию и 150-летию переселения корейцев на территорию России. Организуются международные мероприятия: Не-

деля Республики Кореи в Томске, фестиваль корейских фильмов, выставка народного творчества КНДР, гастроль национального корейского театра «Ариран» из Республики Казахстан.

Активную работу с российской корейской молодежью ведет в настоящее время и Южная Корея. Например, существует программа Фонда зарубежных корейцев Министерства иностранных дел Кореи – OKFriends. Основная задача этого фонда заключается в популяризации корейской культуры и языка, поднятии международного имиджа Кореи при содействии этнических корейцев, проживающих за рубежом. Одной из главных программ является OKFriends Homecoming для корейской молодежи. Данная программа работает с 2012 г., и в этом году трое корейцев из Томска, состоящих в активе корейского центра «Анён», принимали участие в ней. По их отзывам, это была «отличная возможность познакомиться с настоящей корейской культурой и традициями, повысить уровень знаний корейского языка, увидеть, как живут южные корейцы, ну и просто побывать на исторической родине» [7].

Еще одна программа от фонда – The Korea Foundation, в рамках которой российские корейцы имеют возможность поехать в Республику Корея на несколько месяцев, чтобы познакомиться со страной. По словам одной информантки, принявшей участие в подобном проекте, удалось узнать больше об этнических корнях и понять корейскую сущность.

Что же представляет МКЦ «Анён» сегодня? По словам художественного руководителя «Ариран», меняется значение МКЦ как для руководителей, так и для участников: «Это наша вина, не проводится достаточное привлечение ребят, да и понятно почему, нет офиса, далеко ездить на репетиции, все студенты, не всегда есть время». Можно предположить, что происходит трансформация отношения молодых корейцев к деятельности центра. Если еще 5 лет назад «Анён» принимал активное участие в различных мероприятиях, стараясь показать свою корейскость, свою инаковость, культуру, то с течением времени это уходит. Активной молодежи становится меньше, руководители реже привлекают членов организации к мероприятиям. Информант далее поясняет, что «Анён» продолжает работать, но сейчас «есть всего 6 человек, которые составляют костяк организации, на которых все держится».

В качестве причин такой ситуации информанты называли чрезмерную занятость современной молодежи, отсутствие мотивации делать что-то на безвозмездной основе и в качестве основной – проблему руководства. Как выяснилось в ходе интервью, руководящий состав довольно новый, смена произошла в 2012 г. Этот факт также означает и смену поколений. При поколении «до» велась активная культурная деятельность центра, при нынешнем поколении происходит обратный процесс. Сегодня молодежь не стремится манифестировать свою корейскость, не видя в этом смысла и пользы. Похожая ситуация обнаруживается

при анализе социальных сетей, в частности группы «Молодежный корейский центр “Анен” г. Томск». Менеджер группы, который бы её поддерживал в активном состоянии, отсутствует, новой информации мало. Участников около пятисот, все разной национальности. Группа открытая и слабо этнически маркированная: *«Группа у нас открытая, хотя раньше она была закрытая и все заявки рассматривались – добавлять человека или нет, а сейчас мы открыты, если тебе интересна культура Кореи, добро пожаловать»*. В администраторах группы обычно все члены руководящего состава МКЦ, а также активные ребята, которые хотят помочь. Таким образом, группа – это пространство, где можно рассказать или показать (видеозаписи группы) о корейской культуре, сообщить о мероприятиях, пригласить на них. Если проанализировать фотоальбомы группы, то становится очевидным тот факт, что со сменой руководства в 2012 г. фотоотчетов стало меньше, по сравнению с предыдущими годами, что также может свидетельствовать об угасании интереса молодежи к корейской культуре.

На данный момент молодежный центр ориентирован преимущественно на проектную деятельность, но и эта деятельность затухает. Слова одного из руководителей «Анён»: *«Писали заявки на грант, выигрывали проекты, социально ориентированные. Сейчас реже подаем заявки на гранты, есть один проект, в котором участвуем, и всё»*. Отметим, что участие в проектах почти не имеет этнических маркеров. *«Есть проект серьезный, называется “Есть контакт”, два года назад писали на грант, направлен на работу с детьми из интерната, мы ходили, рассказывали про корейскую культуру, скажем, продвигали её, сейчас этот проект действует, но уже нет такой корейской направленности, мы убрали эту установку с оборота, а просто занимаемся с детишками, проводим творческие мастерские, но не афишируем, правда»*. По словам информанта, деятельность этнического центра превращается в деятельность общественной молодежной организации, слабо этнически ориентированной. В сущности, корейскость отходит на второй план.

Вместе с тем сохраняется обычай проводить традиционные праздники, один из которых – корейский Новый год. Его празднование готовится вместе с НКА. Задействованы все активные участники МКЦ. На вопрос «с какой целью проводится Новый год?» информанты отвечали размыто, главная мысль – «показать себя». Приглашения принять участие в этом ежегодном мероприятии распространяются первоначально среди корейцев, а потом и для остальных: *«В первую очередь, мы распространяем приглашения среди корейцев, так уж случилось, они больше интересуются, но у нас нет рамок, приходят все, друзья, друзья друзей, незнакомые люди»*. В сущности, приглашаются все желающие, без этнических ограничений.

Сохранение символического пространства в форме соблюдения некоторых традиций, таких как праздни-

вание первого года жизни, шестидесятилетия, Нового года, может свидетельствовать о том, что данные культурные маркеры отражают желание показать свою «корейскость», быть корейцем. Но при этом культура приобретает перформативный характер. Можно говорить о том, что это фрейм, в свою очередь, фрейм – это метафора. По И. Гофману, это образ ожидаемых взаимодействий, предписанных расстановкой ролей данного субъекта и других участников в ситуации «здесь и сейчас». Образуется некий перформанс – структура, которая превращает индивида в сценического исполнителя, который является объектом наблюдения со стороны людей, образующих «аудиторию», и этот исполнитель может разглядываться ими вдоль и поперек и действительно разглядывается без какого-либо риска обиды, поскольку сами его действия предназначены для разглядывания» [8. С. 85].

Действительно, Корейский Новый год – это открытое мероприятие, на которое приглашаются все желающие. Мероприятие, ориентированное на публику, главная его цель – показать, рассказать, как этот праздник отмечается в Корее. Люди приходят с ожиданием того, что данное мероприятие посвящено корейскому культурному празднику, и ожидают соответствующего поведения от «актеров». Его организаторы и участники – это «актеры», которые по окончании мероприятия превращаются в российских корейцев, ничем не отличающихся от русских. По сути, для них, корейцев, это тоже выглядит как перформанс, т.е. представление и для публики, и для себя.

Еще одним примером такого перформанса являются организуемые центром репетиции игры на корейских барабанах (*самульори*). Участников учат не просто играть на барабанах, но и рассказывают о культуре и традициях; устраивают мастер-классы, примечательно и то, что актеры проводят занятия в традиционной корейской одежде, чтобы «показать сходство с настоящей самульори». По-видимому, информант имел в виду сходство с традицией самульори в Корее.

Стоит отметить еще одну черту-связку – неформальную часть общения корейской молодежи. *«У нас проходят встречи для корейской молодежи, но на последней встрече всего 20 человек собралось. Мы с ними обсуждали возможность участия в жизни центра, откликнулись 2 человека. Не знаю, почему такой слабый интерес, но мы-то люди работающие, а общественная деятельность тоже требует времени»*. Обычно высылаются приглашения, затем подбирается место, тема, и в определенный день в назначенное время собираются все желающие участники. Это пространство носит закрытый характер, предназначено для общения только корейцев. Из рассказа одного из респондентов: *«Разговариваем на обычные темы, как простые студенты, правда, на последней встрече получилось так, что взрослые сидели отдельно, за одним столом, а молодежь за другим. И разговаривали мы про тофу»*. Это может свидетельствовать о семиотиче-

ской стороне символа, по Ю. Лотману, когда появляется потребность рефлексии на близкие корейскому духу темы, происходит осмысление какого-то явления или элемента с присвоением нового значения или места иерархии ценностей [9. С. 98].

Проектная деятельность, участие в программах зарубежных фондов, корейские праздники (Новый год, празднование первого года жизни, шестидесятилетие), игра на традиционных инструментах (самульори), неформальные встречи для корейцев, традиционная кухня – все это является символами «корейскости». Это то, что объединяет российских корейцев с жителями Кореи в одну культурную составляющую. Этот набор культурных символов является основным показателем корейскости и критерием причисления современной корейской молодежи к корейцам (если не считать «азиатской» внешности).

МКЦ «Анён» выступает как организация-проводник, основной задачей которой является показать корейскую культуру всем интересующимся, и как открытая организация. Об этом свидетельствуют открытость центра, доступность информации о его деятельности. Очевидно, что произошло переплетение культур, это позволяет говорить о синкретичности мышления и поведения молодых корейцев. Изменились образ жизни, отношение к окружающему миру, что позволило трансформировать сознание и создать новую идентичность, новое осознание себя как *российского корейца*, с определенным набором характери-

стик, отвечающих за «корейскость» и «российскость». Главные маркеры, которые являются критериями «корейскости», – внешность, соблюдение основных праздников корейской культуры, интерес к исторической родине – Корее. Если говорить о российской составляющей, то основным показательным критерием является быт: «Моя семья вообще не корейская. Мы живем как нормальные томиши, с такими же привычками и обычаями. А когда я вернулась со стажировки в Корею, то мои манеры, которые я успела перенять за полгода проживания там, были чужды для родителей, и меня просили не делать так».

Символической предстает культура МКЦ «Анён», главной задачей которого является рассказать о корейскости, под которой в данном случае выступает культура как перформанс, как представление культурной идентичности. Вопрос, насколько важным и нужным это является для корейской молодежи, требует дальнейшего наблюдения и анализа. Пока можно констатировать снижение интереса и потребности у корейцев в манифестации своей этничности. На первый план выходят другие ценности. МКЦ «Анён» предстает как общественная организация, объединяющая молодежь по различным причинам, где интерес к корейской культуре выступает как один из факторов объединения, но не единственный. Все больше появляется среди участников МКЦ молодежи некорейской национальности. В основном это люди, интересующиеся корейским языком, традициями, корейской культурой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анён (안녕) в переводе с корейского означает «привет».

² Ариран (아리랑) – одна из наиболее популярных и известных народных песен в Корее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационный портал корейцев СНГ. URL: <http://www.arirang.ru/>, свободный (дата обращения: 1.05.15)
2. Процессуальный характер идентичности: факторы и изменения. URL: <http://www.mgimo.ru/news/inno/document246079.phtml>, свободный (дата обращения: 15.05.15).
3. Малахов В. Символическое производство и конфликт // Язык и этнический конфликт. М.: Гендальф, 2001. С. 115–137.
4. Лурье С.В. Историческая этнология. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lyrie/37.php, свободный (дата обращения: 19.08.15).
5. Томская область: национально-культурная жизнь. Статьи к энциклопедии «Народы и культуры Томской области» / Э.Л. Львова [и др.]. Томск: Изд. Дом D-Print, 2004. 130 с.
6. Нам И.В. Форум корейской молодежи // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2002. № 45. С. 68–69.
7. Угай Е., Цой А., Козай С. Отзыв участников проект OKfriends. URL: https://vk.com/anyong?w=wall-608084_3581Б, свободный (дата обращения: 19.08.15).
8. Ядов В.А. Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвинга Гофмана // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 2 (Т. 14). С. 85–97.
9. Проць В.А. Понятие «символ» в философских и социологических теориях: два конкурирующих способа интерпретации // Соціальні виміри суспільства. К.: Інститут соціології НАН України, 2008. Вип. II. С. 93–105.

Lukyanova Yekaterina O. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lukyanova_kate@mail.ru

WHO ARE THEY, THE YOUNG KOREANS OF TOMSK? THE SYMBOLIC SPACE OF THE KOREAN YOUTH CENTRE “ANYON”.

Keywords: Korean youth centre “Anyon”; symbolic space; identity; Koreanness; performance.

The Koreans have lived on the territory of Russia for 150 years now. They went through a lot of trials, and as a result, their culture and social life have changed. This has also had an impact on the self-identification of the Koreans. Thus, the issue arises as to their identity and the relationship with the Korean culture. Of particular interest is the question of Russian Korean youth's identity. The article deals with the problem of identification of the Korean youth in Tomsk. The empirical material has been gathered for the study through participant observation and semi-structured interviews with the leaders and activists of the Korean public youth organization «Anyon». The main analytical tool chosen is the method of symbolic interpretation based on the symbolic concept of culture by Clifford Geertz. Project activities, participation in programmes of South Korean foundations, celebration of Korean holidays (the New Year holiday, the first

year of life, and the 60th anniversary), playing traditional musical instruments (samul nori), informal gatherings of the Koreans, and the traditional cuisine – these are considered symbols of «Koreanness» and is what unites the Russian Koreans with citizens of Korea within one cultural component. The preservation of the symbolic space in the form of keeping certain traditions indicates that these cultural markers reflect the desire to demonstrate one's «Koreanness» and to be Korean. And so, the culture acquires a performative nature, where the centre «Anyon» acts as an organization-guide whose main task is to show to all interested the Korean culture being some sort of a performance here (E. Goffman), a representation of Korean identity. In addition, the interest in and the need for manifesting their ethnicity (Koreanness) has decreased among the young Koreans. Other values are coming to the fore. The way of life and the attitude toward the surrounding world have changed which helped transform the consciousness and create new identity and awareness of oneself as a *Russian Korean*, with a set of certain characteristics «responsible for» Koreanness and Russianness. The Korean youth centre «Anyon» comes as a public organization bringing together the youth on various grounds, where the interest in the Korean culture is just one of the factors of keeping together. There are more and more young people of non-Korean descent participating. For the most part, these are the ones interested in learning the Korean language, traditions, and the Korean culture.

REFERENCES

1. Arirang.ru. (n.d.) *Informatsionnyy portal koreytsev SNG* [The information portal of Koreans of the CIS]. [Online] Available from: <http://www.arirang.ru/>. (Accessed: 1st May 2015)
2. Moscow State Institute of International Relations. (2014) *Protsessual'nyy kharakter identichnosti: faktory i izmeneniya* [The procedural nature of identity: factors and changes]. [Online] Available from: <http://www.mgimo.ru/news/inno/document246079.phtml>. (Accessed: 15th May 2015).
3. Malakhov, V. (2001) Simvolicheskoe proizvodstvo i konflikt [The Symbolic Production and Conflict]. In: Alcott, M.B. & Semenov, I. (eds) *Yazyk i etnicheskii konflikt* [The language and ethnic conflict]. Moscow: Gendal'f. pp. 115-137.
4. Lurie, S.V. (1998) *Istoricheskaya etnologiya* [Historical ethnology]. [Online] Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lyrie/37.php. (Accessed: 19th August 2015).
5. L'vova, E.L. (2004) *Tomskaya oblast': natsional'no-kul'turnaya zhizn'. Stat'i k entsiklopedii "Narody i kul'tury Tomskoy oblasti"* [Tomskaya Oblast: The national and cultural live. Articles for the encyclopedia "Peoples and Cultures of Tomsk region"]. Tomsk: D-Print.
6. Nam, I.V. (2002) Forum koreyskoy molodezhi [Forum of the Korean Youth]. In: Tishkov, V.A. & Filippova, E.I. (eds) *Set' etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [The network for ethnic monitoring and early warning]. 45. pp. 68-69.
7. Ugai, E., Tsoy A. & Kogay, S. (n.d.) *Otzyv uchastnikov proekt OKfriends* [The response of the OKfriends project participants]. [Online] Available from: https://vk.com/anyong?w=wall-608084_3581B. (Accessed: 19th August 2015).
8. Yadov, V.A. (2011) Trying to rethink Erving Goffman's concept of frames. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2 (14). pp. 85-97. (In Russian).
9. Prots', V.A. (2008) Ponyatie "simvol" v filosofskikh i sotsiologicheskikh teoriyakh: dva konkuriruyushchikh sposoba interpretatsii [The concept of "symbol" in the philosophical and sociological theories: two competing ways of interpreting]. In: *Sotsial'ni vimiri suspil'stva* [Social items of the society]. Issue 2. Kiev: Institute of Sociology, National Academy of Sciences. pp. 93-105.

УДК: 94: 572.028:28 (571.16)
DOI 10.17223/19988613/37/21

Ф.А. Сметанин

РОЛЬ МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩИННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ г. ТОМСКА)

*Исследование выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире.
Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности»
(грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).*

Рассматриваются процесс возрождения ислама и роль мусульманского духовенства в формировании общинно-территориальных отношений на примере мусульманских религиозных объединений г. Томска. Особое внимание уделено личностным характеристикам имамов, а также тому, как они формируют вокруг себя религиозное поле. Показано, что возникшее между ними противостояние имеет не столько богословско-идеологический характер, сколько связано с локальной политикой, с конкуренцией за символические и материальные ресурсы, с перераспределением капиталов, поступающих из государственных и частных источников в период восстановления в Томске мусульманских культовых зданий – Красной и Белой мечетей. Эмпирической базой для раскрытия темы послужили опросы прихожан и экспертные интервью.

Ключевые слова: религиозное поле; мусульманская община; мечеть; имам; Томск.

Возрождение ислама в России имеет глубокие причины и является объективно неизбежным процессом, частью феномена общерелигиозного возрождения, ставшего возможным благодаря проводимой М.С. Горбачевым «перестройке». Видимыми признаками религиозного возрождения являются рост количества храмов, зарегистрированных религиозных общин, формирование сети учреждений религиозного образования. Процессам исламского возрождения после советского периода мусульмане во многом обязаны активности духовных авторитетов – имамов, мулл, муфтиев. Они помогли восстановить моленные комплексы городов и создать вокруг себя приходы, которые сохраняют традиции и культуру ислама. Однако отношения в среде мусульманских священников являются непростыми, поскольку общество исламских священнослужителей еще находится в стадии формирования [1. С. 110].

Цель исследования – показать процесс возрождения ислама и формирования религиозных общин вокруг двух мечетей в г. Томске, который начался с передачи их верующим в начале 1990-х гг. Гипотеза исследования состоит в том, что противостояние между двумя религиозными общинами, возникшее уже в процессе реставрации мечетей и продолжающееся по сей день, имеет не богословско-идеологический характер, а связано с локальной политикой [2. С. 258] и с личностью имамов, тем, как они формируют общинно-территориальные отношения и религиозное поле, и с тем, какую роль в этом играют взаимоотношения между имамами, относящимися к разным, конкурирующим между собой, духовным управлениям. Концептуальную основу исследования составляют идеи, которые предложил для описания религиозного поля французский социолог П. Бурдьё, и, в частности, его мысль, что «формирование поля религии является результатом монополизации корпораций специализированных

служителей культа права сношения со сверхчувственным миром» [3. С. 19]. Динамику религиозного поля, по его мнению, обеспечивают взаимоотношения внутри поля религии: конкуренция производителей спасения и отношения «продавец – покупатель» между «священниками» (в нашем случае имамами. – Ф.С.) и «мирянами» [Там же. С. 33].

Важным для анализа собранного эмпирического материала представляется также вывод С.Н. Абашина, что «конкуренция на религиозном поле имеет своей целью накопление авторитета и укрепление социального статуса, а также перераспределение материальных активов – платы за разнообразные религиозные услуги» [2. С. 259]. Ключевыми фигурами (актерами) в этой части религиозного поля являются муллы, которые обслуживают и контролируют повседневную мусульманскую жизнь. Из их числа выбираются или выдвигаются *имамы*, т.е. главные муллы, которые руководят ежедневными (в том числе пятничными – джума) коллективными молитвами-намазами в мечетях или, в отсутствие мечетей, в частных домах. Звание главного муллы, или имама, было неформальным, и его носитель определялся в силу какого-то, не всегда единого, консенсуса активных верующих по поводу уровня знаний и авторитета конкретного претендента на эту должность. В исламе собственно священнослужителей, строго говоря, не существует. Нигде формально не прописана необходимость существования такого сословия и условия его формирования. Каждый мусульманин, который получил достаточное образование и пользуется авторитетом у окружающих, может выполнять функции руководителя коллективными молитвами, судьи, учителя и т.д., т.е. имеет право называться муллой. Однако в реальности всегда имело и имеет место явная тенденция к превращению группы «образованных и авторитетных мусульман» в нечто похожее на сословие «приватизировавших» исламское

знание священнослужителей, с наделением их определёнными дополнительными привилегиями, знаками отличия, титулами, которые передаются иногда по наследству независимо от заслуг и достоинств конкретных людей. К этому надо добавить, что в советское время, когда власть пыталась жёстко контролировать ислам, наряду с неофициальными имамами существовала крайне немногочисленная когорта официальных (зарегистрированных государством) имамов, которые напоминали христианских священнослужителей (православия) и были, по сути, проводниками государственного влияния на верующих. В конце 1980-х гг., ещё в Советском Союзе, отношение к религии, в том числе к исламу, значительно смягчилось, открылось множество новых мечетей, почти во всех селениях были выбраны официальные имамы [2. С. 263–264].

В Томской области ислам представлен различными этносами. Самой большой этнической группой, традиционно придерживающейся ислама, являются татары – коренные (томские) и пришлые. Кроме того, в регионе проживают представители пришлого населения – азербайджанцы, башкиры, таджики, узбеки, киргизы, казахи, чеченцы и др., для которых наличие мечетей в Томске имеет немаловажное значение [4]. Возрождение ислама в Томске, как и везде в СССР, началось в конце 1980-х г. В 1988 г. было образовано Томское общество мусульман. Его председателем был избран Шамиль Абдулов [5. С. 338]. Важнейшей задачей было восстановление соборных мечетей Томска – Красной и Белой. Мечети располагаются в Заисточье – историческом районе проживания томских татар. Каменное здание Первой Соборной мечети было построено в 1904 г. на месте сгоревшей деревянной мечети по улице Татарской. После постройки в 1916 г. на Московском тракте второй мечети, оштукатуренной и побеленной, первую мечеть по цвету стен стали называть Красной, а вторую – Белой. В советский период мечети Томска разделили судьбу многих храмов России. Здание Первой соборной (Красной) мечети первоначально было передано под татарский клуб, через несколько лет было переоборудовано под кинозал, затем в 1942 г. в ликероводочный завод, размещавшийся в ее стенах до 1985 г., а в 1986 г. – в один из цехов завода пищевых продуктов. Приспособленное под завод здание внешне потеряло религиозное предназначение: были утрачены минарет и купол. В Белой мечети размещался цех Томской карандашной фабрики, производящий простые и цветные карандаши и счетные палочки для первоклассников [6. С. 32]. Таким образом, мечети перестали быть местом для осуществления религиозных обрядов.

Процесс восстановления мечетей начался с передачи мусульманской общине в 1990 г. Белой соборной мечети. С большим трудом отвоеванная прихожанами у государства мечеть была почти полностью разрушена. *«Когда мы этот дом взяли, то есть когда нам государство его передало до четырёхсотлетия, везде проваливались полы, везде батареи были холодные,*

холод был жуткий. Грязно, везде разруха. Настолько было нехорошо...» (интервью, Е.Ш.С., 19.10.2014). Потребовались немалые усилия многих людей, чтобы привести здание мечети в порядок. «Производство на фабрике, видимо, требовало дополнительных сооружений, и потому вокруг мечети со всех сторон появилось множество всяких пристроек: котельные, склады, и везде – кучи мусора. Не было теплотрассы, здание отапливалось от собственной котельной (потом мы ее разобрали). Была деревянная проходная из бруса, словом, территория была невероятно захламлена. Вместе с “Горзеленхозом” решали и думали, как снести старые тополя, необходимо было также перенести электрическую подстанцию за территорию мечети; вели переписку с мэрией по внесению Белой и Красной мечетей в список памятников архитектуры; писали письма о выселении из Красной мечети ликероводочного завода; с «Томскреставрацией» были восстановлены чертежи кирпичного минарета. Как бы то ни было трудно, мы со всем справились. И я рад, что в восстановлении Белой соборной мечети есть и частичка моего труда. Мы все совершили великий подвиг» [Там же. С. 98–99].

В восстановлении мечети большая роль принадлежала активистам общины: *«Очень много государство вложило при Абдрашитове¹. Это всё было под натиском общественности. Приезжие, когда увидели, – сказали, ну как не развиваться, когда такие возможности. Но это был результат, ну такой зубастости татарской местной интеллигенции. Среди них есть люди, которые просто ценят татарскую культуру. Вот они, собственно говоря, и добивались того, чтобы им передали мечеть. Это был большой труд, подвиг. В общем, молодцы, конечно. Я настолько поразились их духовному подвигу. Ничего не боялись...»*. Организатором реставрации Белой мечети был Равиль Музафаров, двоюродный брат Абдрашитова. *«Эти все люди, такие, как Калыкахунов², они уже появятся на последнем этапе, когда уже появятся большие деньги. Причем эти деньги были добыты такими людьми, как Борис Кимович Шайдуллин... он тогда в областной администрации работал, нашел спонсора»* (интервью, Е.Ш.С., 19.10.2014). Об этом он подробно рассказал в своих воспоминаниях: *«Я был приглашен на открытие мечети в Омск... Встретились там с Шакирзяновым³, и я ему сказал, что нам тоже нужно открыть мечеть, есть даже проект, а вот денег нет. Он внимательно выслушал и говорит: “Подскажу, куда обратиться. Повстречайтесь с академиком Баязитовым⁴ в Москве. Он должен помочь”. И я отправился в Москву. Нашел. Встретился. Баязитов попросил показать проект, удивился даже, что я приехал не с пустыми руками. Проект ему понравился: “А как отношения с властями?” – “Нормальные”. “Найдете поддержку у мэра?” – “Найдем”. – “Хорошо. Позвоните ему сейчас, из моего кабинета”, – подвигает телефон. “Легко”, – отвечаю я и набираю номер приемной Александра Сергеевича Макарова, он тогда был мэром. Объяснил все секретарю, Макаров взял трубку,*

внимательно все выслушал: “Поддержку окажем, академика Баязитова приглашаю в Томск, здесь все обсудим”. В Москве я задержался на неделю. Когда вернулся в Томск, узнал, что академик Баязитов у нас уже побывал, встретился с Макаровым, и они договорились, что мэрия тоже поможет финансами, выделит средства на возрождение мечети. Конечно же, деньги на это благое дело дал и академик Баязитов» [5. С. 104]. Чтобы воссоздать Белую мечеть в первоизданном виде, потребовалось 9 лет.

Красная мечеть была передана верующим позже, в 2002 г., и вплоть до 2011 г. пребывала в полуразрушенном состоянии, а функции мечети выполняло реставрированное здание медресе, где все желающие мусульмане совершали намаз, и действовала воскресная школа, преобразованная в 2002 г. в Сибирский исламский колледж, единственное за Уралом исламское образовательное учреждение, призванное готовить имамов. В колледже были созданы условия как для обучения, так и для проживания будущих имамов. В 2004 г. колледж был переименован в «Сибирский исламский мадрас» [6. С. 333–335].

Прихожане и томские власти долгое время находились в поиске средств на реставрацию Красной мечети, обращались даже в 2005 г. к королю Саудовской Аравии Абдалле бен Абдель-Азизу, но эта просьба осталась без ответа [7], пока, наконец, удалось получить поддержку главы Чеченской Республики Рамзана Кадырова. В декабре 2011 г. Томск посетил В. Хашханов, помощник Р. Кадырова, директор Центра духовно-нравственного воспитания и развития Чеченской Республики. Визит был организован по инициативе Р. Кадырова, который изъявил желание помочь в восстановлении Красной мечети. В ходе визита была достигнута договоренность с мэром Н. Николайчуком о реставрации исторической мечети за счет средств Регионального общественного фонда им. Ахмата Кадырова [8].

Торжественное открытие мечети состоялось 27 марта 2015 г. Присутствовало большое количество верующих, представители национальных и религиозных организаций, главы администрации города и области. В церемонии открытия участвовал верховный муфтий шейх Нафигулла Аширов, председатель Духовного управления мусульман Азиатской части России (ДУМАЧР), в подчинении которого находится Красная соборная мечеть [9].

В знак благодарности глава Чечни Рамзан Кадыров был награжден высшей наградой ДУМАЧР – орденом «За заслуги», как сообщалось на сайте правительства Чеченской Республики, «...за высокое служение делу укрепления межнационального мира и согласия в обществе и значительный вклад в дело реставрации, восстановления исторической святыни томских мусульман – Соборной мечети города Томска» [10]. За то время, пока искали средства на реставрацию мечети, некоторые члены совета старейшин «ушли из этой жизни,

не дождавшись исполнения мечты совершить два ракаата намаза в восстановленной Красной мечети, где когда-то молились их отцы и деды» [11].

Комплексы мечетей Томска относятся к разным духовным мусульманским организациям: Белая мечеть подчиняется Духовному управлению мусульман Сибири (Омский муфтият, муфтий З. Шакирзянов), которое было образовано в 1995 г. на основе Омского мухтасибата ДУМ Европейской части России и Сибири, Красная мечеть и медресе – ДУМАЧР (верховный муфтий Н. Аширов), образованному в 1997 г. К созданию параллельных муфтият и к разъединению исповедующих ислам привело отсутствие единства в руководстве мусульманскими конфессиональными учреждениями России.

До перестройки на территории РСФСР действовали два духовных управления мусульман – Европейской части России и Сибири (ДУМЕС) и Северного Кавказа (ДУМСК). После распада СССР у лидеров духовных управлений была возможность стать ядром консолидации российских мусульман и возглавить движение за исламское возрождение. Однако этого не произошло из-за трений внутри мусульманского духовенства России, обусловленных, во-первых, стремлением главы преемника ДУМЕС, переименованного в Центральное духовное управление (ЦДУМ), муфтия Талгата Таджутдина сохранить позицию единоличного лидера российских мусульман, а заодно представлять их интересы перед лицом светской власти; во-вторых, честолюбивыми амбициями молодых (или сравнительно молодых) имамов и муфтиев.

Идея реорганизации ДУМЕС была сформулирована Всероссийским татарским общественным центром, который в 1991 г. предложил перевести ДУМЕС из Уфы в Казань, а в случае отказа – образовать в Татарстане собственное духовное управление с включением в него на добровольной основе татарских общин по всей Российской Федерации. Это предложение было отвергнуто, что вскоре повлекло раскол ДУМЕС и образование независимых духовных управлений Татарстана и Башкирии, которые не были признаны Т. Таджутдином. Затем духовные управления стали создаваться во всех областях России, где имелись компактные общины мусульман [4. С. 109–111].

В начале 1990-х гг. все мусульмане Томской области были объединены в общую организацию, зарегистрированную в 1991 г. при Белой мечети. Пока мечеть не действовала, верующие ходили молиться в Молельный дом на ул. Кузнечный ряд, 1. В 1991 г. Белая мечеть обрела своего имама: «Был собран совет старейшин из 20 человек, на котором стали настаивать, чтобы обязанности председателя правления и муллы исполнял один человек. Шамиль Абдулов не имел диплома о духовном образовании и потому не мог продолжать выполнять эту роль. Мы были переизбраны. Шамиль перед этим из Уфы привез Хаджи Гили Абзалова – человека, который имел и светское, и

духовное образование. Он и стал руководить делами мечети» [6. С. 98–99].

В 1993 г. в Томск приехал Низамуддин Жумаев из Таджикистана, где в это время шла гражданская война. Сначала он преподавал основы ислама и арабский язык в Белой мечети, но в 1995 г. ушел оттуда и возглавил мусульманскую общину, формирующуюся при комплексе Красной мечети. В 1997 г., когда община получила официальную регистрацию, его избрали имам-хатыбом Красной мечети [5. С. 334].

В 1996 г., после отъезда Х. Абзалова в Казань, на должность имама Белой мечети был назначен главой ДУМ Сибири З. Шакирзяновым 19-летний выходец из Киргизии Нурулла Калыкаханов³. Прихожане встретили его неприветливо, воспринимая как временщика и марионетку в руках омского муфтия. Его положение усугублялось еще и тем, что, владея арабским, киргизским, казахским, узбекским и таджикским языками, молодой имам почти не знал русского и татарского языков [12].

В 1997 г. мусульмане Томска были втянуты в конфликт, связанный с «разделом сфер влияния» на мусульман Сибири между ДУМАЧР и Омским муфтиятом. Мусульманское сообщество раскололось на сторонников муфтия Сибири и Дальнего Востока шейха Н. Аширова и претендующего на эту должность омского муфтия З. Шакирзянова, в официальном ведении которого находились в то время мечети Омска, Новосибирска и Томска. Конфликт в мусульманской общине разгорелся после того, как при участии бывшего имам-хатыба Белой мечети Х. Абзалова были сфальсифицированы документы не имевшего в действительности места собрания мусульман по избранию на должность муфтия Сибири и Дальнего Востока З. Шакирзянова. На протяжении всего 1997 г. противостояние между сторонниками и противниками З. Шакирзянова не прекращалось. Дело дошло и до судебного разбирательства. Периодически конфликтующие стороны проводили собрания. В декабре противники Шакирзянова организовали собрание мусульман Томска с участием доверенных лиц из татарских деревень, муфтия Сибири Н. Аширова и его заместителя А. Ниязова. Был создан казиат (централизованная религиозная организация) Томской области, принят его устав и избран совет из представителей мусульман из татарских деревень Томского и Кривошеинского районов и г. Стрежевого. Казиат Томского района вошел в структуру ДУМАЧР, возглавляемого муфтием Н. Ашировым [Там же].

Так было положено начало разделению мусульман Томска на две структуры: община комплекса Красной мечети под руководством Н. Жумаева вошла в структуру ДУМАЧР, община Белой мечети во главе с Н. Калыкахановым – в состав ДУМ Сибири (Омского муфтията). «Когда эти мечети появлялись, у них появлялись покровители. Омский муфтият, омиичи взяли покровительство над Белой мечетью, потом начали

восстанавливать Красную мечеть немножко попозже. И там уже были другие, подключился другой муфтият. Были разные кураторы. Поэтому и появилось двоевластие» (интервью, Е.Ш.С., 21.05.2015).

Начавшись в 1997 г., конфликт между двумя имамами не затухал никогда, периодически обостряясь. «Пик этого конфликта пришелся на время, когда мэром города был Александр Макаров. Он сказал, что Томск – не место для межнациональных и межрелигиозных конфликтов. И эта ситуация была улажена. Ну а потом эта холодная война продолжалась достаточно долго, вплоть, наверное, до второго десятилетия... когда уже один назначил себя муфтием духовного управления мусульман Томской области, второго назначил Н. Аширов тоже муфтием Томской области, потом под свое крыло мечеть Красную взял фонд Ахмата Кадырова» (интервью, А.С.М., 21.07.2015).

Новый виток конфликта пришелся на 2009 г. и был связан с образованием в Томске двух самостоятельных муфтиятов. После того как в марте этого года в Томске побывал З. Шакирзянов, было заявлено о создании в регионе Духовного управления мусульман под юрисдикцией ДУМ Сибири, которое очень быстро было зарегистрировано Управлением Минюста РФ по Томской области. Красная мечеть не замедлила с ответным ходом – 6 июля глава ДУМАЧР шейх Н. Аширов подписал указ об утверждении Н. Жумаева в должности муфтия Томской области в системе ДУМАЧР [13].

Сегодня о противостоянии двух духовных лидеров в томской умме не говорит разве что только ленивый. Показательно, что оба имама дали сыновьям имена своих наставников-муфтиев. Н. Калыкаханов назвал сына Зулькарнаем в честь муфтия ДУМС З. Шакирзянова, Н. Жумаев – в честь главы ДУМАЧР Аширова – Нафигуллой (по таджикской версии этого имени – Нафиоллой). Многие связывают раскол мусульман Томска на «красных» и «белых» с тем, что оба имама так и остались чужими для коренных мусульман – томских татар: «Будь духовные лидеры из числа коренных татар... ситуация бы изменилась», – считают они [14].

По мнению других, причина конфликта кроется в стремлении сохранить власть и деньги, которые эта власть дает: «Каждый хочет быть главным, правильно? Они не хотят подчиняться одному, а они хотят быть оба главными. Потому что у каждого своя паства, у каждого свои люди, которые к ним ходят. В принципе, все это связано с финансами. Потому что, вот, ходит определенный круг людей, они их и поддерживают. И деньгами, всем. Они помогают вот этим двум муфтиям. И они не хотят, чтобы у них был общий карман. Если у них будет один хозяин, у них будет один карман, это их не устраивает. Все дело всегда в деньгах. Ищите деньги, называется» (интервью, Е.Ш.С., 21.05.2015).

Имамы томских мечетей по-разному формируют своё религиозное поле. К этому можно отнести разли-

чия в чтении проповедей. *«Имам Белой мечети, киргиз по национальности, читает проповеди на киргизском и на русском языках. Имам Красной мечети, таджик, читает лекции на русском языке. Но когда проходят праздники Курбан-байрам и Ураза-байрам, он старается читать и на татарском языке в честь уважения к татарам, все-таки татары – это коренное население Томска, и мечети эти строили татары еще в начале XX в.»* (интервью, Р.Р., 15.05.2015). Различается также и подача проповеди на службах. *«В Красной мечети проповеди намного содержательнее. В плане психологии имам Красной мечети как-то доходчивее объясняет, у него заготовлен текст, который он читает, и рассказывает он более интересно. Если в Белой мечети имам приводит примеры “не очень”, обычные, то имам Красной мечети может привести пример из своей жизни. Бывает, что он затрагивает очень хорошие примеры из жизни мусульманского мира. Обращает внимание на то, что мусульманская молодежь отходит от мусульманских взглядов, то есть ведет себя неподобающе. Рассказывает, наставляет мусульман, что нужно в мечеть ходить и молиться»* (интервью, Р.Р., 16.05.2015).

Как показали опросы прихожан, имамы стараются учитывать разные предпочтения прихожан, в том числе языковые и национальные, уделяют большое внимание молодежи, приобщению её к соблюдению мусульманских молебных обрядов. Прихожанами Белой мечети являются люди, разные по возрасту и национальности. Поскольку в Белой мечети проповеди читают на киргизском языке, сюда приходит много киргизов. В Белую мечеть в основном ходят старики, которые посещают мечеть «по традиции». Молодых очень мало. В Красную мечеть ходит больше молодежи, с ней проще говорить на разные темы (интервью, Р.Р., 16.05.2015).

Шииты-азербайджанцы и таджики ходят только в Красную мечеть. Опять же среднеазиаты, за исключением таджиков, ходят в Белую мечеть, по национальной принадлежности имамов. Татары ходят и туда, и туда, по территориальному признаку (интервью, А.С.М., 21.07.2015).

В то же время часть татар в обиде на Н. Калыкаханова за то, что *«сейчас, когда он всего добился, он татар как-то уже не сильно-то и признает. Многие татары его из-за этого недолюбливают, не хотят ходить в Белую мечеть»* (интервью, Р.Р. 16.05.2015).

Среди прихожан Белой и Красной мечетей есть и русские. По словам Н. Жумаева, в Красную мечеть «приходят русские мусульмане, армяне, алтайцы, буряты. Я вижу, что новые мусульмане лучше соблюдают предписания шариата, чем многие из этнических мусульман. Неделю назад пришла русская девушка семнадцати лет, говорит, что хочет принять ислам. Я спросил ее, почему, в чем причина предпочтения ислама. Она: мусульманское представление о Боге ближе мне, чем христианское, я хорошо обдумала свое решение. Девушка сказала слова шахады, субхан Аллах» [15].

Проведенное исследование показало, что процесс возрождения ислама и формирования религиозных общин вокруг двух мечетей в г. Томске во многом зависит от личности имамов, которые возглавляют мечети и ведут в них службу. Религиозное поле Томска делится между Красной и Белой мечетями по этнической принадлежности и преобладающим в общинах возрастным группам, что связано и с происхождением имамов. Существенное значение имеет и вхождение двух мечетей в разные исламские структуры, изначально предопределившее соперничество и противоборство между ними.

Таким образом, существующее противостояние между двумя имамами томских мечетей имеет не богословско-идеологический характер, а самым тесным образом связано с локальной политикой, с конкуренцией за различные символические и материальные ресурсы, с перераспределением капиталов, поступающих из государственных и частных источников в период восстановления мусульманских мечетей. В настоящее время накал конфликта между общинами существенно снизился, но спор между двумя имамами насчет «главности» их мечетей не разрешился. Противоречия и разногласия остались, основные группы священнослужителей сохранили свои позиции, борьба за религиозное поле продолжается.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Абдрашитов Юсуп Якубович – первый директор Областного центра татарской культуры (1994–2005).

² Калыкаханов Нурулла Турсунбаевич – имам-хатыб Белой мечети с 1996 г. Родился в 1977 г. в Ошской области Киргизской ССР. После окончания школы поступил в Бишкекский Исламский институт имени Хазрета Умара на факультет арабского языка и шариата, который закончил в 1997 г. Окончил также Сибирскую Академию государственной службы и Томский государственный педагогический университет. В 2009 г. назначен муфтием (председателем) централизованной религиозной организации «Духовное Управление мусульман г. Томска и Томской области». Награжден юбилейной медалью «400 лет г. Томску», благодарностями губернатора Томской области, почетной грамотой Государственной думы Томской области [16].

³ Баязитов Риязит Жаббарович – председатель ДУМ Сибири, академик Международной славянской академии наук, Международной академии наук о природе и обществе, Академии естественных наук. С 1993 г. возглавил религиозное объединение «Ярдям», в 1997 г. – фонд «Веротерпимость и гражданское согласие», позднее – фонд развития татарского духовного наследия «Хиляль» [17].

⁴ Жумаев (Низом) Низамуддин Ёгевич – имам-хатыб Красной мечети с 1997 г. Родился 23 января 1973 г. в колхозе Коммунизм (с. Бошкала) Кабадиянского района Хотлонской области Таджикской ССР. Основам ислама обучался с раннего детства у отца. После окончания школы в 1989 г. поступил в Исламский институт имени имама Термези в Душанбе, где учился около четырех лет. С началом в Таджикистане гражданской войны уехал в Узбекистан и восемь месяцев преподавал грамматику арабского языка в медресе «Мир Араб» в Бухаре. В Томской области проживает с 1993 г. Преподавал основы ислама и арабский язык в Белой мечети г. Томска. С 1995 г. возглавляет мусульманскую общину, сформировавшуюся при комплексе Красной мечети Томска. Совершил хадж. В 1999 г. возглавил Казыятское управление ДУМАЧР по Томской области, преобразованное в Духовное управление мусульман Томской области в составе ДУМАЧР. В 2009 г. указом главы ДУМАЧР назначен муфтием по Томской

области. Награжден медалью совета муфтиев России «За духовное единение», юбилейной медалью «400 лет городу Томску», благодарственными грамотами губернатора Томской области, главы г. Томска, Томской областной думы [18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М. : Московский центр Карнеги, 1998. 222 с.
2. Абашиин С.Н. Практическая логика ислама // Антропология социальных перемен. Исследования по социально-культурной антропологии : сб. ст. / отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 256–281.
3. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетей, 2005. 576 с.
4. Нам И.В. У мусульман // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой. М., 2000. № 33. С. 34–36.
5. Томская область: народы, культуры, конфессии: энциклопедия / отв. ред. О.М. Рындина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 382 с.
6. Белая Соборная мечеть. Томск : Д-Принт, 2014. 224 с.
7. На реконструкцию Красной Соборной мечети в Томске требуется около 100 млн рублей // Islamrf.ru : информационно-аналитический портал. URL: <http://www.islamrf.ru/news/rusnews/russia/13110>, свободный (дата обращения: 29.07.2015).
8. Фонд Ахмада Кадырова восстановит Красную мечеть в Томске // chechnyatoday.com : информационное агентство. URL: <http://chechnyatoday.com/content/view/18116>, свободный (дата обращения: 28.07.2015).
9. Открытие мечети в Томске // ludytomska.ru : новости Томска. URL: <http://ludytomska.ru/istoriya-tomska-i-tomskoy-oblasti/otkrytie-krasnoj-sobornoj-mecheti-tomsk-foto?ddos>, свободный (дата обращения: 19.07.2015).
10. Кадыров награжден орденом ДУМАЧР за помощь в восстановлении Томской Соборной мечети // Islamrf.ru : информационно-аналитический портал. URL: <http://www.islamrf.ru/news/rusnews/russia/36250>, свободный (дата обращения: 29.07.2015).
11. Мухтеев муфтий: преодоление разногласий всегда на пользу умме // islamnews.ru : информационное агентство России. URL: <http://www.islamnews.ru/news-139140.html>, свободный (дата обращения: 25.07.2015).
12. Нам И.В. Конфликт в мусульманской общине // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой. М., 1998. № 18. С. 44–45.
13. В Томске продолжается конфликт между главными городскими мечетями // Islamrf.ru : информационно-аналитический портал. URL: <http://www.islamrf.ru/news/rusnews/russia/9559>, свободный (дата обращения: 25.07.2015).
14. В Томске до сих пор идет «война» между «красными» и «белыми». История и настоящее томских мечетей // Islamrf.ru : информационно-аналитический портал. URL: <http://www.islamrf.ru/news/events/russia/1753>, свободный (дата обращения: 25.07.2015).
15. Томский муфтий: преодоление разногласий всегда на пользу умме // islamnews.ru : информационное агентство России. URL: <http://www.islamnews.ru/news-139140.html>, свободный (дата обращения: 29.07.2015).
16. Калыкаханов Нурулла Турсунбаевич // 70.mvd.ru : Управление МВД России по Томской области. URL: https://70.mvd.ru/gu_mvd/obw_sovet/Sostav_Obshhestvennogo_soveta_pri_UMVD_R/Kalikahunov_Nurulla_Tursunbaevich, свободный (дата обращения: 19.07.2015).
17. ЦРО ДУМ Сибири (Омский муфтият) // dumrf.ru : официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. URL: <http://www.dumrf.ru/common/org/7837>, свободный (дата обращения: 19.07.2015).
18. Жумаев Низом (Низамуддин) Ёгиевич // Islamrf.ru : информационно-аналитический портал. URL: <http://www.islamrf.ru/news/culture/who/21300>, свободный (дата обращения: 19.07.2015).

Smetanin Fyodor A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: f-smetanin@mail.ru

THE ROLE OF MUSLIM CLERGY IN THE FORMATION OF COMMUNITY AND TERRITORIAL RELATIONS (ON THE CASE OF TOMSK).

Keywords: religious field; Muslim community; mosque; imam; Tomsk.

The revival of Islam in Tomsk, as elsewhere in the Soviet Union, is an objectively inevitable process that began in the late 1980s. The visible signs of the religious revival were the growing number of places of worship, registered religious communities, and the formation of a network of institutions of religious education. Processes of Islamic revival following the Soviet period were largely due to the activity of Muslim religious leaders – imams, mullahs, and muftis. They helped restore prayer complexes of the city and create parishes that keep the traditions and culture of Islam. In the Tomsk region, Islam is practiced by different ethnic groups. The largest Muslim ethnic group is the Tatars (both of local and non-local origins). In addition, such peoples as the Bashkirs, Tajiks, Uzbeks, Kyrgyz, Kazakhs, Chechens and others, that have traditionally practiced Islam, live permanently in the region and Tomsk mosques are of great importance to them. The revival of Islam and the formation of religious communities in Tomsk started with the transfer of the White Mosque to the local Muslim community in 1990. The Red Mosque was transferred to the believers later, in 2002. A great part in the restoration of the mosques was played by activists of the Tatar Muslim community. The Tomsk mosque complexes belong to different Muslim organizations: The White Mosque is subject to the Muslim Administration of Muslims of Siberia, whereas the Red Mosque and the madrasa – to the Muslim Administration of Muslims of the Asian part of Russia. Since 1997, Muslims of Tomsk have been drawn into a conflict over the «spheres of influence» between the two organizations and the community got divided between the supporters of Mufti of Siberia and Far East Sheikh N. Ashirov and Mufti of Omsk Z. Shakirzyanov who pursued the position of the former. Imam of the White Mosque is Nurulla Kalykakhunov, Imam of the Red Mosque is Nizamutdin Zhumayev. Their conflict is closely connected with the local policy and competition for various symbolic and material resources, the redistribution of funds that were coming from state and private sources during the period of restoration of the mosques in Tomsk. The religious field of Tomsk is divided between the Red and the White Mosque based on ethnicity and age groups predominant in the communities and this is also related to the background of the two imams. At present, the intensity of the conflict between the communities has decreased significantly, however the dispute between the imams over which mosque is to be considered the leading one is yet to be resolved. Differences remain, the main groups of the Muslim clergy continue to stick to their stances, and so the struggle for the religious field goes on.

REFERENCES

1. Malashenko, A.V. (2011) *Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoy Rossii* [The Islamic revival in modern Russia]. Moscow: Moscow Carnegie Center.
2. Abashin, S.N. (2011) *Prakticheskaya logika islama* [The practical logic of Islam]. In: Guchinova, E. & Komarova, G. (eds) *Antropologiya sotsial'nykh peremen. Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Anthropology of social change. Research on socio-cultural anthropology]. Moscow: ROSSPEN. pp. 256–281.

3. Bourdieu, P. (2005) *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: the field and practices]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology; ST. Petersburg: Aleteyya.
4. Nam, I.V. (2000) U musul'man [Muslims]. In: Tishkov, V.A. & Filippova, E.I. (eds) *Set' etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [The network for ethnic monitoring and early warning]. 33. pp. 34-36.
5. Ryndina, O.M. (2007) *Tomskaya oblast': narody, kul'tury, konfessii* [Tomsk region: people, cultures, confessions]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Anon. (2014) *Belaya Sobornaya mechet'* [The White Mosque]. Tomsk: D-Print.
7. Islamrf.ru. (2010) *Na rekonstruktsiyu Krasnoy Sobornoj mecheti v Tomske trebuetsya okolo 100 mln rubley* [The reconstruction of the Red Mosque in Tomsk requires about 100 million rubles]. [Online] Available from: <http://www.islamrf.ru/news/rusnews/russia/13110>. (Accessed: 29th July 2015).
8. Chechnyatoday.com. (2011) *Fond Akhmada Kadyrova vosstanovit Krasnyu mechet' v Tomske* [The Akhmad Kadyrov Foundation to restore the Red Mosque in Tomsk]. [Online] Available from: <http://chechnyatoday.com/content/view/18116>. (Accessed: 28th July 2015).
9. Ludytomska.ru. (2015) *Otkrytie Krasnoy sobornoj mecheti v Tomske* [The opening of the Red Mosque in Tomsk]. [Online] Available from: <http://ludytomska.ru/istoriya-tomska-i-tomskoy-oblasti/otkrytie-krasnoj-sobornoj-mecheti-tomsk-foto?ddos>. (Accessed: 19th July 2015).
10. Islamrf.ru. (2015) *Kadyrov nagrazhden ordenom DUMACHR za pomoshch' v vosstanovlenii Tomskoy Sobornoj mecheti* [Kadyrov was awarded the Order of DUMACHR for the help in rebuilding the mosque in Tomsk]. [Online] Available from: <http://www.islamrf.ru/news/rusnews/russia/36250>. (Accessed: 29th July 2015).
11. Islamnews.ru. (2015) *Tomskiy muftiy: preodolenie raznoglasiy vsegda na pol'zu umme* [Tomsk Mufti: overcoming differences always good umma]. [Online] Available from: <http://www.islamnews.ru/news-139140.html>. (Accessed: 25th July 2015).
12. Nam, I.V. (1998) Konflikt v musul'manskoy obshchine [The conflict in the Muslim community]. In: Tishkov, V.A. & Filippova, E.I. (eds) *Set' etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [The network for ethnic monitoring and early warning]. 18. pp. 44-45.
13. Islamrf.ru. (2009) *V Tomske prodolzhaetsya konflikt mezhdru glavnymi gorodskimi mechetiyami* [the ongoing conflict between the main city mosques in Tomsk]. [Online] Available from: <http://www.islamrf.ru/news/rusnews/russia/9559>. (Accessed: 25th July 2015).
14. Islamrf.ru. (2008) *V Tomske do sikh por idet "vojna" mezhdru "krasnymi" i "belymi". Istoriya i nastoyashchee tomских mechetey* [The "war" between "The Red" and "The White". The history and present of Tomsk mosques]. [Online] Available from: <http://www.islamrf.ru/news/events/russia/1753>. (Accessed: 25th July 2015).
15. Islamnews.ru. (2015) *Tomskiy muftiy: preodolenie raznoglasiy vsegda na pol'zu umme* [Tomsk Mufti: overcoming differences always good umma]. [Online] Available from: <http://www.islamnews.ru/news-139140.html>. (Accessed: 29th July 2015).
16. The Office of Internal Affairs of Russia in the Tomsk region. (n.d.) *Kalykakhunov Nurulla Tursunbaevich*. [Online] Available from: https://70.mvd.ru/gu_mv/dobw_sovet/Sostav_Obshhestvennogo_soveta_pri_UMVD_R/Kalikahunov_Nurulla_Tursunbaevich. (Accessed: 19th July 2015).
17. The Duma of the Russian Federation. (n.d.) *TsRO DUM Sibiri (Omskiy muftiyat)* [EDC DUM Siberia (Omsk Muftiyat)]. [Online] Available from: <http://www.dumrf.ru/common/org/7837>. (Accessed: 19th July 2015).
18. Islamrf.ru. (2012) *Zhumaev Nizom (Nizamuddin) Egievich*. [Online] Available from: <http://www.islamrf.ru/news/culture/who/21300>. (Accessed: 19th July 2015).

РЕЦЕНЗИИ

УДК 070(09)+94(57)+930.2
DOI 10.17223/19988613/37/22

Н.Н. Родигина

РЕЦЕНЗИЯ : ЖИЛЯКОВА Н.В., ШЕВЦОВ В.В., ЕВДОКИМОВА Е.В. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1857–1916): СТАНОВЛЕНИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ И ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ : УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. ТОМСК : ИЗД-ВО ТОМ. УН-ТА, 2015. Т. 1. 292 с.; Т. 2 : Антология. 524 с.

Можно без всякого преувеличения утверждать, что вышедшее в Издательском Доме Томского государственного университета учебное пособие давно ожидаемо не только преподавателями и студентами, изучающими историю региональной журналистики, но и исследователями истории культуры и книжного дела Сибири, истории местной интеллигенции, краеведами-любителями. Авторы учебного пособия – авторитетные специалисты по истории сибирской периодической печати. Немаловажно, что вузовские преподаватели-практики, выбрали, на мой взгляд, очень удачный и уже апробированный в последние годы, как в отечественной, так и зарубежной историографии, ракурс – анализ зарождения и развития сибирской периодики в контексте формирования региональной идентичности. Это позволило, во-первых, продемонстрировать воздействие региональной специфики (статуса Сибири в составе Российской империи, социокультурного облика населения, областничества, политической ссылки и др.) на сибирскую журналистику; во-вторых, сконцентрировать внимание на влиянии общероссийских тенденций на развитие периодической печати Томской губернии; в-третьих, охарактеризовать томские газеты и журналы как основной институт формирования («идейного сцепления») местной интеллигенции с присущим ей региональным самосознанием. Особую ценность в этом смысле представляет первая глава пособия, посвященная взаимодействию представителей областничества с сибирскими периодическими изданиями. Нельзя не согласиться с утверждением авторов о том, что «идея областничества выполняла объединяющую роль, создавая общий контекст для диалога всех изданий Томской губернии, придавая журналистике региона своеобразный местный колорит. Областничество стало одним из системообразующих факторов, с одной стороны, обособляющих журналистику Томской губернии, с другой – придающих ей внутреннюю целостность» (С. 35). Более того, представляется возможным экстраполировать данный вывод на всю сибирскую периодику второй половины XIX – начала XX в.

В основу структуры учебного пособия положены, с одной стороны, хронологический принцип, с другой – типологические характеристики периодических изда-

ний (отдельные параграфы посвящены газетам и журналам как Томска, так и крупных городов губернии, официальным, ведомственным и частным изданиям). Такая достаточно традиционная как для исследований, так и пособий по истории периодической печати структура представляется оптимальной с точки зрения методики преподавания истории журналистики, как и наличие разделов, посвященных общей характеристике Томской губернии и ее городов (с явным и вполне оправданным акцентом на социокультурные факторы, повлиявшие на становление периодики), итогам развития журнального и газетного дела в губернии на разных этапах. Облегчают систематизацию учебного материала таблицы, хорошо обоснованные и логичные периодизации, взятые критерии сравнения особенностей функционирования периодических изданий в разных городах губернии, указатель дореволюционных периодических изданий Томской области. К числу несомненных достоинств рецензируемого текста можно отнести адресацию к работам современных исследователей, демонстрацию дискуссионных точек зрения, что позволяет читателям составить собственное мнение по спорным вопросам истории региональной журналистики и способствует формированию у студентов критического мышления и собственной исследовательской позиции.

Несмотря на то что авторы учебного пособия рассматривают историю журналистики прежде всего как историю периодических изданий, а не историю профессионального сообщества журналистов (последнее в изучаемый период находилось только на стадии своего формирования), в тексте содержится немало интересных и малоизвестных сведений о деятельности тех, кто определял образ сибирской прессы, был «властителем дум» наших земляков. Большой интерес как для профессиональных исследователей, так и для тех, кто только начинает изучение прошлого томской периодической печати, представляют материалы об обстоятельствах возникновения конкретных изданий (в том числе и малоизвестных до настоящего времени), их авторском корпусе, взаимоотношениях с цензурой, наиболее резонансных публикациях, взаимоотношениях акторов поля сибирской журналистики между собой.

В числе вопросов, нуждающихся в дополнительной исследовательской рефлексии, обращаю внимание на следующие. Во-первых, из текста пособия не очевидно, почему именно 1916 г. выбран в качестве конечного хронологического рубежа. Не 1917 г. – год двух русских революций, безусловно повлиявший на тематику, периодичность выхода, редакционный состав сибирских периодических изданий? Не 1918 г. – время прекращения деятельности многих сибирских изданий? Не оспаривая авторский выбор хронологических границ, думаю, что он нуждается в дополнительных обоснованиях. Во-вторых, было бы полезным пояснить, что именно понимается авторами под «региональным самосознанием», имея в виду многочисленные дискуссии последних лет по проблемам региональной идентичности, в том числе и «сибирской».

Второй том настоящего издания – антология, составленная по текстам газет и журналов дореволюционной Томской губернии, – дополняет и расширяет, комменти-

рует и объясняет материал, представленный в учебном пособии, и в то же время является самостоятельным изданием, имеющим собственную ценность и смысл. Многообразие жанров, тем, подходов, представленное в антологии, позволяет использовать книгу при выполнении исследовательских работ, задействовать в учебном процессе в семинарских и практических занятиях. Представляется важным включение в антологию не только статей ведущих органов печати, но и малоизвестных, специализированных, поскольку они расширяют представление о возможностях и потенциале сибирской журналистики в дореволюционный период.

Итак, сибирскими историками периодической печати создано современное, информативное и продуманное с дидактической точки зрения учебное пособие, представляющее интерес для всех, кто изучает историю Сибири, прошлое отечественной журналистики, историю русской культуры и литературы второй половины XIX – начала XX в.

Rodigina Nataliya N. Tobolsk complex scientific station of the Ural Branch of RAS (Tobolsk, Russian Federation); Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: natrodigina@list.ru

REVIEW: ZHILYAKOVA N.V., SHEVTSOV V.V., EVDOKIMOVA E.V. THE PERIODICAL PRESS IN TOMSKAYA GUBERNIYA (1857–1916): FORMATION OF JOURNALISM AND THE REGIONAL IDENTITY. TOMSK: TOMSK UNIVERSITY PRESS, 2015. VOL. I. 292 p.; VOL. II. 524 p.

УДК 930.1 + 330.322
DOI 10.17223/19988613/37/23

Е.В. Лазарева

**РЕЦЕНЗИЯ : ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РОССИИ : УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ
БАКАЛАВРОВ / ПОД РЕД. А.А. ЧЕРНОБАЕВА. М. : ЮРАЙТ, 2014. 552 с.**

Историография, как специальная отрасль исторического знания, является важной составной частью исторической науки. Создание историографических работ обобщающего характера сопряжено с целым рядом трудностей. Во-первых, проведение историографического исследования предполагает изучение как процесса накопления исторических знаний, так и эволюции исторической мысли и концептуальных подходов. Во-вторых, необходим анализ таких условий создания исторических трудов, как влияние идейно-политических установок и форм организации научных исследований. Только на этой основе возможны решение задач установления закономерностей историко-познавательного процесса в нашей стране, определение источниковой базы, теоретических основ и методологических принципов исторического познания.

Характеризуя эволюцию исторических знаний, отметим, что и дореволюционная, а в еще большей степени советская и современная российская историческая наука оказались зависимы от идеологического и политического влияния, что отразилось на научной ценности имеющихся работ. По этой причине многие важные исторические темы и сюжеты оказались либо мало исследованы, либо искажены, либо вообще не изучались. Ситуация изменилась, когда в первой половине 1990-х гг., в условиях «кризиса теории и методологии» [1. С. 52], начались поиск новых историко-методологических концепций объяснения прошлого, формирование междисциплинарных подходов и новой структуры самой исторической науки. В результате «методологической революции» 1990-х гг. марксистский подход трансформировался в неомарксистский, или материалистический, который утратил свои позиции единственного и «универсального», наряду с ним стали применяться либеральная, модернизационная (индустриальная), цивилизационная (социокультурная), религиозно-национальная и другие концепции, а также миросистемный анализ, теория диффузии, теория тоталитаризма и другие объяснения российской истории.

К написанию обобщающих работ по историографии видные отечественные ученые приступили после того, как был создан целый комплекс исследований широкого проблемного поля с позиций различных методологических подходов. Важной задачей авторов являлся научный анализ развития исторической науки в досоветский, советский и, впервые, в современный период. Закономерно, что такая литература начала издаваться

только в 2000-е гг. [2]. Отметим, что эти труды стали результатом совместного труда историографов ведущих образовательных и научных российских учреждений [3].

Рецензируемое издание создано крупными российскими историографами: А.А. Чернобаевым (Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), А.Е. Шикло (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), Н.М. Рогожиным (Институт Российской истории РАН), А.В. Бондаренко (редакция журнала «Исторический архив») и В.Д. Камыниным (Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина). Участие регионального ученого в составе авторского коллектива, на наш взгляд, является признанием заслуг «уральской историографической научной школы» на центральном уровне. Данный труд серьезно отличается от других обобщающих работ по историографии российской истории, имеющихся в настоящее время.

Несомненной заслугой ученых является подробное рассмотрение теоретических и методологических проблем истории отечественной исторической науки. Базируясь на новейших научных достижениях, А.А. Чернобаев и В.Д. Камынин дали обзор этапов эволюции исторической науки в нашей стране. Существенным вкладом авторов, по нашему мнению, является освещение такой дискуссионной проблемы, как критерии и виды периодизации российской историографии [4. С. 21–23]. Исследователи продемонстрировали, как принципы периодизации влияют на обоснование и характеристику этапов развития науки. Отличительной особенностью рецензируемой работы стало не только разделение советской историографии на периоды, имеющие отличия по многим признакам, но и выделение нескольких «ступеней» современной историографии, насчитывающей всего около четверти века.

Важное место в работе уделено раскрытию таких полемичных вопросов, как влияние на развитие историографии политики и общества. Авторы подчеркивают, что в СССР сложились условия идеологического давления партийно-политической элиты на науку. В результате, как показано в работе, от историков требовали неукоснительно следовать принципу коммунистической партийности, что повлекло за собой появление в историографии ненаучных явлений, таких как догматизм, субъективизм, конъюнктурщина, нетерпимость ко всякому инакомыслию, игнорирование опыта, накопленного мировой исторической наукой [Там же.

С. 17]. Кроме того, отмечено, что взаимосвязь науки и политики проявляется в том, что на каждом этапе развития общества происходит интенсивное обновление исторического знания, поскольку каждое поколение создает заново свое представление о прошлом. Однако, по мнению авторов учебного пособия, сами исторические знания тоже формируют представления в обществе [4. С. 18], оказывая влияние на массовое сознание и содержание публикаций.

Особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживает выделение авторами проблемной историографии в самостоятельный жанр историографических исследований. Для всех периодов развития исторической науки характерно издание трудов, неравноценных по своей научной значимости, что во многом было обусловлено не только концептуальными подходами и методологией, но и проблемным полем исследований.

Современный этап отличает то, что в научный оборот был введен целый комплекс недоступных ранее исторических источников, сняты тематические ограничения и активно заполняются «белые пятна». Тем не менее среди публикаций настоящего времени есть новаторские и дискуссионные, многим из них присущи системность и научная объективность, а есть те, которые по содержанию не вышли за рамки литературы, написанной с традиционных позиций. В этой связи очень важно присутствие указания в учебнике на то, что при формировании в бакалаврских и магистрских сочинениях и диссертациях историографического обзора необходимо руководствоваться принципом ценностного подхода. Именно он, как считают ученые, позволяет выделить в предшествующей историографии именно те работы по изучаемой проблеме, которые имеют значение для современного этапа развития научных знаний [Там же. С. 16].

Большой интерес представляет позиция ученых по таким вопросам, как предмет, методика и методология современных историографических исследований. Авторы защищают свое понимание историографии как истории исторической науки. В работе подчеркивается, что методологическая система оказывает серьезное влияние на выбор научных принципов и методов исследования [Там же. С. 24]. Кроме того, в главе 1 раскрыты особенности мировой историографии истории России и восприятие историографии современным профессиональным научным сообществом.

Следующим важным отличием рецензируемого труда является то, что при его создании реализованы главные научные парадигмы, применяемые в отечественных историографических исследованиях. Концептуальной основой 3-й и 8-й глав, написанных Н.М. Рогожиным и А.А. Чернобаевым, стал антропологический подход к анализу научной деятельности отдельных исследователей и, как производное, исторического сообщества в целом. Данные разделы посвящены исследованию формирования исторических знаний в нашей стране, их формам и организации, оценке ран-

них исторических сочинений, проблеме зарождения критики источников. Однако основное внимание авторы уделили раскрытию творческого наследия выдающихся отечественных ученых: В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзина, М.П. Погодина, Т.Н. Грановского, Н.И. Костомарова, Н.Я. Данилевского, С.М. Соловьева, П.М. Леонтьева и др.

Проблемно-хронологический принцип систематизации материала позволил авторскому коллективу осветить научную деятельность плеяды блистательных творцов исторического знания конца XIX – первой половины XX в., таких как В.О. Ключевский, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Платонов, М.М. Богословский, Н.П. Павлов-Сильванский, М.Н. Покровский, П.Б. Струве, С.К. Богоявленский, Ю.В. Готье и многих других. С новых методологических позиций проведен анализ научного наследия крупных историков советского периода середины – второй половины XX в.: Е.В. Тарле, Б.Д. Грекова, Д.С. Лихачева, А.Л. Нарочницкого, Б.А. Рыбакова, Б.Б. Пиотровского, А.А. Зимины, К.Н. Тарновского, П.В. Волобуева, И.Д. Ковальченко, В.И. Бовыкина, Н.Н. Болховитинова и др. Наряду с этим значительное внимание авторами уделено вопросам специфики методологических подходов на том или ином этапе, организации научных исследований и собственно проблемной историографии. Несомненную ценность представляет наличие в конце каждого раздела объемного списка историографических источников по проблеме и важнейшей, включая современную, историографической литературы.

Интересен подход авторов к периодизации советской исторической науки. Обратим внимание, что В.Д. Камынин и А.А. Чернобаев не применяют термин «советская историография», поскольку внутри этой эпохи они, помимо трудов историков-марксистов, наблюдают работы представителей «старой школы», «мелкобуржуазных историков», «объективистов», «инакомыслящих», «эмигрантских», «нового направления». Авторы подчеркивают, что полная картина развития русской историографии включает творческое наследие ученых всех школ и направлений отечественной исторической мысли.

Отметим, что в дореволюционных сочинениях были представлены разнообразные идейно-политические взгляды и методологические подходы. Исследователи выступали с позиций легального марксизма и революционной социал-демократии, либерального, либерально-демократического и консервативного направлений. Именно от убеждений авторов чаще всего и зависели трактовки и интерпретации различных исторических событий.

Обстоятельный анализ развития научных исследований в XX в. позволяет сделать вывод о том, что изучение исторической проблематики осуществлялось в русле происходивших в нашей стране экономических и социально-политических процессов. При этом интенсивность и политическая направленность работ и до

настоящего времени в значительной мере зависит от господствующих идеологических установок и общественных настроений своей эпохи.

С нашей точки зрения, особым качественным периодом в отечественной исторической науке стало время 1920–1980-х гг., связанное с теми коренными изменениями, которые коснулись всех сфер, влияющих на состояние общественной мысли в стране в целом и исторической науки в частности.

Знаковой особенностью 1920-х гг. являлись научные дискуссии, в ходе которых происходило столкновение порой диаметрально противоположных мнений, прежде всего по экономической проблематике, в связи с начавшимся изучением первым поколением советских историков вопросов монополизации российского народного хозяйства. На рубеже 1920–1930-х гг. основным вектором развития исторической науки в СССР стал переход взглядов и подходов от плюрализма, характерного для предшествующего периода, к методологическому монополизму, основанному на господстве марксистско-ленинской идеологии. Государственная власть в это время взяла курс на целенаправленное вытеснение инакомыслия из общественных наук.

Вследствие этого период 1930-х гг. занимает особое место в отечественной истории. Идеино-политические и экономические трансформации, проводимые властью в это время, самым непосредственным образом отразились на состоянии исторической науки. Именно к началу 1930-х гг. руководством страны история стала рассматриваться как инструмент, выполняющий определенные идеологические функции. С этой целью государство осуществило комплексные преобразования в области организации исторических исследований, насаждения «партийной» методологии, введения цензуры, нейтрализации инакомыслящих ученых.

Утверждение сталинизма оказало самое непосредственное влияние на организацию и структуру исторических исследований. Проявилось это, прежде всего, в реформировании исследовательских учреждений и публикаторской деятельности. К началу 1930-х гг. завершились «реорганизация» научных обществ и установление «новых исследовательских принципов».

Во многом закономерно, что отличительным признаком публикаций той эпохи стала обязательность партийной цензуры. Уже с 1929 г. в СССР действовала многоступенчатая система тотального контроля, включавшая в себя: авторскую, редакторскую, главлитовскую, карательную (ОГПУ, НКВД) и идеологическую (осуществляемую партийным руководством страны) цензуру. Проводилась она по определенному шаблону и охватывала всю историческую литературу, распространяясь на истпартовские, истпрофовские, истмолловские, краеведческие издания, сборники документов, воспоминаний и т.д.

Анализируя проблему влияния сталинизма на историческую науку, отметим, что в 1930-е гг. она развивалась в условиях жесточайшего идеологического давле-

ния, целью которого, с одной стороны, было вытеснение из научных учреждений специалистов «старой школы», с другой – формирование научных кадров, готовых в своих исторических произведениях проводить линию правящей партии. В результате центральная власть воспитала генерацию исследователей, которая отличалась целым набором новых качеств, характеризующих советскую историческую науку в целом. Одновременно проводились реформирование исследовательских учреждений и утверждение принципа партийности. В течение 1930-х гг. четко прослеживаются три этапа наступления на историков со стороны государства, каждый из которых отличался своими методами преследования инакомыслящих начиная с осуждения содержания их работ и заканчивая репрессиями ученых.

Оценивая состояние исторической науки в 1930-х гг., согласимся с мнением авторов рецензируемого учебного пособия о том, что данный период стал одним из самых трагических в отечественной истории. Особенности развития исторической мысли 1930-х гг. отчетливо видны на фоне 1920-х и 1960-х гг., когда наука не испытывала столь жесткого идейно-политического прессинга. Прямое государственное вмешательство в 1930-е гг. обусловило прекращение научных дискуссий, деформацию источниковой базы, проведение «кадровых чисток», сокращение проблемного поля исследований, установление единой методологии, партийной цензуры и организационной структуры.

Представляется необходимым подчеркнуть, что в эпоху сталинизма 1930-х – первой половины 1950-х гг. научная разработка значительной части важных проблем отечественной истории была практически прекращена. Поскольку трактовка многих исторических проблем получила закрепление в изданном в 1938 г. «Кратком курсе истории ВКП(б)», она стал единственной и непререкаемой до второй половины 1950-х гг. Поэтому в рамках официальной догмы научная разработка значительной части исторических сюжетов и аспектов либо была искажена и доведена до «мифологизации», либо опасно приблизилась к статусу «белых пятен».

Ситуация улучшилась в конце 1950-х гг. в связи с социально-политическими изменениями, получившими в литературе название «хрущевской оттепели». Во многом знаковым событием стало возобновление научных дискуссий. После XX съезда КПСС (1956 г.) советскими исследователями с особой остротой обсуждался круг вопросов социально-экономической проблематики. В работах ученых конца 1950-х – начала 1970-х гг. наблюдалась тенденция к переосмыслению некоторых событий, попытки комплексного подхода к анализу исторического процесса и, одновременно, к обновлению ленинской концепции общественного развития.

Интересно, что во второй половине 1980-х гг. – в период «перестройки», когда наступил своеобразный исследовательский «бум» в изучении отечественной истории, он коснулся, главным образом, социально-

политической тематики и значительно слабее отразился на проблемах экономического развития страны, по которым в это время продолжало сокращаться количество работ. К тому же имели место такие негативные факторы, как догматичность и идеологическая предопределенность, свидетельствующие о значительных искажениях, характерных для развития исторической науки в предыдущий период, что в значительной мере и обусловило ее методологический кризис.

Важно отметить, что для современного периода характерны значительное расширение источниковой базы и заметное изменение проблематики исследований вследствие актуализации многих проблем отечественной истории, которые стали объектом многоконцептуального рассмотрения в результате «методологической революции» 1990-х гг. В этой связи следует подчеркнуть, что и в настоящее время выбор точки зрения определяется идейно-политическими взглядами ученого, что влияет на оценку исследуемых явлений и процессов. При этом на сегодняшний день имеется значительное количество нерешенных и дискуссионных вопросов. Причинами этого, по всей видимости, являются неполнота источниковой базы, одностороннее освещение, изменение тематической направленности исторических изысканий и другие факторы.

По нашему мнению, исключительную ценность в рецензируемом учебном пособии представляет глава, посвященная развитию отечественной исторической науки в конце XX – начале XXI в. Ее авторы отошли от традиционной периодизации, от названия современного периода как «постсоветского» и, обозначив качественное различие отдельных этапов историографического процесса, установили преемственность развития исторической науки настоящего времени. Во многом такой подход при написании учебного пособия объясняется тем, что в нашей исторической науке уже утвердилась периодизация современного этапа, которую В.Д. Камынин разработал в начале 2000-х гг., проанализировав ее причины и выделив критерии [5].

Кроме того, к достоинствам историографического труда следует отнести и то, что большое место в учебнике уделено применению биографического метода. Читатели данной работы могут познакомиться не только с концепцией того или иного ученого, но и с его биографией. Авторы убеждены, что жизненный и творческий пути российских ученых очень тесно связаны между собой.

В заключении хочется резюмировать, что рецензируемая работа представляет собой уникальное издание, в котором всесторонне рассмотрены все основные периоды, подходы, проблемы и персоналии, характеризующие становление и развитие российской исторической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Логунов А.П.* Отечественная историографическая культура: современное состояние и тенденции трансформации // *Образы историографии.* М., 2001.
2. *Историография истории России до 1917 г.* : учеб. пособие / под ред. М.Ю. Лачаевой : в 2 т. М., 2003.
3. *Наумова Г.Р., Шикло А.Е.* Историография истории России : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2008.
4. *Историография истории России* : учеб. пособие для бакалавров / под ред. А.А. Чернобаева. М., 2014.
5. *Заболотный Е.Б., Камынин В.Д.* Историческая наука России в конце XX – начале XXI века : учеб. пособие. Тюмень, 2004.

Lazareva Elena V. Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: levburo@mail.ru

REVIEW TUTORIAL: HISTORIOGRAPHY OF THE HISTORY OF RUSSIA: TEXTBOOK FOR BACHELORS / ED. A.A. CHERNOBAEV. M. : PUBLISHING YURAYT, 2014. 552 p.

Keywords: historiography; the history of Russia.

REFERENCES

1. Logunov, A.P. (2001) Otechestvennaya istoriograficheskaya kul'tura: sovremennoe sostoyanie i tendentsii transformatsii [Domestic historiographical culture: the current status and trends of the transformation]. In: Logunov, A.P. (ed.) *Obrazy istoriografii* [Images of historiography]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
2. Lachaeva, M.Yu. (2003) *Istoriografiya istorii Rossii do 1917 g.* [Historiography of Russian history to 1917]. Moscow: Vldos.
3. Naumova, G.R. & Shiklo, A.E. (2008) *Istoriografiya istorii Rossii* [The historiography of the Russian history]. Moscow: Akademia.
4. Chernobaev, A.A. (ed.) (2014) *Istoriografiya istorii Rossii* [The historiography of the Russian history]. Moscow: Yurait.
5. Zabolotnyy, E.B. & Kamynin, V.D. (2004) *Istoricheskaya nauka Rossii v kontse XX – nachale XXI veka* [History in Russia in the late 20th – early 21st centuries]. Tyumen: Tyumen State University.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЕНКО Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана и права Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан). E-mail: alalexeenko@mail.ru

АЛИШИНА Галина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета, старший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: galinaalishina@gmail.com

БЛЯХЕР Леонид Ефимович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). E-mail: leonid743342@mail.ru

ГРИГОРИЧЕВ Константин Вадимович, доктор социологических наук, начальник научно-исследовательской части Иркутского государственного университета. E-mail: kvg@isu.ru

ГУЗЕЙ Яна Сергеевна, кандидат исторических наук, магистр истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета. E-mail: guzeiana@mail.ru

ГУЛИНА Ольга Рифмировна, кандидат юридических наук, доцент (Россия); доктор права (Потсдам, Германия), директор и сооснователь Института миграционной политики (Берлин, Германия). E-mail: contact@rusmpi.org

ДЕМИНЦЕВА Екатерина Борисовна, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского университета Высшей школы экономики, преподаватель Школы культурологии НИУ ВШЭ (г. Москва). E-mail: katia-d@yandex.ru

ДЖАНЫЗАКОВА Сеиль Давлетовна, студентка 4-го курса исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: seil170593@mail.ru

ДЯТЛОВ Виктор Иннокентьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета. E-mail: vikdyatlov@yandex.ru

ИВАНОВ Сергей Александрович, научный сотрудник отдела международных отношений и проблем безопасности Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: 02isa02@mail.ru

КАРАГЕОРГИЙ Елена Михайловна, младший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: karageorgiy-elena@ya.ru

КУЗНЕЦОВА Анастасия Сергеевна, студентка 4-го курса исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: any_kuznetsova@mail.ru

ЛАЗАРЕВА Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). E-mail: levburo@mail.ru

ЛУКЬЯНОВА Екатерина Олеговна, студентка 4-го курса исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: lukyanova_kate@mail.ru

НАМ Ираида (Ирина) Владимировна, доктор исторических наук, профессор исторического факультета, заведующая лабораторией социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: namirina@bk.ru

ПЕШКОВ Иван Олегович, кандидат экономических наук, доцент факультета истории в Университете им. Адама Мицкевича в Познани (Польша). E-mail: i.peshkov@wp.pl

РОДИГИНА Наталья Николаевна, доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения РАН, профессор кафедры отечественной истории Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: natrodigina@list.ru

САДЫРИН Антон Алексеевич, студент 4-го курса исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: realstar94@sibmail.com

СМЕТАНИН Федор Анатольевич, студент 4-го курса исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: f-smetanin@mail.ru

СТРАКЕВИЧ Анастасия Алексеевна, студентка 4-го курса исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: lowenzahnwein@rambler.ru

ТИМОШКИН Дмитрий Олегович, сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета. E-mail: dmttim@gmail.com

ТРУБИНА Елена Германовна, доктор философских наук, профессор Департамента философии Института социально-политических наук Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). E-mail: elena.trubina@gmail.com

ФЕДОСОВ Егор Андреевич, аспирант исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: karamba243@yandex.ru

ХИЗАТ Акерке, магистрант исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: akerke_004@mail.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

2015. № 5 (37)

Редактор К.В. Полькина
Оригинал-макет А.Н. Воробьевой
Редактор-переводчик Н.А. Глущенко
Дизайн обложки Яна Якобсона
(проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано к печати 14.10.2015 г. Формат 60х84^{1/8}.

Гарнитура Times.

Печ. л. 18,5; усл. печ. л. 17,2.

Тираж 60 экз. Заказ № 1339.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28